

CESTY
K NÁRODNÍMU
OBROZENÍ:
BĚLORUSKÝ
A ČESKÝ MODEL

**CESTY
K NÁRODNÍMU
OBROZENÍ:
BĚLORUSKÝ
A ČESKÝ MODEL**

Sborník příspěvků z konference
konané 4. – 6. 7. 2006 v Praze

Projekt byl podpořen
z prostředků Ministerstva zahraničních věcí České republiky
v rámci Programu transformační spolupráce ČR

OBSAH

<i>Prof. PhDr. Jan Sokol, CSc.</i> Úvodní slovo	9
<i>Prof. PhDr. Miroslav Hroch, DrSc.</i> Národ jako produkt sociální komunikace?	11
<i>Prof. PhDr. Jan Rychlík, DrSc.</i> Formování „národního příběhu“ jako podstaty národní ideje a národní ideologie	29
<i>Doc. Pavel Tereshkovich, CSc.</i> Bělorusové v kontextu národního obrození národů západního pohraničí Ruského impéria na rozhraní 19. a 20. století	41
<i>PhDr. Miloš Řezník, PhD.</i> Historická státnost a národní hnutí: česko-běloruské srovnání	61
<i>Prof. Ryszard Radzik, PhD.</i> Běloruský a český národotvorný proces v 19. století (do roku 1914): shody a rozdíly	74
<i>Doc. PhDr. Milan Hlavačka, CSc.</i> Návrh koncepce českých dějin předbřeznové doby (1790–1848)	97
<i>Prof. Alexandr Smolianchuk, DrSc.</i> Běloruská národní idea na počátku 20. století	103
<i>Doc. Sergej Tokť, CSc.</i> Sociálně kulturní podmínky rozvoje běloruského národního hnutí v 19. – začátku 20. st.	122
<i>Doc. PhDr. Luboš Švec, CSc.</i> Rusifikace a formování národní identity na teritoriu Velkoknížectví Litevského v 2. polovině 19. století	135
<i>Oleg Łatyszzonek, PhD.</i> Od historie Velkoknížectví litevského k dějinám Běloruska	150
<i>Henadz Sahanovich, CSc.</i> Zápas za běloruskou minulost a problém běloruské identity ...	173
<i>Doc. Andrej Kishtymov, CSc.</i> Vliv procesů modernizace na rozvoj běloruského národního hnutí (19. – začátek 20. st.)	188

<i>Mgr. Elena Temper</i>	
Modely formování národa v Bělorusku po roce 1990	212
<i>Mgr. Miroslav Kouba</i>	
Bělorusko – Morava – Makedonie: konvergence a divergence obrozeneckého procesu	225
<i>Doc. Sergej Zaprudskij, CSc.</i>	
Běloruský a český jazykový purismus: obecné a specifické rysy	239
<i>Doc. Irina Bogdanovich, CSc.</i>	
Motivy národního obrození v běloruské a české poezii konce 19. a začátku 20. století	260
<i>Dr. phil. Markus Giger</i>	
Jazyk jako symbol a rituál: otázka funkčních domén běloruštiny	284

MATERIÁLY

<i>Michas Skobla</i>	
Larysa Henijušová a ideály české nezávislosti: „V Čechách jsem se setkala se svobodou a demokracií“	312
<i>Jaroslav Shimov, CSc.</i>	
Bělorusko a Slovensko: formování národů ve stínu mocných sousedů	327
<i>Yazep Yanushkevich, CSc.</i>	
„Češi národ ušlechtilý, národ s historickým vědomím...“	342
<i>Michal Plavec</i>	
Opatrné přešlapování: první kontakty československé a běloruské vlády 1918–1925	361
<i>Prof. Nikolaj Iwanow, PhD.</i>	
Idea nezávislosti Běloruska v pracích Tomáše Hryba	373
<i>Prof. Eugeniusz Mironowicz, PhD.</i>	
Podmínky vývoje běloruského a českého národního hnutí na počátku 20. století	385
<i>Prof. Zakhar Shibeko, DrSc.</i>	
Běloruský nacionální komunismus	398

SLOVO EDITORA

Alena Ivanova

V běloruské společnosti, dlouho cíleně rusifikované, tak jako mezi jejími intelektuálními i politickými elitami chybí přesnější pochopení povahy procesů národního sebeuvědomění, jak probíhaly jinde v Evropě v 19. a 20. století. V současné politické situaci je zvláště významné jasnější vnímání vztahu mezi národním a občanským sebeuvědoměním, mezi národním a demokratickým hnutím. Česká zkušenost národního a politického sebeuvědomění se tu přímo nabízí pro vědecké porovnání s bezprostředními kulturními i politickými důsledky.

Tendence oddělovat snahy o národní a občanské uvědomění, o národní samostatnost a občanské svobody, nebo je dokonce stavět proti sobě, jsou v Bělorusku podobné, jako byly i jinde, je však krajně důležité, podrobit je srovnávací vědecké analýze. Podobné porovnání je nezbytné pro celkové chápání zákonitostí dějového procesu a zároveň velice důležité z hlediska porozumění tendencí historického vývoje především běloruské společnosti a v ní se odehrávajících historických procesů od minulosti do dnešní doby.

Velký význam konference pro Bělorusko a Českou republiku spočívá v možnosti rozboru a srovnání historické zkušenosti obou zemí a porovnání dvou zcela protikladných typů formování národů: formování českého národa jako modelu úspěšného národního hnutí, které začalo poměrně brzy a dosáhlo široké mobilizace masové a širokého ohlasu a na druhé straně běloruského modelu národního hnutí, které zůstalo nedokončeno a nachází se na opačném pólu historického procesu formování moderních národů.

Zvláště významná je v dnešní době také otázka místa běloruštiny jako důležitého prvku národní identity země, která se po staletí nachází na místě střetávání vlivu Ruska a Západu.

Mezinárodní vědecká konference, na které byly předneseny ve sborníku uvedené příspěvky, se konala 4.-6. července 2006 v Praze na Fakultě humanitních studií Univerzity Karlovy ve spolupráci s Ústavem slavistických a východoevropských studií Filozofické fakulty Karlovy univerzity. Projekt se uskutečnil díky podpoře Ministerstva zahraničních věcí České republiky.

Bělorusko-česká konference, věnovaná problémům národního a kulturního obrození běloruského a českého národa, přispěla ve značné míře nejenom k výzkumu dějin národního rozvoje národů Evropy, ale pomohla zároveň k určení perspektiv cest dalšího historického vývoje Běloruska. Důležitým prvkem konference bylo porovnání běloruské a české společnosti a toho, co je spojuje (např. význam jazyka, historického vědomí atd.), což znamená, že jako oblast zkoumání se srovnávala nejen sféra sociálně politická, ale i oblast kultury.

Hlavní pozornost se soustředila na následující témata:

a) porovnání a analýza procesů národního a občanského sebeuvědomění v Bělorusku a v Čechách (zejména role sousedních národů – Poláků, Němců, Rusů a jiných – v procesu národně kulturního obrození Čechů a Bělorusů a běloruská jazyková situace a otázka perspektivy běloruštiny);

b) možnosti formování občanské společnosti a transformace Běloruska v nezávislý a demokratický stát (šíření problematiky obrození a transformace běloruské společnosti projednávané v rámci vědecké konference, která má širší mezinárodní význam);

c) seznámení běloruské vědecké obce a skrze ní i ostatní společnosti s možnostmi národního obrození (otevřená vědecká diskuse o aktuálních problémech historického vývoje a o možnostech transformace společnosti, rozpracování perspektivních směrů ve společném vědeckém bádání v dané oblasti, aktivizace a navazování nových vědeckých kontaktů a zároveň zapojování nových specialistů do dané oblasti vědeckého bádání, seznámení a zpřístupnění nejnovějších vědeckých studií vztahujících se k dané problematice akademické obci a širší studentské veřejnosti);

d) rozbor a porovnání historických příčin existující politické situace a stanovení perspektiv možného dalšího vývoje politické a jazykové situace v Bělorusku.

Celkový přínos konference spočívá v rozpracování pro dnešní Bělorusko tak aktuální problematiky, jako jsou procesy vytváření národní státnosti, příčiny aktivizace národních procesů, národní ideologie a hledání národní ideje.

ÚVODNÍ SLOVO

Prof. PhDr. Jan Sokol, CSc. (Univerzita Karlova, Praha)

Vážení kolegové, vážení hosté,

vítám vás srdečně na zahájení česko-běloruské konference „Cesty k národnímu obrození“, zvláště vítám vzácné hosty ze zahraničí a děkuji všem, že přijali naše pozvání.

V následujících dnech uslyšíme řadu příspěvků předních odborníků – historiků, lingvistů i literárních vědců – na téma, které nás zajímá nejen z těchto čistě odborných hledisek. Zatímco české národní obrození je minulostí, pro naše běloruské přátele je to i aktuální otázka přítomné doby. Průběh konstituce našich obou národů v moderním slova smyslu nelze proto úplně porovnávat: české národní obrození a uvědomování probíhalo za jiných společenských podmínek a zejména v úplně jiném dobovém kontextu. To je to, co činí naše téma tak zajímavým a aktuálním.

Zatímco v preromantické a romantické reakci na osvícenský racionalismus josefinské doby, v podmínkách postupně se liberalizujícího a modernizujícího Rakouska, stála aspoň v prvním období přirozeně na prvním místě otázka národní historie, kultury a jazyka, který nebyl pro naše německy mluvící sousedy vůbec srozumitelný, měli Bělorusové podmínky daleko méně příznivé. Proces národního uvědomování tam mohl začít až o sto let později, znovu a znovu přerušován obdobiami národního i politického útisku a strašným zpustošením obou válek. Jazyková blízkost běloruštiny k ruštině i nedostatečná kodifikace běloruského jazyka přitom nevytvářela v každodenním životě tak jasnou komunikační hranici, jako tomu bylo v Čechách.

A přitom se i zde už koncem 19. století ozývaly i z českého prostředí kritické hlasy, které připomínaly obrovský rozsah problémů, před něž by byl politicky samostatný národ postaven, i zřejmě praktické nevýhody malého jazykového prostředí, zejména pro vzdělanost, kulturu a vědu. Nicméně vypjaté národní hnutí, v té době už s velmi širokou základnou, se nenechalo zabrzdit a nečekaně rychlé nabytí státní suverenity po První světové válce pokládalo za téměř zázračné potvrzení svých snah. Z této sváteční

nálady se však musela mladá – a vcelku velmi úspěšná – republika brzy probudit pod tlakem problémů hospodářských a zejména ovšem národnostních. Ty se nástupem nacistické propagandy dále vyostřily a na válečnou persekuci odpověděla poválečná republika násilným vysídlením.

O tom všem se dozvíme víc z úst povolanějších odborníků. Smím-li však na závěr dodat ještě pár slov z hlediska českého občana a Evropana, rád bych připomněl, že historické procesy, jako bylo právě české národní obrození, se sotva mohou opakovat. Obzor našich předků, kterým stačilo vyrovnávat se s jedním mocným a vyspělým sousedem, nám dnes nutně připadá příliš úzký. Jakkoli hledíme s úctou na to, co právě díky tomuto soupeření dokázali, jakkoli z jejich úsilí dodnes žijeme, žijeme už v jiném světě. Nejenom Češi, Slováci a Bělorusové, ale i jejich někdejší soupeři už nejsou „světovými mocnostmi“, svrchovanými hráči na stále víc propojeném kolbišti světa, ale musí čelit výzvám „mondializace“, a to jak v podobě rostoucí mobility, politického a kulturního „stýkání a potýkání“, tak hospodářského soupeření a ovšem i mocenských napětí a konfliktů. I ty největší a nejvyspělejší evropské národy musí hledat formy spolupráce a o své sousedy se spíš opírat, než prostě zápasit o své pascalovské „místo na slunci“. Světové procesy nás tak chtě nechtě staví spíš vedle sebe než proti sobě navzájem. A ve hře je při dnešních technických možnostech pochopitelně stále víc.

Běloruskému národu bych rád ze srdce popřál, aby se jeho samostatný stát dále rozvíjel k občanské svobodě a demokracii, k prospěchu všech jeho občanů i celé Evropy. Jeho vzdělaným vrstvám, které dnes musí hledět hlavně dopředu a hledat pro svůj národ a stát cesty do budoucna, bych rád vyslovil obdiv za jejich oddanost tomuto úkolu a zároveň připomněl jejich historickou odpovědnost, která neplyne z ničeho jiného než právě z jejich schopností. Nejsou to jen osudy našich národů, ale celé Evropy, které stále víc závisí na naší prozíravosti a rozvážné odvaze, staré aristotelské *FRONĚSIS*. Na druhé straně snad můžeme dnes doufat, že dospějeme do stavu, kdy skutečný úspěch každého z nás nebude důvodem k závisti, ale úspěchem všech ostatních.

Rád bych ještě poděkoval těm, kdo se o uspořádání konference zasloužili, a přeji všem hodně poučení a příležitostí k přemýšlení i k diskusi.

NÁROD JAKO PRODUKT SOCIÁLNÍ KOMUNIKACE?

Príspevek ke komparaci českého a běloruského „modelu“

Prof. PhDr. Miroslav Hroch, DrSc.

(Univerzita Karlova, Praha)

Srovnáváme-li národotvorné procesy v českých zemích a Bělorusku, musíme se vyvarovat povrchní synchronní komparace. Nepotřebujeme zajisté vynakládat příliš mnoho námahy k tomu, abychom dokázali, že v období kolem roku 1900, tedy v době, kdy se začala formovat běloruská „fáze B“, byl český národní život výrazně vyspělejší, že český národ byl již plně zformovanou pospolitostí s vlastními akademickými elitami, buržoazií atd., což všechno v běloruském případě chybělo. Takové konstatování sice nemůže nikdo zpochybnit, ale jeho vypovídací schopnost pro výklad příčin a souvislostí, zejména pro výklad běloruského hnutí, bude velmi nízká.

Jde-li nám o komparaci, která by skutečně něco přinesla, je třeba zvolit jiný časový rozměr a porovnávat oba procesy nikoli podle synchronní absolutní chronologie, nýbrž podle shody analogických situací. V naše případě takovou analogickou situací je období, kdy začínala národní agitace, tedy období přechodu od učeneckého a romantizujícího zájmu charakteristického pro „fázi A“ k národně angažované „fázi B“. Jen na základě takovéto volby časové osy se můžeme pokusit zodpovědět otázku, proč vlastně se jistá skupina lidí rozhodla zahájit vlasteneckou agitaci, tj. nabídnout novou národní identitu příslušníkům „své“ etnické skupiny. Jestliže užíváme termínu „obrození“, pak je třeba si uvědomit, že tak činíme v metaforickém smyslu: představa, že zde existoval jakýsi odvěký národ, který „spal“ a který bylo třeba probudit, obrodit, patří k balastu, který nám odkázalo 19. století, a s nímž se musíme rozloučit. V období před nástupem národního hnutí neexistoval ani český ani běloruský moderní národ. Existovaly etnické skupiny (někdy se užívá termínu *ethnos*, někdy *ethnie*), jejichž příslušníci měli vyšší či nižší stupeň vědomí své odlišnosti. Podle toho rozlišuje britský sociolog Antony Smith

dva protichůdné typy „ethnie“: etnická kategorie byla skupinou, kterou bylo možno zvenčí označit jako svéráznou a odlišnou od jiných, ale jejíž příslušníci si tuto odlišnost ani neuvědomovali a někdy dokonce neměli ani obecně přijaté ustálené označení sebe samých. Na druhé straně tvořili etnickou pospolitost lidé, kteří měli své jméno, sdíleli představu o společném původu i jisté prvky kolektivní paměti a uvědomovali si svůj vztah k jistému, byť vágně vymezenému teritoriu. Již zde je možno učinit prvé rozlišení: zatímco česká pospolitost tvořila na prahu národního hnutí etnickou pospolitost, běloruská populace byla někde na přechodu mezi etnickou kategorií a etnickou pospolitostí. Tento rozdíl byl významný pro schopnost této populace přijímat impulzy zvenčí, které zprostředkovala sociální komunikace. Jestliže budeme právě tomuto faktoru věnovat hlavní pozornost, potom tak činíme nejen proto, že se sociální komunikaci věnuje v dosavadní literatuře malá pozornost, ale především proto, že právě v této sféře je třeba hledat klíč k výkladu „opoždění“ běloruské národní agitace.

Již před více než půlstoletím publikoval americký politolog českožidovského původu Karl W. Deutsch knihu nazvanou „Nationalism and Social Communication“. Charakterizoval v ní moderní národ jako pospolitost lidí, které spojuje „komplementarita sociální komunikace“ a z ní vyplývající „komplementarita přijatých sociálních a hospodářských preferencí“. Příznakem takové komplementarity byla podle jeho názoru schopnost a možnost efektivněji komunikovat s příslušníky jedné velké skupiny (té vlastní) než s těmi, kdo stojí mimo ni. Byl přesvědčen o tom, že intenzitu a komplementaritu komunikace je možno určit kvantitativními údaji o jejích základních složkách, k nimž počítal – zjednodušeně řečeno – především sociální mobilitu horizontální (migrace za prací) i vertikální (sociální vzestup), stupeň vzdělání a podíl na veřejném životě.

Deutschova koncepce zůstala po více než jedno desetiletí téměř neznámá a začala být aplikována teprve od poloviny šedesátých let. I když jsem patřil k prvním historikům, kteří sociální komunikace využívali pro výklad sociální základny a teritoriální skladby národních hnutí, byl jsem si od počátku vědom nejméně tří slabín Deutschovy teorie.

Za prvé, je aplikovatelná pro období před nástupem soudobých masových médií – rozhlasu a televize, poněvadž s nimi začal úplně jiný typ šíření informací, který se vyznačuje nejen nesrovnatelně vyšší intenzitou, ale zároveň otevírá cestu manipulujícímu výběru a úpravě těchto informací.

Za druhé, úspěch či nezdar národního hnutí nelze jednostranně vysvětlovat pouze z vyšší či nižší intenzity sociální komunikace, poněvadž důležitý a pro národní identitu rozhodující je obsah a jazyková podoba informací, které zprostředkuje. Tak např. informace o lepším obdělávání půdy, chovu včel či o uctívání světců jsou pro národní hnutí samy o sobě irelevantní, ale mohou dostat národně mobilizující význam např. tehdy, představují-li světce jako světce národní, resp. oslovují-li publikum v „jeho vlastním“ jazyce.

Za třetí, komunikace není abstraktum, které působí bez ohledu na společenskou dělbou práce a její vliv je tedy podmíněn sociálně. Důležité je, komu je určena: příliv informací o podmínkách průmyslového odbytu je důležitý pro podnikatele, ale ještě není automaticky doprovázen živou komunikací mezi dělníky či rolníky. Právě tak je důležité, kdo je jejím nositelem. Živá výměna informací mezi správními úředníky nemusí mít dopad na komunikaci širokých vrstev obyvatelstva.

Předkládaný příspěvek si nečiní nárok na hlubší výklad národotvorného procesu v běloruských podmínkách: to bude přenecháno kvalifikovanějším odborníkům. Jeho úkolem je upozornit na některé další badatelské možnosti a zejména pak zamyslet se nad tím, do jaké míry můžeme roli sociální komunikace aplikovat při výkladu národního hnutí a zejména jeho „běloruského modelu“ – pochopitelně v kontextu dalších evropských národních hnutí, především cestou kontrastního srovnání s českým národním hnutím, které stojí jaksí na „opačném pólu“ typologie národotvorných procesů.

Pokusím se ověřit a doložit tezi, že základní rozdíl mezi českým a běloruským hnutím – v dataci, intenzitě i povaze – odpovídal zásadnímu rozdílu v intenzitě a komplementaritě sociální komunikace. Tato teze vychází z mých starších prací a opírá se o zjištění, že české národní hnutí, které proběhlo v podmínkách rozvinuté sociální komunikace, je jedním (nikoli jediným) z příkladů velmi úspěšného a velmi časného formování moderního národa

vyrůstajícího ze situace nevládnoucí etnické skupiny. Časově zhruba ve stejné době, tj. na prahu 19. století, nastupovala národní agitace, tj. úsilí o cílevědomé rozšíření nové národní identity vlastně jen v případě maďarském, norském a řeckém. Naproti tomu běloruské národní hnutí, které probíhalo v podmínkách velmi nízké úrovně sociální komunikace, patří v evropském kontextu spolu s makedonským, albánským a galicijským k nejopožděnějším. Jde o nahodilou korelaci?

Pro lepší přehlednost dalšího výkladu bude užitečné vyjmenovat zde základní složky sociální komunikace, s nimiž můžeme při komparativní analýze národních hnutí pracovat jako s různými druhy kritérií komparace.

Elementární formou komunikace byl prostý osobní styk v rámci běžné dělby práce v bydlišti:

1. odtud automaticky vyšší intenzita komunikace ve městech a v prostředí s vyšší úrovní společenské dělby práce,
2. tradiční církví zřízená a kontrolovaná komunikace, která se uskutečňovala zejména při bohoslužbách a v životě farnosti,
3. styk s úřady – s orgány místní (vrchnostenské) a případně i státní správy,
4. osobitou, ale z hlediska formování identit velmi efektivní složkou styku se státem byla vojenská služba,
5. šíření základního školství a s tím spojená alfabizace, tj. šíření znalosti čtení a případně i psaní,
6. osobní styk, který se uskutečňoval na místním trhu a jehož význam závisel pochopitelně na frekvenci těchto trhů,
7. samostatné (zejm. obchodní) podnikání, jehož akční rádius (a s ním spojená mobilita) přesahoval hranici panství či místního trhu,
8. existence periodik i jiných tištěných publikací v jazyce národního hnutí,
9. vyšší školní vzdělání (gymnaziální, univerzitní)
10. pravidelné cesty za prací – pokud taková možnost výděleku existovala.

Použijeme-li těchto deset ukazatelů jako kritéria komparace při srovnání úlohy sociální komunikace v českém a běloruském

národním hnutí, dostaneme velmi kontrastní obraz. Bude užitečné využít tohoto kontrastu k typologickému zařazení obou hnutí do evropského kontextu.

1. Zdálo by se, že v prvním bodu nebude mezi oběma situacemi podstatný rozdíl. Jestliže však uvážíme, že osobním stykem nemůžeme chápat setkání v průběhu pracovní činnosti, ale setkání ve veřejném prostoru, stojíme před otevřenou otázkou frekvence takových setkání. Ponecháme-li stranou setkání na církevní půdě, pak veřejným prostorem pro předmoderní vesnici byly jednak hospody, jednak lidové slavnosti, obvykle k církevním výročím. Zde mohu jen naznačit badatelské úkoly – resp. otázku do diskuze: jaká byla síť a funkce vesnického šenku na běloruském území? A jaká byla frekvence a povaha lidových slavností (to, co v českém prostředí známe jako pouti, posvícení, procesí)? Ještě závažnější roli hrál ovšem charakter vesnické zástavby a sítě osídlení a pravděpodobně také odlišný charakter rodiny. Ze samotné podstaty české párové rodiny vyplývala zvýšená frekvence pravidelných styků mezi příbuznými, zejména u příležitosti rodinných slavností (křest, svatba). V souvislosti s osobní komunikací je třeba se také ptát po hustotě osídlení a přírodních podmínkách. Osobní styk v prostoru hustě zalidněném a propojeném schůdnými cestami byl pochopitelně pravidelnější a frekventovanější než v řídké osídleném, resp. navíc i horsky členitým či bažinatém terénu.

2. Komunikace zprostředkovaná duchovními byla v českém prostředí běžným jevem, pravidelná účast na bohoslužbách byla v době počátků národního hnutí stále ještě neformálně kontrolována farářem i „veřejným míněním“ vesničanů. Církevní organizace byla zemsky česká, měla své „národní“ světce, duchovní patřili většinou k českému etniku, jazyk bohoslužeb sice latinský, ale kázání česká. V běloruské vesnici byla církev ortodoxní a tedy ruská a je otázkou, zda lze zjistit, odkud pocházeli popi a jakého jazyka užívali? Jaký význam mělo kázání pravoslavného popa ve srovnání s kázáním katolického faráře? Předpokládám, že i pro běloruské prostředí platí všeobecně uváděný názor, že vzdělanostní úroveň ortodoxního duchovenstva byla podstatně nižší než duchovenstva katolického. Tomu odpovídala zřejmě také úroveň a kvalita sdělo-

vaných informací. Víme-li, že část běloruského obyvatelstva byla katolická a orientovala se na polskou církev, je nasnadě otázka, jakou roli tato okolnost hrála v běloruském národním hnutí.

3. Není třeba provádět kvantifikaci, abychom konstatovali, že správní systém a tedy i byrokratické v habsburské monarchii byla již v době předrevoluční rozvinutější než v carském Rusku, a že tedy se prostí lidé dostávali do styku s úřady častěji. Zde je navíc nutno zmínit významný faktor sociální: zatímco české etnikum zahrnovalo také nižší a střední vrstvy měst, kde komunikace s úřady byla pochopitelně mnohem častější, bylo běloruské etnikum téměř výlučně vesnické.

4. Roli vojenské služby můžeme ztěžít srovnávat, poněvadž povaha armády v habsburské monarchii byla koncem 19. století značně odlišná od ruské. I tak můžeme předpokládat, že v rakouské armádě získával voják podstatně vyšší úroveň informací o své zemi. Jistý význam měla zajisté jazyková stránka vnitroarmádní komunikace. Zatímco v habsburské monarchii se již od tereziánského období dbalo o to, aby se důstojník mohl domluvit s vojákem, který nerozuměl němčině, v ruské armádě se zřejmě předpokládalo, že běloruští a „maloruští“ vojáci ruštině rozumějí.

5. Rozdíl ve stupni alfabetizace v Rusku a v západní části habsburské monarchie je obecně známý: v době, kdy v českých zemích byli analfabeti jen okrajovou výjimkou, tvořili na běloruském venkově analfabeti naprostou většinu. Absence městského prostředí zde hrála rovněž roli. S jistou dávkou odvahy můžeme odhadovat, že stupeň alfabetizace na běloruském území v době nástupu národního hnutí odpovídal zhruba stupni alfabetizace v českých zemích před tereziánskými reformami, a že znalost psaní a čtení v českém prostředí v době nástupu národního hnutí byla podstatně vyšší než v prostředí běloruském. V souvislosti s alfabetizací je ovšem třeba mít na mysli, že rozdílnou roli pro vytváření jisté etnické identity hrála alfabetizace získávaná návštěvou základní školy, kde se vyučovalo v mateřském jazyce žáků – tak tomu bylo v českých zemích – a alfabetizace na základě cizího, v našem případě ruského jazyka.

6. Pravidelné tržní vztahy byly v městském prostředí samozřejmostí. Tato skutečnost měla z výše uvedených důvodů pochopitelně větší význam pro české prostředí. Čeští sedláci běžně navštěvovali místní, městské trhy již od 18. století, ne-li dříve. Tato návštěva nebyla omezena na pouhou směnu zboží, ale zahrnovala také osobní komunikaci s lidmi žijícími v odlehlejších končinách, a to nejen na trhu, ale také v hospodě. V naprosté většině měst v českém vnitrozemí převažovala mezi řemeslníky a drobnými obchodníky čeština. Zprostředkovaně se tak sedláci dovídali i o novinkách, které se staly ve vzdálených končinách a o nichž by se ve své vesnici nedověděli, pokud by o nich nehovořil farář. Pravidelná návštěva trhů na běloruském území, pokud vím, nebyla běžná (a téměř neexistovaly ani takové trhy). Směnu zboží zprostředkovali překupníci, kteří přímo na vesnici zprostředkovali výměnu zboží. Vzhledem k tomu, že šlo většinou o židovské překupníky, je nepravděpodobné, že by se mohli stát nositelem neformálního přenosu informací. Navíc netvořili většinu obyvatel měst, či spíše městeček příslušníci běloruského etnika a z velké části nepatřili ani k ortodoxnímu křesťanství, což ovšem nebylo běloruskou specifikou: obdobně tomu bylo na Litvě i v haličské části Ukrajiny.

7. Obchodní podnikání přesahující místní trhy nebylo pochopitelně záležitostí českých sedláků (nebereme-li v úvahu „daleké fůry“), ale mezi obchodníky českých měst a městeček se s ním již koncem 18. století setkáváme, a to zejména tam, kde se rozvíjela domácí textilní výroba organizovaná obvykle v nákladnickém systému. Tito, většinou nebohatí čeští kupci byli schopni zprostředkovat svým zákazníkům z řad venkovanů alespoň jisté prvky vědomí o vnějším světě, tedy o „cizině“ a „cizincích“.

8. Znalost čtení byla pro národní aktivizaci nepodstatná, dokud se do rukou potenciálních čtenářů nedostala periodika či jiné tisky psané jazykem, kterému rozuměli, a obsahující informace, resp. texty, které shledali zajímavými. V českých zemích vycházela popularizační, náboženská literatura v češtině vlastně nepřetržitě od 16. století, navíc osvětová četba v 18. století, koncem 18. století již i noviny a od 20. let 19. století také kulturní, rodinné a literární časopisy. Takový jev byl v běloruském prostředí až do revoluce

1905 nemyslitelný. Prvým periodikem, které se obracelo k širšímu bělorusky mluvícímu publiku, byla Naše Niva. Tisk a šíření bělorusky psané literatury se stal masovou záležitostí až na počátku sovětského období.

9. Přístup k vyššímu vzdělání nebyl v habsburských zemích od doby tereziánských reforem nijak omezen původem a do jisté míry ani majetností. Na střední školy i na univerzitu se mohl dostat každý nadaný mladík, pokud ovšem ovládal němčinu a pokud jeho rodiče byli schopni zajistit mu financování studia – ať již z vlastních prostředků či získáním církevního (a později i státního) stipendia. Chudí studenti si mohli také sami přivydělávat doučováním. Předpokládaná psychologická bariéra, která mohla bránit rodičům bez vyššího vzdělání, aby syna posílali na studia, byla již dávno prolomena tím, že rolníci posílali běžně jednoho ze synů „studovat na kněze“, tj. do bohosloveckého semináře. Odchod vesnických dětí na studia tedy nebyl ničím mimořádným. Odvažují se říci, že pro běloruskou populaci platí pravý opak. Vyšší školství jí bylo nedostupné nejen proto, že chyběly prostředky, ale především proto, že studium bylo v 1. polovině 19. století vyhrazeno šlechtickým synům. Navíc nebylo samozřejmostí vymanit se z nevolnické závislosti. Přístup k vysokoškolskému vzdělání získávali Bělorusové i po zrušení nevolnictví jen výjimečně. Zůstávalo jim vzdělání učitelské a kněžské – obojí na velmi nízké úrovni. Považuji navíc za pravděpodobné, že jedinci pocházející z etnicky běloruského prostředí, kteří se dostali na univerzitní studia do Moskvy či Petrohradu, automaticky přijali – již pro blízkost jazyka – ruskou identitu. Pro upřesnění nutno dodat, že relativní „demokratizace“ školství v habsburské monarchii nebyla běžným jevem v Evropě oné doby. Vyšší vzdělání bylo ještě i během 19. století prakticky uzavřeno synům z nižších vrstev i ve vyspělých a liberálních zemích, jako byla Anglie či Francie. I ve Skandinávii byl podíl studentů ze selských a řemeslnických rodin podstatně nižší než ve střední Evropě, i když tam hrála roli především psychologická bariéra.

10. Úvaha o podílu na veřejném životě má jistou aktuálnost pro českou společnost teprve od poloviny 19. stol., pro běloruskou snad až po revoluci 1905.

K úloze všech těchto ukazatelů je třeba ještě dodat aspekt sociální skladby: zatímco běloruské etnikum žilo především na venkově, bylo české etnikum silně zastoupeno mezi středními a nižšími vrstvami měst ve vnitrozemí, tj. těch měst, v jejichž okolí se nacházely česky hovořící vesnice. Vzhledem, k tomu, že městské prostředí bylo v mnohem vyšší míře propojeno vazbami komunikačními, je zřejmé, že již sociální skladba vytvářela předpoklady pro rychlejší šíření informací v českém prostředí na prahu 19. století než v běloruském prostředí o sto let později.

Význam všech těchto ukazatelů úrovně komunikace je ovšem třeba uvést ještě do jiného kontextu. Jak bylo řečeno úvodem, komunikaci nelze chápat jako abstraktní sílu. Zprostředkovala přenos informací a tyto informace mohly být přijaty a stát se relevantními pro národní identifikaci pouze za předpokladu, že za prvé budou tematizovat národ a národní argumenty, a že za druhé adresáti mohli těmito informacím rozumět. Obecně řečeno, národně uvědomovací účinnost vlastenecké informace závisela na tom, zda ji adresáti byli schopni zařadit do kontextu svých znalostí, symbolů a představ o světě. Mohla tedy být účinná jen tehdy, byla-li alespoň částečně komunikací o společné zkušenosti, o sdílených znalostech a stereotypech. Záleželo tedy na tom, jak bylo vědomí adresátů strukturováno a „připraveno“ informacemi z dob přecházejících. V tomto ohledu opět česká národní agitace v jednoznačně výhodnější výchozí situaci. Prostý český člověk – na venkově i ve městě – se již dávno před nástupem národního hnutí setkával s informací, že je poddaným českého království, že žije v Čechách, resp. na Moravě, že „jeho“ země má mezi světci své „patrony“ (sv. Václava, sv. Cyrila a Metoděje a další). Základní vzdělání, které se postupně začalo šířit díky tereziánským reformám, sice bylo orientováno především na trivium (čtení, psaní, počítání), ale obsahovalo také základní informace o „vlasti“, k nimž mohly patřit také informace o „národních“ dějinách. Když za této situace nabízeli čeští vlastenci novou, národní identitu, mohla se jejich národní agitace stát komunikací o společné zkušenosti, o sdílených pocitech a postojích. To vše bylo v podmínkách samodržavného ruského státu zcela jinak.

Všechny tyto údaje dokládají význam sociální komunikace jako nepřímého národotvorného faktoru, tj. jako činitele, který

sice nemusil mít povahu národní agitace, ale zvyšoval naději, že tato agitace dosáhne úspěchu. Nemůžeme tedy říci, že formování moderního národa, či přesněji řečeno úspěch národního hnutí byl důsledkem vysoké intenzity sociální komunikace. Takový závěr by byl hrubým zjednodušením. Vztah mezi komunikací a přijetím národní identity totiž nebyl lineárním vztahem příčiny a následku. Tuto tezi můžeme ověřit tím, že se rozhlédneme do evropského prostoru a pokusíme se období a rozdíly podle některých z výše uvedených ukazatelů.

Zvolíme-li jako ukazatel městské prostředí, pozorujeme, že národní hnutí, která nastupovala do fáze národní agitace dříve, byla většinou hnutími, na nichž se zprvu podílelo především městské prostředí: Češi, Norové, Řekové, Maďaři. Naopak, většina pozdě nastupujících národních hnutí se opírala především o venkovské prostředí: Litevci, Estonci, Lotyšci, Ukrajinci – a samozřejmě Bělorusové. V obou případech lze ovšem také uvést opačné případy (byly to výjimky?): raně nastupující srbské národně osvobozovací hnutí bylo hnutím převážně vesnickým, zatímco pozdě nastupující hnutí katalánské bylo hnutím převážně městským. Na přechodu stojící hnutí s podílem měst i venkova nastupovala do fáze B mezi oběma krajními polohami, tj. zhruba ve třicátých či čtyřicátých letech: Chorvati, Slovinci, Finové, Bulhaři, Vlámové.

Výsledky komparace podle ukazatele vzdělanosti, resp. gramotnosti rovněž není jednoznačné. Vysoký stupeň základního vzdělání vykazovali u raně nastupujících národních hnutí vedle Čechů také Norové, ale nikoli Maďaři ani Poláci. Relativně vysokou gramotnost známe u Finů a u Slovinců, ale jejich národní hnutí nastupovalo a dosáhlo úspěchu ve stejné době jako u mnohem méně alfabetizovaných Chorvatů. Stupeň gramotnosti u časně nastupujících Srbů nebyl nikterak vyšší než u později nastupujících Irů, Ukrajinců či Bělorusů. Také v tomto případě musíme ovšem brát v úvahu sociální skladbu etnika. Tam, kde k němu patřily také střední a vyšší – a také městské vrstvy, byla jejich vyšší vzdělanost nasnadě, ale to neznamená, že alfabetizace nějak výrazně zasáhla většinu venkova. To platí zejména v Polsku, Uhrách, Katalánsku, Irsku.

Bylo by omylem zužovat vztah školního vzdělání a národního vědomí na otázku gramotnosti a alfabetizace. Přijetí národní identi-

ty záviselo totiž nejen na technické obratnosti v podobě schopnosti číst. Přečtenému textu, který nabízel tuto identitu, – stejně jako mluvenému slovu – bylo nutno rozumět. K tomu, aby někdo mohl přijmout identitu s velkou sociální skupinou – národem –, bylo nutné, aby si dovedl představit, že patří k pospolitosti lidí, z nichž naprostou většinu nikdy osobně nepotká ani nepozná. Již před více než dvaceti lety charakterizoval Benedict Anderson národ jako „imagined community“, tj. jako pospolitost, jejíž příslušníci jsou schopni představit si takovouto konkrétní pospolitost cestou abstraktního pojmu. Takováto schopnost není však člověku dána přírodou, musí k ní být vychován, a to ve věku, kdy již je schopen abstraktně myslet, užívat abstraktních pojmů, s nimiž se setkává. Takovouto schopnost poskytuje mladému člověku vzdělání: teprve jedinci, kteří navštěvovali školu ve věku, kdy začali být schopni abstraktně myslet (tj. zhruba po dosažení 11-12 let věku), byli schopni přijmout identitu s národem. Aplikujeme-li tuto obecnou poučku na naše srovnání, bude role školního vzdělání pro úspěch národní agitace ještě výraznější, ovšem nikoli v omezení na pouhou alfabetizaci.

Schopnost osvojit si abstraktní pojem „národ“ a ztotožnit se s takto označenou velkou sociální skupinou byla spjata s dalším nezbytným předpokladem nástupu národní agitace (fáze B): byla to schopnost přijmout a poučit se s ideových podnětů, které přicházely zvenčí. Jinými slovy, teprve na jisté úrovni vzdělanosti mohli se alespoň někteří příslušníci etnické skupiny podílet na kulturním transferu, jenž jim zprostředkoval informaci o tom, co je, resp. čím má být národ. Tím ovšem nemá být řečeno, že myšlenka národa, „nacionalismus“ byla základní příčinou vzniku moderního národa, jak si to představoval Hans Kohn. Tak např. v českém vědomí existoval termín „národů“ již od pozdního středověku a již ze 17. století známe nejméně dvě české definice, které určovaly národ společnou minulostí, společným osudem a společným jazykem. Takováto pojmoslovná tradice ovšem v běloruském případě chyběla. Jestliže tedy kulturní transfer považujeme za důležitý moment pro národní hnutí, nemá tím být řečeno, že přijetí myšlenky národa nutně otevíralo úspěšnou cestu k masové fázi národního hnutí.

Tradiční komunikace prostřednictvím náboženského života měla mezi předpoklady pro recepci národní identity pravděpo-

dobně větší význam než obvykle předpokládáme. Silné náboženské vazby zajisté kompenzovaly nízkou úroveň urbanizace a slabou gramotnost nevládnoucího etnika v případě Srbů, Bulharů a Irů, tedy tam, kde identita s vlastní konfesí zároveň vymezovala příslušníky skupiny proti vládnoucím elitám – Osmanům či Angličanům. Význam konfese pro šíření vzdělanosti – méně již pro takovou přímou národní mobilizaci – můžeme konstatovat také v případě finském i norském. Také zde ovšem platí, co bylo právě řečeno: nejen písemné, ale ani ústní šíření myšlenky národa mohlo počítat s úspěchem teprve tehdy, jestliže se příslušníci etnické skupiny mohli přesvědčit o existenci těch „druhých“, nebo jestliže vzdělání alespoň jisté části z nich jim umožnilo vnímat onu abstrakci spojenou s přijetím národní existence.

Vysoký stupeň sociální komunikace však nepůsobil jen jako předpoklad národní mobilizace: mohl mít za jistých podmínek také efekt asimilační. Můžeme jej názorně ilustrovat na vývoji jižního Walesu (ale bylo by možno užít také příkladu ze Skotska či Lužice). Rozvoj průmyslu v tomto regionu potřeboval od konce 18. století pracovní sílu a lákal kapitál. V řídké osídleném, stále ještě převážně jazykově keltském Walesu však nebylo pracovních sil dostatek, a proto sem proudili jednak (převážně kvalifikovaní) dělníci z Anglie a (převážně nekvalifikovaní) dělníci z Irska. Keltští dělníci přicházející z Walesu se dostávali do prostředí, kde jim jen angličtina umožňovala sociální vzestup, a postupně se asimilovali. Ještě počátkem čtyřicátých let 19. století ovšem parlamentní komise, která měla vyšetřit bídu v tomto regionu, konstatovala, že jednou z hlavních příčin zla je špatná znalost angličtiny a doporučila plné poangličtění školství v celém Walesu. Nebyl tento vývoj předobrazem (mnohem pozdějších ovšem) asimilačních dopadů industrializace na běloruském území, zejm. v Minsku?

Tento asimilační efekt sociální komunikace můžeme však aplikovat také v „opačném gardu“: nízký stupeň komunikace byl jakýmsi filtrem, který bránil asimilaci. Právě případ běloruský zde je velmi názorným dokladem. Nízká úroveň komunikace uchránila, jak se zdá, běloruský venkov před asimilací – ať již se jednalo o rusifikaci či o polonizaci. Nutno ovšem dodat, že městské prostředí, které, jak víme z jiných evropských oblastí, bylo hlavním asimilačním faktorem, mělo v běloruském (a také v litevském

a západoukrajinském) prostředí minimální asimilační vyzářování, poněvadž jádrem městského osídlení bylo obyvatelstvo židovské, které nemělo ambice ani možnost kohokoli asimilovat.

To nás přivádí k otázce, jakou roli hrála blízkost, resp. vzdálenost jazyků, jimiž hovořily sousedící etnické skupiny, pro jejich národní uvědomování. Je zřejmé, že si svoji jazykovou odlišnost a vyhraněnost snáze uvědomí ony etnické skupiny, které se svými sousedy nemohou komunikovat, poněvadž jejich jazyk, resp. dialekt je zcela odlišný. V tom spočívá zásadní rozdíl mezi situací českého etnika, jehož hlavním cizojazyčným sousedem a partnerem bylo etnikum německé (tedy nesrozumitelné), a situací etnika běloruského, které převážně susedilo s mluvčími jazyků obtížně snad, ale přece jen srozumitelných – ruského a ukrajinského, při čemž na pomezí existovaly přechodné dialekty.

Tento rozdíl má rozhodující význam také pro modifikaci modelu vývoje jazykové situace od diglossie k bilinguismu, jaký konstruoval v kombinaci s relací mezi H(igh) a L(ow) language vlivný sociolinguista Joshua Fishman. Tento model charakterizuje situace v multietnickém státě předmoderní doby tím, že tam vedle sebe žili mluvčí rozdílných jazyků, resp. dialektů. Z nich obvykle jeden je v postavení spisovného více méně kodifikovaného jazyka (H-language) a ostatní v postavení mluvených lokálních dialektů (L-language). V podmínkách předmoderní společnosti vyznačující se nízkou úrovní komunikace, nevyvolávala paralelně sdílená mnohojazyčnost (diglossie) žádné podstatné problémy. S rostoucí sociální komunikací, k níž patřil nejen vzájemný styk v horizontální rovině, ale také styk s úřady a vrchnostmi, začali mluvčí L-language vnímat svoji jazykovou odlišnost jako určitý handicap, nevýhodu. Tento pocit se mohl stupňovat tím, že mluvčí L-language přestali vnímat svoji podřadnou jazykovou situaci jako nutný a přirozený důsledek svého bezprávného sociálního postavení a začali pocítovat své postavení jako sociálně degradované. Je pochopitelné, že odlišnost své jazykové situace a tedy i jazykový handicap výrazněji vnímali ti, jejichž L-language nebyl dialektem ani variantou dominantního H-language. Teoreticky se otvíralo východisko k překonání tohoto handicapu tím, že si tito mluvčí osvojí také oficiální H-language a na místo diglossie vznikne nový vztah – bilinguismus. Druhým možným – a z empirie víme, že uskutečněným – výcho-

diskem byla orientace na vytvoření vlastního spisovného jazyka H-language a na zrovnoprávnění tohoto jazyka ve společnosti. Tím se otvírala další cesta, která byla nepřímým produktem silící sociální komunikace a ústila v nástupu národního hnutí.

Aplikujeme-li tento model na naše dvě národní hnutí, snadno zjistíme kardinální rozdíl. Česká etnická skupina, či spíše mladí vzdělanci z ní pocházející, pocítovali velmi brzy stav diglossie a svoji jazykově definovanou podřadnost jako křivdu a handicap, a proto se již na přelomu 18. a 19. století jednoznačně orientovali na českou jazykovou emancipaci, tj. na vytvoření spisovné češtiny, českého H-language. Logicky pak následoval zápas za český jazykový program. Ve srovnání s tím neměli příslušníci běloruského etnika dlouho problém s podřízeným postavením svého jazyka, poněvadž je vnímali jako komponentu svého nevolnického, resp. poddanského postavení. Intenzifikace styku s ruskou úřední komunikací přicházela velmi pomalu a nevytvářela – vzhledem k příbuznosti jazyků – tak velké komunikační bariéry jako v habsburské monarchii. Vzdělanci z řad tohoto etnika se objevují – vzhledem k sociální i politické situaci – až na přelomu 19. a 20. století. Odpovědí na modernizaci byl tedy na rozdíl od české situace spíše bilingvismus než emancipace vlastního H-language.

Není úkolem tohoto příspěvku pokoušet se o celoevropsky orientovanou komparativní analýzu úlohy sociální komunikace. Její intenzita byla – za jistých podmínek – nesporně zásadním předpokladem pro úspěch národní agitace – a tedy i pro úspěch formování moderního národa. Nelze ji však považovat za předpoklad jediný a již vůbec ne za příčinu národotvorných procesů. Nelze ani jednoznačně doložit přímou úměru mezi intenzifikací sociální komunikace a rychlostí úspěchu národní agitace. Naopak, intenzivní komunikace mohla za jistých podmínek působit jako faktor asimilační.

Chceme-li vysvětlit vlastní nástup národní agitace, hledáme-li motivy, které vedly prvé průkopníky národní existence k jejich rozhodnutí národně se angažovat, nevystačíme s odkazem na komunikace. Musíme vzít – na základě srovnání nástupu národní agitace u ostatních evropských hnutí – v úvahu několik dalších faktorů, které zde mohou jen stručně charakterizovat. **1.** Byl to především

myšlenkový odkaz křesťanství a osvícenství: myšlenka „vyvoleného lidu“, příběh babylonské věže, boj židovského „národa“ proti nepřátelům. **2.** Dále pak osvícenská myšlenka regionálního patriotismu, jímž se mínila zodpovědnost vzdělance za životní podmínky lidu žijícího na území jeho vlasti a z toho plynoucí závazek usilovat o zlepšení vzdělanosti i životní úrovně tohoto lidu. **3.** Ještě významnějším odkazem osvícenství byl názor na rovnost lidí, odmítání feudálních privilegií a výsad, které se projevilo nejprve ve sféře právních norem (zákoníků) a později také v požadavku rovných šancí. **4.** Osvícenství samo bylo ovšem jen součástí širšího modernizačního proudu, jehož důsledkem bylo zpochybnění starých hodnot a legitimit, znejistění či rozpuštění starých patrimoniálních a patriarchálních vazeb, které každému jedinci jasně určovaly jeho místo ve společnosti i jeho identitu. K tomu patřilo také narušení a někdy i rozklad starého systému hodnot a v souhrnu to vedlo ke krizi starých identit. **5.** Toto znejistění si uvědomovali pochopitelně především akademicky vzdělaní jedinci. Pokud mezi tyto jedince pronikali příslušníci plebejských vrstev etnické skupiny, tedy českého, resp. běloruského etnika, aniž by se asimilovali, vznikaly podmínky pro to, aby jejich hledání nové identity našlo východisko v představě, že jejich etnickou skupina tvoří či měla by vytvořit NÁROD, o němž se dovídali, že je hodnotou o sobě a zároveň věčnou pospolitostí, v jejímž jménu je možno formovat nový, resp. reformovat starý systém hodnot. Od tohoto poznatku byl jen krok k přesvědčení, že je třeba přesvědčit ostatní příslušníky skupiny, že patří k národní pospolitosti a že tato příslušnost jim poskytuje vyšší hodnotu, ale také je zavazuje k aktivní práci pro ostatní.

Rozhodnutí agitovat však, jak známo, ještě nebylo automatickou zárukou úspěchu národního hnutí. Národní identita musela proniknout do mas – a právě zde hrála centrální roli sociální komunikace, již jsme věnovali hlavní pozornost. Nicméně, je třeba si uvědomit, že pro přijetí signálů z vlasteneckých center byl totiž důležitý ještě jeden, neméně důležitý předpoklad: existence národně relevantního rozporu, tj. zájmového rozporu, který rozdělával dvě rozdílná etnika a mohl tedy být „přeložen“ do jazyka národního zájmu. Právě takovýto národně vyjádřitelný rozpor, či přesněji řečeno kombinace několika národně relevantních zájmových

rozporů, byl důležitým faktorem české národní mobilizace, tedy úspěchu české národní agitace. Zdá se, že i na prahu 20. století intenzita národně relevantních zájmových rozporů na běloruském území byla podstatně slabší.

Ani silící sociální komunikace spolu národně relevantními zájmovými rozpory však nestačily pro cestu k národní společenosti. Dalším, možná samozřejmým předpokladem byla možnost sociálního vzestupu pro příslušníky etnické skupiny, která byla zřejmě větší pro Čechy na prahu 19. století, než pro Bělorusy na prahu 20. století. Každý koncept národa musil být ovšem zřetelně, srozumitelně definován, což bylo snazší tam, kde předcházející učenecká činnost fáze A jasně kodifikovala jistou jazykovou normu jako „národní“, předložila jisté informace jako základní kameny pro konstrukci národní minulosti, vymezila jisté teritorium jako „národní území“ a případně zajistila jistý kánon literární tradice. To vše splňovala česká fáze A v potřebné míře, nejen díky vyspělosti osvěcenských učenců, ale především proto, že minulý i soudobý život českého etnika k tomu poskytoval dostatek materiálu (literární památky v češtině, zbytky státnosti, hlavní město atd.). Neodvažují se charakterizovat s tohoto hlediska běloruskou fázi A a její úlohu v autodefinici národa.

Posledním, ale nikoli bezvýznamným předpokladem úspěchu či neúspěchu národní agitace byl „vnější faktor“: politické podmínky impéria, na jehož území národní hnutí probíhalo a případně vnější vlivy, inspirace a vzory. Politický útlak charakterizuje počátky fáze B obou národních hnutí, ale důležitý rozdíl byl v tom, že rakouské císařství nepopíralo existenci českého etnika a tolerovalo jazykové a kulturní aktivity českého hnutí, nikoli však jeho politizaci ani institucionalizaci. Zcela jinak tomu bylo v případě běloruském. Vnější inspirace, „transfer“ idejí byl v obou případech obtížný, ale hypoteticky lze předpokládat, že v tomto případě byla situace v Rusku na počátku 20. století přece jen pro kulturní transfer příznivější než v Rakousku na počátku 19. století. Do tohoto kontextu spadá zajisté také inspirace a morální podpora, kterou mohli běloruští vlastenci získat z českého, ale nejen z českého prostředí. Ale to již je jiná kapitola naší problematiky.

Bibliografická poznámka:

Tento příspěvek se, jak již bylo řečeno, nepokouší o zjištění nových údajů o českém či běloruském hnutí. Jeho těžiště tkví v kladení otázek a hledání odpovědí a v aplikaci komparativních přístupů. Proto pouštím od bibliografických odkazů a spokojuji se tím, že závěrem uvedu autory a díla, o která jsem se především opíral. Teoretická koncepce vychází z přístupů, které jsem již publikoval, nejnověji srv. *Das Europa der Nationen. Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich*, Göttingen 2005 a *Male narody Europy*, Wrocław, Ossolineum 2002. Tam jsou též uvedeny odkazy na starší odbornou literaturu k problematice formování národa a nacionalismu, o které se v textu zmiňuji.

K běloruskému národnímu hnutí, za jehož znalce se naprosto nepovažuji, jsem použil:

M. BÜRGENER, *Pripet-Polessie, Petermanns Mitteilungen*, Ergänzungsheft 237., Gotha 1939

D. BEYRAU, R. LINDNER (ed.), *Handbuch der Geschichte Weissrusslands*, Göttingen 2001

M.D. DOVCHAR-ZAPOLSKIJ, *Narodnoje chozjajstvo Belorussii 1861–1914*, Minsk 1926

R. LINDNER, *Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weissrussland im 19. und 20. Jahrhundert*, München 1999

R. RADZIK, *Między zbiorowosciami etnicznymi a wspolnotą narodową. Bielorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia*, Lublin 2000

A. D. SMITH, *National Identity*, Penguin Books 1991

P. V. TEREŠKOVIČ, *Etničeskaja istorija Belarusi XIX-načala XX v. v kontekstě centralno-vostočnoj Jevropy*, Minsk 2004

J. TOMASZEWSKI, *Z dziejów Polesia 1921–1939*, Warszawa 1963

N. P. VAKAR, *Belorussia. The Making of a Nation*, Cambridge 1956

L. WASILEWSKI, *Die nationalen und kulturellen Verhältnisse im sogennanten Westrussland*, Wien 1915

K českému národnímu hnutí uvádím především práce nejnovější a cizojazyčné:

H. LECAINE AGNEW, *Origins of the Czech National Renaissance*, Pittsburg 1993

M. HROCH, *Na prahu národní existence. Touha a skutečnost*, Praha 1999

J. KOŘALKA, *Tschechen im Habsburgerreich und in Europa*, Wien 1991

J. LNĚNIČKOVÁ, *České země v době předbřeznové 1792–1848*, Praha 1999

J. PETRÁŇ (ed.), *Počátky českého národního obrození 1770–1791*, Praha 1990

J. ŠTAIF, *Obezřetná elita. Česká společnost mezi tradicí a revolucí*, Praha 2005

M. TRAPL, *České národní obrození na Moravě v době předbřeznové a v revolučních letech 1848–1849*, Brno 1977

O. URBAN, *Die tschechische Gesellschaft 1848–1914*, Wien 1994

Týž, *Kapitalismus a česká společnost*, Praha 2003 (2. vyd.)

Нация как продукт социальной коммуникации?

профессор *Мирослав Грох* (Карлов Университет, Прага)

В данной статье предпринята попытка рассмотреть общие факторы успешности национальных движений. Главное внимание в статье уделяется проблеме социальной коммуникации, которая все еще не изучена в достаточной степени. Автор сравнивает чешское и белорусское национальные движения, сопоставляя аналогичные ситуации, т.е. проводя сравнение условий периода наступающей национальной агитации (фаза «В») в Чехии начала XIX в. и белорусской ситуации начала XX в. По всем десяти основным показателям интенсивности социальной коммуникации, которые приводит автор в своей статье, интенсивность социальной коммуникации в аналогичной ситуации начала фазы «В» в Чехии была гораздо выше, чем в Беларуси (т.е. личные отношения, службы в церкви, отношения с административными органами, воинская служба, грамотность, частота посещений местных рынков, самостоятельная предпринимательская деятельность, уровень печатного дела, доступ к высшему образованию, участие в общественной жизни).

В заключение автор статьи дает оценку месту, которое занимает социальная коммуникация среди других факторов и предпосылок успешности национального движения. Автор задается следующими вопросами: почему было принято решение начать национальную агитацию и почему она достигла такого широкого отклика среди представителей данной этнической группы? В качестве важных условий начала национальной агитации автор рассматривает ясное осознание принадлежности к надличностному целому (стране, этнической группе), влияние трансляции просветительских идей регионального патриотизма и равенства граждан, а также появившуюся впоследствии концепцию гражданской нации, возможность социального роста представителей негосподствующей социальной группы и в особенности кризис идентичности, который одними из первых почувствовали образованные люди. Что же касается влияния национальной агитации, то среди причин ее успешности, наряду с уровнем социальной коммуникации, выделены также наличие и действие значительных национальных противоречий. Важной предпосылкой успешности национальной агитации определены также приемлемые внешние условия (политическая система, отношение властей к национальному движению, внешнее влияние и т.д.).

FORMOVÁNÍ „NÁRODNÍHO PŘÍBĚHU“ JAKO PODSTATY NÁRODNÍ IDEJE A NÁRODNÍ IDEOLOGIE

(na příkladě Čechů)

Prof. PhDr. Jan Rychlík, DrSc.

(Univerzita Karlova, Praha)

Doba romantismu, tedy počátek 19. století, je dobou, kdy si národy střední a jižní Evropy vytvářely své „národní příběhy“. V nich měla být odražena jejich slavná minulost, jejich současné utrpení a jejich světlá budoucnost. Je samozřejmé, že i Češi si vytvořili takovýto příběh. Vznikl tak „mýtus Čechů“, který byl fixován prostřednictvím populární literatury – historické i umělecké.

O různých „mýtech“ v našich dějinách se hovoří velmi často. Co je to historický mýtus? Jednotně a všeobecně uznávaná definice zatím neexistuje a proto si dovoluji pokusit se o vlastní definici. *Historický mýtus je široce rozšířená vymyšlená událost beroucí na sebe podobu quasihistorického faktu nebo pravdě evidentně odporující interpretace skutečné historické události, pokud trvale nebo dlouhodobě působí na historické a národnostní vědomí relativně velké části obyvatelstva.*¹ Vznik a působení historického mýtu je velmi obdobné působení folklorní historické epiky či historické pověsti: na počátku je reálné historické jádro, přičemž však rozhodující není skutečná událost, ale její hodnocení, které musí být jednoznačně kladné nebo záporné, přičemž osoby, působící v události jsou rovněž jednoznačně buď hrdiny, nebo „padouchy“. Etnos (před zformováním moderního národa), resp. národ se s pozitivním hodnocením a hrdiny jednoznačně ztotožňuje a hrdinové se stávají jakýmsi imaginárními vůdci etnosu (národa). „Padouši“ jsou jednoznačně zatraceni a jsou ztotožněni s nepřáteli etnosu (národa), resp. s jeho zrádci. Spojení folklorní epiky či historické lidové prózy (pověsti) s mýtem je velmi úzké.² Albánský mýtus

¹ Podrobněji viz J. RYCHLÍK: *České historické mýty versus mýty o českých sousedech*. In: *Československá historická ročenka 2000*, s. 95-102,

² Viz J. RYCHLÍK (Rychlík): *Etnos i folklor*. Vezni 4, Sofia 1997, s. 29-73, týž:

o Skanderbegovi jako ochránci národa o bojovníkovi proti Turkům,³ podobně jako bulharský mýtus o králi Markovi jako bojovníkovi proti Turkům nebo srbský mýtus Kosova pole přímo vycházejí z lidové tradice, ať už z folklorní epiky nebo pověstí, přičemž skutečnost, tak jak je v nich opisována, bere dnes naprostá většina Albánců, Bulharů či Srbů za historickou skutečnost a to bez ohledu na reálná fakta. Ta jsou přitom často opačná: jak Skanderbeg, tak Marko byli ve skutečnosti původně tureckými vasaly, přičemž Marko jako turecký vasal dokonce padl v tažení proti křesťanským Vlachům (předchůdcům dnešních Rumunů).⁴ Bitva na Kosově poli skončila ve skutečnosti nerozhodně, přičemž Turci měli větší ztráty. Postupný zánik samostatnosti srbských knížat byl způsoben spíše vpádem uherského krále Zikmunda Lucemburského do Srbska, který přinutil regentku carevnu Milici uzavřít s Turky nevýhodný mír.⁵ Úplné podrobení srbského území nastalo ostatně teprve v 15. století. Mýtus Srbů se promítl v 19. století do jejich „národního příběhu“.⁶

Své historické mýty mají všechny národy. Jejich úloha stoupá právě v té etapě, kdy se ze středověké národnosti resp. různých etnických skupin začínají formulovat moderní národy. Ani u Čechů tomu nebylo a ani nemohlo být jinak. Až do počátku 19. století byly české dějiny především dějinami českého území. Dějiny v tomto pojetí – to byl to především popis událostí, které se odehrály za jednotlivých panovníků. Takto pojaté české dějiny neby-

Folklor and Ethnic Identity. In: *Folklor, identičnosť, sãvremennost. Problemi na bãlgarskija folklor*, t. 10, Sofia 2005, s. 326-338.

³ Výraz „Turci“ ve skutečnosti není přesný, protože osmanská říše nebyla středověkým tureckým státem. Etnická příslušnost v ní nehrála úlohu, důležitá byla příslušnost náboženská. Etničtí Turci tvořili v osmanské říši jen asi 10-15% obyvatelstva. Křesťanská Evropa označovala všechny muslimské obyvatele osmanské říše za Turky a zemi samu jako Turecko. Z důvodů tradičních se tohoto označení přidržují i v tomto referátu.

⁴ P. DINEKOV: *Bãlgarski folklor*. 2. vyd., Bãlgarski pisatel, Sofia 1972, s. 451-454. Pokud jde o Skanderbega (původním jménem Gjergj Kastrioti, jméno Skander dostal, když přijal islám), dokázal svou schopnost bojovat v několika bitvách na straně sultána, který mu ělil čestný titul „beg“ (pán). Je ovšem pravda, že později vstoupil a bojoval proti sultánovi Mehmedovi II. – viz např. M. VICKERS: *The Albanians. A Modern History*. I. B. Tauris, London – New York 1999, s. 7-9.

⁵ J. PELIKÁN a kol.: *Dějiny Srbska*. NLN, Praha 2004, s. 96-100.

⁶ J. RYCHLÍK: *Formování národního vědomí v 19. století. Se zřetelem k národům slovanským*. In: *Między kulturą niską i wysoką*. Uniwersytet Łódzki, Łódź 2001, s. 375-384.

ly v rozporu s dějinami okolního světa, ale naopak, tvořily s nimi jeden celek, či lépe řečeno: české dějiny byly jen jakýsi výsekem z univerzálních světových dějin. V rámci historického vědomí tehdejších lidí, tedy v rámci toho, co tehdy věděl průměrný obyvatel o své minulosti, byl samozřejmě široký prostor pro různé pověsti a legendy. Dnes je známe především v literární redakci Aloise Jiráska, kde vyšly pod názvem „Staré pověsti české“. Jirásek sem zařadil řadu pověstí, které za „staré“ považoval již romantismus, byť mají různý původ.⁷ Původní staré pověsti se týkaly především konkrétních osobností minulosti, populárních či naopak nepopulárních, kterým lidové podání připisovalo činy jenž nevykonaly (v pozitivním smyslu), nebo naopak nespáchaly. Šlo ještě o mýtus „přednárodní“, etnický, svým způsobem o folklorní epiku.

Transformace starých pověstí a legend do „celonárodních příběhů“ nastává v souvislosti s formováním moderního národa, což v českých podmínkách odpovídá časovému období koncem 18. a počátkem 19. století. Postavy pověstí (v českém prostředí např. Karel IV., Václav IV., Jan Žižka) se stávají ochránci celonárodních zájmů, resp. bojovníky za národní svobodu. Tato transformace je doprovázena i změnou koncepce dějin. Se vznikem novodobých národů v 19. století začaly být české dějiny chápány nejen jako dějiny českého státního území, ale současně i jako dějiny českého etnika na tomto území, přičemž oba přístupy se kombinovaly. Dějiny Čechů byly ztotožňovány s dějinami českých zemí, k dějinám jiných etnik na území českého státu bylo přihlíženo zpravidla jen tehdy, pokud docházelo ke konfliktu s českým etnikem. V tomto směru nebyl český vývoj ničím zvláštním. České dějiny počátku 19. století musely ovšem reagovat na skutečnost, že starý český stát zde již reálně nebyl, resp. byl přítomen jen potenciálně jako součást habsburské monarchie. Aby se zdůvodnila potřeba jeho reálného obnovení (být opět v rámci habsburských držav), byla vytvořena následující koncepce: v dávných dobách zde měl český národ svůj velký a silný stát, který úspěšně odrazil všechny útoky svých nepřátel-sousedů. Časem byl tento stát oslaben a český národ svým nepřátelům dočasně podlehl. Nyní (v 19. stol.) však nadešel čas, kdy se národ probudí („obrodí“), aby opět dosáhl své bývalé velikosti, což bude také (jednou) znamenat obnovu vlastní-

⁷ *Československá vlastivěda*, III., Lidová kultura. Praha 1968, s. 271-272.

ho státu. Třeba ještě říci, že v lidovém chápání měla obnova národní velikosti i sociální dimenzi. „Staré dobré časy“ byly totiž (samozřejmě zcela naivně a v rozporu se skutečností) chápány i jako věk sociální spravedlnosti, kdy se chudým vedlo „dobře“, zatímco nyní se lidem daří „špatně“. To současně znamená, že obnova někdejší národní velikosti bude znamenat i obnovu sociální spravedlnosti a lidem se opět bude dařit „dobře“.⁸

Výše uvedená koncepce dějin vyžadovala především akceptaci myšlenky, že český národ (ale obecně to platí o každém národě), jak se vyvinul v 19. století, existoval již v dávném středověku a že je odjakživa jakými personifikovaným subjektem dějin. Oba předpoklady byly objektivně nesprávné, protože ve středověku samozřejmě český národ tak, jak jej dnes známe, ještě neexistoval a z toho také vyplývá, že nemohl být subjektem dějin. Pokud jde o koncept nepřítelů, ničícího silný český stát, ten byl ztotožněn s německým etnikem, ať už za hranicemi země české koruny nebo uvnitř. Boje českých knížat s německými císaři, ve kterých šlo o vztah českého státu k Svaté říši římské, resp. o vztah českého panovníka k císaři jako teoretické světské hlavy západního křesťanstva tak dostaly dodatečně národnostní podtext, který v ranném středověku neměly a ani nemohly mít. Obdiv k husitství, který se znovu objevuje v 19. století, zvýrazňuje potom národnostní aspekty tohoto hnutí. České protestantské stavy se jeví v 16. století jako opory českého národního života a jeho samostatnosti. Z tohoto hlediska se pak porážka českých protestantských stavů jeví jako „národní neštěstí bez hranic“ a současně jako konec české samostatnosti.⁹

Koncept českých dějin jako „stýkání a potýkání“ se „dobrých“ Čechů se „zlými“ Němci nacházíme v ucelené podobě poprvé u Františka Palackého, byť kořeny tohoto pojetí jdou mnohem hlouběji do minulosti a stopy je možno nalézt dokonce již v humanistickém období. Palacký koncepci výrazně obohatil vyzdvihováním husitství jako vrcholu národních dějin a naopak Bílé hory jako tra-

⁸ K tomuto problému viz: J. RYCHLÍK: *National Consciousness and Social Justice in Historical Folklore* In: D. HOREDER – H. RÖSSLER – I. BLANK (eds.): *Roots of the Transplanted*. Vol. II., Columbia University Press, New York 1994, s. 43-58.

⁹ J. RYCHLÍK: *Bitva na Bílé Hoře a mýtus o třistaleté porobě*. In: *Literární mystifikace, etnické mýty a jejich úloha při formování národního vědomí*. Studie Slovákckého muzea v Uherském Hradišti, 6, 2001, s. 85-94.

gédie českého národa. V úvodu ke svým „Dějínám národu českého v Čechách a v Moravě“ o tom napsal: „Hlavní tedy obsah a základní tah celého dějinstva českomoravského jest, jakož s Římanství a Němectvím, ve smyslu nyní vyloženém; a jelikož Římanství dotýkalo se Čechův ne samo sebou, ale téměř veskrze jen prostřednictvím Němectva, může se také říci, že dějiny české zakládají se vůbec hlavně na sporu s Němectvem, čili na pojímání a zamítání způsobův a řádův německých od Čechův“.¹⁰ A dále: „Ze tří válek o záležitosti duchovní, kterými v posledním pultisíciletí všichni národové křesťanští až do dna zbourání byli, dvě první, měvše za příčinu náboženské potřeby, v Čechách povstaly i skonaly, a byly vlastně války české. V jedné národ náš, zachovavši až potud neporušené jádro bytu svého, skutky zázračnými celý přemohl takorba svět; ve druhé, zpronevěřiv se sám sobě, nejen nedovedl nic slavného, ale přišel i bez mála na mizinu.“¹¹ Přitom do zapomenutí upadla zcela správná Palackého myšlenka vyjádřená rovněž v úvodu, že totiž bytí byla Bílá hora tragédií, musela přijít, protože stavovský stát byl v toku dějin již odsouzen k zániku a absolutismus v dané historické situaci (na počátku 17. století) představoval přirozený pokrok vpřed. Proto Palacký chápe počátek války třicetileté jako okamžik, kdy Čechy vstoupily do své nové historické doby.¹²

Poslední mýtus se týká husitství jako českého národního a sociálního hnutí, i když z dnešního hlediska zůstává tato otázka poněkud stranou. Z husitství byl od poloviny 19. století čerpán mýtus o tzv. „pokrokových tradicích českého národa“, resp. českého lidu, tj., husitství bylo vydáváno za jakýsi vzor demokracie, resp. v komunistickém období pokusu o sociální spravedlivost, na kterou moderní československý (popř. socialistický českosloven-

¹⁰ F. PALACKÝ: *Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*. I. Praha 1933, s. 17.

¹¹ Tamtéž, s. 18-19.

¹² Tamtéž, s. 21. Myšlenku, že porážka českých stavů na Bílé Hoře nebyla vůbec národní tragédií, ale v delší časové perspektivě byla naopak pro Čechy přínosem, poprvé vyslovil V. V. TOMEK. V jeho pojetí byly neštěstím naopak stavovské a náboženské boje, kterým Bílá Hora učinila konec. (viz jeho studii *O stavovských nepokojích v zemích mocnářství rakouského za panování Rudolfa II. a Matyáše mezi léty 1594-1614* v Časopise českého muzeum 1854-1856). Opatrněji se v tomto směru vyslovil J. Pekař, nicméně i on uznával, že stavovský stát byl ve dvacátých letech 17. století již brzdou a proto musel nastoupit absolutismus jako modernější forma vlády. Viz J. Pekař: *Bílá Hora, její příčiny a následky*. Praha 1921.

ský) stát navazuje.¹³ Možno souhlasit s Petrem Čornejem, který napsal, že od poloviny 19. století „koncepce českých dějin s vysokým oceněním husitské epochy zapustila, byť v zjednodušené podobě, kořeny v historickém povědomí národa a těšila se obecné přízni i úctě. Politicky aktivní vrstvy jazykově české společnosti se pod jejím vlivem do té míry ztotožnily s husity, že se dovolávali jejich příkladu v mohutném státoprávním zápase let 1868-1871 a spatřovala v nich (pochopitelně ahistoricky) své předchůdce v boji za občanské svobody a proti klerikalismu.“¹⁴

Pro člověka majícího alespoň průměrné historické vzdělání nemůže být problém odhalit téměř okamžitě neopodstatněnost a historickou nesprávnost všech uvedených představ. Jak husitstvím, tak Bílou horou se zabýval již před první světovou válkou v polemice s Masarykovou „Českou otázkou“ (a tedy vlastně nepřímo i s Palackým) Josef Pekař. Ten správně označil husitství za hnutí středověké, které nemělo nic společného s moderními demokratickými názory o rovnosti lidí a jejich podílu na správě věcí veřejných.¹⁵ Mýtus, který u Palackého nabývá podobu teze o boji mezi „slovanskou demokracií a německým feudalismem“ jsme vyvrátili vlastně již v předchozím odstavci. Ve středověku nejenže neexistoval německý národ, ale až do roku 1871 neexistoval ani jednotný německý stát, se kterým by český stát mohl bojovat. Ve vztazích českého panovníka k jednotlivým německým státům – především samozřejmě k Bavorsku a Sasku a rakouským zemím, které sousedily s českou korunou – se střídala spolupráce a konflikt, což ovšem platí i o vztazích českých panovníků k ostatním sousedům – Polsku a Uhrám. Vztah k císaři od 15. století, kdy císařská moc v říši definitivně upadla, ztratil na významu a od momentu, kdy se Habsburkové jako čeští králové stali v 16. století prakticky natrvalo římskými císaři, se stal irelevantním. Pokud jde o vztahy mezi českým a německým etnikem v českých zemích,

¹³ Viz Z. NEJEDLÝ: *Komunisté – dědici velikých tradic českého národa*. 4. vydání, Praha 1951.

¹⁴ P. ČORNEJ: *Václav Vladivoj Tomek: Jan Žižka a husitská epocha. Úvod k faksimilovanému vydání knihy V. V. TOMEK: Jan Žižka*. Praha 1993, s. IX.

¹⁵ J. PEKAŘ: *Masarykova česká filozofie*. Praha 1912. Týž: *Smysl českých dějin*. Praha 1929. O celém sporu mezi Masarykem a Pekařem viz M. KUČERA: *Pekař proti Masarykovi*. Praha 1995, s. 23-29.

pak sice skutečně občas docházelo ke konfliktům, avšak z hlediska celého období převažovala nesporně až do 19. století spolupráce a obě komunity žily po většinu času ve vzájemné koexistenci. Přesto teze o „odvěkém potýkání se Čechů s Němci“ prokázala velkou životnost, neboť bylo možno ji využít k politickým cílům jak po roce 1918, tak (zejména) po roce 1945.¹⁶

Co se týče mýtu Bílé hory, pak je nutno si uvědomit, že samotná bitva byla pouhou šarvátkou, kterou císař vyhrál především díky tomu, že špatně placené stavovské vojsko, kterému nebyl již delší čas vyplacen žold, se rozuteklo. Vztahu mezi českým a německým etnikem se celá událost vůbec netýkala, náboženské poměry v českých zemích byly ve skutečnosti otevřenou záležitostí až do konce třicetileté války, tedy do roku 1648. Problém konce české samostatnosti je komplikovaný a při jeho řešení záleží na volbě kritérií. Z právního hlediska se postavení zemí Koruny české po roce 1620 nijak nelišilo od období před rokem 1618 – Habsburkové zde vládli pouze z titulu českých králů, resp. moravských markrabat, takže z tohoto hlediska samostatnost českých zemí nebyla nijak narušena. Tento stav se nijak nezměnil minimálně do vydání pragmatické sankce roku 1713, která vytvořila z dědičných habsburských zemí nedělitelný celek. Posuzujeme-li samostatnost českého státu z hlediska jeho existence jako samostatného subjektu mezinárodního práva, pak naopak přestal český stát existovat již v roce 1526, kdy volbou Ferdinanda I. na český trůn došlo ke spojení českých zemí, Uher a rakouských zemí v personální unii, začínající se rychle měnit v unii reálnou. V jistém ohledu došlo ke ztrátě mezinárodněprávní subjektivity českého státu dokonce již roku 1490 vznikem personální unii s Uhrami. Na druhé straně je třeba říci, že i jako subjekt mezinárodního práva přestával český stát existovat jen postupně, protože v některých mezinárodních smlouvách vystupovali Habsburkové výslovně pouze jako čeští králové a převzaté závazky se ostatních zemí netýkaly. Pokud bychom za kritérium existence českého státu brali trvání historicky vzniklých zemských institucí a podíl české stavovské obce jako tehdejšího „politického národa“ na správě českých zemí společně s panovníkem (*imper-*

¹⁶ Kritiku Palackého názorů podal J. Pekař v Ottově slovníku naučném v obsáhlém biografickém hesle Palackého – viz OSN, XIX, s. 60-61.

um mixtum), pak dospějeme k závěru, že přeměna českého státu v pouhou provincii mnohonárodnostní habsburské říše byla provedena v polovině v 18. století, byť prosazení absolutismu po roce 1620 k podobnému vývoji nepochybně otevřelo cestu.¹⁷

Představě Bílé hory jako konce české samostatnosti, po které následuje dlouhá doba útrap, velmi napomohly historické práce Ernesta Denise *Konec samostatnosti české a Čechy po Bílé hoře*.¹⁸ Denis přímo navázal na Palackého a zřejmě proto se jeho práce v českém prostředí dostalo poměrně velkého ohlasu. Pobělohorská doba se jevila jako „doba temna“, jako období, kdy český národ musel vypít svůj „kalich hořkosti“ až do dna. Název „temno“, vypůjčený z názvu románu Aloise Jiráka se velmi rychle vžil, byť autor sám neměl v úmyslu celou dobu označit jako negativní a nic nepřinášející. Pro protestanty byla pobělohorská doba samozřejmě dobou náboženské nesvobody, což mělo zřejmě svou relevanci i pro Palackého a Denise, kteří byli nekatolíky. V 19. století se nicméně chápání pobělohorské doby jako času neexistence náboženské svobody (na rozdíl od doby předbělohorské) rozšířilo všeobecně prakticky na veškeré české obyvatelstvo, včetně „matrikových katolíků“, tvořících již tehdy většinu společnosti. Pobělohorská doba zároveň získala charakter období, kdy je postižena většina obyvatelstva ztrátou starých práv a svobod. Je to doba zvýšeného útisku poddaných, kterým „cizí“ vrchnost bere jejich stará práva. Místní vzpoury a jejich vůdcové byli již v 18. století často obsahem lokálních pověstí. V 19. století získávají tyto pověsti celonárodní charakter a získávají i národnostní nátlak. Hrdina již neumírá v boji za nějaké staré místní výsady, nýbrž se z něj stává vůdce odboje českých poddaných či měšťanů proti nepřijímací cizí vrchnosti, přičemž tento boj

¹⁷ Historik A. Rezek kladl zánik samostatnosti českého státu do doby panování Marie Terezie, konkrétně k 1. květnu 1749, kdy byla zrušena samostatná česká dvorská kancelář a zřízen nejvyšší společný správní a finanční úřad pro rakouské a české země. Od tohoto okamžiku je také teprve možno hovořit o Rakousku jako státu. Viz A. REZEK – J. DOLENSKÝ – J. KOSINA: *Obrázkové dějiny národa československého*. II. díl, 7. vyd., Praha 1924, s. 172-173. Současně ovšem A. Rezek uznával, že roky 1526 a 1620 byly důležitými mezníky na této cestě – viz tamtéž, s. 14, s. 99-101. Takový přístup je zřejmě nejbližší historické skutečnosti.

¹⁸ E. DENIS: *Fin de l'indépendance bohème*. Paris 1890, též: *La Bohême depuis la Montagne Blanche*. I., II., Paris 1901, 1903. Česky vyšly Denisovy práce v překladech J. Vančury *Konec samostatnosti české*, I., II., Praha 1893, *Čechy po Bílé Hoře*. I., II., Praha 1905, 1906.

má celonárodní význam. S ohledem na poměry v „době temna“ se pak období národního obrození musí nutně jevit jako „svítání po dlouhé noci“ a probuzení k „lepšímu životu“ národa v budoucnu.

Z hlediska historické vědy je většina výše uvedených představ neopodstatněná. Perzekuce nekatolíků v českých zemích sice nepochybně existovala, avšak je třeba si uvědomit, že náboženská nesnášenlivost byla všeobecnou normou tehdejší Evropy. Tolerance k jinému náboženství (jako např. tolerování evangelíků v Uhrách) nebyla výrazem práva na náboženskou svobodu, ale zvláštní milostí panovníka a to ještě zpravidla jen dočasnou. To platilo na obou stranách, a proto katolíci v protestantských zemích rovněž nebyli trpěni. Zvýšení poddanských povinností a připoutání poddaných k půdě, označované někdy jako druhé nevolnictví, nemá rovněž nic společného s Bílou horou. Šlo o důsledek hospodářského rozvratu v době války a především z úbytkem obyvatelstva a nedostatkem pracovních sil. Vzpoury poddaných měly čistě sociální, nikoliv národnostní charakter a byly namířeny jak proti „novým cizím“, tak proti „starým českým rodům“. Co se týče mýtu národního obrození jako „znovuvzkříšení ukřižovaného národa“, nešlo ve skutečnosti o žádné „buzení spících Čechů“, ale o zformování moderního národa coby nové kvality ze staré středověké národnosti. Podobný proces známe u většiny dnes existujících evropských národů, přinejmenším u těch, které se vyvíjely v mnohonárodnostních státech.¹⁹

Po vzniku Československé republiky se mýtus Bílé hory transformoval do podoby příběhu o „třistaleté porobě“ Čechů pod Habsburky a údajném národnostním útisku a germanizaci Čechů v Rakousku, resp. Rakousko-Uhersku. V této koncepci představoval 28. říjen 1918 jakýsi antiklimax 6. listopadu 1620, vznik československého státu, ztotožňovaným v českém chápání se starým státem českým, byl chápán jako „odčinění Bílé hory“. Odtud se rovněž odvíjela teze o potřebě nápravy křivd, které český národ utrpěl pod Habsburky vinou Němců. Ovšem tato koncepce nebyla vhodná z hlediska zapojení Slovenska do jednotné koncepce dějin nového státu, protože ve slovenských dějinách rok 1620 nepředstavuje vůbec žádný mezník.

¹⁹ M. HROCH: *Obrození malých evropských národů*. Praha 1971. O českém národním vývoji viz též: *Na prahu národní existence. Touha a skutečnost*. Mladá fronta, Praha 1999.

Teze o národnostním útisku Čechů v Rakousku a jejich germanizaci ve skutečnosti vůbec neodpovídají skutečnosti. O nerovnoprávném postavení Čechů v monarchii je možno hovořit z hlediska jejich podílu na správě státu jako celku, nikoliv však z hlediska národnostního. V rakouské části monarchie (na rozdíl od Uher²⁰) byla ústavně zaručena rovnoprávnost všech národů i jazyků.²¹ Němčina nebyla nikdy uzákoněna jako státní či hlavní úřední jazyk. Samozřejmě, správa území, na kterém žilo obyvatelstvo hovořící nejméně deseti jazyky, se neobešla bez určité vnitřní jednotící řeči. Takovouto řečí mohla být logicky jedinec němčina jako jazyk dvora, hlavního města a dynastie a jako *lingua franca* tehdejší střední Evropy. Tuto skutečnost však nemožno považovat za germanizaci. Habsburkové samotní se nepovažovali za Němce, germanizaci německých území v žádném směru nepodporovali a neměli zájem vytvářet z Rakouska národnostně německý stát, protože ten by se logicky snažil o připojení k sousednímu sjednocenému Německu. Habsburkové proto zcela správně pokládali všenněmeckou myšlenku za smrtelné nebezpečí pro samotnou existenci monarchie. Česko-německý konflikt včetně jazykových sporů nebyl způsoben existencí habsburské monarchie, nýbrž tím, že v Čechách a na Moravě žily vedle sebe dvě stejně vyspělé národní komunity, z nichž každá měla vlastní program. Konflikt pokračoval i po roce 1918, kdy se Rakousko-Uhersko rozpadlo, což jasně dokazuje, že nebyl vázán na tento státní útvar.

Výše uvedené příběhy působily a působí směrem „dovnitř“, tj. směrem k upevňování národního vědomí a uvědomění si odlišnosti od okolních národů (uvědomění si odlišnosti od okolí je právě podstatou formování národního vědomí). Aby uvedený systém fungoval, je třeba, aby existovaly jako integrální součást systému ještě „vnější“ mýty, tj. fixované historicky nesprávné chápání dějin okolních národů. Postoj k Němcům je dán již představou o odvěkém potýkání se Čechů s Němci. Neopodstatněnost tohoto mýtu byla již ukázána výše. Vztah k Polákům byl naproti tomu formován dvěma protichůd-

²⁰ V Uhrách byla úředním jazykem maďarština (s výjimkou Chorvatska). Omezené používání jiných jazyků určoval zákon č. 44/1868 – viz: *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti*. I., Bratislava 1998, dok. 114, s. 360-365.

²¹ Tuto rovnost zakotvoval článek 19 základního zákona o všeobecných právech státních občanů z 21. 12. 1867. Český text viz např. Z. VESELÝ (ed.): *Dějiny českého státu v dokumentech*. Epocha, Praha 2003, s. 240.

nými faktory: na jedné straně zde působila jazyková blízkost, na druhé odlišný historický vývoj a rozdíl v sociálním složení české a polské společnosti. Aristokratická polská společnost byla kladena do protikladu s „demokratickou“ (rozuměj: plebejskou) společností českou.

Mnohem důležitější se v 19. a 20. století ukázal vztah ke Slováckům. V 19. století se v české společnosti nejprve v souvislosti s kodifikací spisovné slovenštiny objevil mýtus o „odtržení se Slováků“, ačkoliv ve skutečnosti byla situace opačná – ne samostatný jazyk formoval slovenský národ, ale naopak kodifikace slovenštiny byla výrazem narůstající slovenské svébytnosti. Uvedený mýtus byl postupně koncem 19. století překryt „mýtem mladšího bratra“, tj. představou o zaostalosti Slováků, které Češi zachraňují z jařma maďarizace. Tento mýtus se stal do značné míry součástí státní ideologie nového československého státu po roce 1918.²² Nikdo samozřejmě nepopírá a nemůže popřít obrovský význam, který pro dotvoření se slovenského národa měl vznik Československé republiky v roce 1918.²³ Nikdo také nemůže popřít devastující vliv maďarizace, především po rakousko-uherském vyrovnání roku 1867. Bez existence Československa by byl nepochybně celý proces formování slovenského politického národa delší a bolestnější. Na druhé straně je třeba si uvědomit, že proces formování slovenského národa pokročil velmi daleko již před vyrovnáním a proto ani násilná maďarizace jej nemohla zvrátit. Na často diskutovanou otázku, zda by bez vzniku Československa došlo k zániku slovenského národa, nemáme a ani nebudeme samozřejmě nikdy mít jednoznačnou odpověď. Stav výzkumu národního vědomí před rokem 1918 však ukazuje, že přinejmenším bezprostředně takovéto nebezpečí nehrozilo. Přeceňování jazykové blízkosti Čechů a Slováků a nepochopení principu, že každý politicky dotvořený národ se snaží získat vlastní politickou nadstavbu v podobě nějaké formy státnosti, vedl na české straně nejen k nepochopení podstaty autonomistického hnutí, ale i k vytváření dalších mýtů, jako např. legendě o „ráně nožem do zad“ ze strany Slováků v roce 1939.²⁴

²² Uvedený problém podrobně analyzovala norská historička E. BAKKE v knize *Doomed to Failure? The Czechoslovak National Project and the Slovak Autonomist Reaction, 1918-1938*. University of Oslo, Oslo 1998.

²³ Podrobněji viz J. RYCHLÍK: *Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914-1945*. AEP, Bratislava 1997, s. 60-62.

²⁴ D. KOVÁČ, *Dějiny Slovenska*. Praha 1998, s. 359.

Národní příběhy jsou nutné k tomu, aby se zformovala moderní národní identita a aby se u obyvatelstva dostatečně zakořenila. Proto má každý národ své mýty a příběhy. Jsou v určité etapě historického vývoje nezbytné protože pomáhají utvářet či dotvářet historické vědomí. Historik proto musí přesně rozlišovat, co je mýtus a jaká je historická skutečnost.

Формирование «национальной истории» как сущности национальной идеи и национальной идеологии (на примере чехов)

профессор Ян Рыхлик (Карлов Университет, Прага)

Период романтизма, т.е. начало XIX в., является периодом, во время которого народы Центральной и Южной Европы создавали свои «национальные истории». В них должно было отражаться их славное прошлое, настоящее страдание и светлое будущее. Само собой разумеется, что чехи также создали такую историю. Так возник «миф чехов». Действующие лица повестей (в Чехии, например, Карл IV, Вацлав IV, Ян Жижка) превратились в защитников всенародных интересов или же в борцов за национальную свободу. Эта трансформация сопровождалась одновременно изменением концепции истории. Одновременно с возникновением современных наций в XIX в. чешская история начала восприниматься не только как история чешской государственной территории, но и одновременно как история чешского этноса, проживающего на этой территории, причем оба подхода комбинировались. Чешская история отождествлялась с историей чешских земель, а к истории других этносов на территории чешского государства обращались, как правило, лишь тогда, когда возникал конфликт с чешским этносом. В этом отношении чешское развитие не было чем-то особенным. Чешская история начала XIX в. должна была реагировать на тот факт, что древнего чешского государства в действительности уже не существовало или же что оно существовало, но лишь потенциально – в качестве составной части Габсбургской империи. С целью обоснования необходимости его реального обновления (даже в составе Габсбургской державы) была создана следующая концепция: в давних временах у чешского народа было свое великое и могучее государство, которое успешно отражало все нападения своих соседей-врагов. Со временем это государство было ослаблено, и чешский народ поддался своим врагам. Ныне (в XIX в.) пробил час, когда народ пробудится («возродится»), чтобы снова достичь своего бывшего величия, что, в свою очередь, будет также (когда-нибудь) означать обновление собственного государства.

Белорусы в контексте национального возрождения народов западного пограничья Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

кандидат исторических наук, доцент Павел Терешкович (Белорусский государственный университет, Минск)

Цель предлагаемого доклада – объяснить причины отставания национальной мобилизации белорусов на рубеже XIX–XX вв. Объяснение построено на результатах сравнительного анализа социальных условий развития национального движения у шести народов западного пограничья Российской империи: эстонцев, латышей, литовцев, украинцев, бессарабских молдаван (румын) и белорусов, которым уделяется особое внимание. Все эти народы имели сходные стартовые позиции, включая особенности социальной структуры, определенное место в системе социоэтнических отношений, уровень развитости «высокой» культуры и т.д. Вместе с тем уровень национальной мобилизации значительно различался. С известной долей условности можно утверждать, что лидерами этого процесса были эстонцы и латыши, а аутсайдерами – белорусы и молдаване (румыны). Литовцы, несмотря на относительно поздний старт, добились примерно тех же результатов, что и северные соседи. В то же время достижения украинцев были значительно скромнее, хотя значительно превосходили масштаб мобилизации белорусов и молдаван.

Причины отставания белорусов, как правило, рассматриваются на примерах сопоставления с соседями (украинцами или литовцами), реже – в более широком контексте, например Центрально-Восточной Европы. Едва ли не самым ранним опытом исследования формирования белорусской нации в сравнительном контексте является работа польского историка Л. Василевского «Литва и Беларусь. Прошлое, настоящее,

тенденции развития»¹. В ряде случаев автор проводит параллели с украинским движением, история которого ему хорошо известна. По его мнению, белорусское движение развивалось «в условиях исключительно неблагоприятных», к числу которых он относил «слабое этническое начало белорусов» по отношению к ассимиляции со стороны поляков и русских.²

М. Вальденберг – автор, выдержавшей несколько изданий монографии «Национальный вопрос в Центрально-Восточной Европе. История. Идеи»³, отмечает, что быстрее всего процессы формирования наций развивались у чехов и медленнее всего – у белорусов⁴. Отставание белорусов объясняется отсутствием в прошлом собственного государства, недостатком минеральных ресурсов и плодородных почв, низким уровнем урбанизации, грамотности, малочисленностью интеллигенции. Сопоставляя белорусский и литовский случаи, М. Вальденберг обращает внимание на то, что при примерно одинаковом уровне модернизации высокие темпы развития литовского национального движения обусловлены наличием середняков среди крестьянства, значительно большим уровнем отличия литовского языка от русского и национальной активностью католического духовенства. С общим выводом М. Вальденберга о темпах развития белорусского национального движения сложно не согласиться. Вместе с тем его объяснения этого феномена едва ли можно признать исчерпывающими. В частности, сравнивая литовцев и белорусов, отметим, что у последних тоже была достаточно значительная группа крестьян-середняков. Активность же литовского духовенства есть проявление, а не причина национального движения, и она должна быть еще чем-то объяснена.

Некоторые аспекты формирования белорусской нации в контексте этнической истории народов Центрально-Восточной Европы рассмотрены в известной монографии чешского

¹ L. WASILEWSKI, *Litwa i Białoruś. Przeszłość, teraźniejszość, tendencje rozwojowe*. Kraków 1912.

² L. WASILEWSKI, *Litwa i Białoruś*. s. 287.

³ M. WALDENBERG, *Kwestie narodowe w Europie Środkowo-Wschodniej. Dzieje. Idee*. Warszawa 1992.

⁴ M. WALDENBERG, *Kwestie narodowe*. s. 151.

историка М. Гроха «Социальные предпосылки национально-го возрождения в Европе»⁵. Он констатировал, что белорусское национальное движение относилось к типу «опаздывающих», поэтому белорусам, подобно лужицким сербам и бретонцам, не удалось сформировать нацию современного типа. Это было следствием целого ряда причин, включая преобладание крестьянства в социальной структуре (так же как и у ирландцев, эстонцев, литовцев), отсутствие значительного слоя мелкой буржуазии. М. Грох подчеркивает, что так же, как у македонцев и эстонцев, у белорусов большую часть интеллигенции, и соответственно национальных активистов, составляли учителя. Эту особенность он объяснял тем, что именно учителя были той социальной группой, в состав которой крестьяне могли попасть с наименьшими усилиями.

По мнению М. Гроха, многие особенности делают белорусское движение чрезвычайно подобным литовскому. В частности, он отмечает, что города практически не играли значительной роли в развитии обоих движений, так как там не только не было коренного населения, но и не было ни одного активиста, родившегося в городе. С последним, конечно, сложно согласиться.

Среди причин, обусловивших отставание белорусского движения, М. Грох называет низкий уровень развития социальной коммуникации и мобильности, отсутствие регулярных контактов крестьян с рынком. При этом территорию Полесья, наряду с белорусско-литовским пограничьем, частью Нижней Лужицы и, с некоторыми оговорками, Западной Пруссии и Мазовии, он приводит как пример наименьшей интенсивности развития этих феноменов. Именно этим он объясняет распространение этнонимов типа «тутэйшыя», зафиксированных как массовое явление переписями 1919 и 1931 гг.

Среди компаративистских исследований следует также упомянуть неопубликованную диссертацию американского историка С. Гутиера «Истоки украинского народного национализма: демографическое, социальное и политическое исследование украинской национальности до 1917 г.», ин-

⁵ M. HROCH, *Social precondition of national revival in Europe*, Cambridge 1985.

тересующий нас раздел которой достаточно подробно воспроизведен в монографии Я. Грицака⁶. С точки зрения С. Гуттера, украинское и белорусское национальные движения структурно были чрезвычайно близки, что вытекало из схожести социоэтнических и социокультурных характеристик общества (социальная тождественность украинца/белоруса крестьянину, низкий уровень грамотности). Схожими были и этнические портреты других социальных групп: помещиками были поляки или русские, мелкая торговля находилась в руках евреев, бюрократия была русской. Большой размах украинского движения объясняется относительной многочисленностью интеллигенции, позволившей ей, в отличие от белорусской, создать национальные общины, по крайней мере, в двух крупных городах – Киеве и Полтаве.

Естественно, что такой подход несколько схематичен. Явным преувеличением, например, будет считать, что все посты в административном аппарате в Украине и Беларуси занимали русские. Русских среди чиновников на самом деле было 46,3 % в Беларуси (белорусов – 40,2 %) и 53,9 % в Украине (украинцев – 40,8 %). Относительно низкая концентрация интеллигенции у белорусов действительно имела место, однако, например, у литовцев эти показатели не были большими.

Вероятно, учитывая именно схематизм подхода С. Гуттера, Я. Грицак дополнил его аргументы положением о мобилизующей социальной роли исторической памяти о Гетманщине в развитии украинского национального движения (и соответственно отсутствием такого фактора у белорусов), с чем, конечно, нельзя не согласиться.

Определенный интерес представляет публикация украинского историка С. Екельчика «Национализм украинцев, белорусов и словаков»⁷. Автор предлагает сравнивать национализм трех народов не только с точки зрения подходов политической и социальной истории, но и современной культурологии. Он отмечает «крестьянский» характер социальной

⁶ Я. ГРИЦАК, *Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX стол.*, Київ 2000, с. 100–101.

⁷ С. ЕКЕЛЬЧИК, *Націяналізм українцяў, беларусаў і славакаў*, in: *Arche*. №2, 2001, с. 30–41.

структуры, низкий уровень урбанизации, кодификацию литературных языков. С. Екельчик солидаризуется с характеристикой запаздывающего национализма по отношению к национальным движениям белорусов, украинцев и словаков, отмечая, что причиной этого стал национальный гнет, активная ассимиляция, слабость национальной буржуазии и отсутствие рабочего класса. Вместе с тем С. Екельчик так и не объяснил, в чем состоят причины различий между тремя национальными движениями.

Едва ли будет преувеличением сказать, что наибольшее значение для всей историографии нашей темы имеет ряд работ польского этносоциолога Р. Радзика, особенно его монография «Между этнической совокупностью и национальной общностью. Белорусы на фоне национальных изменений в Центрально-Восточной Европе XIX века»⁸. Специальная глава работы Р. Радзика посвящена анализу причин, обусловивших отставание процесса формирования белорусской нации. В качестве объектов сравнения были избраны литовцы, галицийские украинцы и словаки. Автор утверждает, что запаздывание национальных процессов в Беларуси было обусловлено содержанием белорусской народной культуры, особенностями социальной структуры и политикой государственной власти. По мнению Р. Радзика, для белорусской традиционной культуры был характерен чрезвычайно низкий уровень исторического сознания. Автор неоднократно подчеркивает крайне негативные последствия ликвидации в Беларуси униатской церкви. В результате этого белорусы, в отличие от западной части украинцев, литовцев, словаков и словенцев, были лишены социальной группы, которая наилучшим образом смогла бы артикулировать национальные идеи. Среди причин, осложнивших процесс формирования национальной общности белорусов, Р. Радзик отмечает отсутствие собственного «Пьемонта», роль которого у украинцев играла Галиция, у литовцев – Восточная Пруссия.

⁸ R. RADZIK, *Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia*, Lublin 2000

Пожалуй, наиболее детальный анализ литовского и белорусского случаев был сделан американским историком Тимоти Снайдером в монографии «Реконструкция наций. Польша, Украина, Литва, Белоруссия, 1569-1999»⁹. С его точки зрения, тремя главными причинами литовского успеха стали социальное происхождение национальных активистов, характер языка и местоположения имперских границ. Т. Снайдер полагает, что литовские активисты (выходцы из крестьян) имели преимущество перед белорусскими (польскоязычными дворянами-католиками), с чем сложно не согласиться. Но проблема состоит в том, что он сравнивает литовских активистов фазы «Б» с белорусскими фазы «А», что едва ли корректно. Т. Снайдер отмечает, что в то время как литовский язык полностью отличается от славянских, белорусский был «некодифицированным, социально принижённым диалектом, морфологически расположенным между польским и русским языками». Он также подчеркивал, что белорусы были полностью инкорпорированы в Российскую империю. В то же время приблизительно 100 000 литовцев проживали в Германии (Восточная Пруссия), что позволило Йонасу Басанавичюсу издавать там журнал «Ausga». Подобно многим другим учёным, Т. Снайдер полагал: если бы униатская церковь смогла бы выжить в Белоруссии, то, возможно, она стала бы национальным институтом.

В целом же можно выделить три наиболее распространённых объяснения отставания белорусов. Первое, наиболее распространённое, апеллирует к так называемому фактору «Пьемонта»¹⁰. Речь идет о том, что включение этнической территории белорусов целиком в состав Российской империи предоставляло им меньше шансов для этнической мобилизации, чем украинцам и литовцам, у которых Восточная Гали-

⁹ T. SNYDER, *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*, New Haven and London 2003

¹⁰ Этой точки зрения придерживаются также О. Латышонок и С. Токць. А. ЛАТЫШОНАК, *Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі*, in: Спадчына, № 1, 1992, с. 9-14; С. ТОКЦЬ, *Беларускі нацыянальны рух XIX – пач. XX ст. у кантэксте нацыянальных рухаў народаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы*, in: *Нацыянальныя пытанні. Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў*. Мінск 2001

ция и Восточная Пруссия соответственно сыграли инспирирующую роль в развитии национальных движений. Этот факт едва ли можно оспаривать. Однако в латышском и эстонском случаях успех был достигнут при полном отсутствии такого фактора, а в молдавском (румынском) его значение было несопоставимо мало по сравнению с потенциальными возможностями (имеется Румынское королевство). Кроме этого, украинцы в Восточной Галиции и, особенно, литовцы в Восточной Пруссии подвергались интенсивной ассимиляции, с трудом выдерживая конкуренцию с альтернативными национальными проектами.

Согласно второй версии, причиной отставания белорусов стала культурная и языковая близость к русским и полякам, ставящая их в уязвимую позицию по отношению к ассимиляционным угрозам. В различных вариантах эта версия артикулируется в контексте сопоставления «(восточные)славяне – не славяне», либо в процессе обсуждения относительной «силы», пригодности ресурсов традиционной народной культуры для формирования национального проекта. Авторам этих позиций представляется очевидным, что этнокультурные отличия литовцев и богатство эпической культуры украинцев предоставляли им бóльшие шансы, чем белорусам. На наш взгляд, значение этнических отличий не следует преувеличивать. Едва ли молдавский (румынский) язык в меньшей степени отличался от русского, чем литовский, однако это ни в коей степени не повлияло на интенсивность национального движения в Бессарабии. Едва ли отличия литовского языка от немецкого были меньшими, чем от русского, однако германизация литовцев в Восточной Пруссии развивалась быстрыми темпами. Можно сослаться и на пример словаков, чьи языковые отличия не спасли от масштабной мадьяризации во второй половине XIX в. Что же касается фольклорных ресурсов, пригодных для национального мифотворчества, то, во-первых, надежная шкала измерения их пригодности едва ли может быть создана. А во-вторых, пример эстонцев и в еще большей степени латышей свидетельствует, что их отсутствие с успехом может быть компенсировано имитацией в ходе общего «изобретения традиции».

Третья версия акцентирует внимание на роль духовенства, униатского у украинцев в Восточной Галиции и католического у литовцев, и на отсутствие подобной социальной группы у белорусов. Необходимо подчеркнуть, что ее наличие не является необходимым условием национальной мобилизации. В латышском и эстонском движениях роль духовенства была незначительна, а у молдаван эта группа, несмотря на доминирование в своей сословной среде по отношению к национальному движению, вела себя пассивно. Положение униатского духовенства в Восточной Галиции во многом было обусловлено политикой Габсбургской администрации. В условиях Российской империи униатство не дало аналогичных результатов. Активная роль литовских священников в национальном движении была связана не с католичеством как таковым, а с характером восходящей социальной мобильности в Литве XIX в.

На наш взгляд, относительный успех того или иного движения объясняется не только и не сколько приведенными выше факторами, но главным образом социальной готовностью общества к массовой национальной мобилизации. Она же, в свою очередь, определяется наличием национальной элиты, способной сформулировать национальный проект, а также значительных масс населения, способных на него адекватно отреагировать. В свою очередь, эта социальная готовность зависит от общего уровня модернизации и степени воздействия на нее различных, преимущественно примордиальных по своему характеру факторов.

Статья основана на анализе статистических источников XIX – начала XX вв., два из которых нуждаются в дополнительном комментарии. Во-первых, это сравнительно мало задействованное в компаративистике экономико-статистическое исследование начала XX в. «Торговля и промышленность Европейской России по районам»¹¹. Сами составители отме-

¹¹ Торговля и промышленность Европейской России по районам. Санкт-Петербург б.д.; Общая часть и приложения. Санкт-Петербург б.д.; вып.2. Северо-Западная земледельческая полоса. Санкт-Петербург б.д.; вып. 7. Южная хлеботорговая полоса. Санкт-Петербург б.д.; вып.8. Южная горнопромышленная полоса. Санкт-Петербург б.д.; вып. 9. Юго-Западная земледельческая и промышленная полоса. Санкт-Петербург б.д.; вып. 10. Полеская полоса. Санкт-Петербург б.д.; вып.11. Привислинская полоса. Санкт-Петербург, б.д.

чали, что это первый в истории России опыт систематического сравнительного свода данных, отражающий обороты внутренней и внешней торговли, промышленности, перевозки грузов по железным дорогам и водным путям сообщения. Информация картографировалась на уровне отдельных населенных пунктов и волостей, на основании чего были выделены торгово-промышленные районы: группы волостей, тяготеющих к определенным населенным пунктам. Они, в свою очередь, были объединены в так называемые полосы – крупные регионы с достаточно четко выраженной специализацией и примерно одинаковым уровнем «оживления торгово-промышленной жизни». Этот уровень высчитывался как абсолютная сумма торгово-промышленного оборота в рублях на одного жителя. Составители подчеркивали, что торговый оборот является показателем «потребительской силы» определенной местности. На наш взгляд, материалы этого сборника отражают интенсивность экономической активности и могут быть рассмотрены как один из важнейших показателей уровня модернизации.

Во-вторых, это материалы Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г.¹². По богатству материалов она превосходит все другие статистические материалы (впрочем, не только того времени, но и всего XX века). В ней содержится огромный фактический материал об этническом, конфессиональном, сословном, профессиональном составе населения, уровне грамотности и т.д. Наличие многочисленных корреляционных таблиц позволяет проследить развитие эт-

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 86-ти томах, под ред. Н. А. Тройницкого. т.4. Виленская губерния. Тетради 1-3. Санкт-Петербург 1899-1904; т.5. Витебская губерния. Тетради 1-3. Санкт-Петербург 1899-1903; т.7. Волынская губерния. Санкт-Петербург 1903; т.11. Гродненская губерния. Санкт-Петербург 1904; т.12. Екатеринославская губерния. Санкт-Петербург 1904; т.16. Киевская губерния. Санкт-Петербург 1904; т.17. Ковенская губ. Санкт-Петербург 1904; т.19. Курляндская губерния. Санкт-Петербург 1904; т.21. Лифляндская губерния. Санкт-Петербург 1904; т.22. Минская губерния. Санкт-Петербург 1904; т.23. Могилевская губерния. Санкт-Петербург 1904; т.32. Подольская губерния. Санкт-Петербург 1905; т.33. Полтавская губерния. Санкт-Петербург 1905; т.44. Харьковская губерния. Санкт-Петербург 1905; т.47. Херсонская губерния. Санкт-Петербург 1905; т.48. Черниговская губерния. Санкт-Петербург 1905; т.49. Эстляндская губерния. Санкт-Петербург 1905

нических и миграционных процессов. Вместе с тем известно, что в организации и методике проведения переписи было много недостатков. Наибольшие претензии предъявляются к определению этнической принадлежности по «родному языку». Необходимо отметить, что такой подход был обусловлен не только реалиями Российской империи, где процессы формирования устойчивой этнической идентичности были далеки от завершения, но и требованиями международных организаций, в частности, Международного статистического конгресса. Добавим, что подобный способ определения этнической принадлежности практиковался и в других государствах Европы.

При интерпретации материалов Переписи 1897 г. необходимо учитывать особенности механизма ее проведения. Переписные листы заполнялись заранее, а в день проведения подлежали лишь сверке (в этом секрет проведения переписи за один день). При этом грамотные сами заполняли переписные листы и, следовательно, самостоятельно определяли, какой язык указать родным. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что графы «родной язык» и грамотность в переписном листе стояли рядом. Поэтому случаи, когда интервьюируемый, владея в той или степени русским, польским, немецким и другими языками, в то же время считал родным языком белорусский, украинский, литовский и т. д., с нашей точки зрения являются примерами осознанной этнокультурной ориентации и могут быть квалифицированы как факты этнического самосознания. Что касается неграмотного населения, то счетчики были обязаны вписывать в анкету название того языка, «который каждый считает для себя родным». Однако, как происходило это на самом деле, сейчас сказать сложно.

Что же касается интерпертации материалов Переписи 1897 г., то необходимо еще и еще раз подчеркнуть: перепись дает информацию о родном языке, и в случаях с неграмотным населением – только о родном языке, при этом с точки зрения переписчиков. Перепись, таким образом, отражает лингвистическую, а не национальную ситуацию. Это принципиальный момент. Поэтому публикацию материалов Переписи

си 1897 г. (т. е. интерпретацию) необходимо рассматривать как социальный проект, инструмент социальной инженерии (что, кстати, и сработало), а не как отражение массовой идентичности, национальная форма которой на этом уровне еще в принципе не существовало.

Согласно экономической статистике, на рубеже XIX и XX вв. Беларусь была наиболее депрессивным регионом западной части Российской империи. Торгово-промышленный оборот здесь составлял всего 25,8 рубля на душу населения, в то время как в Молдове – 31,2, Литве – 39, Украине – 70,2, Эстонии – 85,5, Латвии – 204,8. Очевидно, что прямой зависимости между интенсивностью рыночных отношений и национальной мобилизацией не существует. Об этом свидетельствует пример Литвы, незначительно опережавшей в экономическом отношении Беларусь и Молдову и значительно уступавшей Украине, но тем не менее исключительно активной в национальном отношении. Следует согласиться с М. Грохом, утверждавшим, что для национальной активности необходим некий минимум рыночных отношений, обеспечивающий функционирование восходящей социальной мобильности.¹³

Следует отметить, что все народы региона к концу XIX в. располагали относительно многочисленным слоем национальной (прото)элиты. По крайней мере, ее было вполне достаточно для формулирования национального проекта и проведения национальной агитации. Вместе с тем социальные ресурсы народов региона в этом отношении существенно различались. Так, среди латышей лица с «образованием выше начального» (формулировка Переписи 1897 г.) составили 46,6 на 10 тысяч человек, эстонцев – 38,6, молдаван – 35,7, украинцев – 27,2, белорусов – 17,8, литовцев – 17,3. Очевидно, что ни численность, ни «критическая масса» интеллигенции в данном случае существенной роли не сыграли. Высокие показатели молдаван, а низкие – литовцев не обеспечили национального успеха и не смогли затормозить развитие национального движения. Необходимо отметить,

¹³ М. HROCH, *Social precondition*, s. 86.

что для успешной реализации национального проекта вполне достаточно относительно небольшого абсолютного количества национальных интеллектуалов. Так, у эстонцев их численность составила всего 3 442 человека, литовцев – 2 726. В то же время многочисленность этой группы у украинцев (44 271 человек) не обеспечила адекватного уровня успеха.

Детальный анализ состава национальной (прото)элиты также свидетельствует, что все народы пограничья обладали достаточными социальными ресурсами для развития национальных движений, включая такие традиционно политически активные профессиональные группы, как частнопрактикующие юристы, журналисты, литераторы и т.д. При этом абсолютные цифры существенного значения не имели. Так, успешное в национальном отношении эстонское движение располагало ресурсом из 37 юристов и 69 «занятых наукой, литературой и искусством», литовское – соответственно 32 и 43, а украинское – соответственно 442 и 467. Что же касается национальной бизнес-элиты (купечества), то в своей социальной среде относительного успеха добились лишь эстонцы (15,5 % предпринимателей) и латыши (10,4%). Представительство же белорусов (1,9%), молдаван (2,2%) было ничтожным. Однако наименьшим был этот показатель у литовцев (1,4%), что, по нашему мнению, еще раз подтверждает правильность тезиса Дж. Бройли о незначительности роли бизнес-элиты в развитии национальных движений.¹⁴

Представительство коренных групп населения в структурах управления служит показателем развитости каналов социальной мобильности и социально-психологического комфорта национальной (прото)элиты. Хотя доля эстонцев (53,2%), латышей (45,1%), белорусов (38,7%) и украинцев (40,8%) среди чиновников была значительна ниже их удельного веса в структуре населения, она в любом случае была достаточно высока. В то же время у литовцев (18,7%), молдаван (10,2%) она была значительно ниже. Очевидно, что непосредственной зависимости между уровнем национальной активности и возможностью (или ее отсутствием) сделать

¹⁴ J. BREUILLY, *Nationalism and the state*, Manchester 1992, s. 30

карьеру в структурах государственной власти не существовало.

Интеллигенция массовых профессий, особенно учителя, играли исключительно важную роль в развитии национальных движений. Именно они являлись связующим звеном между лидерами, генерирующими национальный проект, и его массовыми адептами. Социальные ресурсы народов пограничья в этом отношении существенно различались. Так, у эстонцев на каждые 100 000 человек приходилось 195 учителей, латышей – 147, белорусов – 67,4, украинцев – 57,6, литовцев – 43,6, молдаван – 42. Однако и в данном случае, очевидно, не существует прямой зависимости между наличием этого ресурса и успехом национального движения.

Во многом успех национальных движений зависит от массовой поддержки городского населения. Ресурсы народов пограничья в этом отношении также серьезно отличались. Эстонцы были единственным народом региона, составлявшим большинство среди горожан (67,4%), значительным было представительство латышей (38,1%) и украинцев (32,2%), а белорусов (16,5%) и молдаван (14,6%) – наоборот. Парадокс состоит в том, что литовцы смогли добиться успеха при минимальных ресурсах в этой сфере. Они были наименее урбанизированным народом пограничья (лишь 1,7% литовцев жило в городах), а среди горожан составляли всего 7,7%.

Решающим фактором успеха, на наш взгляд, является массовая готовность к восприятию национальной риторики, определяемая степенью распространения грамотности. В абсолютных показателях (грамотное население по отношению ко всему остальному) ситуация выглядела следующим образом: у эстонцев грамотные составляли 80%, латышей – 70,9%, литовцев – 36,8%, белорусов – 13,5%, украинцев – 12,9%, молдаван – 6,2%. Еще более существенные отличия существовали в сфере женской грамотности. Если у эстонцев, латышей и литовцев уровень грамотности среди женщин не уступал или даже незначительно превосходил грамотность среди мужчин, то среди белорусок (7,3%), украинок (3,2%) и молдаванок (1,7%) ситуация была кардинально иной. Относительно более высокий уровень грамотности белорусок

был связан с конфессиональной принадлежностью. Католики составляли около 14% белорусов, уровень грамотности среди белорусок католичек (24,8%) в 8 раз превосходил аналогичный показатель среди белорусок православных (3,07%), среди которых грамотность была распространена примерно на том же уровне, что среди украинок. На наш взгляд, именно женская грамотность является ключевым фактором относительного успеха национальных движений. В условиях господства имперского дискурса и его ретрансляции через систему образования единственно возможным способом выстраивания национальной альтернативы было домашнее воспитание, в котором ключевое место занимала женщина. Именно ее способность к восприятию национальной риторики, обусловленная грамотностью, в конечном счете определяла успех национального проекта в целом. Характерно, что хотя грамотность является результатом и типичным проявлением модернизации, ее распространение, особенно среди женщин, было детерминировано сугубо примордиальными факторами. Было бы неправильно их связывать исключительно с конфессиональной принадлежностью, хотя очевидно, что протестантизм в максимальной степени, а православие – в минимальной содействовали распространению грамотности среди женщин. Необходимо подчеркнуть, что речь идет об определенной конфессионально-территориальной традиции. Например, у православных эстонок уровень грамотности был почти таким же, как у протестанток. В западных регионах Беларуси с высоким удельным весом католиков грамотность среди православных белорусок (5,4%) была выше, чем на Востоке (2,8%), где доминировали православные. Аналогичным образом уровень грамотности среди белорусок католичек на Западе составлял 35,4%, на Востоке – 21,7%.

В целом же относительный успех или неудача того или иного конкретного национального движения определяется уникальным для каждого случая сочетанием различного рода факторов. Чисто модернизационные показатели выполняют лишь роль своеобразного фона, составляющего необходимый минимум условий для реализации национальных проектов, но не являются определяющими в достижении успеха.

Практически все народы западного пограничья Российской империи на рубеже XIX и XX вв. достигли минимально необходимого уровня модернизации, пригодного для формирования (прото)национальных элит. Вместе с тем относительный уровень модернизации в сочетании с конфессионально-региональными традициями отношения грамотности в целом (и особенно женской) обусловил существенные различия в темпах и масштабах национальной мобилизации. Эстонский, латышский и литовский проекты получили массовую поддержку, белорусский, молдавский (румынский) и в меньшей степени украинский остались преимущественно элитарными, что и обусловило их относительно меньший успех.

BĚLORUSOVÉ V KONTEXTU NÁRODNÍHO OBROZENÍ NÁRODŮ ZÁPADNÍHO POHRANIČÍ RUSKÉHO IMPÉRIA NA ROZHŘANÍ 19. A 20. STOLETÍ

Doc. Pavel Tereshkovich, CSc.

(Běloruská státní univerzita, Minsk)

Cílem daného příspěvku je vysvětlit příčiny zaostávání národní mobilizace Bělorusů na konci 19. – začátku 20. st. Analýza příčin se zakládá na výsledku komparativního rozboru sociálních podmínek rozvoje národního hnutí u šesti národů západního okraje Ruského impéria: Estonců, Lotyšů, Litevců, Ukrajinců, besarabských Moldavanů (Rumunů) a Bělorusů se zaměřením na poslední z nich. Všechny tyto národy měly shodné startovní pozice včetně zvláštností sociální struktury, místa v systému socioetnických vztahů, úrovně rozvoje „vysoké“ kultury atd. Nicméně úroveň národní mobilizace se výrazně lišila. S jistou dávkou konvence lze tvrdit, že leadery těchto procesů byli Estonci a Lotyšši a outsiders Bělorusové a Moldavané (Rumuni). Nehledě na pozdní začátek dosáhli Litevci téměř stejných výsledků jako jejich severní sousedé. Zároveň byly úspěchy Ukrajinců značně skromnější, i když dosti přesahovaly rozsah mobilizace Bělorusů a Moldavanů.

Důvody zaostávání Bělorusů se zpravidla zkoumají na příkladech porovnávání se sousedy (Ukrajinci nebo Litevci), méně často v širším kontextu, například Střední Evropy. Celkem lze uvést tři nejobvyklejší vysvětlení zaostávání Bělorusů.

První, nejrozšířenější, se obrací na tak zvaný faktor „Piemontu“¹. Jde o to, že celkové zapojení etnického území Běloruska do skladby Ruské říše jim poskytovalo menší šance pro etnickou mobilizaci, než Ukrajincům a Litevcům, u kterých Východní Halič i Východní Prusko sehrály inspirující roli v rozvoji národních hnutí. Tento fakt lze jen stěží popírat. Ovšem v lotyšském a estonském případě byl úspěch dosažen za úplné absence tohoto faktoru a v případě moldavském (rumunským) byl jeho význam mnohem menší v porovnání s potenciálními možnostmi (existence Rumunského království). Kromě toho byli Ukrajinci ve východní Haliči a zvláště Litevci ve východním Prusku vystaveni intenzivní asimilaci a jen stěží odolávali konkurenci s alternativními národními projekty.

Podle druhé verze se příčinou zaostávání Bělorusů stala kulturní a jazyková blízkost k Rusům a Polákům, která je dávala do znevýhodněné pozice vůči hrozbě asimilace². V různých variantách je tato verze artikulována v kontextu porovnání „(východní) Slované – „Neslované“ nebo v procesu diskutování relativní „síly“, způsobilosti zdrojů tradiční lidové kultury pro formování národního projektu. Zastáncům těchto pozic se zdá zřejmé, že etnokulturní odlišnosti Litevců a bohatství etnické kultury Ukrajinců jim poskytovaly větší šance než Bělorusům. Ovšem podle mého názoru nelze význam etnických rozdílů přeceňovat. Moldavský (rumunský) jazyk se stěží odlišuje od ruštiny méně než jazyk litevský, ovšem tento faktor vůbec neovlivnil intenzivnost národního hnutí v Besarábii. Litevský jazyk se stěží odlišoval od němčiny méně než od ruštiny, ovšem proces germanizace Litevců ve východním Prusku pokračoval velmi rychle. Lze se odvolat i na příklad Slováků, jejichž jazyková odlišnost je nezachránila před rozsáhlou maďarizací ve druhé polovině 19. století. Co se týká folklorních zdrojů vhodných pro vytváření národních mýtů, pak za prvé, spolehlivé měřítko jejich vhodnosti může být vytvořeno jen stěží. Za druhé, příklad Estonců a v ještě větší míře Lotyšů svědčí o tom, že jejich absence může být úspěšně kompenzována imitací v průběhu obecného „vynalézání tradice“.

¹ A. ЛАТЫШОНАК, *Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі*, in: Спадчына, № 1, 1992, с. 9-14; С. ТОКЦЬ, *Беларускі нацыянальны рух XIX – пач. XX ст. у кантэксце нацыянальных рухаў народаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы*, in: Нацыянальныя пытанні. Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў, Мінск 2001; R. RADZIK, *Między zbiorowoscią etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia*, Lublin 2000; T. SNYDER, *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*, New Haven and London 2003

² L. WASILEWSKI, *Litwa i Białoruś. Przeszłość, teraźniejszość, tendencje rozwojowe*, Kraków 1912; M. WALDENBERG, *Kwestie narodowe w Europie Środkowo-Wschodniej. Dzieje. Idee*, Warszawa 1992; R. RADZIK, *Między zbiorowoscią etniczną*; T. SNYDER, *The Reconstruction of Nations*.

Třetí verze soustřeďuje pozornost na úlohu duchovenstva – uniatského u Ukrajinců ve východní Haliči a katolického u Litevců a zároveň na nepřítomnost podobné sociální skupiny u Bělorusů³. Je nutné zdůraznit, že jeho přítomnost není nezbytnou podmínkou mobilizace národa. V lotyšském a estonském národním hnutí byla úloha duchovenstva nepatrná a u Moldavanů se tato skupina přes převahu ve svém stavovském prostředí chovala vůči národnímu hnutí pasivně. Stav uniatského duchovenstva ve východní Haliči byl v mnohém značně určován politikou habsburských úřadů. V prostředí Ruského impéria uniatsství nepřineslo stejné výsledky. Aktivní úloha litevských kněží v národním hnutí nebyla spojena s katolictvím samotným, ale s povahou stoupající sociální mobility v Litvě 19. století.

Podle mého názoru se relativní úspěch toho kterého hnutí vysvětluje nejenom výše zmíněnými faktory, ale hlavně sociální připraveností společnosti k masové mobilizaci národa. Tak se pak určuje přítomností národní elity, která je schopná zformulovat národní projekt a zároveň značného počtu obyvatelstva schopného na tento projekt, adekvátně reagovat. Tato sociální připravenost je pak závislá na obecné úrovni modernizace a na ni působících různých, převážně primordiálních faktorů.

Jako prameny nám posloužily statistické údaje z konce 19. století – První všeobecné sčítání Ruského impéria r. 1897 a hospodářský přehled „Obchod a průmysl Ruska po regionech“⁴.

Podle ekonomické statistiky bylo na konci 19. a začátku 20. století Bělorusko nejzaostalejším regionem západní části Ruského impéria. Obchodně průmyslový obrat zde tvořil pouze 25,8 rublů na jednoho obyvatele, zatímco v Moldavsku činil 31,2, Litvě – 39, Ukrajině – 70,2, Estonsku – 85,5, Lotyšsku – 204,8 rublů. Je evidentní, že přímá vazba mezi intenzitou tržních vztahů a mobilizací národa neexistuje. O tom svědčí příklad Litvy, která ekonomicky nepatrně předháněla Bělorusko a Moldavsko, ve značné míře zaostávala za Ukrajinou, ovšem byla výjimečně aktivní po stránce národní. Je nutné souhlasit s Miroslavem Hrochem, který tvrdí, že pro národní aktivitu je nezbytná existence jistého minima tržních vztahů, která zabezpečuje fungování stoupající sociální mobility⁵.

Je třeba zdůraznit, že všechny národy regionu disponovaly ke konci 19. st. relativně četnou vrstvou národní (proto)elity. Přinejmenším tato vrstva celkem postačovala k formulování národního projektu a k

³ M. HROCH, *Social precondition of national revival in Europ*, Cambridge 1985; R. RADZIK, *Między zbiorowoscią etniczną*; T. SNYDER, *The Reconstruction of Nations*

⁴ П. ТЕРЕШКОВИЧ, *Этническая история Беларуси XIX – начала XX вв. в контексте Центрально-Восточной Европы*, Минск 2004, с. 112-126; 169-178

⁵ M. HROCH, *Social precondition*, s. 86.

uskutečnění národní agitace. Ovšem sociální zdroje národů regionu se v tomto ohledu značně lišily. Osoby se „vzděláním vyšším než základní“ (podle formulace sčítání r. 1897) tvořily mezi Lotyšy průměr 46,6 na 10 tisíc obyvatel, u Estonců – 38,6, Moldavanů – 35,7, Ukrajinců – 27,2, Bělorusů – 17,8, Litevců – 17,3.

Z uvedených čísel vyplývá, že počet ani „kritické množství“ inteligence nehrálo v tomto případě významnou roli. Vysoké ukazatele Moldavanů nezabezpečily národní úspěch a nízké ukazatele Litevců nemohly zabrzdit rozvoj národního hnutí. Lze tedy říci, že pro úspěšnou realizaci národního projektu je celkem postačující relativně nevelké množství intelektuálů. Například u Estonců byl jejich počet pouze 3442 obyvatel, u Litevců – 2726 obyvatel. Zároveň početnost této skupiny u Ukrajinců (44271 obyvatel) nezabezpečila adekvátní úroveň úspěchu.

Podrobný rozbor skladby národní (proto)elity zároveň svědčí o tom, že všechny národy pohraničí Ruské říše disponovaly postačujícími sociálními zdroji pro rozvoj národních hnutí včetně takových tradičně politicky aktivních skupin, jako jsou soukromě praktikující právníci, novináři, literáti atd. Absolutní čísla zároveň neměla velký význam. Například úspěšné estonské hnutí disponovalo zdrojem, který se skládal z 37 právníků a 69 osob „zabývajících se vědou, literaturou a uměním“, litevské hnutí mělo 32 a 43 takových osob, ukrajinské – 442 a 467. Co se týká národní podnikatelské elity (kupci), pak relativního úspěchu ve svém prostředí dosáhli pouze Estonci (15,5 % podnikatelů) a Lotyšů (10,4%). Zastoupení Bělorusů (1,9%) a Moldavanů (2,2%) bylo nepatrné. Nejmenší byl tento koeficient u Litevců (1,4%), což podle mého názoru znovu potvrzuje správnost tvrzení J. Breuillyho o nepatrné úloze podnikatelské elity v rozvoji národních hnutí⁶.

Zastoupení původních skupin obyvatelstva v úřadech je ukazatelem rozvoje proudů sociální mobility a sociálně psychologického komfortu národní (proto)elity. I když podíl Estonců (53,2%), Lotyšů (45,1%), Bělorusů (38,7%) a Ukrajinců (40,8%) byl mezi úředníky mnohem nižší než jejich celkový počet v struktuře obyvatelstva, tak stejně zůstal vysoký. Zatímco u Litevců (18,7%) a Moldavanů (10,2%) byl tento počet ještě mnohem nižší. Je evidentní, že bezprostřední vazba mezi úrovní národní aktivity a možností (nebo nemožností) udělat kariéru ve státních úředních strukturách neexistovala.

Intelligence masově rozšířených oborů (zvláště učitelé) hrají výjimečně důležitou úlohu v rozvoji národních hnutí. Právě tyto obory jsou spojovacím článkem mezi vůdci tvořícími národní projekt a jeho masovými adepty. Sociální zdroje národů pohraničí ruské říše se v tomto ohledu značně lišily. Například u Estonců na každých 100 tisíc obyvatel připadalo 195 učitelů, u Lotyšů – 147, Bělorusů – 67,4, Ukrajinců – 57,6, Litevců – 43,6, Moldavanů – 42 obyvatel. Ovšem v tomto případě

⁶ J. BREUILLY, *Nationalism and the state*, Manchester 1992, s. 30

zřetelně neexistují přímé vazby mezi přítomností tohoto zdroje a úspěšností národního hnutí.

Úspěch národních hnutí je v mnohém závislý na masové podpoře městského obyvatelstva. Zdroje národů periferie Ruské říše se v tomto ohledu také značně lišily. Estonci byli jediným národem regionu, který měl velký počet městského obyvatelstva (67,4%), značný počet městského obyvatelstva měli Lotyšů (38,1%) a Ukrajinci (32,2%). Bělorusové (16,5%) a Moldavané (14,6%) naopak měli nízký počet městského obyvatelstva. Paradox spočívá v tom, že Litevci dokázali dosáhnout úspěchu s minimálními zdroji v této sféře. Byli nejméně urbanizovaným národem okraje (pouze 1,7% Litevců bydlelo ve městech) a mezi měšťany Litevci tvořili pouze 7,7%.

Rozhodujícím faktorem úspěchu je podle mého názoru masová připravenost k přijetí národní rétoriky, která se určuje úrovní rozšíření gramotnosti. V absolutních ukazatelích (gramotné obyvatelstvo vzhledem k ostatnímu obyvatelstvu) vypadala situace takto: u Estonců tvořili gramotní 80%, u Lotyšů – 70,9%, Litevců – 36,8%, Bělorusů – 13,5%, Ukrajinců – 12,9%, Moldavanů – 6,2%. Ještě větší rozdíly existovaly ve sféře ženské gramotnosti. Pokud u Estonců, Lotyšů a Litevců úroveň gramotnosti mezi ženami nebyla menší, ale dokonce někdy i trochu větší než úroveň gramotnosti mezi muži, pak mezi Běloruskami (7,3%), Ukrajinkami (3,2%) a Moldavankami (1,7%) byla situace úplně jiná. Relativně vyšší úroveň gramotnosti Bělorusek byla spojena s konfesionální příslušností. Katolíci tvořili téměř 14% Bělorusů, úroveň gramotnosti mezi Běloruskami katolíčkami (24,8%) byla 8 krát větší než mezi pravoslavnými Běloruskami (3,07%), mezi kterými byla gramotnost rozšířena téměř na stejné úrovni jako mezi Ukrajinkami. Podle mého názoru je právě ženská gramotnost klíčovým faktorem relativního úspěchu národních hnutí. V podmínkách nadvlády imperiálního diskurzu a jeho šíření vzdělávacím systémem byla jediným možným způsobem budování národní alternativy domácí výchova, ve které klíčové postavení patřilo právě ženě. Právě její schopnost chápat národní rétoriku (podmíněná gramotností) určovala nakonec celkový úspěch národního hnutí. Je příznačné, že ačkoliv je gramotnost výsledkem a typickým projevem modernizace, její šíření, a to zvláště mezi ženami, byla determinována výlučně primordiálními faktory. Byla by chyba spojovat je výlučně s příslušností ke konfesi, ovšem je evidentní, že protestantismus v maximální míře a pravosláví v míře minimální přispívaly k šíření gramotnosti mezi ženami. Je nutné podtrhnout, že jde o určité konfesionálně teritoriální tradice. Například úroveň gramotnosti mezi pravoslavnými Estonkami se téměř nelišila od protestantek. V západních regionech Běloruska s velkým počtem katolíků byla gramotnost mezi pravoslavnými ženami (5,4%) vyšší než v regionu východním (2,8%), kde byli převážně pravoslavní. Obdobně úroveň gramotnosti mezi běloruskými katolíčkami na západě tvořila 35,4% a na východě 21,7%.

Celkově je však relativní úspěch nebo neúspěch konkrétního národního hnutí určován pro každý jednotlivý případ kombinací faktorů různé povahy. Ryze modernizační ukazatele hrají pouze úlohu svérázného pozadí, které tvoří nezbytné minimum podmínek pro uskutečnění národních projektů, nejsou ovšem rozhodující pro dosažení úspěchu. Téměř všechny národy západního pohraničí Ruského impéria dosáhly na konci 19. a začátku 20. století. minimálně nezbytné úrovně modernizace vhodné pro formování (proto)národních elit. Relativní úroveň modernizace spolu s konfesně regionálními tradicemi celkového vztahu gramotnosti (zvláště ženské) způsobila zároveň značné rozdíly v tempech a rozsahu národní mobilizace. Estonský, lotyšský a litevský projekt dosáhly masové podpory. Běloruský, moldavský (rumunský) a v menší míře ukrajinský zůstaly převážně záležitostí elit, což způsobilo jejich menší úspěch.

HISTORICKÁ STÁTNOST A NÁRODNÍ HNUTÍ: ČESKO-BĚLORUSKÉ SROVNÁNÍ¹

PhDr. Miloš Řezník, PhD.

(Technická univerzita, Chemnitz)

Existence historické státnosti ve smyslu použitelné dějinné tradice nebo nepřetržitého, byť třeba v různé míře omezeného přetrvání politické jednotky, bývá všeobecně chápána jako významný faktor ovlivňující průběh národního hnutí včetně jeho programu, dynamiky a šancí úspěšně se rozvíjet směrem k formování moderního národa. Jak je všeobecně známo, v konečném důsledku to v případech, kdy nedošlo k naprostému zániku pozůstatků těchto státností, mohlo hrát významnou roli také při etablování moderních národních států 20. století.

Z hlediska průběhu národních hnutí a národně formačních procesů však možnost odvolat se k podobným tradicím byla významná zejména vzhledem k následujícím okolnostem:

1. Státně historická tradice byla použitelná při propagaci, šíření a vysvětlování národního vědomí a etnicko-národní identity, mohla být jednou z kategorií, jejímž prostřednictvím bylo lze názorněji představit existenci národa a sám národ v jeho značně abstraktní rovině jako společenství lidí, jejichž většina není ve vzájemném každodenním styku.

¹ Předkládaný text je mírně přepracovanou verzí referátu, přednešeného na česko-běloruské konferenci Cesty k národnímu hnutí v Praze 4. 7. 2006. Není monografickou analýzou české a běloruské historické paměti nebo dokonce dějin historiografie, nýbrž esejisticky pojatou úvahou o obecných podmínkách pro význam historické státnosti ve vztahu k českému a běloruskému národnímu hnutí. Z tohoto důvodu rezignujeme na poznámkový aparát, neboť se argumentace vesměs vztahuje k základním nebo všeobecně reflektovaným faktům a problémům spojeným s politickým, ideovým a kulturním vývojem obou zemí v 19. a raném 20. století. Ze základních prací k běloruskému tématu viz mj. R. LINDNER: *Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrußland im 19. und 20. Jahrhundert*, München 1999; TÝŽ: *Weißrußland im Geschichtsbild seiner Historiker*. In: *Handbuch der Geschichte Weißrußlands*. Edd. D. Beyrau, R. Lindner, Göttingen 2001, s. 25–48. J. ZEJMIS: *Belorussian National Historiography and the Grand Duchy of Lithuania as a Belorussian State*. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung* 48, 1999, s. 383–396.

2. Tato tradice mohla pak být agitačně využívána směrem dovnitř národní skupiny nebo alespoň – v agitační fázi hnutí – v rámci skupiny aktivních nositelů národního vědomí, jako morální opora, jako jedna z hlavních možností k představení kdysi slavné historie národa, a tedy jako mimořádně vhodný argument podporující představu o „spícím“ národě, jež je nutno „probudit“ k novému životu, síle a slávě. Tím historickostátní tradice nabízela i specifickou, ale podle okolností leckdy velmi názornou a přesvědčivou symboliku národnímu kolektivu a usnadňovala konstrukci národní minulosti jako společné historické zkušenosti kolektivního subjektu národa a v souvislosti s tím i představu společného národního osudu, tedy též budoucnosti. Vedle toho představovala názorněji národní kolektiv jako společenství lidí nejen v prostoru, ale i v čase.

3. Zároveň byla vhodným základem argumentace navenek, neboť umožňovala představit program národní autonomie či dokonce samostatnosti jako program autonomie země či státu, jako obnovu její existence či – v ideálním případě – jako program větší či menší redefinice práv a autonomie stále ještě existujícího politického subjektu země, jak tomu bylo v případě českého, chorvatsko-slavonsko-dalmatského, norského nebo polského království v 19. století. Dávala tedy předpoklady k rozvinutí dobře argumentované historickoprávní a státoprávní legitimizace národního programu.

To byly okolnosti natolik zásadní, že řada autorů klíčových moderních prací o národních hnutích a nacionalismu modelově a typologicky rozlišuje národy historické a nehistorické, aniž by takové rozlišení a označení mělo hodnotové konotace. Do první skupiny jsou zařazovány takové národy, které se ve fázi svých národních hnutí mohly odvolat na státní tradici snadno interpretovatelnou jako tradici národa: tak tomu bylo jednoznačně u Čechů, Norů, Chorvatů, Litevců, Bretonců, Skotů a jiných. Do druhé skupiny pak bývají počítány národy bez takovéto tradice, jako byli Slovinci, Slováci, Galicijci.

Toto rozlišení se přitom vztahuje na národní hnutí tzv. malých národů, tedy nedominantních etnických skupin, které v době moderního národního formování nedisponovaly takovou státností, kterou by bylo možno označit za zcela nezávislou a v jejímž rámci

by představovaly dominující prvek, a jejichž jazyk by byl současně státním jazykem. Týká se to tedy vesměs národů střední a východní Evropy, které v novověku nepředstavovaly dominantní etnickou skupinu v rámci multietnických států (rakouského, ruského, osmanského, do konce 18. století i polsko-litevského) a které se v 19. století vydaly na cestu národního formování prostřednictvím kulturní (etnicko-jazykové) definice národa. Stranou pozornosti tu zůstávají státy, v nichž se dominantní kultury staly základem státně-politického formování moderních národů, jak tomu bylo v řadě západoevropských národů (francouzský, španělský, anglický, nizozemský); je ostatně příznačné, že podobné tendence k přetrvávání nebo prosazování politicko-státního pojetí národa poměrně dlouho přetrvávaly také v případě polském a maďarském.

Ale i ke zmíněnému členění nedominantních etnických skupin na tzv. historické a nehistorické národy by bylo třeba doplnit následující trojici podstatných poznámek:

1. Ve skupině tzv. historických národů by bylo třeba zásadně rolišit národy s historickou státností zaniklou kdysi v dávné minulosti, jako byli Řekové, Bulhaři či Srbové, kde takováto státnost měla především roli morální podpory a ideálu, a národy s více méně nepřetržitou existencí politické jednotky, které jejich právy a specifiky mohly i nadále argumentovat v soudobých politických úvahách. Zatímco v prvním případě se historická argumentace koneckonců ubírala především přirozenoprávním směrem, mohla být zejména ve druhém případě využita možnost silné pozitivněprávní legitimizace národního zájmu.

2. Bylo by třeba vymezit přechodnou skupinu národních hnutí, kde se vztah k historické státní tradici zdaleka nenabízel jako jednoznačný a bezproblémový, přesto však bylo možné v historických státních útvarech na daném území takovou tradici spatřovat. Jinými slovy se jednalo o takové národy, jež by se mohly jevit jako „nehistorické“, z jejichž pozic však bylo možné určitě historické státní tradice adoptovat a chápat jako vlastní. V přeneseném smyslu by se jednalo o jakousi „státní sebehistorizaci“ daných národních hnutí. Sem by bylo možno zařadit Bělorysy, Ukrajince, Řeky, ba i Kašuby a jiné. Na druhé straně však případ Finů a Finského velkoknížectví ukazuje, že podobný přechodný typ mohl mít

i pozměněnou variantu: neexistence historické státnosti zde byla následována vznikem částečně autonomní politické jednotky až v době počátků národního hnutí.

3. Z toho plyne, že významným faktorem pro postavení historického či nehistorického národa byla v mnoha situacích především interpretace státních tradic historických celků: přijetí státnosti Velkoknížectví Litevského jako běloruského státu v minulosti ze strany běloruské národněhistorické tradice je toho klasickým příkladem. Podobně by však nakonec bylo možno uvažovat i v českém případě, kde bylo nutné historickou státnost Českého království resp. České koruny představit jako státnost českého etnika. Nejde tu tedy o jakousi objektivní existenci historické státnosti, na niž by přirozeně navázalo národní hnutí, nýbrž o otázku, zda konkrétní historická státnost byla v tomto smyslu z pozic národního hnutí přijata a (re)interpretována. Rozdíl v titulu české a německé verze stěžejního díla Františka Palackého, které položilo základ české národněhistorické tradici, je tak v tomto smyslu symptomatický: německojazyčné *Dějiny Čech* (Geschichte von Böhmen) a českojazyčné *Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě* odkazují jak k rovině zemských dějin, tak k rovině jejich ztotožnění s dějinami národa, a to na území přesahujícím zemskou hranici.

Na tomto pozadí se česko-běloruské srovnání jeví jako jeden z prostředků k porozumění rozdílů ve výchozí situaci, průběhu, argumentačním vyznění a výsledkům mezi oběma národními hnutími. Problém historickostátní tradice přitom samozřejmě odkazuje především k rovině programu, argumentu, legitimizace a národní historické paměti. Česko-běloruská komparace v tomto směru je v tomto příspěvku omezena na následujících několik bodů: historické státnosti na proklamovaném národním území a jejich charakter ve vztahu k budoucím etnicko-národním hnutím; stupeň státoprávní kontinuity této tradice v době rozvíjejícího se národního hnutí; využitelnost a využití těchto tradic jako historické tradice národa; problém historického a národního označení.

Historické formy státnosti, ke kterým se proklamativně národní hnutí mohlo odvolávat, lze nacházet v obou pozdějších národních teritoriích již od středověku. V českém případě to byla státnost již svým názvem „česká“, tedy státnost přemyslovského knížectví, posléze Českého království a v rozšířeném smyslu i Čes-

ké koruny, která se jako nepřetržitá státoprávní tradice, jako historická kontinuita udržela od středověku v podstatě až do doby moderního národního hnutí, a to i přes zapojení do vznikajícího a centralizujícího se habsburského soustátí, tedy i přes státoprávní změny 18. století, v jejichž rámci došlo k hlubší integraci českých a rakouských zemí a tedy i k částečnému omezení prvků české (ale i rakouské) zemské svěbytnosti. Současně bylo možné národně využít odkazu k Velké Moravě či pozdějšímu Moravskému markrabství. V běloruském případě takováto poměrně zřetelná situace nebyla, již proto, že historické státní či kvazistátní útvary na běloruském území nenesly jméno, které se ujalo pro utvářející se národ a jeho teritorium. Přesto se však nabízel a s různou intenzitou bylo využito několika možností, kde historické formy běloruské národní státnosti nacházet: na jedné straně to byla kmenová mocenská území a pozdější středověká knížectví v regionu, jako byla země krivičská a dregovičská či knížectví polocké, ale i další knížectví. Zásadnější roli v národní historické tradici však mělo sehrát odvolání se ke středověkému Velkoknížectví Litevskému, jehož součástí běloruské země byly, jehož panovnická dynastie se ve 14. století rodově propojila s řadou zdejších linií ruských knížat a jehož mocenské centrum zahrnovalo také tzv. Černou Rus na severozápadě dnešního Běloruska se střediskem v Novhorodku. Tradici této litevské státnosti pak bylo možno přinejmenším potenciálně sledovat přes všechny peripetie státoprávního a kulturního vývoje až do 90. let 18. století, tedy do závěrečné fáze existence polsko-litevské Rzeczypospolité a jejího zániku při jejím třetím dělení.

Zde spočíval také zásadní rozdíl v míře zachování této kontinuální „státnosti“ do doby národního hnutí: zatímco Češi se na ni mohli odvolat a „disponovat jí“ v podobě existujícího Českého království a jeho institucí a symbolů (zemské úřady, sněm, Pražský hrad a katedrála sv. Víta, královské korunovace a korunovační klenoty, zemský indigenát a zemská příslušnost po celé 19. století, zemský znak aj.), v běloruském případě podobně využitelná kontinuální státoprávní subjektivita neexistovala, tím spíše, že se běloruské historické vědomí jednak odkazovalo silněji ke středověké než novověké státnosti Velkoknížectví Litevského, jednak se rozvíjelo s relativně velkým časovým odstupem od právního zániku tohoto státního útvaru.

Vzhledem k těmto okolnostem, ale i vzhledem k obecným rozdílům v politickém vývoji habsburské monarchie na jedné straně a ruského impéria na straně druhé disponovali Češi takovými podmínkami pro rozvoj národního hnutí a formulaci jeho politického programu, které lze z hlediska předpokladů pro úspěšné formování moderního národa považovat za příznivé. Za prvé se mohli odvolat k existující politické svébytnosti a samostatnému právnímu řádu Českého království, případně i jiných zemí (Morava), mohli odkazovat na historické okolnosti a právní prameny jejich postavení – jinými slovy mohli rozvinout nejen přirozenoprávní argumentaci, ale i účinnou a legitimisticky orientovanou argumentaci historickoprávní a státoprávní, opřenou o platné pozitivní právo a vnitřní strukturu rakouského mocnářství. Důležitou okolností pro národní agitaci, artikulaci národního zájmu, jeho prosazování a později i masovou mobilizaci národní společnosti tedy byl politický systém habsburské monarchie. Tak již před březnem 1848 mohli čeští národní aktivisté spolupracovat s opozicí na stavovském zemském sněmu, která se oživila zejména od počátku 40. let 19. století. Právě s ohledem na potencialitu státoprávního a historickoprávního programu mohli nejen ve sněmovní politice, ale i v kulturní a vědecké sféře najít společnou platformu národní aktivisté, hlásící se k českému etnicko-národnímu hnutí, s aristokratickými představiteli českých stavů, kteří sdíleli hodnoty českého zemského patriotismu. Z českého národního hnutí tak mohl vycházet i vliv na stavovské reprezentanty, např. při vypracovávání historické argumentace stavovské opozice (zemský historiograf František Palacký) či při profilaci Českého muzea a jiných institucí. Ačkoliv se šlechta vesměs nenacionalizovala v etnickém smyslu, mohla v mnoha směrech české hnutí podpořit. V předbřeznové době tedy lze hovořit o částečné podpoře národního hnutí ze strany stavů, v důsledku čehož mělo toto hnutí své příznivce i v nejvyšších kruzích monarchie, jak toho byl příkladem státní a konferenční ministr František Antonín Kolovrat-Libštejnský (Franz Anton Kolowrat-Libsteinsky). To vše byly společenské předpoklady rozvoje hnutí, kterými běloruští raní národní agitátoři nedisponovali nebo jimi disponovali jen ve velmi omezené míře.

Snad ještě více se rozdílly v tomto směru ukázaly poté, co se v letech 1848–1849 a znovu od února 1861 prosadil konstitučně-

parlamentární charakter habsburské monarchie, kde mělo české hnutí k dispozici politickou tribunu rakouského říšského sněmu (1848–1849) a od počátku 60. let též českého a moravského zemského sněmu a rakouské říšské rady ve Vídni. V 60. letech navíc došlo za nových podmínek k opětovnému navázání politické kooperace mezi národní reprezentací a tzv. historickou šlechtou. Česká národní reprezentace i v době před vnitřní politickou diferenciací patřila k významným vlivovým a silovým faktorům v zemské i celoříšské politice a dosahovala v určitých obdobích spolurozhodujícího vlivu, což opticky přibližovalo také možnost smluvního a legislativního řešení základních otázek postavení národa a země. Taková, byť velmi omezená a spíše teoretická potencialita se běloruskému hnutí mohla nabídnout až v ruské dumě od roku 1905, avšak vzhledem k rozdílným státoprávními podmínkám nikdy na jakékoliv zemské úrovni v rámci jednotky odpovídající národnímu teritoriu nebo teritoriu, jež by jako národní mohlo být proklamováno. Jestliže však osou českého státoprávního programu byla po celou druhou polovinu 19. století federalizace Rakouska na zemském a národním principu s odkazem na existující České království, pak podobné úvahy se oběvovaly poměrně záhy také v hnutí běloruském (vlastně již současně s českým státoprávním programem), odkazovaly však na perspektivu budoucí obnovy zaniklého Velkoknížectví Litevského a požadovaly jeho federální uspořádání na etnicko-národním základě. Takovou představu formuloval na stránkách své *Mužické pravdy* již v letech 1862–1863 K. Kalinouski, čelný představitel radikálního křídla lednového povstání na Litvě a Bílé Rusi.

Představení historických, eventuálně v omezené míře stále trvajících forem státnosti jako státností národních bylo samozřejmě především otázkou historické kultury, historické paměti a společenského vědomí. Znamenalo to, že dějiny příslušného státu musely být nejprve jako státní dějiny národa vyloženy a interpretovány. Zatímco v českém prostředí byl tento předpoklad ve vztahu k dějinám českého státu v podstatě naplněn historickým dílem Františka Palackého a dílčím způsobem též vědeckými a beletristickými díly jiných autorů, u Bělorusů takto jednoznačný výklad dějin Velkoknížectví Litevského jako navýsost státních dějin Bělorusů, výklad s takovou mírou ohlasu a akceptace chyběl. Teprve se

Stručnými dějinami Běloruska (Karotkaja historyja Belarusi) Vac-lava Lastouského byl v roce 1910 učiněn pokus o položení podobného základu, jenž však, jak se zdá, normativity díla Palackého pro formování národněhistorické tradice nikdy nedosáhl. Lastouski svoji národní interpretaci dějin předložil více než půl století po Palackém, při posuzování tohoto časového posunu by však měl být zohledněna především otázka, v jaké fázi se národní hnutí nacházelo: Palacký začal své české dějiny sice vydávat hluboko v agitační fázi národního hnutí, jejich zásadní svazky však vycházely až v době rozvíjející se masové fáze, zatímco Lastouského práce vyšla v období první velké kulminace národní agitace.

Připomeňme ostatně na okraj, že programové odvolání se k Velkoknížectví Litevskému jako běloruské státnosti v minulosti se začalo prosazovat právě v této době prvních let 20. století: po filologovi J. Karském a jeho reprezentativním etnologickém díle o Bělорusech (*Belorussy*) z roku 1902 se k podobné myšlence přihlásil vehementně a s exkluzivním národním nárokem Usevalad Ihnatouski ve svém *Krátkém nástínu dějin Běloruska* (*Karotki narys historyi Belarusi*, 1919), M. Dounar-Zapolski a po nich další.

V běloruském případě se „adopce“ litevského státu komplikovala v porovnání s českým vývojem v několika ohledech. Za prvé se tento stát ještě mnohem výrazněji rozcházel s etnickým územím vznikajícího národa, než tomu bylo v případě českém. Za druhé se neshodovalo jeho označení s označením etnického národa, což stavělo vyšší nároky na abstraktní interpretaci tohoto útvaru ve smyslu běloruské státní tradice. Za třetí představení dějin litevského státu jako běloruské historické státnosti do jisté míry konvenovalo, zároveň však kolidovalo s oficiální státní a narodnickou ruskou doktrínou západorusismu, spatřující v litevském státě slovanský (rozuměj: ruský) stát, který v zápase o sjednocení ruských zemí podlehl moskevskému soupeři a byl tak zahrnut do teleologicky vykládaného utváření ruského impéria (sbírání ruských zemí). Zdůrazňování slovanského charakteru a odmítání představy staré Litvy jako historického státu Litevců byly společné základy ruské státní a běloruské národní perspektivy, rozcházely se však v jejich ruský etatistickém nebo naopak bělorusky národním vyznění. Za čtvrté nakonec nelze pominout skutečnost, že na historickou tradici Velkoknížectví Litevského trvale stavěli svůj nárok Litevci,

jejichž národní hnutí se všemi průvodními jevy včetně národní historické tradice probíhalo s předstihem a hlavně rychleji a razantněji než hnutí běloruské. Litevci mohli „přirozeně“ historické dědictví litevského státu symbolicky obsadit odkazem na etnické a teritoriální souvislosti jeho vzniku a formování, na jeho název atd., a v tomto smyslu jej jako své dědictví i interpretovat, mohli tedy z hlediska své formující se národněhistorické tradice sebejistě vystoupit jako „historický národ“. Vedle toho se na litevskou politickou tradici odvolávalo také polské historické vědomí, zejména v tzv. východních zemích, kde se základem k takovým odkazům stal zemský a regionální patriotismus v mezích polské národní identity. Připomeňme však, že již hluboko v 19. století se tato tradice na pomezí polského národního vědomí, regionalismu a litevské či běloruské etnicity (reprezentovaná J. Čačotem, T. Zanem, A. Mickiewiczem, S. Moniuszkem, Z. Dolęgou-Chodakowským, T. Narbuttem, S. Dowkontem a mnoha dalšími) stala základem, na něž mohlo navázat běloruské i litevské historické vědomí.

Komplikovanost tohoto problému se nakonec projevila i v otázkách, v nichž se odráželo nejednoduché spojení mezi pojmenováním národa na jedné straně a historického státního útvaru, s nímž se ztotožňoval, na straně druhé. Víme, že v raných fázích běloruského národněkulturního hnutí jeho představitelé pojmenování pro národ teprve hledali a že se odvolávali ke slovanským kmenům na běloruském teritoriu, za jejichž kontinuální dědice se považovali. Objevily se proto tendence označovat obrozující se národ jako kryvičský (např. Jan Čačot). Jelikož se tehdy i později pojmenování národa a historického politického útvaru, jež si národní vědomí mělo adoptovat, rozcházel, a jelikož se označení tohoto útvaru shodovalo s pojmenováním sousedního národa, naskýtala se tu možnost upravit adjektivum používané pro Velkoknížectví Litevského národním potřebám. Také v tom běloruské hnutí částečně odpovídalo ruské oficiální doktríně 19. a 20. století, která raději než o Velkoknížectví Litevském hovořila o litevsko-ruském státě. Podobně i běloruská tradice sice neodmítla důsledně označení „litevský“, připojovala k němu však a někdy jej i nahrazovala adjektivem běloruský. Vidíme ostatně dodnes v běloruské historiografii zabývající se středověkou a raně novověkou minulostí, že nápadně zřídka používá pojem Litva či Velkoknížectví Litevské a ve větší-

ně přímých zmínek si raději vystačí s pouhým substantivem Velkoknížectví. Je to projev skutečnosti, že jeho tradice je dodnes předmětem „nároku“ z běloruské i litevské strany. Symbolem toho byl ostatně v 19. a 20. století i souběžný nárok na některá symbolická centra a místa paměti v širším slova smyslu, jak tomu bylo v případě Vilna coby duchovního střediska či pozdějších snah učinit např. z Tadeusze Kościuszka a jiných fenoménů součástí běloruské národněhistorické paměti. Tady však již projektovaná běloruská tradice nekolidovala jen s litevskou, ale také s polskou, a zároveň se dostávala do rozporu s historickou kulturou západorusismu.

Víme však, že ani v českém případě nebyl tento vývoj zcela jednoduchý, pokud se týká vnímání české státnosti jako státnosti národní. Bývá sice často odkazováno na skutečnost, že narozdíl od druhého zemského jazyka, němčiny, čeština nezná rozdíl mezi etnicky českým a teritoriálně českým, že tedy pro německé *böhmisch* a *tschechisch* používá identického adjektiva *český*. Přitom se však často přehlíží dvě skutečnosti: za prvé je německé rozlišování teprve výsledkem kulturního a jazykového vývoje 19. století a v souvislosti s tím vlastně i produktem národních hnutí, českého i německého. Až do 19. století totiž němčina až na nepatrné výjimky používala rovněž adjektiva jediného a pojem *böhmisch* se tak vztahoval i na české etnické znaky včetně jazyka. Za druhé to pak byli představitelé kulturního hnutí českého, kteří nové německé rozlišení odmítali a dlouho neakceptovali pojem *čechisch*, *czechisch*, *tschechisch* pro vlastní etnikum – jednak proto, že v něm spatřovali spíše projev despektu, jednak proto, že asi vnímali potenciálně hrozící odluku mezi národem a politickou jednotkou, kterou by takovéto rozlišení v každodenní mluvě mohlo podpořit.

Politický vývoj 19. století, koalice autonomistické „historické“ šlechty s českou národní stranou a razantní použití českého státního práva jako politického nástroje této strany však nejpozději v 60.-70. letech 19. století vedlo k tomu, že německá politika na tuto tradici do jisté míry rezignovala, neboť správně tušila, že její zdůrazňování je prostředkem k naplňování českého národního programu. Proto i německá historiografie v Čechách se českým dějinám sice stále intenzivně věnovala a v mnoha ohledech vedla s českým dějepiscem i spory o národně konotovaný výklad některých problémů (univerzita, Rukopisy, christianizace atd.), neu-

činila však z české státnosti předmět kultivované historické tradice a identifikace nebo dokonce nástroj politické legitimizace zdaleka takovou měrou, jak tomu bylo na straně české. Identifikace národního česství a historického dědictví, jakož i trvající politické kontinuity českého státu tak z perspektivy českého národního vědomí platila jako evidentní a nezpochybnitelná a mohla být tedy nakonec použita i pro legitimizaci moderního národního státu.

České a běloruské hnutí tedy představují dva modelové příklady využití historické státní tradice daného teritoria v kontextu formování moderních národů, konkrétně pak především v souvislostech s vytvářením národní historické paměti na straně jedné a formulováním argumentace ve prospěch národního zájmu na straně druhé. Rozdílnosti mezi českým a běloruským případem spočívaly jistě také v různé uchopitelnosti těchto tradic z hlediska národní agitace, tedy v různých možnostech reinterpretovat historické státní, kvazistátní nebo předstátní formy do roviny národních dějin, přijmout je v tomto smyslu jako jeden z ústředních motivů národněhistorického vědomí a postavit na ně exkluzivní nárok příslušného národa coby dědice této státnosti. Bylo by však třeba zdůraznit, že více než nějaké faktické prosazení této exkluzivity a její respektování hrálo obecné přesvědčení o její samozřejmosti a očividnosti, převažující ve vědomí příslušníků národní skupiny.

Na tomto pozadí třeba zdůraznit, že rozdíly mezi českou a běloruskou situací nelze zjednodušeně vysvětlovat jako rozdíl mezi hnutím tzv. historického a nehistorického národa. Víme, že se běloruské hnutí přes svou případnou zdánlivou „nehistoričnost“ odvolávalo a v národně orientovaných složkách historické reflexe včetně historiografie dodnes odvolává na Velkoknížectví Litevské jako starý běloruský stát. Argumentuje přitom nejen jeho teritorialitou, nýbrž hlavně jazykovým a etnickým charakterem bojar-ských elit, jazykem velkoknížecích listin a kanceláře, rozvojem slovanské kultury a integrací mezi velkoknížecí gedyminasovskou dynastií a ruskými knížecími rody. Běloruská národní a státní resp. národně státní symbolika po roce 1917, v meziválečné a poválečné emigraci a po roce 1991 je plna odkazů na starou Litvu, a je tím podobná nebo dokonce v některých případech prakticky totožná s moderní symbolikou litevskou. V tom a v některých jiných okol-

nostech však spočívaly některé limity v odvolávání se na staroli-
tevskou státní tradici: je to vědomá kolize s národněhistorickou
tradicí litevskou, ale nakonec i oproti českému případu relativně
slabší význam této tradice v tom smyslu, že neposkytla podobnou
měrou základ dlouhodobé politické argumentaci a národnímu
politickému programu ve smyslu státoprávní doktríny. Jistě to je
zčásti otázka dojmu a zjednodušení, přesto se však zdá, že bělo-
ruský nárok na kontinuitu s historickou Litvou byl vždy stavěn
s přinejmenším mlčenlivým vědomím toho, že je to nárok sdílený
se sousedními národy. Běloruské hnutí by tak ve srovnávací per-
spektivě historické tradice formujících se moderních národů bylo
možno charakterizovat jako přechodný model mezi tzv. historick-
ým a nehistorickým národem. Právě to z něj činí případ z kompa-
rativního hlediska velice závažný, přínosný a přitažlivý.

Историческая государственность и национальное движение: чешско-белорусское сравнение

доктор *Милош Резник* (Хемницкий технический университет,
Хемниц)

Доклад основан на «классической» типологии, принятой в ис-
следованиях европейских национальных движений. Данная типо-
логия различает так называемые исторические и неисторические
движения на основании их возможности опираться на исторические
формы государственности на данной территории и использовать их
в качестве аргумента собственной государственной традиции, пре-
рвавшая в прошлом либо сохранившаяся до настоящего времени
в форме территориальной единицы, что в свою очередь позволяет
не только ссылаться на национально-государственное прошлое, но
и развивать историко-правовую или же государственно-право-
вую аргументацию, как это имело место в чешском национальном
движении. Подобные обстоятельства принципиальным образом вли-
яли на ориентацию национальной программы, национальную аргу-
ментацию, легитимизацию целей и образ исторической традиции
формирующейся современной нации. Это также являлось одним из
обстоятельств, способствующих позитивному или негативному вли-
янию на ее «успешное» претворение в современный национальный
коллектив, опирающийся на массовое движение.

Чешское и белорусское национальные движения в этом плане
весьма разнятся. В качестве важного элемента национально-исто-

рической традиции чешское национальное движение рассматривало
не только прошлое Чешского королевства, но и его непрерывное су-
ществование в рамках Габсбургской монархии. Это способствовало
возникновению государственно-правовой ориентации чешской наци-
ональной политики в XIX в. и установлению тесного сотрудниче-
ства с патриотически настроенным дворянством задолго до мартовских
событий 1848 г., когда чешские национальные агитаторы могли ин-
тенсивно сотрудничать с сословной оппозицией в краевом сейме.

В отличие от этого, белорусское национальное движение не-
возможно упрощенно описать как движение так называемой не-
исторической нации, поскольку здесь имел место и впоследствии
был использован целый ряд подобных ссылок на государствен-
ность. Из этого вытекала позиционируемая и со стороны белорус-
ских национально агитирующих интеллектуалов провозглашаемая
государственная традиция Великого княжества Литовского перио-
дов средневековья и раннего нового времени. Однако, в отличие от
чешского пути развития, данная ситуация осложнялась подобны-
ми заявлениями со стороны Литвы и Польши, а также прерванной
государственной традицией после распада польско-литовского го-
сударства. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что принятие го-
сударственной традиции никогда не было простым проявлением
определенной объективной преемственности, а являлось, прежде
всего, результатом исторической интерпретации и ее принятия как
в рамках национального коллектива, так и в определенной степени
вне его. С этой позиции белорусское национальное движение можно
считать неким переходным типом между движениями так называе-
мых исторических и неисторических наций.

В отличие от белорусской ситуации, важным моментом в ис-
пользовании государственно-правовой традиции как результата на-
циональной интерпретации истории в Чехии была политическая
система Габсбургской монархии – как до 1848 г. (существование со-
словного чешского краевого сейма), так и во второй половине XIX в.
(развитие парламентаризма на краевом уровне и уровне всей импе-
рии). В этот момент данную традицию можно было использовать для
формулирования достаточно ясной политической программы, позво-
ляющей соединить в себе правовые и историко-правовые аргументы.
Наличие государства, политически активного общества, легальная
деятельность политических представителей нации вместе с развити-
ем данной программы впоследствии создали благоприятные условия
для агитации, переноса, распространения и укрепления основных
элементов национального самосознания и национальной идентично-
сти как решающей формы общественной принадлежности и лояльно-
сти. Отсутствие данных предпосылок значительно осложняло процесс
белорусской национальной агитации.

BĚLORUSKÝ A ČESKÝ NÁRODOTVORNÝ PROCES V 19. STOLETÍ (DO ROKU 1914): SHODY A ROZDÍLY

Prof. Ryszard Radzik, PhD.
(Instytut Sociologii UMCS, Lublin)

Devatenácté století bylo v Evropě věkem formování národů. Žádný z národů, které vznikly z tzv. feudálních národů (tzn. společenství se silnými národními elitami) v tomto století nezankl. To ale samozřejmě neznamená, že by časem všechna evropská etnická společenství zformovala „vlastní“ národní hnutí a že by následně podlehla nacionalizaci opírající se o kulturní svébytnost (jazykově-etnickou). Názor, že z každé etnické skupiny musí vzniknout svébytný národ, je vědecky neoprávněný. Novodobé národy v protikladu vůči národům, formujícím se za feudalismu a obecně zahrnujícím zemské elity, byly společenstvími, které postupem doby spojovaly všechny společenské třídy a vrstvy, vytvářely svazky, které svou intenzitou převažovaly nad svazky jinými v rámci společenské makrostruktury (nad svazky třídními, regionálními, profesními). Proces utváření tohoto typu společenství měl objektivní charakter, byl důsledkem rozpadu feudálních struktur, otevírání se malých lokálních společenství vnějšímu světu, mohutného zesílení procesů společenského pohybu, alfabemizace, industrializace a urbanizace. Národní ideologie lidem v nové společenské situaci líčily svět novým způsobem, podle kategorií přizpůsobených novým podmínkám. Ve společenstvích, v nichž jedinec byl čím dál více obklopen stále anonymnějším a početnějším davem, bylo třeba ho v tomto společenství ukotvit, vytvořit pro něj svazky, jež by byly mnohem méně závislé na bezprostředních, osobních kontaktech a mnohem více závislé na nadosobních, ideologicky pojímaných vztazích. Kategorie stavovského rozruznění (a rovněž rozruznění náboženského) se rychle rozkládaly. Jejich místo zaujímalo rozruznění kulturní a ve srovnání se stavovstvím slabší rozruznění třídní. Hranice mezi cizím a naším začaly vyznačovat jiné znaky, než tomu bylo dříve. Vznikající národní společenství nyní

každopádně tvořili jiní činitelé, přičemž odlišná byla i váha a funkce každého z nich.

Objektivnost tohoto procesu nespočívala v tom, že by určité rozdíly musely dát přednost jednoznačně definovaným jevům, které utvářely nové společenské hranice, nýbrž v tom, že společenství novodobé Evropy musela přijmout zideologizované kategorie (nikoli nutně národní), uvádějící je do nové dějinné situace. Tyto kategorie měly nejčastěji kulturní charakter a etnický nebo politický rozměr. Spolu s tím průmyslová produkce, uplatňující se ve stále větších odbytích, přála formování velkých společenství, jež využívala výhod hospodářského života (a také výhod života politicko-státního). Národ, jak naznačuje Liah Greenfeldová,¹ vedl k modernizaci rodící se novodobé Evropy. Nový člověk ve stále pohyblivější společnosti, ve skutečnosti však ve společnosti mnohem zideologizovanější, se stal člověkem komunikujícím s velmi širokým společenským prostředím (povětšinou jemu osobně neznámým) prostřednictvím znaků, hodnot, idejí a ideologií. Žil uprostřed a spoluvytvářel velká *imaginární společenství*², což ale neznamená, že by tato společenství byla libovolně proměnlivá a že by měla výlučně subjektivní charakter. Národní idea poskytovala odpovídající „kód“, který umožňoval utváření společenství nového typu. Národ ale nepředstavoval jedinou budoucí možnou existenci takovýchto společenství, která „vymyslela“ Evropa. Národní ideologie v boji s ideologií třídní však zvítězila, jak se to jednoznačně projevilo za první světové války. Třídní ideologie ovládla proces budování společnosti po bolševické revoluci pouze ve dvou evropských oblastech: na východní Ukrajině a v Bělorusku.

V osvícenské Evropě poloviny 18. století šlechtické elity povětšinou uvažovaly v kategoriích politického, státního, nadetnického společenství. Tehdy v podstatě neexistovalo pojetí národa skládajícího se výlučně z lidových vrstev, tedy národa bez elit. V obou částech Evropy, západní i středovýchodní, se formovaly národy politické. Rozbití Polska na konci 18. století a již dříve Uher však ukončilo proces budování velkých společenství tohoto typu v té-

¹ L. GREENFELD, *Nationalism. Five Roads to Modernity*, Cambridge (Mass.)-London 1992, s. 18.

² Srov. B. ANDERSON, *Imagined Communities. Reflections on Origin and Spread of Nationalism*, London – New York 1991.

to části kontinentu. Zánik státu v době ztotožnění státního společenství se společenstvím národním vedl k oslabení víry v možnost přežití národa bez státu. Szcześny Potocki psal v lednu roku 1796 (a tedy již po třetím a zároveň posledním dělení Polska) Sewerynowi Rzewuskému: „Nemluvíme o bývalém Polsku a o bývalých Polácích. Tento stát již zanikl a s ním i jeho jméno, stejně jako zaniklo i mnoho jiných v dějinách světa. Každý z bývalých Poláků si musí zvolit svou vlast. Já jsem již navždy Rusem.“³

Ukázalo se, že germanizace byla stejně nemožná jako rusifikace *polského šlechtického národa* či germanizace *natio hungarica*. Absence vlastního státu, polského i uherského (přinejmenším do vzniku Rakousko-Uherska v roce 1867), vedla – ruku v ruce s mnoha jinými aspekty – k tomu, že nebylo možné kontrolovat proces nacionalizace plebejských mas. Rozvinuté a již delší dobu existující polské a maďarské elity si konkurovaly s elitami (a rovněž s kulturami) ruskými a německými. Tím se vytvořil do té doby neexistující (ve většině západní Evropy neexistující nikdy) trojstupňový systém: národ vládnoucí – národ dominující – společenství lidu (například Rusové – Poláci – Bělorusové, nebo do roku 1867 Němci – Maďaři – Slováci).⁴ Lidové masy ve venkovských společnostech, jež se stále více otvíraly okolnímu světu, se alfabetizovaly, stávaly se vlastníky půdy, stále častěji přicházely do měst, podléhaly stále intenzivnějšímu horizontálnímu i vertikálnímu společenskému pohybu a nacionalizovaly se, měly před sebou dvojí alternativu: ruskou nebo polskou, resp. německou nebo maďarskou. Optování pro jednu z těchto alternativ mělo stále více kulturní charakter. Za této situace se začala rodit původně velmi slabá lidová hnutí: litevské, ukrajinské a velmi pozdě i běloruské. Vítězství kulturního (jazykově-etnické) pojetí národa bylo výsledkem zhroucení velkých politických organismů v této části Evropy (Polska a Uher), dlouhého přetrvávání pozůstatků feudalismu, absence revoluce francouzského typu, jež by předstihla národní lidová hnutí tím,

³ E. ROSTWOROWSKI, *Korespondencja Szcześnego Potockiego z Sewerynym Rzewuskim z lat 1788-1796*. Przegląd Historyczny, 1954, s. 740.

⁴ J. CHLEBOWCZYK, *O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotwórcze we wschodniej Europie środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.)*, Warszawa – Kraków 1983, s. 33, užívá pojmů „vládnoucí skupina“ a „dominující skupina“.

že by rolníkům poskytla touženou svobodu a půdu. Masy rolníků do zrušení poddanství, k němuž v této části Evropy došlo velmi pozdě, nemohly rychle a masově podléhat procesům nacionalizace, v tomto případě germanizace a rusifikace, resp. polonizace či maďarizace. Národotvorné elity z nich pocházející nebo na ně se odvolávající národotvorné elity měly sdostatek času se rozvinout (v habsburské monarchii do roku 1849 a v romanovském impériu do roku 1861) a za situace, kdy v této části Evropy již existovala idea kulturního pojetí národa, mohly rolníkům nabídnout nacionalizaci opírající se o vlastní etnickou kulturu.⁵

Postupný rozklad mnohaletého systému státních útvarů středovýchodní Evropy, prováděný prostřednictvím Tatarů, Němců a Rusů, společně s opožděním civilizačního (a rovněž hospodářského) vývoje velké části této oblasti Evropy vedly k tomu, že hranice německého a italského národa na východě byly vytyčeny na etnickém principu, kdežto na západě na principu politickém (Alsasané mluví německým dialektem, ale považují se za Francouze, a na francouzské straně hranice s Itálií je možné slyšet Francouze, kteří mluví italsky). V Evropě vznikly dva typy národů, což ale neznamená, že by proces formování politických národů byl na západě kontinentu zcela ukončen (v poslední době můžeme sledovat tendence svědčící o oživení tohoto procesu v oblastech, kde nezanikly etnické rozdíly). Naopak v naší části kontinentu postupem doby obecně sílí tendence naplňovat národní ideje politickými hodnotami. Zmíněný mechanismus utváření národů ve středovýchodní Evropě je ve sledovaném období (do roku 1914) možné vztáhnout na Bělorusy, nikoli však na Čechy. Vztahy mezi Čechy a Němci mohou v jistém ohledu připomínat – do 18. století – například vztahy mezi Skoty a Angličany. Ani v jejich případě totiž neexistoval třetí element výše zachycené triády. Češi se konfrontovali s Němci a v Bělorusku běloruský lid s Poláky a s Rusy. Můžeme tvrdit, že Češi přežili (existovali) jako národ a zachovali si svůj jazyk (tím se lišili od utiskované většiny Skotů), a to do velké míry díky tomu, že je ovlivňovaly (stejně jako Němce) národotvorné procesy jiných společenství této části Evropy. Totéž se stalo

⁵ Podrobněji o tom píše R. RADZIK, *Miedzy zbiorowością etniczną a wspólnota narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia*, Lublin 2000, s. 49-84.

i v případě Slovinců. V obou zde pojednávaných případech formování národů v naší části kontinentu nedávali přednost své svébytnosti pouze Češi; v případě Bělorusů byl ale národotvorný proces velmi slabý a ve vztahu k jiným národům velmi opožděný.

Jestliže přijmeme takovou interpretaci, že rozpad stavovského systému, alfabetyzace a industrializace evropských společností s sebou nesly utváření ideologických společenství („imaginativních“), a sice především společenství národních, a nebudeme chtít hlouběji pronikat do příčin vzniku, popřípadě zániku národů, pak se další část našich úvah musí týkat odpovědí na dvě otázky. Za prvé, proč se u Čechů národotvorný proces objevuje mnohem dříve než u Bělorusů? A za druhé, v čem a proč se tyto národotvorné procesy lišily? S těmito úvahami se rovněž pojí další zásadní otázky: Proč na území Čech a Běloruska nevznikly po západoevropském vzoru politické národy, odvolávající se na elitární kategorie myšlení – *böhmische Nation (natio bohemica)*, v případě Běloruska *gente Lithuani (Rutheni)*, *natione Poloni*.

Obecně se národotvorné procesy objevovaly dříve a rychleji se rozvíjely v těch společnostech, jež byly lépe civilizačně připraveny (alfabetizace, osobní svoboda, vlastnictví půdy, existence středních vrstev, urbanizace, společenská mobilita) na přijetí moderního (zideologizovaného) typu povědomí, jež přesahovalo hranice vesnice, farnosti a jejich okolí. Tyto procesy do značné míry závisely na kulturním kontextu (jazykově etnickém), jenž byl patrný především v případě společností s neúplnou sociální strukturou, tzn. společností, jež postrádaly vlastní elity, především šlechtické. Na území středovýchodní Evropy existovaly dva odlišné přístupy: Češi dokázali oněch civilizačních a kulturních podmínek využít, kdežto Bělorusové nikoli. Můžeme tvrdit, že na ose vyznačující stupeň intenzity obou skupin národotvorných činitelů by se Češi a Bělorusové nalézali na opačných koncích.

O vývoji národotvorných procesů v Evropě, kde probíhala alfabetyzace a industrializace, rozhodovaly do značné míry lidové, plebejské masy, jež tvořily většinu společnosti. V revoluční Francii již dříve než se zformovala reálná národní alternativa v podobě provensálského hnutí, nebyla hesla volnosti, rovnosti a bratrství pouze proklamována, nýbrž i realizována: provensálským, stejně jako bretaňským rolníkům, se dostalo vytoužené svobody, půdy

a pocitu rovnosti s jinými etniky. Zároveň byl ale posilován státní centralismus a školství bylo pojímáno jako nástroj, jehož prostřednictvím se z lidu činí političtí Francouzi. To ve francouzském lidu uvolnilo energii, kterou využil Napoleon. Nadetnické, politické francouzství se stalo pro provensálské rolníky natolik přitažlivé, že provensálské národní hnutí nastupující v pozdějším období nebylo s to přemoci takto chápané francouzství. Konstitutivním prvkem francouzství se totiž nestal jazyk, nýbrž svoboda. Jazyk – podobně jako u ruské (běloruské) aristokracie, která přijala pro ni přitažlivou šlechtickou svobodu v podobě *natione Poloni* – hrál významnou úlohu při snaze získat politická a vlastnická práva. Nebyl smyslem či podstatou francouzství, nýbrž pouze prostředkem, jak z onoho francouzství co nejvíce vytěžit.

Takovýto typ procesu se neuplatnil ani v habsburské monarchii, ani v upadající Rzeczypospolité, a tím méně v romanovském impériu. Čechy, ačkoli byly ve srovnání s Běloruskem mnohem rozvinutější zemí (tak jako celá habsburská monarchie), byly konzervativní. Velmi vysoký stupeň civilizačního vývoje české společnosti měl vliv na dosti raný počátek národotvorného procesu, neexistoval zde však činitel, který by po vzoru Francie dostatečně brzy nasměroval český lid na stranu německé kultury. Němci ve druhé polovině 18. století nevyvolali revoluci, osvobozující rolníky, ve jménu hesel hlásaných jazykově německým státem. Navíc proces obrození českého jazyka a kultury iniciovali německy mluvící občané bez jakékoli intence vyvolat separatistické tendence českého národa ve vztahu k německu. Na jedné straně měla místní, německy mluvící šlechta, která se negativně vymezovala vůči centralistickým tendencím vídeňské vlády, zájem na zachování svébytnosti Českého království. Její představitelé, kteří kladli důraz na zemskou svébytnost, se považovali za patrioty. Jejich patriotismus byl však patriotismem nadetnickým, politickým a teritoriálním. Šlechta českých zemí, téměř úplně germanizovaná, na jedné straně uvažovala v kategoriích feudálního, stavovského politického národa a na straně druhé její část podléhala idejím osvícenství, tedy lidové osvěty, přičemž lidové vrstvy byly v Čechách povětšinou jazykově české. Když tyto šlechtické elity akceptovaly češtinu jako vyučovací jazyk v elementárním školství, neuvědomovaly si, že v pojetí národa může dojít k takové změně, jež se o několik dese-

tileti později stalo skutkem. Mimo to učenci, kteří měli své kořeny v českém etniku, avšak byli vychováni výlučně v jazykově německém kulturním prostředí, začali – rovněž pod vlivem osvícenství – pracovat na obrození češtiny jako základního prvku dějin a kultury země. V situaci, kdy kolem 60 % obyvatel země, především rolníci, ale i měšťané malých městeček a část nižších vrstev velkých měst, užívalo v každodenním styku češtinu, to bylo zcela pochopitelné.⁶ Ještě do revoluce roku 1848 se však velmi mnoho německy mluvících kulturních aktivistů považovalo za české patrioty v teritoriálním slova smyslu.⁷ Rozdíl mezi Francií a Rakouskem (Čechami) nespočíval pouze v tom, že Paříž vyvolala revoluci a kolem ní se zformovalo pojetí národa (Vídeň nic takového neudělala), ale týkala se i toho, že ve jménu státního centralismu, ochraňujícího hodnoty revoluce, byla ve francouzském státním školství zaváděna pouze francouzština, čím byla podle vlády potlačován antirevoluční regionální separatismus, který v této době postrádal etnicko-národní rozměr.

Výše uvedené procesy se mohly rozvíjet do té doby, dokud politicko-stavovské a dynasticko-teritoriální kategorie převládaly v povědomí elit nad kategoriemi kulturními a především jazykově etnickými. Vládnoucí šlechtické elity si dlouho dosti dobře neuvědomovaly a nekladly důraz na to, že z lidového prostředí vycházející inteligence představuje reálné ohrožení jejich světa. Postupný rozpad stavovského uspořádání vedl k vzestupu významu kultury ve společnosti (a společenského rozdělení podle kulturních hranic)⁸ a k utváření moderní třídní struktury. Středoevropská inteligence na rozdíl od šlechty, soustředěné kolem dynastie, neopírala svůj étos o stavovská politická práva, nýbrž o kulturu: česká inteligence o kulturu českou, slovenská o kulturu slovenskou, ukrajinská o kulturu ukrajinskou a litevská o kulturu litevskou. Po několik desetiletí inteligenci reprezentovalo pouze několik nepříliš početných uskupení, která nevyvolávala radikální odezvu ze strany politicky teritoriálně uvažujících šlechtických elit. „Když František Palacký,“ píše Józef Chlebowczyk, „promlou-

⁶ M. HROCH, *Male narody Europy. Perspektywa historyczna*, Wrocław 2003, s. 15.

⁷ Henryk WERESZYCKI, *Pod berlem Habsburgów. Zagadnienia narodowościowe*, Kraków 1986, s. 38.

⁸ Srov. E. GELLNER, *Narody i nacjonalizm*, Warszawa 1991.

val v květnu roku 1868 v Praze u příležitosti položení základního kamene Národního divadla, řekl bez jakéhokoli sarkasmu, že ještě před půl stoletím byl počet aktivních Čechů, kteří si byli vědomi své národní svébytnosti, tak malý, že kdyby na ně spadl strop sálu, v němž se shromáždili, znamenalo by to konec národního snažení.“⁹

Značný význam pro rodící se inteligenci lidových společností, tzn. společností, které neměly vyvinutou úplnou sociální strukturu, měl sociální aspekt nových národních hnutí. Čeština, podobně jako u jiných „malých a mladých národů“, určovala zvláštní cestu společenskému vzestupu, jenž byl po dlouhou dobu rychlejší a časem stále atraktivnější než v rámci elit, zformovaných již před mnoha lety pod vlivem německé kultury. U Bělorusů se tento aspekt zřejmě začal výrazně uplatňovat až na počátku 20. století. V roce 1848 se k překvapení Němců české hnutí ukázalo být natolik silné, že František Palacký mohl v psaní do Frankfurtu podat zcela jednoznačným způsobem výklad kulturního sebepojímání českého národa, jež se lišilo od sebepojímání Němců, a následujícího roku mohli čeští rolníci osvobození z poddanství dynamizovat proces rozvoje národního povědomí tím, že se přihlásili k ideologii založené na jejich etnické kultuře a opírající se o jejich jazyk. Po několik desetiletí (počínaje posledními desetiletími 18. století) bylo tedy možné na jedné straně pod vlivem osvícenství rozvíjet školství pro děti rolníků v českém jazyce (což ale samozřejmě ještě neznamenalo jejich národní uvědomění) a na straně druhé vytvářet – nejprve pouze vědecko-literární a teprve později zcela národní – české elity. Bylo tedy zřejmé, že se masy rolníků otevírající se vnějšímu světu, popravdě řečeno v dosti liberálnímu státě (který ale pochopitelně svobodu neuplatňoval v revolučním slova smyslu) budou odvolávat na národní ideologii opírající se o jejich kulturu, a nikoli přiklánet se k německu, jež na českém venkově nehrálo roli. V dobových podmínkách již bylo velmi pozdě na radikální ovládnutí tohoto procesu, nemluvě o možnosti jeho zastavení.

Takovémuto rozvoji národní situace v zmíněné části habsburské monarchie byl příznivě nakloněn kulturní kontext existujícího státu.

⁹ F. PALACKÝ, *Spisy drobné*, díl 1: *Spisy a řeči z oboru politiky*, Praha 1898, s. 289, cituji podle J. CHLEBOWCZYK, *O prawie do bytu*, s. 178.

tence Čechů jako novodobého národa. S odvoláním na terminologii Józefa Chlebowczyka můžeme konstatovat, že Čechy byly zemí „pohraničního stýkání“¹⁰ a především, v protikladu vůči Francii, prostorem, v němž dvě hlavní společenství, Češi a Němci, náležela do dvou odlišných jazykových skupin. Hranice mezi nimi byla velmi ostrá, což zjednodušovalo formování povědomí v protikladu vůči skupině druhé. Toto povědomí nemělo pouze stavovský charakter, jako tomu bylo v Bělorusku, ale rovněž charakter výrazně jazykově kulturní. Vstupovat během procesu společenského vzestupu do jazykově německého světa znamenalo překonávat dvě skutečné bariéry – stavovsko-kulturní, která v hierarchické struktuře tehdejší společnosti stála výše než českost, a bariéru gramaticko-lexikální, jež vytvářela nepřekonatelnou propast mezi oběma jazyky. V souvislosti s překonáváním stavovsko-kulturní bariéry se Čechům podařilo vyvolat jev, který v této podobě v Bělorusku nikdy neexistoval. Masové stěhování českých rolníků do měst ve druhé polovině 19. století mohutně zrychlilo proces formování české, tzn. jazykově české inteligence a měšťanstva. „Češi,“ jak tvrdí Roman Heck a Marian Orzechowski, „měli na rozdíl od většiny jiných slovanských národů vlastní technickou inteligenci, jež se vyznala v průmyslu, zemědělství a v dopravě, vlastní ekonomy, advokáty i lékaře. Na konci 19. století v souvislosti s celkovou politicko-správní přeměnou habsburské monarchie se začala utvářet i česká úřednická vrstva. Češi získávali silné pozice v samosprávě a ve státní správě, v soudnictví a ve vojsku.“¹¹ Na konci 60. let 19. století Češi tvořili většinu v městských radách všech českých měst; na Moravě jí dosáhli až na konci 19. století století.¹² První legální běloruské noviny byly vydávány až v roce 1906, kdežto v Čechách v roce 1861 vycházelo již třicet titulů periodik v češtině, na konci století pak čtyři sta padesát titulů a v roce 1905 více než sedm set padesát titulů.¹³ Čechům se relativně rychle podařilo vytvořit elitátní kulturu, přitažlivou pro lidové masy. Pro novodobou českou kulturu,

¹⁰ J. CHLEBOWCZYK, *O prawie do bytu*, s. 30.

¹¹ R. HECK – M. ORZECOWSKI, *Historia Czechosłowacji*, Wrocław 1969, s. 235.

¹² M. HROCH, *Male narody Europy*, s. 17.

¹³ M. WALDENBERG, *Narody zalezne i mniejszości narodowe w Europie Środkowo-Wschodniej. Dzieje konfliktów i idei*, Warszawa 2000, s. 60.

především pro literaturu, začalo být charakteristické „přijímání a vyzvedání plebejství a pohrdání *panskostí*.“¹⁴

Na rozdíl od Čechů, kteří z plebejského charakteru¹⁵ své kultury udělali přednost, u Bělorusů se spojování běloruskosti s rolnictvím stalo pro masy, které ve 20. století přicházely do měst, jednou z příčin jejich odklonu od běloruštiny. Čechům se v silně industrializovaném a urbanizovaném prostředí podařilo vytvořit průmyslové, měšťanské elity počítaje v to inteligenci a získat většinu ve městech, takže ještě před první světovou válkou v Čechách, bohatých nejen v rámci habsburské monarchie, ale i celé Evropy, nemuseli již příliš mnoho ustupovat v společenském postavení zdejší Němcům.¹⁶ Tato situace nejenže lidem poskytovala pocit vzestupu, ale usnadňovala i jejich rezistenci vůči germanizaci. Vlastní kultura byla již natolik rozvinutá, že její plebejskost, odlišná od „panského“ němectví, byla do značné míry předností. Bělorusům se nikdy nepodařilo následovat tento vzor, ačkoli v sovětském období se plebejskost – ukotvená již delší dobu ideologicky – stala vysoce ceněnou hodnotou. Sovětská ideologie se negativně vyhranila vůči panskosti, tedy vůči buržoaznosti. Bylo to však plebejství sovětské, opírající se o ruštinu, a mechanismus jeho existence byl jiný než v českém případě. Svým přihlášením k češtině Češi získali pocit společenského vzestupu a ruku v ruce s tím se rozvíjelo i jejich národní vědomí. V případě Bělorusů neexistence či spíše jen velmi malá síla běloruských městských, nerolnických vrstev vedly k tomu, že jazyková běloruskost zůstala spojena s rolnictvím, se vsí, s folklorem, a obecně byla vnímána jako svědectví absence společenského vzestupu či společenských aspirací (i když se během doby běloruštiny ve své literární podobě posuzovala jako projev nacionalismu, zavrhaného sovětizovanými masami).

Je velmi obtížné mluvit v Bělorusku 19. století o skutečných jazykových bariérách mezi běloruštinou a polštinou či ruštinou.

¹⁴ Z. TARAJO-LIPOWSKA, „Prawdziwy“ charakter czeskiego Odrodzenia narodowego, in: *Odrodzenie narodowe w Czechach i na Słowacji*. Księga ku czci Profesora Zdzisława Niedzieli, pod redakcją Haliny Mieczkowskiej i Teresy Z. Orłoś, Kraków 1999, s. 97.

¹⁵ Pojem *plebejskost* – podle Józefa Chlebowczyka – nemá v tomto případě hodnotící charakter; je ekvivalentem pojmu *lidovost*.

¹⁶ Srov. M. WALDENBERG, *Narody zalezne*, s. 61.

Běloruština byla Poláky a Rusy velmi často považována za nářečí jejich jazyků či za jazyk nacházející se někde uprostřed mezi nimi. Běloruský rolník po celou dobu záborů (a tedy až do první světové války) považoval za přirozené, že společně s přesídlením do města a se společenským vzestupem bude užívat „městského“ jazyka, jímž byla nejdříve polština a později v čím dál větší míře ruština. S pocitem početní převahy běloruského lidu rezignoval na rolnickou mluvu a přijal jazyk městský, podobně jako se v jiných oblastech Evropy přecházelo z venkovské mluvy na jazyk literární. Jazykové rozdíly nebyly považovány za skutečnou bariéru. Ještě ve 20. století v meziválečném Polsku běloruští rolníci často svůj jazyk nenazývali běloruštinou, protože se domnívali, že na západ od Bugu všichni rolníci mluví stejně jako oni, tzn. *obyčejně*, a pouze ve městech se mluví polsky. Emma Jeleňská, která na začátku 90. let 19. století popisovala poleskou vesnici v mozyrském okrese, charakterizovala tamní rolníky tímto způsobem: „Podle jejich názoru se jim mužik na celém světě podobá, mluví bělorusky, *obyčejně*, a vyznává tutéž, pravoslavnou víru“.¹⁷ Pro běloruský lid v carském státě neměla mluva národní, nýbrž stavovsko-třídní rozměr. Jak přecházeli z jedné společenské třídy do druhé, často v důsledku přestěhování z venkova do města, přecházeli i z jednoho jazyka do druhého. Příčinou takového chování nebyla pouze blízkost slovanských jazyků, nýbrž i civilizační zaostalost země.

Zrušení nevolnictví a přiznání osobní svobody rolníkům se v českém prostředí uplatnilo o osmdesát let dříve než v Bělorusku (1781 a 1861) a zrušení roboty o dvanáct let dříve (1849 a 1861). Obyvatelé měst v Bělorusku v roce 1796 představovali 3,5 % veškerého obyvatelstva a 11 % v roce 1913.¹⁸ V roce 1897 bydlelo 97,7 % obyvatel, kteří se při sčítání lidu přihlásili k běloruskému jazyku, na venkově; v jen velmi málo rozvinutých městech tito lidé tvořili 17 % menšinu.¹⁹ V témže roce bylo až 86,5 % Bělorusů negramotných.²⁰ Naopak pouze 4,26 % Čechů starších šesti let neumělo

¹⁷ E. JELEŇSKÁ, *Wieś Komarowicze w powiecie mozyrskim*, zvláštní otisk z Wisły 5, 1892, s. 51.

¹⁸ *Гісторыя Беларусі: У 6 т., том 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)*, Мінск 2005, s. 58 (tabulka 1), s. 369 (tabulka 12).

¹⁹ R. RADZIK, *Między zbiorowością*, s. 140.

²⁰ П. В. ТЕРЕШКОВИЧ, *Этнічная історыя Беларусі XIX – пачатак XX в. в контексте Цэнтральна-Восточнай Еўропы*, Мінск 2004, s. 115.

v roce 1900 číst a psát.²¹ V Čechách „již v roce 1791 vychovávalo 2 600 škol 185 000 dětí, tzn. více než polovinu dětí školního věku. V těchto školách,“ jak říká Henryk Wereszycki, „se české děti učily česky. Česky byly rovněž vydávány knížky, které měly rolníky informovat o moderním zemědělství a chovu dobytka“.²² Češi stáli z hlediska osvěty na čelném místě v tehdejší Evropě, protože na počátku 20. století mezi nimi bylo menší procento analfabetů než mezi Němci žijícími v Rakousku. Naopak Bělorusové se nacházeli na protilehlém pólu škály analfabetismu evropských národů. Po celé námi sledované období se Češi od Bělorusů odlišovali vyšším podílem městského obyvatelstva, nižším stupněm analfabetismu, vyšší industrializací a s tím souvisejícím větším bohatstvím. V 70. letech 19. století většina obyvatel českých zemí pracovala již mimo zemědělskou produkci. V roce 1900 počet osob zaměstnaných v průmyslu a v dopravě v Čechách (nikoli však na Moravě) a ve Slezsku převyšoval počet osob pracujících v zemědělství.²³ Počet obyvatel Prahy vzrostl mezi koncem první poloviny 19. století a léty bezprostředně před první světovou válkou ze 125 000 na 617 000 obyvatel (společně s předměstími). V roce 1861 získali Češi v do té doby jazykově převážně německém městě převahu a v roce 1910 Němci v Praze tvořili pouze 6 % obyvatelstva.²⁴ Čechy se postupem doby staly hlavním průmyslovým centrem habsburské monarchie a Češi se v posledních desetiletích existence monarchie ve velké míře uplatňovali i v nových, moderních průmyslových odvětvích. Minsk měl naopak v roce 1909 pouze kolem 100 000 obyvatel, tzn. šestkrát méně než Praha, a Bělorusové v něm byli proporcionalně zastoupeni jen v malé míře (8,2 %),²⁵ přičemž bělorusky mluvili především obyvatelé chudých předměstí (elity mluvily rusky a polsky).

Proces odstranění analfabetismu v Bělorusku proběhl teprve v meziválečném období a industrializace a urbanizace země až po druhé světové válce, tedy o několik desetiletí později než

²¹ M. WALDENBERG, *Narody zaležne*, s. 60.

²² H. WERESZYCKI, *Pod berlem Habsburgów*, s. 37.

²³ R. HECK – M. ORZECZOWSKI, *Historia Czechosłowacji*, s. 231.

²⁴ H. WERESZYCKI, *Pod berlem Habsburgów*, s. 164.

²⁵ З. В. ШИБЕКО, *Мінск в канце XIX – пачатак XX в. Очерк сацыяльна-эканамічнага развіцця*, Мінск 1985, s. 117.

v Čechách. Analfabeti obecně uvažují v kategoriích předindustriální etnické skupiny a nikoli v kategoriích národních. Aby vznikl národ, musejí se objevit elity, které by formovaly národní ideologii v národním jazyce a které by tento jazyk aktivně užívaly – když ne hned, tedy alespoň po určité době. Takovéto elity musí vytvořit kulturu a centra, která by byla přitažlivá pro lid přicházející do měst a přijímající nový typ vazeb a ideologie. Jestliže lid neumí číst, jestliže počet měšťanstva roste jen velmi pomalu a jestliže elity neexistují vůbec, popřípadě jsou velmi slabé a málo konkurenceschopné ve vztahu k etnicky a kulturně odlišným elitám, pak národotvorný proces probíhá pomalým tempem a nezřídka ve prospěch národa s jinými etickými kořeny. Solidní porovnání běloruského a českého národotvorného procesu však rovněž vyžaduje, abychom se v případě Bělorusů podívali na jejich postavení na konci 18. a na počátku 19. století.

Obdobně jako v Čechách i v Bělorusku šlechtické elity (*gente Lithuani*, resp. *gente Rutheni*, *natione Poloni*) uvažovaly v kategoriích politického národa a výrazně akcentovaly regionální odlišnosti. Tyto elity se považovaly za národně polské, ačkoli mezi nimi bylo silně rozvinuto regionální povědomí, chápané v podobě politického litevství jako sounáležitost s Velkoknížectvím litevským, po pádu Rzczyzpospolité již neexistujícího. Elity si ale rovněž byly vědomy svých ruských kořenů, a proto o sobě mluví jako o *gente Rutheni*. Jejich povědomí tedy bylo vícestupňové.²⁶ Jestliže česká šlechta stále více podléhala germanizaci, pak běloruská šlechta byla většinově jazykově běloruská. Zámožná zemanská šlechta mluvila polsky, střední šlechta se však celkově zpolonizovala teprve v prvních třech desetiletích 19. století a především v době činnosti vilenské univerzity. Drobná venkovská šlechta, která tvořila mezi šlechtou většinu, mluvila po celé námi sledované období téměř výlučně bělorusky, i když postupem doby stále více užívala polštinu (nezřídka velmi nízké kvality) při kontaktech s vnějším světem. Její běloruština, často nazývaná *obyčejný (prostý) jazyk*, nebyla stavěna do protikladu vůči polštině. Bariéry mezi oběma jazyky byly chabé nejen objektivně, ale obě strany je rovněž považovaly

²⁶ Srov. J. BARDACH, *Polacy a narody Litwy historycznej – próba analizy systemowej*, Kultura i Społeczeństwo 1994, č. 2, s. 40.

za nevýznamné. Obdobně jako v Čechách byla iniciátorem rozvoje běloruské literatury šlechta, která mluvila polsky. Avšak nejčastěji se pod vlivem osvícenství se zasloužila o rozvoj folklorně literární běloruskosti, kterou považovala za součást široce pojímané, nadetnické polskosti. Po celé 19. století si většina šlechty neuvědomovala možnost vzniku běloruského národa, jenž by se odlišoval od národa polského. Šlechta jako společenská skupina nebyla ve středovýchodní Evropě iniciátorkou plebejských národních hnutí, protože to odporovalo její stavovské morálce. Národní hnutí formovala inteligence, měšťanstvo, buržoazie: nové vrstvy (třídy), jež měly z nejrůznějších důvodů zájem na novém uspořádání společnosti.

Běloruský lid, tzn. především rolníci, byl téměř výlučně jazykově běloruský. Poláci na území Běloruska nikdy nevytvořili teritoriálně významné jazykově polské enklávy a v první Rzczyzpospolité o to ani nikdy neusilovali (jazyk rolníků šlechtu nezajímalo). Rolníci po celé období záborů (a tedy do první světové války) neměli žádné národní povědomí, uvažovali v kategoriích předindustriální etnické skupiny a byli citliví pouze na třídní hesla. Obsazení této části Rzczyzpospolité Rusy vedlo k uzavření rolnictva do kategorie etnicity na dlouhá desetiletí. Jejich polonizace byla fakticky nemožná (polské školství bylo po čase zlikvidováno). Naopak rusifikace vyžadovala dlouhé přechodné období, jehož bylo třeba k zakořenění ruské kultury v podmaněné společnosti. Tento proces se postupně prosazoval společně s likvidací uniátské církve v roce 1839 a jejím nahrazením pravoslavnou církví a s porážkami povstání: listopadového v roce 1831 a lednového v roce 1863. Carská vláda v roce 1832 zlikvidovala vilenskou univerzitu (největší v carském impériu) a s ní spojený systém školství. Značnou část drobné šlechty proměnila v rolníky, v tzn. *jednodvorce*. Tak zapříčinila zpomalení civilizačního rozvoje země, která se napříště industrializovala jen velmi pomalu, tempem odlišným od vývoje v evropské části impéria.

Pohlčení běloruského území carským Ruskem vytvořilo situaci, jež byla zcela nevhodná pro rozvoj potenciálního běloruského národního hnutí, tedy situaci, která v Čechách nikdy neexistovala. Rusové vyvolali polarizaci běloruské společnosti v rovině náboženské a kulturní. Rozdělení obyvatelstva na pravoslavnou

většinu a katolickou menšinu rovněž představovalo rozdělení na dvě výrazně odlišné kulturní společnosti. Jejich hranice byly natolik emocionálně citlivé a síla elitární polskosti a ruskosti natolik velká, že šance na existenci na nich nezávislého běloruství radikálně poklesly. Katoličtí rolníci, kteří se obávali tlaku pravoslaví, lnuli – vyjma svého jazyka – k polskosti, říkajíce, že jsou „polské víry“. Pravoslavní se naopak považovali za lid „ruské víry“. Uniaství, jež by Bělorusy mohlo oddělit od římskokatolických Poláků a od pravoslavných Rusů, tu chybělo. Pravoslavní rolníci a venkovští duchovní se společně prostřednictvím ruských škol stávali Rusy místního běloruského rázu, tzv. Západorusy. Katolíci přijímali polskou kulturu, i když právě z jejich prostředí pocházeli v 19. a 20. století tvůrci literární a postupně stále více i národní běloruskosti. To bylo jednou z příčin odporu pravoslavné většiny vůči národní ideologii formované katolíky. Můžeme tvrdit, že pravoslaví konzervovalo Bělorusy na úrovni etnicity. Katolicismus se mnohem rychleji národně uvědomoval, většinou však směrem k polskosti. Katolické šlechtické elity ohrožené rusifikací uvolňovaly svůj svazek s terminologií litevství jakožto dědictví po Velkoknížectví litevském a mnohem více se pojily s reálnou silou, již byla polskost. V důsledku toho v 19. století jediný pokus o formování běloruské národní ideologie vyšel zpoza hranic Běloruska. V roce 1884 byla v Petrohradě vydána dvě čísla ilegálního, jazykově ruského časopisu *Gomon*, který se snažil povznést nad národně náboženské spory.²⁷

Polsko-ruský konflikt, jaký panoval v období carské vlády v Bělorusku, měl za následek to, že se místní rolníci, kteří mu chtěli uniknout, se utkali do pocitu lokální přináležitosti („tutejšasc“), a tedy do kategorií myšlení předindustriálního období. Kdyby tehdejší Rusko bylo tak liberální jako Rakousko a kdyby zde industrializace země byla stejně rychlá, jistě by běloruské národní hnutí začalo mnohem dříve. Carská vláda však po celou dobu svého trvání neuznala Bělorusy jako svébytný národ, nedovolila budovat běloruské školství, od konce 50. let zakazovala vydávání knih v běloruském jazyce latinkou a od 60. let (až do roku 1905)

²⁷ Р. РАДЗИК, *Петербургские народники – творцы современной белорусской национальной идеи*, Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. Выпуск 3, 2005, s. 75-86.

bránila tištění běloruských textů cyrilicí. V Bělorusku 19. století národnostní střety zajímaly pouze elity. V době, kdy se v Čechách lidé masově stěhovali do měst, měli jazykově české školy, četli český tisk a čeština pronikala i do světa elit, pocházejících z lidového prostředí, běloruští rolníci raději zůstávali stát mimo národní střety. Na českých shromážděních lidu, tzn. „táborech“, se v letech 1868–1871 podílelo 1,5 milionu Čechů, což mělo velký význam pro všeobecný rozvoj českého národního povědomí. Pozdější obchodní válka s Němci, vedená pod heslem „Svůj k svému“, posilovala rozdíly mezi Čechy a Němci a dávala jejich střetu silný emocionální rozměr. Češi vytvářeli samostatný a dle německého soudu konkurenční svět institucí: škol, univerzit, divadel, muzeí i obchodů. Přestože mezi Bělorusy a Rusy, resp. mezi Bělorusy a Poláky takováto konkurence nikdy neexistovala, konflikty mezi nimi měly do značné míry vliv na utváření národního povědomí.

Steven L. Guthier ve shodě s údaji sčítání lidu z roku 1897 uvádí, že z pouhých osmi a půl tisíce příslušníků teritoriálně běloruské inteligence považovalo běloruštinu za svůj rodný jazyk.²⁸ Tito lidé ale na rozdíl od jejich českého ekvivalentu nepředstavovali běloruskou národní inteligenci. Záměrně a vědomě se nijak nepodíleli na žádných proběloruských aktivitách. Jejich literatura byla buď ruská, nebo polská. Tyto jazyky rovněž každý den užívali při své práci. Během procesu svého společenského vzestupu vstupovali do světa ruské nebo polské kultury (to ale neznamená, že by se v rámci těchto společenství odnárodnili). Na svůj běloruský původ se odvolávali obdobným způsobem, jako je tomu dnes, kdy v ruskojazyčných městech Bělorusové den co den masově vzdávají úctu běloruštině jako rodnému jazyku, aniž by ji však užívali. Běloruské národní hnutí vzniklo na samém počátku 20. století. Během devíti let před první světovou válkou bylo založeno pouze několik běloruských novin a časopisů. Běloruské národní hnutí neproniklo mimo dosti úzký okruh osob, nepodařilo se mu rozšířit národní povědomí mezi rolníky, kteří nadále povětšinou zůstávali analfabety, vnímali svět třídně a postrádali cit pro národní hesla. S Čechy Bělorusy až do první světové války v zásadě spojovala absence arti-

²⁸ S. L. GUTHIER, *The Belorussians: National Identification and Assimilation, 1897-1970*, díl 1: *1897-1939*, *Soviet Studies* 29, 1977, s. 46 (tabulka 5).

kulace požadavků směřujících k vytvoření vlastního státu. Češi tímto způsobem postupovali z taktických důvodů, protože se obávali konfrontace s Němci a ztráty území s převahou německého etnika, Bělorusové naopak z důvodu slabosti národního hnutí a s jasným vědomím, že mezi lidem takovéto představy nehrají žádnou úlohu, nemluvě o tom, že by to okamžitě vyvolalo konflikt s Ruskem. To, že se Bělorusům nepodařilo vytvořit v ruském státě elitární a pro lid přitažlivou běloruskou kulturu, pro ně mělo dalekosáhlé důsledky v sovětském období. Masy běloruských rolníků, které odcházely do měst o několik desetiletí později než Češi, na jedné straně nebyly konfrontovány s plně rozvinutou bohatou běloruskou kulturou a na straně druhé musely přijmout sovětskou ideologii v ruské jazykové formě, jež jim líčila – podobně jako národní ideologie rolníkům v Čechách 19. století – nový, industrializovaný a zurbanizovaný svět a ukotvovala je v něm, jak budovala novodobý typ ideologických vazeb. Svět národních hodnot tvořil pouze úzká centra na okrajích sovětského systému. Běloruský rolník tedy přešel po svém osvobození z nevolnictví od třídní, protoindustriální a porobotní epochy do zcela zideologizované třídnosti sovětské. Národní ideologie se pak ho v mnoha případech vůbec nedotkla.

Běloruskost – ve formě „hrozícího“ odnárodnění – se začala uplatňovat, na rozdíl od analogického procesu v Čechách, příliš pozdě, takže Rusové byli s to jí čelit: v carském Rusku tím, že se stavěli na odpor formování běloruských elit, a v sovětském Rusku tím, že z běloruskosti učinili sovětsko-folklorní atrapu národní kultury, přičemž národní ideologie byla ztotožněna s nacionalismem, nepřátelským sovětskosti. Elitární národní běloruskost, přestože ji dnes tvoří jen nepočtená centra Bělorusů, má oproti ruskojazyčné sovětskosti tvůrčí charakter, neboť je nonkonformní. V Čechách a v Polsku byl ve druhé polovině 20. století vytvářen svět sovětských hodnot a vazeb, jemuž stálo v cestě silné národní povědomí, a na něž mohli Čechové a Poláci po čase rezignovat. Bělorusům bylo naopak vnuceno sovětské společenství namísto společenství národního. Bolševická revoluce se v mnoha aspektech ukázala být analogická revoluci francouzské (samozřejmě však mezi nimi existovaly i rozdíly). Dříve než se běloruští rolníci mohli národně uvědomit, byly jim vnuceny sovětské hodnoty. Šlechtickým *gente Lithuani* se nepodařilo vytvořit politické spole-

čenství dříve, než ztratily vlastní stát. A Rusové v 19. století nebyli s to změnit Bělorusy v Rusy, protože teprve v carském období jejich počet v Bělorusku významněji vzrostl. Náhražku takového politického společenství vytvořili až v rámci Sovětského svazu. Stejně jako Provensálci v revoluční Francii „volnosti, rovnosti a bratrství“ přijali politickou ideu národa, odvrhující postupem doby provensálskou národní ideologii, založenou na etnicitě, bylo i běloruským rolníkům vnuceno – dříve než se mezi nimi uplatnila národní běloruská ideologie – sovětské společenství, jež je uvedlo do novodobého, zideologizovaného světa. Jejich touha po společenském vzestupu byla uspokojována procesem přesídlení do měst. Něco jiného je však přijetí zideologizovaného typu společenského povědomí (pokud existuje takováto společenská potřeba) a něco jiného jeho nahrazení jinými vazbami. Důsledky tohoto dilematu jsou patrné i v dnešním Bělorusku.²⁹

Na závěr můžeme učinit shrnutí a konstatovat toto: Ačkoli v polovině 18. století bylo možné předpokládat, že se v Čechách i v Bělorusku budou po západním vzoru a rovněž pod vlivem osvícenského pojetí národa rozvíjet politické národní společnosti, jež se budou opírat o elity vládnoucí v těchto zemích, nestalo se tak. Oba separatistické procesy, i když zásadně odlišné svou silou i konečnými výsledky, byly vyvolány osvícenskými proudy – částečně romantismem, mnohem více však ochotou odvolávat se na lid, jehož kultura měla obohatit nadetnické společenství. Jazykově německá šlechta Čech se během několika desetiletí přičinila o rozvoj českého jazyka a kultury, čímž vyjadřovala zemskou svěbytnost a svůj odpor vůči centralistické politice Vídně. Naopak jazykově polská šlechta Běloruska kromě osvícensko-romantických motivů, jež ji spojovaly s českými elitami, podporovala jazykově literární běloruskost také s nadějí, že bude představovat hráz proti ruským vlivům v zemi. Obě elity, česká až do roku 1848 a jazykově polská konce století, si neuvědomovaly, jaké národní konsekvence plynou z jejich pročeských a proběloruských aktivit. Zatímco v případě Čech rychlá industrializace země vyvolala masové stěhování jazykově českého (postupem doby v rozhodující většině gramotné-

²⁹ Srov. R. RADZIK, *Belarus Between the East and the West. The Soviet-Russian Option Versus the Nationalist Option in Belarusian Society*, International Journal of Sociology 31, 2001, s. 11-45.

ho) lidu do měst, vedla k jeho společenskému vzestupu, k posílení pocitu jeho odlišnosti ve vztahu k Němcům a ve svém důsledku i k přitažlivosti jeho vlastní kultury, pak situace v Bělorusku byla zásadně odlišná. V zemi, jejíž stupeň urbanizace a industrializace byl velmi malý a kde převažovalo negramotné venkovské obyvatelstvo, propukl konflikt mezi dvěma plně zformovanými národními stranami, reprezentovanými polskou a ruskou elitou. Národní odlišnosti se propojily s odlišnostmi náboženskými, což na venkově způsobilo utváření opozičních identit etnických a nikoli národních, ale především náboženských. Blízkost běloruštiny a ruštiny i polštiny oslabovala možnost vytvořit vlastní identitu opírající se o jazyk. K společenskému vzestupu docházelo spíše podle kritérií náboženské než jazykové příslušnosti. Z tohoto důvodu vznikaly zjednodušující nálepky: Polák-katolík a Rus-pravoslavný. Carská vláda na rozdíl liberální habsburské monarchie nikdy nepovolila vznik běloruského školství a více než čtyřicet let (do roku 1905) znemožňovala vydávání literatury v běloruštině. Běloruské národní hnutí vzniklo dost pozdě na to, aby v běloruských podmínkách mohlo před první světovou válkou uspět. Pouze několik procent běloruských rolníků umělo číst a psát. Jediné, k čemu byli vnímaví, byla třídní hesla. Bělorusové si do roku 1914 nevytvořili početné elity, které by po českém vzoru byly ukotveny v bohaté, pro lidové vrstvy přitažlivé kultuře, a běloruské národní povědomí nevzniklo ani v lidovém prostředí samém, protože za daných okolností taková možnost v zásadě neexistovala. Proces masové alfabetyzace a přesídlování rolníků do měst zahájila až sovětská vláda, která rolníky za pomoci sovětské a nikoli národní ideologie uváděla do novodobého světa.

Белорусское и чешское национальные движения в XIX в. (до 1914 г.): сходство и отличие

профессор Ришард Радзик (Институт Социологии УМСК, Люблин)

XIX век в Европе был периодом формирования наций. В течение XIX в. не исчезло ни одной из ранее появившихся наций, т.е. наций феодальных (общество с образованными национальными элитами). Однако это еще не означает, что с течением времени у всех европейских этнических сообществ развилось бы «собственное» национальное движение, которое впоследствии поддалось бы национализации, опирающейся на собственную культурную самобытность (языково-этническую). Процесс формирования общества национального типа носил объективный характер и происходил в результате разрушения феодальных структур, открытия малых локальных сообществ внешнему миру, резкого ускорения динамики общественных процессов, роста грамотности, индустриализации и урбанизации. Категории сословного расслоения (а также рассматриваемого с макропозиции расслоения по религиозному принципу) были внезапно сломаны. На их место пришло расслоение культурное или же – менее явное, чем сословное, – расслоение классовое. В каждом случае набор факторов, формирующих возникающее национальное общество, был несколько иным; иными были значение и функции каждого из этих факторов.

Объективность этого процесса заключалась не в том, что определенные различия должны были лечь в основу однозначно определяемых явлений, а в том, что сообщества Европы нового времени должны были принять идеологизированные категории (не всегда обязательно национальные), ведущие их в новую действительность. Эти категории чаще всего носили культурный характер и имели этнический (в Центральной и Восточной Европе) или же политический (в Западной Европе) аспекты. Национальная идея придавала подходящий «код», позволяющий формировать новые сообщества. Нация не была единственной «выдуманной» Европой возможностью существования определенного общества. Национальная идеология в течение периода Первой мировой войны поразила идеологию классовую. Тем не менее классовая идеология доминировала в процессе формирования общества после большевистской революции в двух частях Европы: в Беларуси и на Восточной Украине.

В течение нескольких лет стало очевидным, что чехи полностью обрели национальное самосознание и поэтому создали национальное общество нового времени. В отличие от этого, белорусы не создали сообщества с таким коллективным самосознанием, с такой силой и в таком размере. Ввиду того, что белорусское национальное движение на момент большевистской революции было весьма слабым, новой советской власти удалось навязать сообществу нового времени клас-

совое самосознание вместо самосознания национального. Классовое самосознание в его советском виде стало основным фактором, формирующим советско-белорусские отношения. Причины такого положения находятся однако в далеком прошлом.

Начало чешского национального движения можно с полной уверенностью отнести ко второй половине XVIII в. Белорусское же национальное движение оформилось только в начале XX в. Произошло это по различным причинам культурного, политического и цивилизационного характера. По сравнению с Беларусью, а также по сравнению с польским Галичем или Конгресовкой, Чехия была более цивилизованно развитым в этом плане регионом. Это была более урбанизированная и промышленно развитая территория с более высоким уровнем грамотности. Белорусов с чехами связывало то обстоятельство, что дворянские элиты каждого народа в данном историческом периоде не апеллировали к этнической культуре масс, населявших эти земли, а исходили (в отличие от Германии и Польши) из политического восприятия нации, несмотря на то, что значительная часть как чешской, так и белорусской знати происходила из местной среды.

В белорусских городах в начале XIX в. проживало менее 5 % всего населения края, а в самом конце столетия эта цифра составляла 10 %. Согласно переписи 1897 г., в сельской местности проживало 97,7 % населения, причем 86,4% белорусов, проживающих в городах и деревнях, были в этот период неграмотными. Спустя три года в Чехии было зафиксировано только 4,26 % неграмотных, причем в конце XVIII в. начальные школы Чехии посещало более половины всех детей школьного возраста. Белорусские крестьяне были освобождены от крепостного гнета позже, чем крестьяне чешские, а действительное открытие сельского сообщества внешнему миру, с которым связывается возможность восприятия мира в идеологизированных, а значит, национальных категориях, произошло в отличии от Чехии с опозданием на несколько десятилетий.

Еще один аспект: существовали непреодолимые различия между чешским и немецким языками, что в полной мере осознавалось обеими сторонами. Белорусский же язык на протяжении всего XIX в. трактовался весьма поверхностно, лишь как диалект русского и польского языков либо как переходная речь между языками двух соседей – русских и поляков. Крестьяне лишь изредка называли его белорусским, вплоть до начала XX в. он считался неприемлемым для печати и воспринимался как просторечный. Вместе с тем в Центральной и Восточной Европе язык принято было считать одним из главных факторов формирования национальной самобытности, поэтому такой подход ослаблял возможность развития белорусского национального сообщества.

Большое значение для формирования чешского и белорусского национальных сообществ представляли также различия в рели-

гиозной сфере. В то время как низший католический клер активно поддерживал чешское национальное движение (особенно в первой половине XIX в.), православные священники были решительными противниками возникновения самостоятельного и не зависящего от России белорусского народа. Православное духовенство оказало значительное влияние на возникновение так называемого западнорусизма – идеологии, рассматривающей белорусов как региональную ветвь русских. Эта идеология, модифицированная во времена Советского Союза, овладела мировоззрением большинства белорусов (несмотря на то, что они не считали себя русскими). И даже более того, разделение белорусов на православных (79,8 %) и католиков (13,5 %), (несмотря на все большее восприятие значения культурных доминант по сравнению со значением религиозных сообществ (латинский – западный и православный – русский)), вело к ослаблению возможности существования динамического национального движения, к ослаблению развития четкого этнического самосознания белорусов и к отрицательному отношению крестьян к русско-польским национальным спорам, в результате чего большая часть из них на протяжении продолжительного периода трактовала сама себя с позиции принадлежности к конкретному месту, а не к конкретному этносу. Специфика Беларуси состояла в том, что создателями белорусскоязычной литературы XIX в., лишенной, однако, белорусского национального аспекта, была католическая знать, а численность католиков на отдельных этапах белорусского национального движения в XX в. была (а де факто и на сегодняшний день остается) весьма значительной, что приводило и приводит к неприятию значительной частью православного населения идеологии, имеющей католические и европейские корни и направленной, как часто считается, против русских и чуждой белорусской ментальности.

Исключительно важным по степени своей значимости фактором различия чешского и белорусского национальных движений был фактор политический. С течением времени Габсбургская империя стала значительно более либеральным и, бесспорно, более демократическим политическим образованием по сравнению с Российской империей. В административных органах и школах чешский язык постепенно отвоевывал позиции, которые когда-то уступил немецкому языку. Русская же политика заключалась в вытеснении польского языка, при этом белорусский язык никогда не был разрешен в качестве административного языка или же языка школьного образования. Более того, в конце 50-х годов русские власти запретили издание белорусской печатной продукции на латинице, а с 60-х годов, была запрещена также печать на кириллице, за исключением спорных изданий этнографического или же религиозного характера. Лишь в 1906 г. начали появляться первые легальные белорусские публикации.

Белорусов и чехов объединяло также то, что дворянство как чешских, так и белорусских земель не стало (за исключением отдельных личностей) носителем национального движения, а также то, что оба национальных движения вплоть до начала Первой мировой войны не стремились к созданию самостоятельного государства. Различие же состояло в том, что в Чехии имел место чешско-немецкий экономический конфликт, проявлением которого стало бойкотирование немецкого производителя под лозунгом «свой к своему», в Беларуси же такого конфликта не существовало. Конфликты, однако, являлись важным элементом динамизации европейских национальных движений того времени. Историческая традиция собственного государства у чехов также была более сильной и начала уверенно заявлять о себе уже во второй половине XVIII в. Интерес представляет тот факт, что в XIX в. на территории Беларуси общество было представлено тремя составляющими: господствующая нация (русские) – доминирующая нация (поляки) – плебейские сообщества (белорусы). Хотя такая ситуация и предоставляла для плебейского сообщества шанс на быстрое возникновение сообщества национального (в Чехии подобной ситуации не существовало), в действительности к формированию и активизации белорусского национального движения она не привела.

Чешское и белорусское движение были принципиально различны как по своему содержанию, так и по конечному результату.

NÁVRH KONCEPCE ČESKÝCH DĚJIN PŘEDBŘEZNOVÉ DOBY (1790–1848)

*prof. PhDr. Milan Hlavačka, CSc.
(Univerzita Karlova, Praha)*

Již více než sto let bádají čeští historici nad tím, jak koncepčně uchopit období českých dějin od josefínských reforem do revoluce 1848–1849. K jednotnému pojetí prozatím nedošli a zřejmě je v dohledné době ani nenaleznou. Jedná se totiž o období velmi složité, protikladné a zároveň plné proměn, které se však udály nikoliv ve sféře politické, kde badatelské metody a poznávací instrumentarium historika jsou nejpropracovanější, ale spíše v oblasti společenského vědomí a podvědomí, jehož výzkum byl doposud přenecháván jiným vědním disciplínám anebo se ho zmocňovali zcela spontánně umělci, především pak romanopisci a žurnalisté. Historik je postaven před několik závažných skutečností, jejichž interpretace významně ovlivňuje právě metodu podání, rozvržení díla a také zvolenou terminologii. Tak předně předmět zkoumání historické reality se v této době radikálně mění: dosavadní koncepce dějin českého (někdy jen rakouského) státu a dějin zemí Koruny české je většinou změněn na koncept etnických dějin, tedy na dějiny jen jedné, totiž národní české společnosti, později českého národa na území českých zemí. Samozřejmě, český stát sice nikdy nezmizel z reality a povědomí obyvatel Čech a střední Evropy, ale jeho vnější atributy byly v důsledku tereziánsko-josefínské centralizace a unifikace značně zredukovány. Navíc v období byrokratického absolutismu po roce 1792 vysoká politika jako taková byla výhradní doménou velmi úzké vládnoucí vrstvy a v Praze a v Brně většinou pěstována nebyla. Z této skutečnosti také vyplynula i počátku faktická neexistence „české“, rozuměj české měšťanské politiky. Proto se dosavadním nejúspěšnější a nejnosnější konceptem výkladu českých dějin stal tzv. národně obrozenecký koncept českých dějin, který nejdůležitější dějtvornou roli přikládá etnickým intelektuálním elitám spojeným především s kulturní, respektive jazykovou, literární a historiografickou tvorbou. Přechodem

na tento nacionální a v podstatě literárně vědný princip výkladu dějin pak zůstaly zcela přirozeně stranou dějiny jiné etnicity a diaspory žijící na území českých dějin, tedy Němci a Židé, ale také se do těchto úzeji pojatých dějin nedostali šlechtici nebo lidé, kteří se pro žádnou etnicitu nerozhodli, respektive hodlali zůstat nacionálně indiferentními Rakušany. Tomuto zjednodušování a zužování dějin navíc stále nahrávala a nahrává také neexistence soustavně propracovaných sociálních dějin tohoto období. K obtížnějšímu koncepčnímu zvládnutí dějin tohoto období je třeba připočíst i ten fakt, že v důsledku především administrativního sjednocování tzv. dědičných německých zemí a zároveň v důsledku prokazatelného správního oddělování Čech od Moravy a Slezska a i v důsledku proporcionálně odlišného národnostního složení Moravy byl prohlubován faktický česko-moravský dualismus. V důsledku těchto skutečností probíhaly sociální a národnostní procesy na Moravě po celé 19. století oproti Čechám opožděně.

Obrovskou proměnou neprocházeli v této době jenom český stát a česká společnost, ale i jeho středoevropské státoprávní zakotvení. Svata říše Římská národa německého během napoleonských válek zanikla a místo ní byl vytvořen opět velmi volný Německý spolek, jehož nejvýznamnější součástí se stala západní území nově založeného Rakouského císařství. České země tvořily i nadále demograficky a ekonomicky nejvyspělejší a nejdůležitější území habsburské monarchie, ale nikoliv jako jednotný státoprávní celek, ale jako jeho jednotlivé, vzájemně administrativně oddělené provincie Čechy a Morava se Slezskem. V tomto kontextu nelze opomenout ani tu skutečnost, že do roku 1848/1849 postupně docházelo i k významné proměně socioekonomického postavení obyvatelstva v českých zemích. Je zřejmé, že všechny tyto státoprávní, socioekonomické, kulturní a mentální změny poskytují historikovi nebývale zajímavou látku k výkladu, pro kterou se ale velmi těžko hledá jednotící výkladový koncept.

Proto i tyto dva návrhy budou spíše kompromisem mezi dějinami zemí (Čech, Moravy a Slezska) a dějinami etnik (Čechů, Němců a Židů) a rovněž mezi dějinami chronologicky vyprávěnými a dějinami strukturálními (především se bude pohybovat v politické, sociální, ekonomické a kulturní sféře), kde oním jednotícím prvkem – samozřejmě kromě po staletí jen málo proměně-

ného území Českých zemí – bude tvořit především současný hlavní nositel české státnosti, v této době teprve se utvářející český národ. Lišit se budou ve vnitřní struktuře a jejím naplňování. První návrh je zcela klasický a zdůrazňuje strukturální pojetí dějin vnitřně dělených na politickou, respektive státoprávní, ekonomickou a kulturní sféru. Druhý návrh akcentuje spíše pojetí dějin jako dějin společnosti v delším časovém úseku a usiluje o zahrnutí nových historicko antropologických přístupů do výkladu. Přitom si je vědom té banální skutečnosti, že koncepce syntetických dějin založených pouze na historicko a kulturně antropologických přístupech není prozatím možná, neboť syntetické práce určené národní společnosti a národnímu vzdělávání, které je i nyní naprosto dominantním úkolem historiků, nemůže ztratit v důsledku působení těchto moderních metod vnitřní napětí a hlavně vnitřní logiku, směřující k naplnění dějinnosti tohoto národa, respektive nesmí oslabovat či relativizovat jeho roli na cestě k národní a popřípadě i ke státní emancipaci. Z vlastní zkušenosti s psaním učebnic pro národní – základní i střední – školu vím, že učitelé takovéto koncepty výkladu (národních) dějin neakceptují, ať už z důvodu neporozumění novému konceptu výkladu, anebo vnitřního přesvědčení o efektivitě či neefektivitě pedagogického zvládnutí takového výkladu.

Návrh klasické koncepce pak je možno shrnout do následujících pěti bodů:

1. Obecné rysy vývoje
2. Postavení českých zemí v rámci habsburské monarchie
3. Počátky industrializace
4. Vznik a vývoj českého národního hnutí
5. Duchovní pozadí doby a česká a moravská obrozenecká věda a kultura

Tuto základní a klasickou koncepci českých dějin doby předbřeznové lze tak, jak bude i samotný základní výzkum přinášet nové poznatky, rozšiřovat například o strukturálně pojatou sociální stratifikaci obyvatelstva, o dějiny každodennosti, o dějiny mentalit či o dějiny přírodních a humanitních věd apod. I v těchto oblastech popisu historické skutečnosti by mělo být zohledněno vysvětlení postupného vyčleňování český hovořícího obyvatelstva a jeho inte-

лектуálních výkonů z rámce jazykově utrakvistické předbřeznové společnosti a s ohledem na instinktivní a vědomé snahy po restituci státoprávního zakotvení českého státu.

Návrh neklasické koncepce českých dějin vlastně celého 19. století, kdy probíhaly emancipační procesy české společnosti, lze také shrnout do pěti bodů:

1. Od absolutismu ke konstitucionalismu
2. Od poddanství k občanství
3. Od zemského vlastenectví k nacionalismu
4. Od tradiční (agrární) společnosti k průmyslové
5. Proměny životních stereotypů

Tato neklasická koncepce také reflektuje – ovšem z jiného úhlu pohledu – politický, sociální, ideový a ekonomický vývoj společnosti. Tím, že je ale univerzálněji nastavena na celou společnost či na všechny společnosti žijící na území českých zemí, může lépe postihnout jednak národní a mentální rozštěp této společnosti, tak i její podléhání „modernizačním“ vlivům, které mohou být například vyjádřeny procesy unifikace, sekularizace, normalizace, standardizace, byrokratizace, feminizace atd. Naplnění této ambicióznější a víceméně odideologizované koncepce bude narážet především v pátém bodě na nedostatek kvalitních podkladových studií. K tomu, aby takové studie vznikaly, bude zapotřebí změnit i přístupy při výchově profesionálních historiků na našich humanitních fakultách a výuku zvláště v historických seminářích zaměřit spíše na sociální, historicko antropologická a kulturně antropologická témata.

Проект концепции чешской истории периода 1792-1848 гг.

профессор Милан Главачка (Карлов Университет, Прага)

В докладе рассматриваются две концепции чешской истории периода 1792-1848 гг.

А) Проект **классической** концепции можно представить следующим образом:

- 1) общие черты развития;
- 2) положение чешских земель в рамках Габсбургской монархии;
- 3) начало индустриализации;
- 4) возникновение и развитие чешского национального движения;
- 5) духовная атмосфера данного исторического периода, чешская и моравская наука и культура национального возрождения.

Таким образом, по мере того, как основные исторические исследования будут приносить все новые сведения, эту основную и классическую концепцию чешской истории периода 1792-1848 гг. можно обогатить, например, структурной концепцией социальной стратификации населения, историей повседневности, историей менталитетов или же историей естественных и гуманитарных наук и т.д. Но и в этих областях описания исторических событий должно присутствовать объяснение постепенного выделения чешскоязычного населения и его интеллектуальной деятельности из всего сообщества периода 1792-1848 гг. с учетом инстинктивных и сознательных усилий по реституции государственно-правового положения чешского государства.

В) Проект **неклассической** концепции чешской истории всего XIX столетия, в течение которого проходили процессы эмансипации чешского общества, может иметь следующий вид:

- 1) от абсолютизма к конституционализму;
- 2) от подданства к гражданству;
- 3) от краевого патриотизма к национализму;
- 4) от традиционного (аграрного) общества к промышленному;
- 5) трансформация жизненных стереотипов.

Неклассическая концепция отражает политические, социальные, идейные и экономические стороны развития общества. Этот всесторонний охват общества или же обществ, проживающих на чешских землях, данной концепцией позволяет понять как национальный и ментальный раскол этого общества, так и его реакцию на влияние модернизации, которая может быть выражена, например, в процессах унификации, секуляризации, нормализации, бюрократизации, феминизации и т.д. В процессе создания этой амбициозной и более-менее лишенной идеологического оттенка концепции мы столкнемся с недостатком качественных базовых исследований, прежде всего, по

пятому пункту данной концепции. Для того чтобы подобные исследования возникали, следует пересмотреть подходы к подготовке профессиональных историков на наших гуманитарных факультетах, а на исторических семинарах уделять внимание, прежде всего, социальной, историко-антропологической и культурно-антропологической тематикой.

Белорусская национальная идея в начале XX в.

*доктор исторических наук профессор
Александр Смоленчук
(Европейский гуманитарный университет,
Минск/Вильнюс)*

Процесс формирования современной белорусской нации вписывается в контекст аналогичных процессов у тех народов Центрально-Восточной Европы, которые вступали в «эпоху национализмов» (конец XVIII-XX вв.), не имея собственной государственности. В данном случае формирование нации происходило на путях национальных движений, которые стремились к культурной и социально-политической эмансипации. В результате дезинтеграции первоначальных полиэтнических сообществ и распада государств-империй возникали этнокультурные нации, которые Мирослав Грох назвал «малыми нациями Европы».¹ Они формировались преимущественно как культурно-центристские сообщества. Однако «белорусский случай» имеет свои особенности. И дело даже не в том, что белорусы на протяжении почти всего XX в. не имели собственной государственности, а современное белорусское государство совершенно не подходит под определение «национального». События политической истории Беларуси XX в. вызывают сомнение даже в том, что современная белорусская нация сформировалась как культурно-центристское сообщество.

Объясняя белорусскую специфику, обычно много говорят о трагической военной истории народа, который оказался на границе разных цивилизаций; припоминают результаты ассимиляционных процессов (полонизация и русификация), которые привели к утрате культурной и политической элиты; наконец, рассуждают о последствиях конфессионального раскола самих белорусов (православие и католицизм) и т.д.

¹ M. HROCH, *Male narody Europy*, Wrocław-Warszawa-Kraków 2003.

Это, безусловно, важные факторы. Но являются ли они определяющими? Позитивный ответ на этот вопрос порождает ощущение предопределенности политической неудачи национального движения начала XX в. и бесперспективности усилий всех его участников.

Отказаться от исторического детерминизма в данном случае заставляет знакомство с историей национальных движений соседних с белорусами народов – поляков и литовцев. Поиск причин «белорусской неудачи» требует глубокого анализа процессов национально-культурного Возрождения начала XX в. и деятельности его лидеров Ивана и Антона Луцкевичей, Вацлава Ластовского, Александра Власова, Вацлава Ивановского, Романа Скирмунта и др. Очень важно понять особенности белорусского движения, исходя из его внутреннего состояния.²

Целью данного реферата является анализ белорусской национальной идеи начала XX в. и механизма ее трансляции. В данном случае белорусская идея трактуется как идея существования именно БЕЛОРУССКОЙ нации.³ **Каковы были основные компоненты белорусской национальной идеи? Существовал ли эффективный механизм ее трансляции?**

Первая в XX в. попытка формулировки белорусской национальной идеи была связана с деятельностью Белорусской социалистической Громады (БСГ). Она возникла зимой 1902-1903 гг. как своего рода политический клуб, а во время революции 1905-1907 гг. превратилась в политическую партию. Это была социалистическая партия народнического направления. В программе 1903 г. Громада называла себя «социально-политической организацией белорусского трудящегося народа», не разделяя при этом крестьян и рабочих, требовала «самой большой свободы» для всех народов России.⁴ На II

² Достаточно успешно это пытаются сделать такие исследователи, как В. Рудович, С. Токть, П. Терешкович, О. Латышонак, Е. Миронович, Р. Радзик и др.

³ Воспользуюсь определением, которое еще в 1994 г. предложил Олег Латышонак (А. ЛАТЫШОНАК, *Беларуская нацыянальная ідэя*, in: *Свіцязь*, № 2, Grodna 1994, с. 30)

⁴ М. БІЧ, В. ЯНОЎСКАЯ, С. РУДОВІЧ і інш.: *Гісторыя Беларусі. У шасці тамах*, том 4, Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец 18 – пачатак 19 ст.), Мінск 2005, с. 311

съезде (1906) БСГ самоопределилась уже как партия «трудящейся бедноты Белорусского края без различия национальностей». Провозглашалась необходимость политической автономии с сеймом в Вильно и полнотой культурно-национальных прав всех народов края.

Именно БСГ предложила первый вариант белорусской национальной идеи, который был представлен на страницах газеты «Наша доля». В программной статье первого номера (1 сентября 1906 г.) было обещано борьба за возрождение Беларуси, которое понималось в рамках социалистической доктрины народнического типа, за социальную и национальную свободу и т.д. Приоритетными были вопросы классовой борьбы. Фактически белорусская идея рождалась, как идея социального освобождения бедноты Белорусского края от гнета российского царизма и помещиков. Центральное место в ней занимало требование социального равенства. Собственно национальный компонент этой идеи рассматривался скорее как средство мобилизации белорусского крестьянства на политическую борьбу.

Однако попытка сформулировать социалистический вариант национальной идеи не получила развития. Социальный радикализм «Нашей доли» обернулся конфискацией четырех из шести номеров газеты и ее закрытием в январе 1907 г. Одновременно все менее заметной становилась деятельность БСГ. Фактически весной 1907 г. Громада исчезает с политической арены. Ликвидация БСГ привела к утрате политического контакта с населением. Соответственно попытка совместить национальную идею с доктриной социализма осталась достоянием только части политической элиты.

Еще до закрытия «Нашей доли» ее редакция раскололась. Часть сотрудников (в их числе братья Луцкевичи) перешли на более либеральные позиции, надеясь использовать политические перемены, которые принесла революция 1905-1907 гг. Они стали инициаторами издания еженедельника «Наша нива», который на протяжении девяти лет (1906-1915) являлся центром белорусского национального движения. В редакционной статье первого номера газеты ее создатели обещали читателям «служить всему белорусскому угнетае-

тому народу», называли свое издание газетой «всех белорусов и всех тех, кто им сочувствует», и заявляли о стремлении к тому, чтобы «все белорусы, которые не знают, кем являются, поняли, что они белорусы».

В «нашенивском» варианте белорусской идеи важнейшее место занимала культурная составляющая и в первую очередь судьба родного языка. Один из постоянных авторов газеты Мечислав Бобрович предложил следующее определение нации: «Нацию составляют люди, которые говорят на одном языке и ощущают связь между собой; признают свой данный язык или культуру».⁵

Газета стремилась поднять престиж белорусского языка, напоминая читателям, что в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) этот язык имел статус государственного.⁶ Ее авторы развивали идею святости родного языка для каждого белоруса, призывали уважать и защищать его, высказывали оптимизм и веру в успех белорусского движения. «Наша нива» требовала преподавания Закона Божьего (катехизации) на родном языке и введения его в церковь и костел в качестве языка дополнительного богослужения.⁷ Газета регулярно информировала о белорусских книжных новинках и в первую очередь об издании учебников. На ее страницах развивались лексические и грамматические нормы литературного языка. Неслучайно историк Захар Шыбека назвал «Нашу ниву» «лингвистической академией».⁸

Много внимания «Наша нива» придавала такому важному элементу национальной идеи, как историческая память. Идеологи белорусского движения понимали, что осознание белорусами и их соседями особенного белорусского исторического пути является определенной гарантией того, что нация станет субъектом политической и культурной жизни современной им Европы. В 1910 г. на страницах газеты публиковалась «Короткая история Беларуси» В. Ластовского. В первую

⁵ Л. ГМЫРАК [М. БОБРОВИЧ], *Творы*, Мінск 1992, с. 133

⁶ Наша нива, № 20 1908

⁷ Напр., Наша нива, №№ 1, 7 1906; № 7 1914; № 17 1908; № 20 1914

⁸ З. ШЫБЕКА, *Нарыс гісторыі Беларусі. 1795-2002*, Мінск 2003, с. 160

очередь это была история белорусской государственности. Ее началом автор считал Полоцкое княжество, «самое древнее и мощное из всех белорусских княжеств». В. Ластовский подчеркивал демократические тенденции политической жизни Полоцка. По его мнению, вечевой лад в древнейших белорусских княжествах означал, что «по правде, княжеством руководил народ, а не князь».⁹ Конец эпохи «народоправства» наступил во времена ВКЛ.

Последующую историю он излагал преимущественно в рамках концепции «двух врагов» – польского и «московского». По его мнению, Польша и «Москва», всегда враждебные между собой, объединились на общей платформе уничтожения ВКЛ. Военная агрессия «Москвы» только способствовала экспансионистским стремлениям Польши. С этой агрессией автор связывал заключение Люблинской унии (1569) между ВКЛ и Польшей, которую он оценил как политическую смерть Княжества.¹⁰

Этой «смерти», на взгляд автора, способствовало «оплячивание» верхних слоев белорусского общества в XVI–XVIII вв. Правда, в этом процессе В. Ластовский видел скорей самополонизацию, чем результат польской национальной политики. Он с осуждением писал о шляхте, которая «оставляет все родное, белорусское, забывает о национальных интересах, место которых занимают интересы классовые».¹¹ В заключительной главе книги В. Ластовский раскрыл антибелорусскую сущность политики российских властей. Он отметил, что после разгрома восстания 1863 г. началось уничтожение всего, что не соответствовало «великороссийским» нормам жизни.

Фактически «Короткая история...» была первой попыткой идеологов движения убедить белорусов в общности собственной исторической судьбы. Несмотря на доминирование концепции «двух врагов», В. Ластовский стал первым исследователем, который постарался показать собственно белорусский вклад в историю. Впервые белорусы

⁹ Там же, с. 8.

¹⁰ Там же, с. 30.

¹¹ Там же, с. 64.

характеризовались как народ, который определял судьбу Белорусского края.

Таким образом, «Наша нива» активно распространяла этнокультурный вариант национальной идеологии, центральное место в котором занимали идеи сохранения и развития родного языка, формировании белорусской исторической памяти. При этом характерной особенностью публикаций «Нашей нивы» было осуждение всякого шовинизма, в том числе и белорусского. На страницах газеты, напр., утверждалось, что ненавидеть поляков за то, что они поляки, а русских за то, что они русские, может только психически больной или ослепленный фальшивым патриотизмом человек.¹² Будущее Беларуси связывалось с культурно-национальной автономией.

По сравнению с «Нашей долей» сфера распространения «Нашей нивы» была более значительной. Газета выходила тиражом до 4,5 тысяч экземпляров. На большее не хватало средств. Читатели обычно передавали ее из рук в руки. До октября 1912 г. она издавалась кириллицей и латинкой, чтобы быть доступной для белорусов и католического, и православного вероисповедания. Позднее пришлось ограничиться только кириллической версией. «Наша нива» имела более трех тысяч корреспондентов в городах и деревнях. Она сыграла большую роль в распространении белорусского сознания и пропаганде национальной идеи. И это несмотря на то, что выписывать и читать «Нашу ниву» запрещалось всем государственным служащим и учителям.¹³

Национально-культурная пропаганда «Нашей нивы» была ограничена низким уровнем грамотности белорусского населения. По подсчетам Павла Терешковича, в 1897 г. грамотные белорусы среди православной их части составляли только 11,18%, а среди католической – 29,91%. Грамотность среди белорусских женщин была еще ниже.¹⁴ Однако оценивая образовательную ситуацию, важно также понимать, что официальное образование на белорусских землях было важ-

¹² Наша нива, № 5, 1911

¹³ З. ШЫБЕКА, *Нарыс гісторыі Беларусі*, 1795-2002, с. 163

¹⁴ П. ТЕРЕШКОВИЧ, *Этническая історыя Беларусі XIX – пачата XX в.*, Мінск 2004, с. 172

ной частью политики русификации. Именно поэтому среди корреспондентов «Нашей нивы» было очень мало жителей Восточной Беларуси (12,1%). Свой образовательный потенциал они использовали для интеграции в социальные институты Империи, а «нашенивская» программа казалась им чрезмерно радикальной.¹⁵

Высокий уровень толерантности «нашенивского круга», возможно, был обусловлен тем, что среди белорусской элиты постепенно распространился еще один вариант национальной идеологии, появление которого было связано с политической активностью литовских и белорусских поляков. Именно в их среде в период революции 1905-1907 гг. были выработаны основы так называемой «краевой идеологии». Ее создатели представляли ту часть местной польской общественности, которая сохраняла традиции политической и культурной самостоятельности ВКЛ. Они ощущали себя его гражданами и считали своей родиной Белорусско-Литовский край, а не Польшу. Следует отметить два направления краевости – демократическое, у истоков которого стояла личность Михала Ромэра (1880-1945), и консервативно-либеральное, связанное с Романом Скирмунтом (1868-1939).

Фундаментом «краевости» была идея гражданской нации. В соответствии с ней каждый, кто ощущал себя гражданином Белорусско-Литовского края, принадлежал краевой нации и был «краевцем». Этнокультурные особенности и социальное положение, по мнению «краевцев», носили второстепенный характер, и не являлись критериями национальной принадлежности. В политическом плане они требовали автономии Края с сеймом в Вильно и полной свободы национально-культурного развития.

Контакты между польскими «краевцами»-демократами и деятелями белорусского движения способствовали тому, что краевую идею начали пропагандировать также белорусские политики. В первую очередь это относится к братьям Луцкевичам. Именно они были инициаторами необычного для «эпохи национализмов» издательского проекта – издания

¹⁵ Там же, с. 178-179.

белорусской ежедневной газеты на русском языке («Вечерняя газета», 1912-1915 гг.) и белорусского еженедельника на польском («Курьер крайвы», 1913-1914 гг.).¹⁶ Информация о белорусских издателях этих газет сохранялась в секрете от широкой общественности.

Содержание обеих газет полностью соответствовали духу краевой идеологии. Напр., на страницах № 1 «Вечерней газеты» утверждалось: «У нас никоим образом нельзя исходить из интересов какой-нибудь одной национальной группы. В условиях разнообразия национального состава населения нужно постоянно иметь в виду интересы Края как единого целого. Только в этом случае возможно нормальное развитие каждой народности. Осознание того, что все мы, жители этой земли, являемся гражданами Края, – вот наша исходная точка при освещении требований разных групп населения». Аналогичную позицию занимал «Курьер крайвы». Обе газеты фактически пропагандировали демократический вариант идеологии нации гражданского типа.

Сложилась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация. Одни и те же люди (братья Луцкевичи, В. Ластовский и др.) на страницах «Нашей нивы» развивали белорусскую национальную идею в ее этнокультурном варианте, и они же на страницах русско- и польскоязычных изданий пропагандировали «краевость» как идеологию нации гражданского типа. Однако на самом деле парадокса не было. Белорусские политики довольно прагматично отнеслись к краевой идеологии. Они активно использовали концепцию общей исторической Родины, пропагандировали сотрудничество и толерантность, но при этом полностью игнорировали идею общности исторических корней белорусов, литовцев и поляков. Пропагандируя элементы краевой идеологии, они оставались БЕЛОРУСАМИ. «Краевость» позволяла им расширить социальное и этнокультурное пространство идеи белорусского Возрождения, наладить связи с деятелями других национальных движений.

¹⁶ А. СМАЛЯНЧУК, *Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г.*, Санкт-Пецярбург 2004, с. 267, 269 и др.

А вот консервативно-либеральный вариант краевой идеи стал одной из теоретических основ развития консервативного варианта белорусской идеи. Большую роль в этом сыграл Р. Скирмунт. От большинства «краевцев»-консерваторов его отличал либерализм в вопросах политической жизни и стремление публично дистанцироваться от польскости как национально-политической категории.

Уже в 1907 г. Р. Скирмунт выступил с инициативой создания межнационального Краевого союза как консервативно-либеральной партии, в составе которой должна была существовать автономная белорусская политическая организация (наряду с польской и литовской). Такую партию создать не удалось, потому что большинство землевладельцев из числа литовских и белорусских поляков, которые поддерживали инициативу Р. Скирмунта, воспринимали «краевость» преимущественно как средство защиты собственных имений в условиях быстрой радикализации социальных и обострения национальных отношений.

Однако взгляды Р. Скирмунта и послереволюционная либерализация позиции бывших социалистов в сочетании с их приверженностью к «краевости» способствовали налаживанию контактов между ними. В исторической литературе встречается информация о переговорах между Р. Скирмунта, с одной стороны, и братьями Луцкевичами, В. Ивановским и А. Власовым, с другой.¹⁷ Было достигнуто соглашение, которое обеспечило по меньшей мере финансовую поддержку культурных инициатив «Нашей нивы».

Краевая идея помогла белорусам наладить отношения с демократическими элементами польского и литовского движений, преодолеть социальные противоречия в своем движении. Она же способствовала пропаганде концепции автономии Белорусско-Литовского края, что, в свою очередь, готовило сознание «граждан Края» к принятию идеи государственной независимости. Трансляция «краевости» происходила благодаря легальной периодической печати и тай-

¹⁷ О. ŁATYSZONEK., А. ZIĘBA, *Radziwiłłowa z Zawiszów in Polski słownik biograficzny*, t. 30, Warszawa-Kraków, s. 398-399

ной деятельности виленских масонских лож в 1911-1915 гг. («Единство», «Литва» и «Беларусь»). Последние пытались воздействовать на местную (и российскую!) политическую и культурную элиту. Однако именно этой элитой и ограничивалась территория распространения «краевости».

В 1913 г. началась разработка еще одного варианта белорусской идеи, который Антон Луцкевич назвал «клерикально-патриотическим».¹⁸ Он был представлен на страницах еженедельника «Беларус» (издатели и редакторы – А. Бычковский и Б. Пачопка). В программной статье первого номера редакция заявила, что «будет стоять на христианско-католическом грунте, защищая дело христианское и белорусское».¹⁹

Газета пропагандировала развитие национального сознания среди белорусов-католиков, призывала католическое духовенство использовать белорусский язык в богослужении, ориентировалась на социальную гармонию и эволюционный путь развития общества. Именно про это писал ее редактор Б. Пачопка: «Настоящий белорус тот, кто говорит: я белорус, люблю свою Отчизну и свой язык и как могу работаю для них».²⁰ В другой статье он же доказывал необходимость введения белорусского языка в костел, а также издания на нем богослужебной литературы.²¹ Редакция призывала белорусов к активной творческой работе, отстаивала идею национального единства православных и католиков, протестовала против русификации и полонизации.

Издание «Беларуса» являлось попыткой объединить христианско-демократическую идеологию с белорусским движением и этнокультурным вариантом белорусской идеи. В социально-политическом плане газета продолжала разработку белорусской консервативной мысли, что было реакцией на распространение социализма. Однако позднейшие политические и военные события прервали эту работу.

Начало Первой мировой войны изменило политическую

¹⁸ Антон Луцкевіч пра беларускае Адраджэнне пачатку XX ст., in: Гістарычны альманах, т. 1, 1998, с. 72

¹⁹ Bielarus, № 1, 1913

²⁰ Там же, № 7, 1914

²¹ Там же, № 7, № 13, 1914, № 23-24, № 29-30, 1915

ситуацию. В России развернулась активная пропаганда «великороссийского» патриотизма. Одновременно ограничивались возможности легальной деятельности нерусских организаций. Была введена предварительная цензура периодических изданий. В августе 1915 г. накануне взятия немецкими войсками Вильно была закрыта «Наша нива». Однако последующие военно-политические события, в частности, поражение России на Восточном фронте, немецкая оккупация Польши, а также значительной части Беларуси, Украины и Прибалтики и, главным образом, либеральная политика немецких властей в отношении культурной деятельности нерусских народов способствовали оживлению белорусского движения и его политизации.

Первоначально эта активизация оказалась связанной с краевой идеей. В декабре 1915 г. возник Временный совет Конфедерации ВКЛ как блок белорусских, литовских, польских и еврейских политиков, которые симпатизировали «краевости». (Есть основания считать, что одним из главных инициаторов этого «краевого проекта» был Иван Луцкевич²²). Совет выступал за политическое возрождение бывшего ВКЛ на Белорусско-литовских землях, гарантируя при этом равные права всем народам. В феврале 1916 г. эта идея получила свою конкретизацию. Главной задачей провозглашалось создание на белорусско-литовских землях независимого государства с сеймом в Вильно и с гарантией полного национального равноправия.²³ Однако Временный совет не сумел сохранить единство в условиях, когда немецкие оккупационные власти начали проводить политику по принципу «разделяй и властвуй». Межнациональные разногласия привели к распаду Совета.

Политическое поражение «краевости» показало белорусам, что наиболее реальным становится путь к собственному государству. Показательной в этом отношении является эволюция позиции новой белорусской газеты «Гоман», которая начала издаваться в Вильно в феврале 1916 г. с разреше-

²² Там же.

²³ А. СМАЛЯНЧУК, *Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польшкі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г.*, с. 312-313

ния немецких оккупационных властей (ред. В. Ластовский). В первом номере редакция обещала продолжать традиции «Нашей нивы» и способствовать «объединению белорусов» на национально-культурной основе. Одновременно газета пропагандировала «краевость» в форме идеи сотрудничества всех народов Края во имя будущего общей Родины. Причем эта «краевость» перемешивалась с чисто социалистической риторикой.²⁴ Позднее (с весны 1916 г.) «Гоман» прекращает пропаганду «краевости» и все больше внимания уделяет проблемам белорусского языка, расширения национального самосознания, развития образования на родном языке, его введения в костельное богослужения и т.д.

Программный характер имела статья В. Ластовского «Наш грех».²⁵ По мнению автора, главной бедой белорусской истории было то, что «прадеды наши сбились с традиционной-национальной дороги» и не передали последующим поколениям «белорусской национально-государственной идеи». В результате белорусы раскололись по классовому и религиозному принципам («Брат на брата поднимали меч и вели целые века непримиримую борьбу между собой...»). За этот «грех» белорусы дорого заплатили («...прогоркла земля наша от слез народных и от пролитой крови лучших сыновей Края, которые проливали ее за свои идеалы в поисках утраченной прадедами правды»). **Впервые белорусская идея оказалась связанной с проблемой государственности** и характеризовалась как идея национально-государственного единения. В другой статье тот же автор утверждал, что распространение идеи единства, понимание того, что «все мы братья, сыновья одной Матери земли Белорусской» является основой «национального сознания».²⁶ Этот термин также очень часто встречается на страницах «Гомана».

Не случайно в июне 1916 г. А. Луцкевич и В. Ластовский на международной конференции в Лозанне распространили Меморандум, в котором отстаивали идею демократической

²⁴ Homan, № 6, 7, 1916

²⁵ W. Ł. [В. ЛАСТОВСКИЙ], *Nasz hrech in Homan*, № 10, 1916

²⁶ Напр., I. MIALESZKA, *Poznajmo swajo imia in Homan*, № 23, 1916

белорусской республики в составе федерации с соседними государствами («Соединенные штаты Европы» от Балтики до Черного моря). В том же документе утверждалось, что идея «выделения Беларуси из общероссийского организма» и возвращения утраченной независимости «красной нитью» проходит через весь десятилетний период эволюции белорусской политической мысли.²⁷

Летом 1917 г. в Вильно оформилась подпольная организация «Связь независимости и нераздельности Беларуси» во главе с В. Ластовским. Своей политической задачей она провозгласила объединение разрезанной фронтом Беларуси: «Только независимая Беларусь может обеспечить все наши потребности».²⁸ Таким образом, белорусская идея в ее понимании деятелями виленского центра обогатилась концепцией независимой государственности. Возможно, именно она способствовала объединению различных направлений белорусского движения на оккупированных немцами территориях. В конце 1917 г. Белорусскую конференцию в Вильно готовили бывшие социалисты совместно с князем Святополк-Мирским, бароном Шафнаглем и представителями католического и православного духовенства. Однако возможности трансляции белорусской идеи в условиях немецкой оккупации были ограничены. Немецкие власти разрешали белорусскую культурно-просветительскую деятельность (с сентября 1916 г. «Гоман» начал издаваться на двух шрифтах – кириллическим и латинским), но запрещали политическую.

Если белорусские политики в Вильно все больше внимания уделяли проблеме государственного самоопределения, то их минские коллеги по-прежнему в значительной степени руководствовались социальными приоритетами. Правда, обнаружилось это не сразу. В марте 1917 г. в Минске прошел съезд белорусских партий и организаций, на котором было достигнуто единство всех направлений национального движения и принято решение добиваться автономии Беларуси в составе федеративной демократической России. Был из-

²⁷ Отдел рукописей ЦБАН Литвы, F21 – 276, а. 4.

²⁸ Цытата in: *Гісторыя Беларусі*, т. 4, с. 455.

бран Белорусский национальный комитет, во главе которого стал Р. Скирмунт. Социалисты, которые получили большинство мест в Комитете, одобрили его кандидатуру. Однако очень скоро единство дало трещину. На это повлияла как неудача переговоров в Петербурге об автономии Беларуси, так и быстрая радикализация политических настроений, которая сопровождалась ростом влияния воссозданной Белорусской социалистической Громады.

БСГ возродилась весной 1917 г. Минское бюро партии возглавил Аркадий Смолич. Он же стал редактором еженедельной газеты «Грамада», которая вновь попыталась совместить национальную идею с социалистической доктриной. В отличие от «Нашей доли», «Грамада» значительно больше внимания уделяла культурной составляющей национальной идеи, в частности, развитию белорусского языка.²⁹ Будущее Беларуси виделось социалистам в форме автономии или широкого местного самоуправления.

Социалисты с неудовольствием восприняли попытку Р. Скирмунта организовать белорусскую партию землевладельцев и притянуть к политической деятельности представителей бывших магнатских родов.³⁰ Конфликт был разрешен во время июльского съезда белорусских организаций в Минске. Белорусский национальный комитет был ликвидирован, а вместо него создан Центральный совет белорусских организаций, который находился под контролем социалистов. Одновременно на съезде было подтверждено требование государственно-политической и национально-культурной автономии Беларуси.

В отличие от Вильно, белорусы в Минске весной и летом 1917 г. имели широкие возможности для агитации и пропаганды. Их ограничивало только состояние финансов. Однако приходилось действовать в условиях жесткой конкуренции со стороны общероссийских политических партий и еврейских организаций. Многие из них враждебно относились к белорусским требованиям, отстаивая идею «неделимой России».

²⁹ Громада, № 2, 1917

³⁰ В. ГАДЛЕЎСКИ, *3 беларускага палітычнага жыцця ў Менску ў 1917-1918 г. in Спадчына*, Мінск № 5, 1997, с. 22.

В белорусском национальном движении начала XX в. проявилась закономерность, характерная для большинства наций Центрально-Восточной Европы. Доминантой национальной идеи являлся этнокультурный аспект, который наиболее последовательно отстаивала и развивала «Наша нива», а с весны 1916 г. «Гоман». Ключевыми элементами национальной идеи становились осознание ценности собственной культуры, и в первую очередь языка, формирование исторической памяти как представления об общности белорусской исторической судьбы.

Однако белорусы так и не сумели создать эффективный механизм трансляции национальной идеи. В начале XX в. на белорусских землях эту роль могла сыграть белорусская национальная школа. Однако российские власти не допускали создания альтернативной системы образования на белорусском языке. Создание же сети тайных школ не было приоритетом белорусского движения. Официальная система образования охватывала незначительную часть белорусского населения, и к тому же была превращена в мощный инструмент русификации. Другим фактором, который сдерживал пропаганду этнокультурного варианта национальной идеи, было отсутствие белорусского языка в католическом костеле и в православной церкви. Язык не приобрел функции *sacrum* и для массы белорусского сельского населения оставался «простым», «мужицким» говором.

Следует признать, что российская политика в отношении белорусского национального движения была более успешной, чем в отношении поляков или литовцев. Национальная элита белорусов оказалась в ситуации изоляции, которую так и не сумела до конца преодолеть. Это очень хорошо видно на примере революции 1905-1907 гг., которая у поляков и литовцев напоминала больше национально-освободительное восстание.³¹ В Беларуси же происходила социальная революция с элементами национального Возрождения.

Ощущая слабость социальной базы национального дви-

³¹ См., напр., S. KAŁABIŃSKI, F. TYCH, *Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905-1907 na ziemiach polskich*, Warszawa 1969; M. RÖMER, *Litwa. Studium odrodzenia narodu litewskiego*, Lwów 1908

жения, белорусские политики пытались выйти за границы этнокультурного варианта национальной идеи. Для социальной и национальной мобилизации населения они использовали возможности гражданского варианта национальной идеологии («краевости»), пытались объединить белорусскую идею с социалистической, христианско-демократической и консервативной идеологиями. Однако эти попытки оказались малоэффективными. Отсутствовало государство, которое могло бы объединить все народы края в белорусскую нацию гражданского типа. Большинство католического и православного духовенства оказалось втянутым в российско-польскую борьбу за белорусские земли, а представители пролетариата и буржуазии,³² осознавшие себя белорусами, не существовали как организованная политическая сила. Концепция социально-политического равенства всех представителей нации в трактовке белорусских социалистов в момент кризиса превратилось в инструмент борьбы против «социально чужих» (Р. Скимунта и др.). Идея самостоятельной территориальной (автономной) или государственной организации нации начала пропагандироваться относительно поздно, фактически только после Февральской революции в России.

Все это повлияло на судьбу Белорусской Народной республики (БНР), провозглашенной в марте 1918 г. Она так и не сумела добиться международного признания и превратиться из декларации о намерениях в реальный субъект европейской политики и права. В результате БНР оказалась и самым большим успехом и самой большой неудачей белорусского национального движения.

³² Как отмечал белорусский политик Евсей Канчер, выходы из социальных низов за Скимунтом не пойдут, а среди владельческих классов почти нет организованных людей, которые осознавали бы себя белорусами (Гістарычны альманах, том 2, 1999, с. 51)

BĚLORUSKÁ NÁRODNÍ IDEA NA POČÁTKU 20. STOLETÍ

Prof. Alexandr Smolianchuk, DrSc.

(Evropská humanitní univerzita, Minsk/Vilnius)

Proces formování moderního běloruského národa zapadá do kontextu analogických procesů u těch národů střední a východní Evropy, které vstupovaly do období „nacionalismů“ (konec 18. – začátek 20. století), aniž by měly vlastní státnost. V daném případě se formování národa odehrávalo cestami národních hnutí, které usilovaly o kulturní a sociální emancipaci. V důsledku toho vznikaly národy jako kulturně centristické společnosti. „Běloruský případ“ má ovšem své zvláštnosti. Události politických dějin Běloruska 20. století vyvolávají pochybnosti o tom, že se moderní běloruský národ zformoval jako kulturně centristická společnost.

Hledání příčin „běloruského neúspěchu“ vyžaduje hluboký výzkum běloruského národního hnutí. Cílem daného příspěvku je rozbor běloruské národní ideje začátku 20. století a mechanismů její translace. V tomto případě je běloruská idea pojímána jako idea existence právě BĚLORUSKÉHO národa. Jaké byly základní složky běloruské národní ideje? Existoval účinný mechanismus její translace?

První pokus o formulování běloruské národní ideje v 20. století byl spojen s činností Běloruského socialistického shromáždění (BSH) (1902-1907). Běloruská idea vznikala jako idea sociálního osvobození chudiny Běloruského kraje od útlaku ruského carismu a vrchnosti. Ústřední místo v ní zaujímal požadavek sociální rovnosti. Národní složka této ideje představovala spíše prostředek mobilizace běloruského rolnictva k politickému zápasu.

Další „formulace“ byla spojena s vydáním novin „Naše Niva“, které aktivně šířily etnokulturní variantu národní ideologie, ve které ústřední místo patřilo idejím zachování a rozvoje národního jazyka a formování běloruské historické paměti. Národně kulturní propagace „Naší Nivy“ byla ovšem omezena nízkou úrovní alfabetyzace běloruského obyvatelstva.

Po revoluci 1905-1907 se mezi běloruské elity postupně rozšířila ještě jedna varianta národní ideologie, jejíž vznik byl spojen s politickou aktivitou litevských a běloruských Poláků. Právě v jejich prostředí byly během revolučního období mezi lety 1905 a 1907 vypracovány základy tak zvané „krajové“ ideologie. Podle této ideologie každý, kdo se cítil občanem Bělorusko-litevského kraje, patřil ke „krajovému“ národu a byl „krajovcem“. Etnokulturní zvláštnosti a sociální postavení byly podle „krajovců“ druhotné a nepředstavovaly kritéria národní příslušnosti.

Běloruští politici aktivně používali koncepci společné historické Vlasti, propagovali spolupráci a toleranci, ale zároveň úplně ignorovali myšlenku pospolitosti historických kořenů Bělorusů, Litevců a Poláků. Propagující prvky „krajové“ ideologie zůstávali BĚLORUSY.

„Krajovost“ se šířila díky legálnímu periodickému tisku a tajné činnosti vilenských zednářských spolků v letech 1911-1915 („Jedinstvo“, „Litva“, „Belarus“). Ti se snažili působit na místní (i ruské!) politické a kulturní elity. Teritorium šíření „krajovosti“ se však omezovalo pouze na tyto elity.

V r. 1913 byla vypracována ještě jedna varianta běloruské ideje, jejímž charakteristickým rysem se stalo využití křesťanskodemokratické ideologie. Tato koncepce byla reprezentována na stránkách týdeníku „Belarus“. Ze sociálně politického hlediska pokračovaly noviny ve vypracovávání běloruské konzervativní myšlenky, což bylo reakcí na šíření socialismu.

Začátek I. světové války změnil politickou situaci. Běloruské hnutí se zastavilo, ale porážka Ruska a německá okupace značné části Běloruska a Litvy způsobovala jeho oživení. Původně byla tato aktivace spojena s „krajovou“ idejí. V prosinci r. 1915 vznikla Dočasná rada Konfederace Velkoknížectví Litevského jako blok běloruských, litevských, polských a židovských politiků, kteří prosazovali politické obrození bývalého Velkoknížectví na bělorusko-litevském území. Za hlavní úkol se vyhlášovalo vytvoření nezávislého státu na bělorusko-litevských územích se sejmem ve Vilně a se zárukou národní rovnoprávnosti. Ale národnostní rozpory vedly k rozpadu Rady.

Politická porážka „krajovosti“ ukázala Bělorusům, že nejreálnější se stává právě cesta k vlastnímu státu. Příznačný je v tomto ohledu vývoj stanoviska nových běloruských novin „Homan“ (1916-1918). Na stránkách „Homanu“ byla běloruská idea poprvé spojována s problémem státnosti a charakterizována jako idea národně státního sjednocení. Ovšem možnosti translace běloruské ideje byly za německé okupace omezeny zákazem veškeré politické činnosti.

Zatímco běloruští politikové ve Vilně věnovali stále více pozornosti problému státního sebeurčení, řídili se jejich minštinští kolegové ve značné míře především sociálními prioritami. Noviny socialistů „Hramada“ (1917) se znovu snažily spojit národní ideu se socialistickou doktrínou. Budoucnost Běloruska viděli socialisté v jeho autonomii.

Dominantní variantou běloruské národní ideje na začátku 20. století je idea etnokulturní, jejíž hlavním prvkem je uvědomování si hodnoty vlastní kultury a především jazyka, formování historické paměti jako představy o pospolitosti běloruského historického osudu.

Bělorusům se ovšem nepodařilo vytvořit efektivní mechanismus translace národní ideje. Ruské úřady dokázaly izolovat běloruské elity od většinového obyvatelstva. Běloruští politici cítili slabost sociální základny národního hnutí a proto usilovali o překročení rámce etnokulturní varianty národní ideje. Pro sociální a národní mobilizaci obyvatelstva využívali možnosti občanské varianty národní ideologie („krajovosti“) a snažili se sjednotit běloruskou ideu s ideologií socialistickou, křesťanskodemokratickou a konzervativní. Ovšem tyto snahy se ukázaly

jako neúčinné. Koncepce sociálně politické rovnosti všech představitelů národa se v pojmání běloruských socialistů v okamžiku krize přeměnila v nástroj zápasu proti „sociálně cizím“. Idea samostatnosti územní (autonomní) nebo státní organizace národa se začala prosazovat relativně pozdě – fakticky teprve po únorové revoluci v Rusku. Všechny tyto události ve značné míře způsobily porážku běloruské národní státnosti (Běloruská lidová republika) v r. 1918 a odlišnost „běloruského modelu“ nacionalismu od jiných modelů střední a východní Evropy.

Социально-культурные условия белорусского национального движения в XIX – начале XX в.

кандидат исторических наук, доцент *Сергей Токть*
(Гродненский государственный университет
им. Я. Купалы, Гродно)

Белорусское национальное движение впервые в истории достигло массовой политической поддержки со стороны населения в 1922 г. в Западной Беларуси на выборах в парламент польского государства. Можно, безусловно, привести и более ранние примеры достаточно массовых политических выступлений под белорусскими национальными лозунгами. Но эти выступления имели локальный характер, как, например, Слуцкое восстание в конце 1920 г. В 1922 г. действительно широкие слои белорусского населения поддержали политических лидеров, которые проводили избирательную кампанию под национальными лозунгами и на белорусском языке. Оценивая этот факт, можно утверждать, что именно тогда белорусское национальное движение достигло фазы С в соответствии с теоретической моделью чешского исследователя Мирослава Гроха.¹

Можно ли считать данное событие запоздалым? Если учесть, что белорусское национальное движение приобрело организационные формы (партии, периодические издания) и смогло развернуть достаточно широкую национальную агитацию только в начале XX в. (по сути же – после 1905 г.), то время, затраченное на переход от фазы В (этап национальной агитации) к фазе С, можно считать не таким уж и продолжительным. Сами белорусские национальные деятели и исследователи всегда сравнивали динамику белорусского Возрождения с динамикой и масштабами национально-освободительных процессов у соседей – литовцев и украинцев, а также у других восточноевропейских народов, и прежде всего – у че-

хов. В результате таких сравнений зародился миф о слабости и запоздалости белорусского Возрождения. Например, П. Вандыч писал: «...факт, что Белорусы и Словаки не растворились среди великих народов, как Бретонцы во Франции, удивляет более, нежели то, что они создали эфемерную государственность».² М. Грох утверждал, что безуспешные усилия сторонников белорусского национального движения могут послужить школьным примером превосходства факторов, которые для этого движения имели деинтеграционный характер.³

Между тем следует задаться вопросом – могло ли белорусское национальное движение возникнуть в более ранний период и достигнуть больших успехов? Как нам представляется, ответ должен быть скорее отрицательным. Проблемы национальной идентичности, языковые вопросы и т.п. стали волновать представителей элит белорусского общества (термины «Беларусь» и «белорусское» автор использует здесь применительно к территории современной Беларуси ретроспективно) уже в конце XVIII в. Однако подобные факты необходимо анализировать в контексте процесса формирования польской нации. Этот процесс, возможно, только ускоренный разделами Речи Посполитой, развивался в соответствии с моделью формирования гражданско-политической нации.⁴ Все жители бывшей Речи Посполитой, независимо от их сословного и этнического происхождения, рассматривались представителями либеральных кругов шляхетской интеллигенции как потенциальные члены польской нации. Шляхта Беларуси, как и Литвы или Жмуди, приняла эту модель, хотя сохраняла в ее рамках достаточно ярко выраженную региональную «литвинскую» идентичность. В основе этой идентичности находилось осознание принадлежности к историческому и культурному наследию Великого княжества Литовского

² P. WANDYCZ, *Odrodzenie narodowe i nacjonalizm (XIX–XX ww.)*, in: *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, t.2, Lublin 2000, s. 161

³ M. HROCH, *Małe narody Europy*, s. 40

⁴ R. RADZIK, *Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia*, Lublin 2000, s.57-59

¹ M. HROCH, *Małe narody Europy: Perspektywa historyczna*, Wrocław 2003, s. 9

и политическому литовскому народу-шляхте. Это региональное самосознание только усилилось в связи с развитием исторической науки в начале XIX в. и диффузией исторических знаний среди широких слоев шляхты посредством многочисленных средних учебных заведений. А влияние идей позднего Просвещения и романтизма стимулировало рост интереса в среде образованной шляхетской молодежи к изучению языка и культуры «простого» народа, что, в свою очередь, положило начало формированию научного образа белорусского этнического сообщества.

Огромное влияние на развитие нациотворческих процессов в Беларуси оказала политика Российской империи. Эту политику также следует рассматривать в контексте формирования русского национализма, для идеологов которого проблема «Северо-Западного края» (так официально назывались в Российской империи Литва и Беларусь) имела особенное значение. Проведенное властями империи присоединение греко-католиков (униатов) к православию в 1839 г. означало ликвидацию важной черты, отличавшей большинство белорусского населения от поляков и россиян.

По-видимому, не случайно первый печатный текст на белорусском языке появился в 1835 г., когда российским правительством велась активная подготовительная работа к ликвидации униатской церкви. Это был небольшой катехизис с названием на польском языке – «*Krótkie zebranie nauki Chrześcijańskiej dla wieśniaków mówiących językiem polsko-ruskim wyznania Rzymsko-katolickiego*»⁵, отпечатанный в типографии виленской римско-католической диоцезии латинским шрифтом. В последующие десятилетия издается несколько литературных текстов на белорусском языке, созданных авторами шляхетского происхождения, которые таким образом пытались проложить мостик взаимопонимания между образованной польскоязычной шляхтой и крепостными крестьянами. Это явление не осталось незамеченным со стороны российской власти. В 1859 г. цензура запретила рас-

⁵ *Krótkie zebranie nauki Chrześcijańskiej dla wieśniaków mówiących językiem polsko-ruskim wyznania Rzymsko-katolickiego*, Wilno: w druk. Diecezjalnej 1835, s. 24

пространение уже отпечатанного в типографии перевода на белорусский язык поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш», постановив «не допускать употребления польского алфавита при печатании сочинений на белорусском наречии».⁶ Основанием для запрещения послужил правительственный циркуляр, который запрещал «печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку». Хотя этот циркуляр был направлен против, прежде всего, украинского языка, первой его жертвой стала как раз белорусская книга. После 1859 г. издавать легально белорусские книги латиницей в Российской империи возможности уже не было до начала XX в. К тому времени автор вышеназванного перевода Винцент Дунин-Марцинкевич издал уже пять книг на белорусском языке латиницей: «*Sielanka*» (1846), «*Нарон*» (1855), «*Wieczernicy...*» (1855), «*Ciekawyś? – Przeczytaj*» (1856) и «*Biełaruski Dudarż*» (1857). Первая книга «*Sielanka*» вышла в Вильно в тиражом в 600 экземпляров, а все остальные книги – в Минске тиражами в несколько тысяч экземпляров.⁷ Эти книги предназначались для крестьян и действительно попадали в дома сельчан, о чем вспоминал этнограф Адам Богданович.⁸ Но в целом их влияние на самосознание сельского населения Беларуси было все же ограниченным.

Реформа 1861 г., освободившая крестьян Российской империи от крепостной зависимости, выдвинула на повестку дня проблему обучения сельского населения грамоте. А эта проблема в условиях Беларуси того времени приобретала ярко выраженный идеологический и политический характер. Царский указ от 18 января 1862 г. предписывал создавать в западных губерниях сельские училища Министерства народного просвещения, чему должны были всячески содействовать местные власти.⁹ Поместная шляхта также начинает активно открывать в своих имениях школы для крестьянских

⁶ В. Г. КІСЯЛЕЎ, *Пачынальнікі: 3 гіст.-літар. матэрыялаў XIX ст.*, 2-е выд., Мінск 2003, с.136

⁷ *Кніга Беларусі. 1517-1917*, Зводны каталог, Мінск 1986, с.227-228

⁸ А. БОГДАНОВИЧ, *Мои воспоминания*, in: Неман, 1994

⁹ *Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён*, т.2, Мінск 2002, с.486

детей, где обучение грамоте осуществлялось не только на польском, но и на белорусском языке с использованием латиницы. С этой целью в Варшаве в 1862 г. был издан первый в XIX в. белорусский букварь «Elementarz dla dobrych dzieciak katalikou».¹⁰ Виленский генерал-губернатор Назимов встревоженно писал в Санкт-Петербург в феврале 1863 г., что все деревни и застенки в Северо-Западном крае заполнены огромным числом «польских» букварей, катехизисов и разных брошюр для простого народа на польском языке и на «местном белорусском наречии».¹¹ Назимов даже поддержал идею издания журнала «Друг народа», предназначенного для белорусского и литовского сельского населения в качестве средства антиповстанческой пропаганды. Причем генерал-губернатор считал, что этот журнал должен одновременно печататься на белорусском языке «русским шрифтом» или кириллицей и на жмудском (литовском) латиницей.¹² Правда, идея издания белорусскоязычного журнала натолкнулась на многочисленные возражения и в Вильно, и в Петербурге, и местные власти в результате от нее отказались.

Самым известным печатным изданием на белорусском языке в то время стала «Mužuskaja Prauda» Константина Калиновского (в 1862-1863 гг. вышли 7 номеров этого подпольного листка). Под псевдонимом «Яськи-господаря из-под Вильно» один из лидеров восстания 1863 г. в Беларуси и Литве призывал крестьян присоединиться к вооруженной борьбе против российской власти. Правда, белорусская национальная идея в этом издании не артикулировалась, а этноним «Белорусы» даже не употреблялся. Только уже в написанных в виленской тюрьме перед своей казнью «Письмах из-под виселицы», «Яська-господарь» утверждал, что желает, «чтобы знал Божий свет, как мужики Белорусы смотрят на москалей и польское восстание».¹³ Подпольное правитель-

¹⁰ *Elementarz dla dobrych dzieciak katalikou*, Warszawa 1862, s.40

¹¹ L.ZASZTOWT, *Kresy 1832-1864, Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawniej Rzeczy Pospolitej*, Warszawa 1997, s.352

¹² М. ЦІКОЦКІ, *3 гісторыі беларускай журналістыкі XIX ст.*, Мінск 1960 с. 81

¹³ К. КАЛІНОЎСКІ, *За нашу вольнасць. Творы, дакументы*, in: Уклад. Г. Кісялеў. Мінск 1994, с.40

тво повстанцев издало в мае 1863 г. специальный манифест, адресованный «братьям Белорусам».¹⁴ Этот документ был напечатан на белорусском языке латиницей.

Российские власти также попытались организовать свою контрпропаганду, издавая различные брошюры на белорусском языке кирилличным шрифтом, предназначенные для крестьянского населения. Особенный интерес представляет брошюра «Разказы на белорусском наречии», изданная в Вильно в начале 1863 г.¹⁵ В рассказе «Кто булы наши найдавнішіе діды и якая ихъ була доля до уніі?», написанном на западно-полесском диалекте, была, по сути, впервые изложена версия истории белорусов как самостоятельного народа. Не сохранилось ни одного свидетельства, как крестьяне восприняли эту книгу, которая предназначалась для чтения в открываемых в то время народных училищах. Адам Богданович, автор наиболее полных мемуаров о жизни белорусской деревни, не вспоминает о ней, хотя пошел в народное училище в 1868 г. Неизвестные нам авторы «Разказов» принадлежали к «западнорусскому» лагерю белорусской интеллигенции. Его представители (преимущественно выходцы из среды местного православного духовенства) писали на русском языке, были лояльными подданными Российской империи и считали, что Беларусь должна оставаться составной ее частью. «Западноруссы» сделали небольшой вклад в развитие белорусской литературы, но их достижения в области этнографии и истории были весьма значительными.

Российские власти быстро отказались от экспериментов с белорусским языком. В июле 1863 г. вышел циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева, который запрещал выпуск дидактической литературы на украинском языке. По аналогии с книгой В. Дунина-Мартинкевича такой циркуляр мог автоматически применяться и к белорусскоязычным изданиям. В результате с 1864 г. по 1889 г. в Беларуси не появ-

¹⁴ К. КАЛІНОЎСКІ, *За нашу вольнасць*, с.241-242

¹⁵ *Разказы на бѣлорусскомъ наречіи*, Вильно 1863,-с.32

вилось ни одного оригинального печатного произведения на белорусском языке.¹⁶

В начале 1880-х годов группа представителей народнического движения белорусского происхождения организовала в Санкт-Петербурге издание гектографическим способом ряда агитационных обращений и нелегального журнала «Гоман», где впервые в истории была достаточно четко сформулирована белорусская национальная идея, говорилось о необходимости автономии для Беларуси.¹⁷ Все народнические издания печатались на русском языке и предназначались для образованной части белорусского общества. Тот факт, что белорусская национальная идея была впервые сформулирована именно в Петербурге, нельзя назвать случайным. В столице империи насчитывалось достаточно много студентов, выходцев из Беларуси. Здесь они объединялись в землячества, зачастую преодолевая при этом сословные и религиозные различия. Кроме того, на белорусских землях, где отсутствовали высшие учебные заведения, просто не могло быть такой концентрации молодых интеллектуалов-романтиков. Знаковым событием в развитии белорусского национального движения стало издание виленским адвокатом и бывшим повстанцем 1863 г. Франтишком Богушевичем в 1891 г. в заграничном Кракове поэтического сборника «Dudka białaruskaja Macieja Bugaczką». В предисловии автора к этому сборнику белорусская национальная идея впервые была сформулирована на белорусском языке. Причем, в отличие от «гомоновцев», Богушевич адресовал свою книгу крестьянам, которых впервые в истории призывал: «Не оставляйте же языка своего белорусского, чтобы не умереть». На следующий год после выхода «Дудки белорусской» в Львове был издан перевод на белорусский язык «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича, авторства помещика с Минщины Александра

¹⁶ В. М. ГЕРАСИМАЎ, *Гісторыя цензуры друку на Беларусі: стагоддзе за стагоддзем*, in: Матэрыялы першых Кнігазнаўчых чытанняў, т. I., Мінск 2000, с.32

¹⁷ *Публицистика белорусских народников: Нелегальные издания белорусских народников (1881-1884)*, Минск 1983

Ельского.¹⁸ Ельский верил в литературную будущность белорусского языка, который называл «родным, любимым языком нескольких миллионов людей».¹⁹ Правда, книги Богушевича, Ельского и подобные заграничные издания еще нужно было нелегально привезти в Беларусь. В самой же Российской империи, начиная с восстания 1863 г. и до 1900 г., было издано только девять белорусских книг морализаторского и фольклористического содержания, которые в сумме составили около 160 страниц небольшого формата.²⁰

Исследователи давно обратили внимание на тот факт, что среди основателей или *будителей* белорусского национального движения в начале XX в. преобладали выходцы из шляхты римско-католического исповедания. Этой среда являлась традиционно оппозиционной по отношению к российской власти. Но белорусская идея должна была конкурировать здесь с польской самоидентификацией. Знание польского языка даже среди белорусскоязычной в домашнем быту мелкой шляхты воспринималось как важный социальный и символический капитал. Выбор и декларация белорусской самоидентификации зачастую являлись своеобразным вызовом окружению и требовали несомненной твердости характера. Подобная ситуация наблюдалась и в среде белорусской интеллигенции православного исповедания. Правда, ее представители обычно считали и называли себя белорусами, но понимали свою белорусскую идентичность в «западнорусском» духе, как региональную особенность общерусской национальной культуры.

Как нам представляется, объективно белорусская национальная идентичность имела наиболее благоприятные шансы для успешного распространения среди интеллигенции крестьянского происхождения, которая достаточно динамично росла в численном отношении в начале XX в. Для представителей этой социальной группы, в отличие от значительной

¹⁸ *Pan Tadeusz, poemat. Pierałażyu z polskaho na białaruski jazyk* A. JELSKI, Lwów 1893

¹⁹ А. ЕЛЬСКИ, *Пра беларускую гаворку*, in: Беларуская літаратура XIX стагоддзя: Хрэстаматыя, Мінск 1988, с.365

²⁰ J. TURONEK, *Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi*, Warszawa 1992, s. 35

части шляхты и духовенства, белорусский язык действительно являлся материнским языком. Среди этой интеллигенции крестьянского происхождения большинство составляли народные учителя. Учительские семинарии являлись самыми доступными учебными заведениями для крестьян, которые давали возможность социального успеха. После окончания семинарии молодые учителя в большинстве своем вновь возвращались в крестьянскую среду, но уже в совершенно ином качестве. Полученное образование являлось ценным культурным капиталом, повышающим статус и авторитет учителя в глазах сельчан. В условиях той конфессиональной политики, что проводило в Беларуси российское правительство, абсолютное большинство народных учителей принадлежало к православному исповеданию. Этот факт существенно влиял на специфику национального движения в Беларуси.

Во время переписи 1897 г. среди учителей всех учебных заведений 20,9 % (3 502) назвали белорусский родным языком.²¹ Если исключить из числа белорусскоязычной интеллигенции чиновников (архивные материалы убеждают, что белорусский язык признавали родным почти исключительно служащие низшего звена государственного аппарата), то получим цифру примерно около 5 тысяч человек, что составляло менее 0,1 % от всего белорусского этнического сообщества. Причем среди них около 70 % составляли учителя. Таким образом, социальной базой для рекрутирования активистов белорусского национального движения в начале XX в. могли стать, прежде всего, сельские наставники. Именно они являлись основными потребителями печатной продукции на белорусском языке, и в первую очередь – газеты «Наша нива», которая издавалась тиражом в несколько тысяч экземпляров.

Другой влиятельной и образованной социальной группой, среди представителей которой в начале XX в. насчитывалось много выходцев из крестьянства, являлось римско-католическое духовенство. Появление в этой среде активных

²¹ S. L. GUTHIER, *The Belorussians: National Identification and Assimilation, 1897-1970*, in: *Soviet Studies*, vol. 29, № 1 (January 1977), p.46

сторонников белорусского Возрождения и их организационное оформление было неизбежным, учитывая также фактор влияния литовского движения, в котором католические ксендзы сыграли исключительно важную роль. Но большинство ксендзов в Беларуси, в том числе многие выходцы из белорусской деревни, имели польскую самоидентификацию и пытались, причем зачастую достаточно успешно, распространять польское самосознание среди своих прихожан. Например, среди студентов Виленской римско-католической семинарии в 1912 г. 119 назвали себя поляками, 34 – литовцами и 25 – белорусами.²² Среди православного духовенства сторонников белорусского Возрождения насчитывалось еще меньше.

В глазах же белорусского крестьянина-католика католичество являлось прежде всего «польской верой», а польский язык – сакральным языком молитвы и костельной проповеди. Кроме собственно языка, очень существенным было также символическое значение алфавита и графической системы, с помощью которых издавались книги и газеты для крестьян. Латиница ассоциировалась в глазах сельчан с католичеством, а кириллица и ее разновидность «гражданка» – с православием. Поэтому и «Наша нива», и все наиболее важные белорусские издания начала XX в. дублировались и кириллицей, и латиницей. Причем латиница «Нашей нивы» и изданий наиболее активного белорусского издательского товарищества «Заглянет солнце и в наше оконце» (функционировала с 1906 г. в Санкт-Петербурге) ориентировалась на чешскую графику, чтобы дистанцироваться от польскости и избежать упреков в полонофильстве. Всего же, по подсчетам белорусского исследователя С.Х.Александровича, в 1901-1917 гг. было издано 245 книг на белорусском языке, из них 158 – на кириллице и 87 латиницей.²³ Но этого было катастрофически недостаточно. Большинство белорусских крестьян не встречались до Первой мировой войны с белорусскими изданиями и ничего не знали о существовании белорусского национального движения.

²² *Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст.*, Мінск-Мюнхен 1999, с.487-491

²³ С. Х. АЛЕКСАНДРОВІЧ, *Пуцявіны роднага слова*, с.163

Ситуация кардинально изменилась в результате событий Первой мировой войны. В Западной Беларуси, которая вошла в состав Польского государства, интеллигенция крестьянского происхождения и православного исповедания столкнулась с проблемой социальной деградации, поскольку польское правительство и местная администрация рассматривали ее как нелояльный и потенциально опасный элемент. Многие бывшие учителя и мелкие чиновники достаточно быстро идейно эволюционируют в направлении от западноруссизма к белорусскому национализму. Культурный капитал и организационные умения многих ветеранов белорусского движения «нашенивской» поры оказались востребованными в этой среде. Белорусское движение быстро приобретает достаточно разветвленную структуру и многочисленную армию рядовых исполнителей и бойцов – локальных активистов и агитаторов. Крестьянское население Западной Беларуси, пережившее тяжелейшие потрясения войны, в новых условиях также оказалось восприимчивым к национальным лозунгам. Польское государство воспринималось многими крестьянами-белорусами, прежде всего православного исповедания, как возвращение «панской» крепостнической эпохи, и этот образ внешней угрозы сыграл роль важнейшего мобилизационного фактора в развитии белорусского движения. В то же время в Советской Белоруссии события развивались по другому сценарию. Правительство БССР начинает осуществление политики белоруссизации как составной части общей национальной политики большевистской партии в огромном советском государстве. Если использовать модель М. Гроха, то можно говорить о том, что белорусское движение в БССР, перескочив через фазу С, сразу переходит к фазе D.

SOCIÁLNE KULTURNÉ PODMÍNKY ROZVOJE BĚLORUSKÉHO NÁRODNÍHO HNUTÍ V 19. - ZAČÁTKU 20. ST.

Doc. Sergej Tokť, CSc.

(Běloruská státní univerzita Janky Kupaly, Grodno)

Aplikujeme-li na běloruské národní hnutí teoretický model českého badatele Miroslava Hrocha, zjistíme, že fáze C (politické mobilizace většinového obyvatelstva pod národními hesly) dosáhlo ve svém rozvoji v roce 1922. Měli bychom pokládat dynamiku běloruského obrození v porovnání s jinými národy střední a východní Evropy za opožděnou a zpomalenou? Podle mého názoru není podobné tvrzení na místě. Na začátku 19. století běloruská společnost představovala agrární společnost s velmi vysokým podílem rolnictva v sociální struktuře obyvatelstva. Na druhou stranu národní diskurz vzniká v Bělorusku relativně brzy díky spojení s procesem formování polské národní identity, jež se vyvíjela v souladu s modelem konsolidace občanského politického národa na základě šlechtických elit Rzeczypospolité. Zároveň se v prostředí běloruské šlechty zachovávala výrazná „litvinská“ regionální identita spojená s historickou pamětí o minulosti Velkoknížectví Litevského. Obrovský vliv na procesy formování národa na běloruském území měla politika Ruské říše, zejména likvidace uniatské církve a často násilné překřtěvání většiny obyvatelstva Běloruska z uniatství na pravoslaví. Pravoslavné duchovenstvo se stalo součástí státního aparátu říše a již nemohlo hrát v národním obrození tu roli, kterou plnilo například uniatské duchovenstvo v ukrajinském národním hnutí v Haliči.

Od 30. let 19. století se objevují první tištěné texty v běloruštině. S jejich pomocí se šlechtické elity snaží působit na rolnické obyvatelstvo Běloruska. Běloruskou literaturu vytvářeli představitelé inteligence z řad šlechty, jejichž ideologickou vlastní byla Rzeczypospolita, která již zmizela z politické mapy, ale stále se zachovávala v historické paměti národa – šlechty. Zároveň se formuje tak zvaný „západoruský“ diskurz běloruských dějin. Inteligence převážně z prostředí uniatského a pravoslavného duchovenstva loajální vůči říšské nadvládě a již píšící v ruštině – Západorusové nebo alespoň liberální představitelé tohoto směru vytvářejí verzi dějin Bělorusů jako samostatného národa a v obrovské míře přispívají k etnografickému výzkumu své vlasti. Povstání r. 1863 vyvolalo určitou krizi identity mezi představiteli běloruské inteligence. Dvacet let po povstání byla v hlavním městě Ruského impéria Petrohradě účastníky narodnického hnutí běloruského původu poprvé přesně zformulována běloruská národní idea a po dalších dvaceti letech nabylo národní hnutí organizované formy v podobě politické strany a svého periodika. Hlavním symbolem běloruského obrození se staly noviny „Naša Niva“,

kteře se vydávaly ve Vilně v azbuce a latince jako většina tištěných periodik v běloruštine na začátku 20. století. Tím se vůdci národního hnutí snažili překonat rozkol etnika na katolíky a pravoslavné.

Sociální základnou pro rekrutování aktivistů běloruského národního hnutí se na začátku 20. století stala inteligence rolnického původu a především selští učitelé. Právě vesniční učitelé byli hlavními odběrateli tištěné produkce v běloruštine. Druhou vlivnou a vzdělanou sociální skupinou, mezi jejíž příslušníky se na začátku 20. století nacházelo hodně lidí rolnického původu, bylo římskokatolické duchovenstvo. Výskyt aktivních stoupenců běloruského národního obrození v tomto prostředí byl nevyhnutelný vzhledem k faktoru působení litevského národního hnutí, v němž odehráli katoličtí kněží mimořádně velkou roli.

Agitační činnost běloruských „buditelů“ byla ovšem na začátku 20. století stále poměrně omezená. Většina běloruských rolníků se do 1. světové války neseťkala s běloruským periodickým tiskem a netušila o jeho existenci. Teprve události 1. světové války posloužily jako podnět k dynamickému rozvoji běloruského hnutí.

RUSIFIKACE A FORMOVÁNÍ NÁRODNÍ IDENTITY NA TERITORIU VELKOKNÍŽECTVÍ LITEVSKÉHO V 2. POLOVINĚ 19. STOLETÍ

*Doc. PhDr. Luboš Švec, CSc.
(Univerzita Karlova, Praha)*

Konceptualizace procesů rusifikace a unifikace

Při hodnocení rusifikačních procesů druhé poloviny 19. století se v literatuře setkáváme se dvěma hlavními přístupy, které ovlivňují – koncepce národních dějin a z druhé strany dějin impéria. Z pohledu národních dějin bývá rusifikace prezentována někdy v poněkud jednosměrné rovině jako cílený proces likvidace autonomie, svébytnosti okrajových jinonárodních částí carské říše. Při sledování procesů probíhajících v první a především druhé polovině 19. století byl pohled na postup carské byrokracie formulován v evropské historiografii do značné míry z pozice jednotlivých národů a národností (Poláků, Finů, baltických Němců, Estonců, Lotyšů, Litevců, Ukrajinců, Bělorusů), které se staly objekty a oběťmi rusifikačního úsilí, a tento proces nemohl být hodnocen jinak než jednoznačně negativně jako systematická snaha ruského státu o likvidaci zvláštností a vytvoření unitárního ruského státu. Bývá spojován s paradigmatem „žaláře národů“, stereotypem východního barbarství a nerespektování historicko-právních individualit, hrubého porušování právního základu vztahů připojených zemí a ústřední moci.¹ Oběti unifikačního a rusifikačního procesu se snažily proti ruskému tlaku aktivizovat zájem evropské diplomacie a veřejnosti, který však měl na dění v carské říši jen omezený a často kontraproduktivní dopad. Procesy označované za rusifikaci bývají paušálně vnímány jako souvislá ofenzivní národnostní politika, jejímž cílem byla úplná eliminace kulturních a jazykových rozdílů „evropské kořisti“ a přetvoření impéria do

¹ P. PASKIEWICZ, *W cieniu tronu i ołtarza: Polityka imperialna Rosji i jej aspekty rusyfikacyjne (fazy i przejawy)*, in: *Kultura i polityka: Wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży imperium rosyjskiego (1772-1915)*, s. 7-27.

podoby ruského unitárního státu. Specifický problém polských elit v Litvě, Bělorusku a Ukrajině a carské represálie namířené k eliminaci polského politického, hospodářského a kulturního vlivu v ruském západním pohraničí ovlivnily mytizaci fenoménu „kresů“ (pohraničí, pozn. red.) v literatuře a umění.² Rusifikace však nebyla ojedinělým procesem, spojeným se zaostalým carským státem. Brutalita, ale i tristní výsledky byly srovnávány s obdobným efektem násilné asimilace v Uhrách po dualismu.³

Ruská historiografie prezentovala problém z nacionálně ruského úhlu vidění. Sovětská historiografie kritizovala sociální a národnostní útisk; úhel pohledu se však změnil, jestliže šlo o dominanci elit a soupeření kulturních orbitů, kde rusifikace byla prezentována a omlouvána jako prostředek, který umožnil nedominantním národům (Litevcům, Bělorusům, Lotyšům, Estoncům atd.) získat prostřednictvím ruského vzdělání přístup k ruské a vůbec světové literatuře a kultuře. Apologetický argument zastíral fakt, že možnost přístupu ke světové kultuře existovala již přes stávající polský vzdělávací nebo německý vzdělávací systém.

V poslední době vzrostl zájem o zkoumání rusifikačních procesů v kontextu celkové imperiální politiky a modernizace, kterou carská říše procházela během druhé poloviny 19. a začátku 20. století. Odstup od chápání carské říše jako monolitu a posun k jejímu zkoumání v paradigmatu multinacionálního impéria ve známé práci A. Kappelerera ukázal značnou diversifikaci politiky k národům a národnostem, obývajícím největší stát světa.⁴ T. Weeks v práci o rusifikaci západního pohraničí, především v polských oblastech poukázal na složitost a ambivalentnost ruské politiky.⁵

Literatura věnovaná komplexním dějinám impéria a jeho budování vychází z funkčně systémového přístupu a rusifikační procesy posuzuje jako součást celkových změn modernizace ruské říše. S. Kaspe, jenž je autorem koncepčně podnětné práce

² E. CZAPLEJEWICZ, *Czym jest literatura kresowa?*, in: *Kresy w literaturze: Twórcy dwudziestowieczni* (pod red. (E. Czaplejewicza – E. Kasperskiego), Warszawa 1996, s. 7-73.

³ H. SETON-WATSON, *The Russian Empire, 1801-1917*, Oxford 1967, s.736-737.

⁴ A. KAPPELER, *The Russian Empire: A Multiethnic History*, Harlow 2001.

⁵ T. WEEKS, *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863-1914*, Northern Illinois University Press 1996, s. 12.

o specifikách modernizace ruské říše, chápe přechod k intenzivní rusifikaci druhé poloviny 19. století v kontextu ruské varianty modernizace. Urychlení procesu budování impéria na nacionálně jednotném základě bylo odpovědí na modernizační změny. Přechod vládní politiky od tradiční carské vazby imperiální moci na lokální elity k nacionalistickému kurzu považuje za ve své době efektivní způsob, jak dosáhnout etnopolitické stability v národnostně heterogenním impériu, kde v počínajícím procesu liberalizace a modernizace se začal hlásit o slovo nacionalismus různých národů. S odvoláním na koncepci E. Gellnera považuje rusifikační a centralizační kurs za mechanismus zablokování politizace potencionálních nacionalismů. Tento mechanismus však mohl fungovat jen v podmínkách tvrdé sociální a národnostní kontroly. Délka období latentní kumulace rozporů byla v korelaci k intenzitě jejich následné ventilace.⁶

Odideologizování problematiky po ukončení studené války a rozpadu sovětského bloku a sovětského státu umožnilo konstruktivní konfrontaci pohledů, zkoumání mentality a stereotypů, vidění druhého. Objevily se práce k polsko-ruským vztahům⁷, větší pozornost byla věnována zkoumání rusifikačních procesů jako koncepce vládní politiky⁸ a dopadu na menší národy západního pohraničí.⁹

Carská politika, problémy modernizace a vztahu centra a západních vyspělých periférií

Obecně lze říci, že imperiální politika samoděržaví v první polovině 19. století v sobě neměla přímý nacionalistický náboj. Rusifikační

⁶ S. KASPE, *Imperija i modernizacija: Obsčaja model' i rossijskaja specifika*, Moskva 2001, s.180-181.

⁷ L. E. GORIZONTOV, *Paradoksy imperskoj politiki: Poljaki v Rosii i russkie v Polše*, Moskva 1999.

⁸ A. A. KOMZOLOVA, *Politika samoděržavija v Severo-Zapadnom kraje v epochy Velikich reform*, Moskva 2005; A. J. BACHTURINA, *Okrainy Rossijskoj imperii: Gosudarstvennoe upravlenie i nacionalnaja politika v gody pervoj mirovoj vojny (1914-1917 gg.)*, Moskva 2004.

⁹ E. ALEKSANDRAVIČIUS – A. KULAKAUSKAS, *Carų valdžioje, Lietuva XIX amžiuje, Vilnius 1996; též diskuse na konferenci Tautinis tapatumas ir kalba: draudimo aplinkybės, pasekmės, asmenybų vaidmuo (Šiaulių universitetas, Archivum Lithuanicum 6, 2004, s. 371-378. <http://www.spaudos.lt/Istorija/Muravjovas.html>*

opatření (zavedení ruštiny jako úřední řeči) vycházela z centralizačních administrativních potřeb, obsazování místní správy ruskými úředníky bylo dáno praktickou potřebou loajality úřednictva proti místním elitám, které se v očích Petěrburgu zkompromitovaly nelojalitou. První prioritou bylo zachování síly a bezpečnosti říše, jak na domácí scéně (loajalita všech subjektů, co nejméně konfliktní nadvláda nad etnicky heterogenním obyvatelstvem, kooperace s místními stavy), tak na mezinárodní scéně (velmocenská politika, strategické úvahy).¹⁰ Jestliže vyjdeme z koncepce modernizace, ruská politika ve vztahu k okrajinám měla při překonávání zpoždění dosáhnout takové unifikace jako Francie na přelomu 18. a 19. století po Velké revoluci. Takového stupně centralizace však ruská říše nemohla dosáhnout, a to z několika důvodů. Byla agrárním zaostalým státem, jehož výkonnost ve srovnání se západní Evropou byla poměrně nízká. Rusko bylo mnohonárodnostním státem, který v sobě spojoval širokou škálu civilizačně zcela odlišných modelů – chanáty a emiráty střední Asie, gruzínská knížectví, kavkazské protektoráty, Polské království, země bývalého Velkoknížectví Litevského, Finsko, Pobaltí. Spojovacím prvkem byl často jen samoděržavný panovník a jeho mocenské instrumenty. Při připojování okrajových zemí k ruskému jádru státu místní elity získávaly zpravidla nějakou formu autonomie, která byla respektována nebo odbourávána jednak v závislosti na míře loajality, jednak v rámci širších bezpečnostních souvislostí. Primárním cílem byla co nejrychlejší pacifikace připojovaných zemí a neutralizace nepřátelských elementů a získání místní zpravidla stavovské elity v duchu hesla *divide et impera*.¹¹ V druhé polovině 19. století unitární stát mohl být jediné ideálem, k němuž ruský nacionalismus směřoval. Snaha slavjanofilů o prosazení této koncepce spojené s rusifikací však narážela na odpor Mikuláše I. a Alexandra II. Bylo charakteristické, že Samarinovy *Okrainy Rosii* nevyšly v Rusku, ale roku 1868 v Praze, vzdálené carské cenzuře. Postup unifikace, vnímané jako posílení efektivity a dokonce určité modernizace jinak různorodého státu, zmírňovaly protisíly místních elit, které

¹⁰ A. KAPPELER, *Historische Voraussetzungen des Nationalitätenproblems im russischen Vielvölkerreich, Geschichte und Gesellschaft* 8, 1982, Nu. 2, s.159-183.

¹¹ *Nacionalnyje okrainy Rossijskoj imperii: stanovlenije i razvitije sistemy upravlenija* (otst. redaktory S. G. ARADŽANOV I V. V. TREPAVLOV), Moskva 1998.

měly vliv na carském dvoře, ve státním aparátu (německobaltské dvořanstvo a byrokracie, švédskofinská aristokracie). Tam, kde tyto elity ztratily vliv, jako například polská aristokracie po povstáních, zmizely překážky unifikačního a rusifikačního procesu, který se tak přesunul do bipolární roviny konfliktu „my nebo oni“. Právě v této rovině se objevuje jako argumentační součást boje o charakter okrajin otevřená nacionální mobilizace, vyostřená širšími evropskými mocenskými aspekty. Postupná liberalizace, rozkládání stavovského systému a uvolňování samoděržaví vedly k intenzivnějšímu zapojování ruské veřejnosti a nacionálně formulovaného tlaku na mocenské centrum k urychlení rusifikace a posílení ruského charakteru státu.

Loajalita umožňovala za určitých vnitřních a mezinárodních podmínek i rozšíření autonomie jako tomu bylo v případě Finska během šedesátých let 19. století. Rozšíření autonomie nelze vidět v souvislosti s mezinárodní situací, s potřebou reagovat na negativní mezinárodní trendy a posílit loajalitu finské společnosti. Alexandr II. adresoval rozšířením finské autonomie poselství evropské veřejnosti a vytvářel kontrapunkt jednak koncepci skandinavismu, rozvíjející se od krymské války, jednak polské protiruské propagandy. Finsko plnilo účelovou roli „výkladní skříně“ ruské benevolence až do konce 19. století. O to citelnější bylo rozšíření unifikačního procesu a odbourání finské autonomie na začátku 20. století.

Během druhé poloviny 19. století se unifikační a rusifikační proces urychlil. Změny ve vztahu centra a západních periferií přicházely jako odpověď na impulsy zevnitř a reakce na vnější podněty v souvislosti s modernizačními změnami, vzestupem nacionalismu a změnami v evropské politice, především sjednocením Německa. Unifikační a rusifikační procesy lze charakterizovat jako komplikovaný vícevrstevnatý proces, který v sobě zahrnoval opatření jak administrativního byrokratického charakteru, tak kulturního, náboženského a sociálně-ekonomického tlaku. E. Thaden ve své dnes již klasické srovnávací práci zřetelně rozlišil mezi byrokratickou unifikací, vycházející z potřeb modernizujícího se státu (např. unifikační politika Alexandra II. v pobaltských guberniích) a kulturní rusifikací, kterou pod vlivem slavjanofilských idejí prosadil během osmdesátých a devadesátých let 19. století Alexandr III.. Unifikace zpravidla předcházela rusifikaci, ovšem tam,

kde byly vhodné podmínky, docházelo k propojení obou procesů. Přes propojení obou procesů je však nelze považovat za zcela identické. Administrativní rusifikace byla z pohledu ruské liberální veřejnosti chápána jako přirozený proces centralizace a eliminace archaických privilegií lokálních elit.¹² Při tom mohly být využity rozpory mezi jinonárodními elitami (pobaltští Němci versus Lotyšů a Estonci, švédskojazyčná elita versus Finové), v Litvě však vzhledem k působení katolicismu tento konflikt neměl závažný charakter. Thadenovo rozlišování mezi administrativní unifikací a kulturní rusifikací neplatí pro situaci v Litvě a Bělorusku, kde řada rusifikačních opatření byla zavedena jako součást pacifikace již po prvním polském povstání, především však je však uplatnil generální gubernátor Michail Muravjov za souhlasu Alexandra II. jako systematickou strategii po potlačení druhého povstání 1863/1864. Rusifikace oblastí kdysi patřících k Rzecyzospolitě předznamenala postup vůči dalším oblastem západního pohraničí, otevřený charakter zápasu o vliv, ústící do ozbrojené konfrontace ve dvou polských povstáních, však ovlivnil brutální metody rusifikace, které v celém západním pohraničí neměly obdobu. Dlouhodobá a efektivní pacifikace polských oblastí byla geopolitickým předpokladem pro udržení velmocenské prestiže impéria a jeho vlivu v evropské politice.

Dosažená míra integrace západních pohraničních oblastí a až na Finsko i rusifikace na začátku 20. století by mohly být hodnoceny jako relativně úspěšné, celkový efekt se však zproblematizoval, jakmile se uvolnil represivní systém. Výsledky násilné asimilační politiky byly pro iniciátory rusifikační politiky zklamáním. Odpor proti rusifikaci, podložený zpravidla nábožensko-kulturními rozdíly, se stal jedním z důležitých formativních faktorů ovlivňujících přeměnu potlačovaných, nedominantních národů v moderní evropské národy a v podmínkách změněné mezinárodní konstelace a oslabení ruské centrální moci vedl k jejich úplnému politickému osamostatnění a vzniku moderních nezávislých států.

¹² E. THADEN, *The Russian Government, in: Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914*, Princeton 1981, s.15-108.

Specifika unifikačního a rusifikačního procesu na teritoriu bývalého Velkoknížectví Litevského

Unifikace a rusifikace Litvy probíhala v několika etapách, jejichž zřetelným mezníkem, přinášejícím vždy utužení režimu a represálie, se stala polská povstání 1830 a 1863.¹³ Otázka Litevců a Bělorusů, event. Ukrajinců jako poddanského, rolnického etnika byla druhotná, osu mocenského zápasu tvořil rusko-polský antagonismus, vytlačování polské šlechty a katolické církve z mocenských a hospodářských pozic a likvidace polského kulturního vlivu na teritoriu bývalého Velkoknížectví Litevského. Litevci fungovali podobně jako Bělorusové jako objekt zápasu. Rusifikace v Litvě byla součástí širšího procesu připoutávání pohraničních oblastí k Rusku, prosazování státního centralismu a pravoslavného náboženství.

První etapa, spojená s obnovením litevského právního systému za vlády Pavla I. a poté s vládou Alexandra I., probíhala s přihlédnutím ke specifickým Litvy. Car, jenž při rozhodování přihlížel k doporučením rádců z řad polských magnátů, souhlasil s kompromisem, jímž při správě ponechával polské elitě dosavadní postavení. Vláda omezila pouze účast drobné šlechty na sněmích. Školská reforma, prosazená roku 1802 knížetem Adamem Czartoryským, pozvedla školství ve vilniuském školním okruhu na vzorovou úroveň, nemající v Rusku obdoby. Na druhé straně ale panovník striktně odmítal pokusy o spojení s Polským královstvím nebo alespoň o autonomii litevského postavení a přihlídnutí k minulé státnosti. Určitý konsensus mezi panovníkem a polskými představiteli byl narušen již ke konci Alexandrový vlády a zcela zmizel po nástupu Mikuláše I., kdy se nespokojenost se zásahy carské vlády odrazila v zapojení Litvy do povstání 1830/31.

Druhé období se neslo ve znamení represálií, které měly za cíl eliminovat pozice polské šlechty a připoutat Litvu k Rusku. Roku 1832 byla uzavřena vilniuská univerzita a zrušen vilniuský školní okruh. Do školství byla zavedena ruština a změněny učební osnovy. Roku 1840 byl zrušen právní litevský systém – Třetí statut – a nahrazen ruským, roku 1842 přenesena lékařsko-chirurgic-

¹³ K vývoji v Litvě a ruské politice přehledně E. ALEKSANDRAVIČIUS – A. KULAKAUSKAS, *Carų valdžioje, Lietuva XIX amžiuje*, Vilnius 1996, s. 53-106.

ká akademie z Vilniusu do Kyjeva, roku 1843 obdobně přemístěna římskokatolická akademie, takže na Litvě nezůstalo jediné vysoké učení. Roku 1843 byla provedena správní reforma, o tři roky předtím Mikuláš zakázal používání názvu Litva, místo toho se byl zaveden nic neříkající sterilní Severozápadní kraj. Neoddělitelnou součástí rusifikace byly represálie proti katolické církvi a prosazování pravoslaví a obsazování administrativy úředníky ruského původu. Součástí politiky eliminace polského vlivu bylo sjednocení uniatské církve s pravoslavnou, opět prezentované v duchu historismu. Po smrti Mikuláše I. se atmosféra uvolnila. Nový panovník Alexandr II. zahájil kurs určitých ústupků, ale nadále trval na zřetelné diferenciaci mezi Polskem a bývalým Velkoknížectvím, když roku 1858 připomněl výslovně ve Vilniusu shromážděné polské šlechtě, že Litva není Polsko.

Třetí etapa po potlačení povstání 1863 byla obdobím, kdy kulminovaly represálie, které sledovaly za cíl úplnou paralyzaci polského vlivu na Litvě. Potlačení druhého polského povstání bylo významným mezníkem v koncepci politiky vůči západním okrajovým územím. Propojovalo dokončení unifikace s tvrdou rusifikací, segregací a prosazením principu kolektivní odpovědnosti polských elit za destabilizaci. Součástí represálií byl zákaz tisku litevských knih latinskou abecedou roku 1864/65, prosazený vilniuským gubernátorem Michaiilem Muravjovem, jeho přítelem A. P. Kornilovem a Muravjovovým nástupcem A. Kaufmanem. Muravjov za nemilosrdný postup při pacifikaci kraje obdržel přízvisko „Věšitel“¹⁴. Muravjov byl chápán jako užitečný instrument pro rychlou pacifikaci povstalecké Litvy, ale jako výrazně konzervativní politik a odpůrce reformy nepožíval zvláštní důvěry panovníka a reformního okruhu kolem něj. Pro ruské slavjanofily v čele s Katkovem, Aksakovem a Samarinem a jim blízké protagonisty ruské kultury jako byl spisovatel F. Dostojevskij však Muravjov byl hrdinou doby, mužem, jenž musel napravit chyby benevolentního přístupu za počáteční vlády Alexandra II.¹⁵ Přístup k Litev-

¹⁴ Muravjov považoval za hlavního nepřítele polský katolicismus, stavěl se proto negativně i k hnutí abstinentských spolků jako nástroji kléru pro udržení vlivu mezi rolnictvem, organizovaném žemaitským biskupem Valančiusem. M. N. MURAWIOW, (*Wieszatiel*), *Wspomnienia*, Warszawa 1990.

¹⁵ J. SAMARIN, *Okrainy Rossii*, Praha 1868, s. 37.

cům přitom nebyl nepřátelský jako k polské šlechtě a inteligenci, jež se pro ruské veřejné mínění stala symbolem anarchie a vzpoury, historickým nepřítelem, a to nejen pro slavjanofily a víceméně většinu ruské veřejnosti šedesátých let, ale i např. již pro A. Puškina.¹⁶ V duchu této interpretace se polská kultura přijetím západních vlivů odcizila slovanství, katolická polská šlechta utiskovala obyvatelstvo sociálně a nábožensky a spojením s Vatikánem a cizími státy se snažila destabilizovat ruský systém. Poláci byli z hlediska imperiální geopolitiky vnímáni jako cizí, západní nepřátelský element a diplomatické akce západních velmocí a propaganda v západní Evropě v tomto pocitu ruskou veřejnost jen posilovala. V úsilí o eliminaci Poláků carská politika uplatňovala opatření asimilačního, ale zároveň i brutálního segregáčního charakteru. K projevům polonofobie patřily zákazy polské mluvy ve veřejných prostorách, nedoporučování sňatků ruské byrokracie a důstojníků s Polkami atd.).¹⁷

Koncepce ruského paternalismu vycházela z historické konstrukce středověké Litvy před uníí s Polskem jako státu, v němž dominoval kulturní vliv Ruska, dědice Kyjevské Rusi. Velkoknížectví Litevské bylo charakterizováno jako západní ruský stát.¹⁸ Součástí této konstrukce, mezi jejíž první autory patřil zakladatel novodobé ruské historiografie Nikolaj Karamzin, byla teorie o civilizačně-kulturní misi Ruska na Litvě, přerušené uníí s Polskem.¹⁹ Připojování částí Velkoknížectví Litevského včetně etnické Litvy mělo být jen sbíráním ruských zemí, opětným sjednocením, zdůvodněným historicky a etnicky. U pravoslavných ukrajinských a běloruských území byla expanze zdůvodněna ochranou souvěrců proti náboženskému a útisku, po připojení byl v argumentaci využit sociální rozpor mezi polskými statkáři a běloruskými či ukrajinskými rolníky.²⁰ Koncepce západorusismu nepovažovala

¹⁶ E. THADEN, *Russia's Western Borderlands, 1710-1870*, Princeton 1984, s. 121 a 159.

¹⁷ L. E. GORIZONTOV, *Paradoksy imperskoj politiki: Poljaki v Rosii i ruskie v Polše*, Moskva 1999.

¹⁸ P. N. BATJUŠKOV, *Belorussija i Litva*, 2. vyd. (1. vyd. 1890), Minsk 2004, s. 12-13.

¹⁹ J. ŠLEKYS, Senovės: *Lietuva ir Lietuviai Nikolajaus Karamzino „Rusų valstybės istorijoje“*, *Lithuanistica* 1995, č. 4, s. 41-52.

²⁰ *Bėlorussija i Litva*, Vilnius 1898, s. 351-376.

Bělorusy a Ukrajince za zvláštní národy, nýbrž za ruskou odnož, dějinami oddělenou a rozpadem polsko-litevského státu opět sjednocenou s ruským jádrem.²¹

Ačkoli v etnické Litvě rusifikační systém Muravjova zahrnoval budování pravoslavných kostelů, klášterů a škol, otevřená motivace pravoslaví scházela, využit byl však sociální rozpor mezi litevskými rolníky a polskými statkáři, i když ne v takové míře jako např. v pobaltských guberniích. Generální gubernátor Michail Muravjov prováděl agrární reformu po zrušení nevolnictví s cílem oslabit pozemkové vlastnictví polské šlechty a církve a podmínky rolníků pro získání půdy byly daleko výhodnější než např. v Rusku.²² Souběžně byla realizována politika kulturní diferenciacie Litevců od Poláků a návratu Litevců do ruské kulturní sféry. Podpora litevského národního uvědomění měla přechodný charakter, znamenala mezistupeň k pozdější rusifikaci. Součástí této strategie bylo zavedení výuky litevštiny místo polštiny na několika gymnáziích a třech kněžských seminářích a možnost studia pro litevské studenty na ruských univerzitách.²³ Uplatnění v samotné Litvě bylo omezené, širší možnosti poskytovala kariéra v Rusku. Muravjov uvažoval i založení ruské vysoké školy ve Vilniusu, která by se stala oporou rusifikace a posílila by politickou loajalitu konzervativní šlechty. Projekt ztroskotl na nedostatku finančních a intelektuálních prostředků a nesouhlasu části ruské elity. Proti se postavily i známé Moskevské vědomosti pod redakcí M. Katkova. Vznik univerzity byl chápán v souvislosti s běloruskými kulturními potřebami. Jejich argumentace se odvolávala na tehdejší nedostatečnou vzdělanostní kapacitu Bělorusů; vznik univerzity byl možný až po jejich rusifikaci, vzestupu vzdělání v ruštině, aby univerzita měla zaručen stálý rezervoár rusifikovaných učenců i studentů.²⁴

²¹ Ju. Ja. BARABAŠ, *Siamskije bliznecy: Zapadorusizm i malorossijstvo v nacionalnom samosoznanii belorusa i ukrainca*, in: Rus – Litva – Belus: Problemy nacionalnogo samoznanija v istoriografii i kulturologii, Moskva 1997, s. 95-119.

²² *Iz bumag grafa M. N. Muravjeva*, C. Petersburg 1898, s. 39-41.

²³ J. OCHMAŃSKI, *Litewski ruch narodowo-kulturalny w XIX wieku*, Warszawa 1965, s. 119-120.

²⁴ D. STALIŪNAS, *Visuomenė be universiteto? Aukštosios mokyklos atkūrimo problema Lietuvoje: (Xa. vidury – XXa. pradžia)*, Vilnius 2000, s. 76-85.

Muravjov byl většinou částí ruské veřejnosti pozitivně hodnocen jako muž, který svou tvrdou rukou zavedl „pořádek“, paralyzoval polský vliv a koncipoval program systematické rusifikace oblastí bývalého Velkoknížectví Litevského. Působil sice krátce ve funkci vilniuského generálního gubernátora, ale právě v nejkritičtějším období lednového povstání. Jeho systém zahrnoval širokou škálu opatření od předávání zabavené půdy ruským statkářům, pravoslavným klášterům a vzdělávacím institucím, budování ruského školství, podpory ruské kultury až po výše zmíněné odtržení Litevců z polského kulturního orbitu. Muravjov se pro ruské nacionalisty stal legendární osobností, která obnovila prestiž pravoslaví a vrátila Litvu do ruského orbitu. Jeho represivní politiku vůči místním polským elitám však nebylo možné udržet dlouhodobě, již na přelomu šedesátých a sedmdesátých let vilniuský generální gubernátor A. L. Potapov odmítl Muravjovův princip „všichni jsou vinni“, modifikoval přístup a snažil se získat loajální polské elity.²⁵ I po zrušení výjimečného stavu a nejtvrdějších segregáčnických protipolských nařízení však systém, zavedený Muravjovem, zůstal v platnosti. Tam, kde hrozila polská majorizace (v bývalé Kongresovce, západní oblasti Velkoknížectví Litevského) nebyla zavedena zemstva, po delších diskusích byla zavedena pouze ve východních běloruských guberniích. Litevci v polsko-ruském konfliktu vzhledem k umrtvení rozvoje kultury zákazem tisku knih latinou a později i švabachem těžko mohli profitovat z pozice „tertius gaudens“²⁶, jak se mohlo zdát z některých polských výčitek. Ruské představy o „návratu“ Litevců do ruské kultury se nepotvrdily, naopak zavedení graždanky (ruské abecedy) vyvolalo negativní reakci a obranu v podobě masového pašování knih (zpočátku převážně náboženských), organizované v první fázi katolickou církví. Na rusifikaci školství reagovali Poláci i Litevci tajnou domácí výukou a ignorováním ruských škol.²⁷

Jestliže v sousedním Prusku limitovaný germanizační tlak přinesl úspěch, v carském záboru rusifikace zastavila přirozený pro-

²⁵ A. A. KOMZOLOVA, *Politika samoděržavija v Severo-zapadnom kraje v 1860-1870-ch godach: „Sistema“ M. N. Muravjova i ee dalnějšaja sudba*, <http://dlib.eastview.com>

²⁶ M. RÖMER, *Litwa, studyum o odrodzeniu narodu litewskiego*, Lwow 1908, s. 68.

²⁷ V. MERKYS, *Knygnešiu laikai 1864-1904*, Vilnius 1994.

ces polonizace, nestačila však zaplnit vzniklé kulturní vakuum. V graždance vyšlo pouze několik knih; množství zcela zanedbatelné ve srovnání s tím, co se do Litvy pašovalo ze zahraničí. Podobně nízká byla úroveň rusifikovaného školství a pokusy o konverzi litevských rolníků k pravoslaví rovněž selhaly. Takovéto metody nevedly k rusifikaci Litevců, pouze zabrzdily nástup litevského národního hnutí. Oddálily národní hnutí o jednu generaci ve srovnání se sousedními Lotyšii nebo Estonci, takže k formulaci programu moderního litevského nacionalismu došlo až na začátku osmdesátých let 19. století. Vytlačení polské elity z mocenských pozic a oslabením polského kulturního vlivu carská vláda postavila překážku polonizačnímu procesu, místo kýžené rusifikace se však začalo formovat litevské národní hnutí již jako subjekt, nikoli jako dříve pouhý objekt zápasu.

Náboženská identita se stala důležitým spoluformativním prvkem moderní litevské identity. Katolicismus posiloval odpor Litevců vůči rusifikačnímu tlaku.²⁸ Masakr rolníků v Kražiř v listopadu 1893, bránících svůj kostel, napovídá o míře identifikace rolnictva a síle odporu. Počet konverzí k pravoslaví byl nevelký a stejně tak nebyl přijímán ani pokus ruské administrativy akceptovat katolicismus v ruskojazyčné podobě. V letech 1866-67 přešlo ve vilniuské gubernii k pravoslaví sedm farností. Počet pravoslavných se zvýšil v letech 1869-1897 v kaunaské gubernii pouze z 4,1% na 5,1%.²⁹ Jestliže silná katolická identita znemožňovala rusifikaci, ve vztahu k polské kultuře zůstávala konzervativním faktorem, jenž byl založen na původní koncepci zemského patriotismu a tradici Velkoknížectví Litevského. V počátcích národního hnutí proto role katolicismu nebyla výrazná. Katolická církev představovala páteř odporu vůči rusifikaci, ale právě z tohoto důvodu trvala na společné polsko-litevské sounáležitosti a rozcházela se s koncepcí aušriníků, kteří navíc glorifikovali pohanskou minulost.³⁰ Váha katolické církve v národním hnutí, které se vymezovalo jak proti ruskému tla-

²⁸ K vlivu katolické církve: E. ALEKSANDRAVIČIUS – A. KULAKAUSKAS, c.d., s.163-194; E. VIDMANAS, *Religijinis tautinis sąjūdis Žemaitijoje XIX a. pabaigoje, in: Atgimimas ir Katalikų Bažnyčia*, Vilnius 1994, s. 96-141;

²⁹ E. ALEKSANDRAVIČIUS – A. KULAKAUSKAS, c.d., s. 87.

³⁰ P. ŁOSSOWSKI, *Dwie drogi odrodzenia kulturalnego i narodowego Litwinów: Baranauskas i Basanavičius*, Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej 31, 1996, s. 149-155.

ku, tak proti příslušnosti do polského orbitu, vzrostla až na začátku 20. století, kdy uvolnění protipolských opatření umožnilo aktivizaci polských náboženských, vzdělávacích a kulturních aktivit.

Jestliže odlišnost Litevců byla obecně uznávána a otázkou byla pouze jejich integrace do východního kulturního orbitu, pak Bělorusové byli odmítáni jako zvláštní národ vůbec, nefigurovali v statistice jako zvláštní národnost a byli plně identifikováni s ruským etnikem; běloruština byla chápána jako pouhý západní dialekt ruštiny. Uvolnění rusifikačního tlaku v letech 1904/1905 umožnilo rychlou polskou a litevskou aktivizaci, ale prakticky nic se nezměnilo ve vztahu carské administrativy k Bělorusům. Devastující vliv rusifikace se odrazil v slabosti a rozpolcenosti běloruského hnutí, které nemohlo vybudovat národní programový kontrapunkt proti úspěšnému asimilačnímu procesu. Chyběla širší sociální základna pro rozvoj hnutí a rovněž slabá úroveň vzdělanosti běloruských oblastí, která byla značně pod celoruským průměrem, se negativně podepsala na opoždění hnutí. Oproti Ukrajincům, z nichž někteří se stali aktivními nositeli rusifikace, byla v Bělorusku podpora rusifikace místním obyvatelstvem slabší a ne tak intenzivní protipolské antipatie. Zde je však třeba přihlížet k teritoriálním specifikům a odlišnostem východní a západní části.³¹

Významným faktorem pro vytváření moderní litevské identity byla jazyková odlišnost, vědomí starobylosti litevštiny, zájem o ni mezi evropskými filology a především silný historismus, jehož základem byla existence středověkého státu s dominací litevské elity. Aušriníkové (J. Basanavičius, J. Šliupas) používali až do starověku jdoucí romantizující argumentaci, která s reálnou historií měla málo společného. Tento historismus umožňoval národním aktivistům vnímat litevskou tradici jako rovnocenného partnera vůči ruské i polské historické koncepci.³² Na druhé straně na tradici Velkoknížectví Litevského mnohem důsledněji navazovala alternativa vůči litevskému národnímu hnutí, která proti jeho programu etnografické Litvy s Vilniusem usilovala o autonomii Litvy a Běloruska.³³

³¹ Z. SZYBIEKA, *Historia Białorusi*, Lublin 2002, s.115-149.

³² V. KRAPAUSKAS, *Nationalism and Historiography: The Case of Nineteenth-Century Lithuanian Historicism.*, Boulder 2000, s. 118-133.

³³ R. MIKNYS, *Vilniaus autonomistai ir jų 1904-1905 m. Lietuvos politinės auto-*

V neposlední řadě působil zahraniční faktor. Litevská minorita v Prusku, kam se přesunula ediční činnost, a ke konci 19. století se rozvíjející aktivity početné litevské americké emigrace přispěly značnou měrou k úspěšnosti odporu vůči rusifikaci. Oproti původně pašované převážně náboženské literatuře vzrůstal ke konci 19. století podíl laické literatury.

Carské řady zrušily nesmyslný zákaz tisku litevských knih a periodik roku 1904. Poté následoval rychlý rozvoj vydavatelské činnosti. Revoluce roku 1905 oslabil centrální moc. Liberalizace politických podmínek umožnila rychlý rozvoj litevských stran a diferenciaci politického života během roku 1905. Revoluce neměla tak radikální průběh jako v ruských průmyslových centrech nebo v sousedních pobaltských guberniích. Vedle sociálně a politicky motivovaného stávkového hnutí ve městech, na němž se však Litevci podíleli malou měrou, se projevil i nacionální motiv; ruští učitelé a statkáři, úředníci a pravoslavní popové byli na venkově spontánně vyháněni. Litevské národní hnutí vstoupilo na začátku 20. století do masové fáze a Velký sněm na začátku prosince 1905, na němž se sešla litevská reprezentace z carské Litvy i zahraničí, poprvé formuloval celonárodní politické požadavky, sjednocení etnického litevského území a autonomii v rámci Ruské říše. Porážka revoluce sice zastavila rozvoj politického života, ale neovlivnila rozvoj litevských kulturních, vzdělávacích a vědeckých institucí a období do první světové války je možné charakterizovat jako rozkvět litevské kultury.

Русификация и формирование национальной идентичности на территории Великого княжества Литовского во второй половине XIX в.

доктор, доцент Любош Швец (Карлов Университет, Прага)

Автор рассматривает проблематику русификации и унификации на территории бывшего Великого княжества Литовского в контексте унификации западных земель, граничащих с Российской империей. Российские авторы интерпретировали политику русификации как возвращение бывших западных российских территорий в сферу культурного влияния Востока. Главное усилие, основанное на мощном историзме, было нацелено на ликвидацию польского политического, экономического, культурного и религиозного влияния. Процесс русификации имел несколько структурных уровней и проходил постепенно, начиная с присоединения восточных, а затем и западных земель Великого княжества Литовского. Политика русификации достигла своего апогея после подавления польского восстания 1863 г. и была весьма успешной в ослаблении польского влияния, но она не могла заполнить образовавшийся после этого культурный вакуум. В то время как литовцы могли воспользоваться ослаблением польского культурного влияния и в неблагоприятных условиях сформировать собственное национальное движение сопротивления русификации, процесс формирования белорусской современной национальной идентичности был подвержен русификации и значительно замедлен вплоть до начала XX в. Одной из главных причин данного процесса была разная религиозная идентичность, т.е. католичество, ставшее неотъемлемой частью современной литовской национальной идентичности и показателем различия между литовцами и русскими, что отсутствовало в случае белорусов и русских. Литовцы так никогда и не вернулись к религиозному и культурному пути восточного образца.

OD HISTORIE VELKOKNÍŽECTVÍ LITEVSKÉHO K DĚJINÁM BĚLORUSKA

Oleg Łatyszczek, PhD.
(Univerzita v Bialystoku, Bialystok)

Bělorusové spatřují počátek svého státu v raně středověkých knížectvích, především v knížectví polockém. V obecném povědomí Bělorusů byl jejich prvním historickým vládcem Rahvolod společně se svým bratrem Turem. Je těžké si představit dějiny Běloruska bez smutného příběhu Rahnědy a neobyčejné postavy Vseslava Čaroděje. Ne vždycky tomu ale tak bylo. Tématem této studie je mnohasetletý proces dekonstrukce a následné rekonstrukce dějin běloruských zemí a především celého Polockého knížectví, ukončeným zkonstruováním historie nové země s názvem Bělorusko.

Bohužel se nám nedochovaly žádné prameny psané obyvateli Běloruska, jež by nám dovolily uvažovat o jejich historickém povědomí v době před vznikem Velkoknížectví litevského. Nejstarší památkou litevsko-ruského kronikářství je tzv. *Letopis roku 1446*. Podle názoru Vjačeslava Čemerického je v letopisu zachycena litevsko-slovanská koncepce vzniku Velkoknížectví litevského. Převodní ideou tohoto letopisu byla myšlenka, že Velkoknížectví Litevské je litevsko-ruským státem, jehož dějiny jsou prodloužením dějin staré Rusi, přičemž vznik Velkoknížectví se jeví jako jeho dějinné vyústění.¹

Tomuto Čjamjaryckého názoru se dostalo tvrdé kritiky od Jurije Zajace. Ten obrátil pozornost na to, že tvůrce tohoto letopisného svodu zcela pominul dějiny polocké země. Zmínky o Rahvolodovi a Rahnědě se do letopisu dostaly výlučně v kontextu zpráv o mocenském a vojenském střetu mezi syny kyjevského knížete Vladimíra. Mezi zprávami, jež byly do letopisu vybrány, se však neobjevují žádné informace o činech největšího polockého vlád-

¹ В. А. ЧЕМЕРИЦКИЙ, *Литература XIV – начала XVI в.*, in: История белорусской дооктябрьской литературы, Минск 1977, s. 58-62; ТЫЎ, *Работа автора першого беларуска-літоўскага над рускімі істочнікамі*, in: *Летописи и хроники* 1980 года, Москва 1981, s. 183-184, 188.

ce Vseslava Brjačislaviče. Bezdečně tak vystává pocit, konstatuje Zajac, že autor tohoto svodu vědomě pominul zprávy o dějinách dnešního Běloruska, především tedy zprávy o Polocku. Tendenční výběr zpráv z ruských pramenů byl podmíněn politickou situací, jež bezprostředně přecházela vzniku letopisu, domácí válkou ve 30. letech 15. století mezi velkým knížetem litevským Zikmundem Kestutovičem a Švidrigajlem. Švidrigajlovi stoupenci ho v Polocku dosadili na trůn velkoknížectví ruského. Zmínky v oficiálním dějepisectví o státnosti polocké země v 10.-13. století byly tedy nežádoucí, a možná i nebezpečné.²

Na počátku 16. století se v dějepisectví Velkoknížectví litevského objevuje nové pojetí dějin státu – *Letopis velkoknížectví litevského a žmuďského*, v některých rukopisech vystupující i jako *Kronika velkoknížectví litevského a žmuďského*.³ Protože označení *Kronika* mnohem lépe odpovídá literárnímu žánru tohoto díla,⁴ budu v další části své práce užívat tohoto názvu.

„Dějiny“ Litvy v *Kronice* začínají legendou o útěku pěti set členů římské šlechty z Říma v době císaře Nerona pod vedením knížete Palemona na území Žmudi. V době vlády Palemonova syna Kunase na něj zaútočil „car“ Bátú a zpusťil ruskou zemi. Kunasův vnuk Montvil (v této souvislosti se dovídáme, že ruské země zpusťil chán Bátú) dal vojsko svému synovi Skirmontovi (ve druhé a třetí redakci Skirmonta nahradil Erdivil), který došel za řeku Viliji a nalezl tam „krásnou horu“, na níž založil Novhorodek. Poté stejným způsobem založil Grodno, Brest, Drohičín i Melnik. Po Skirmontově smrti zůstal velkým knížetem novhorodským jeho syn Mingajl. Mingajl obsadil po vítězné bitvě s Polovci pod Horodcem Polock. Polovci, kteří v této době neměli knížete, rovněž vládli ve Velkém Novgorodu a v Pskově. Tímto způsobem se Mingajl stal velkým knížetem novhorodským a polockým.

Po Mingajlově smrti jeho starší syn Švarno (v druhé a třetí redakci Skirmont) zůstal knížetem novhorodským a jeho mladší

² Ю. ЗАЯЦ, *История Белорусских земель X – первой половины XIII в. в отображении летописей и хроник Великого княжества Литовского*, Гістарычна-археалагічны зборнік 12, s. 86, 90.

³ ПСРЛ, том 35, *Летописи белорусско-литовские*, Москва 1980.

⁴ В. А. ЧАМЯРЫЦКІ, *Беларускія летапісы як помнікі літаратуры*, Мінск 1969, s. 26-27.

syn Ginvil knížetem polockým. Švarno dobyl Turov a Pinsk a porazil tatarského vůdce Balaklaju u Kojdanava. Poté dobyl Mazyr, Černihov, Starodub i Koračev. V této době se v Polocku kníže Ginvil oženil s dcerou velkoknížete tverského Borise, nechal se pokřtít východním způsobem a přijal jméno Boris. Knížeti Borisovi *Kronika* připisuje založení Borisova nad Berezinou a také postavení kostela sv. Sofie, chrámu Spasitele v ženském klášteře nad Palatou a svatého Borise a Gleba v Bělčicích u Polocka. Ve všech verzích *Kroniky* dynastie končí Ginvilovým potomkem Glebem, který zemřel mladý a bezdětný. Polovci pak měli žít opět bez knížete.

Svébytnou část polocké pověsti představuje „životopis“ Paraševy, sestry posledního Ginviloviče, která vstoupila do kláštera při chrámu Spasitele nad Palatou, kde pobyla sedm let, sloužíc Bohu a opisujíc církevní rukopisy. Poté se vypravila do Říma, kde přestoupila na katolictví pod jménem Praxedis. Po smrti byla uznána svatou a pochována v kostele, nesoucím její jméno.

U Gleba a Paraševy/Praxedis končí první redakce *Kroniky* a poté začíná až dobou Gedymina. Teprve rukopisy druhé redakce zachycují návrat Polocka pod nadvládu Velkoknížectví Litevského. Ve shodě s legendou tak učinil Trojdenův syn Rimont, pokřtěný východním způsobem jako Vasil, nazývaný v době, kdy byl mnichem, Lavryš. Od tohoto okamžiku již Polock zůstal pod vládou knížat litevských, žmuďských a ruských. Mnichem Lavryšem skončila vláda rodu Kitovrasů (Centaurů), protože sám Lavryš s pomocí pánů nechal povýšit na velkoknížete Vitenise z rodu Kolumnů. Vitenis měl být otcem Gedymina.

Autor *Kroniky velkoknížectví litevského a žmuďského* ale nebyl tvůrcem legendy o římském původu Litevců. Jako první s ní přišel ve své kronice (*Annales seu Cronicae inclicti regni Poloniae*) Jan Długosz. Proti teorii o římském původu Litevců vystoupil Kallimach v díle *Život a zvyky kardinála Zbigniewa* napsaném kolem roku 1480.⁵ Za nejpravděpodobnější považoval, že Litevci pocházejí z „Bosporanů“.⁶

Při stvoření postavy Palemona spojil autor legendy dvě teorie původu Litevců: římskou teorii Długoszovu a bosporskou teo-

⁵ J. OLKIEWICZ, *Kallimach doświadczony*, Warszawa 1981, s. 254.

⁶ *Philippi Callimachi Vita et mores Sbignei Cardinalis*, (ed.) I. LICHONSKA, Warszawa 1972, s. 38-41.

rii Kallimachovu. Většina badatelů 20. století považuje za předobraz Palemona pontského krále Polemona II., jenž byl vlády v Pontu zbaven císařem Neronem.⁷ Polemon II., jenž byl stejně jako Nero pravnučkem Marka Antonia po přeslici, mohl být autorem legendy považován za Římana, a ve své době byl, stejně jako jeho otec Polemon I., bosporským králem.

Zajac obrátil pozornost na zřejmou shodu jmen legendárních „Ginvilovičů“ a historických polockých Rahvolodovičů, potomků Borise Vseslaviče. Popis vítězství Mingajla nad Polovci pod Horodcem má paralelu v historicky doložené porážce vojsk knížete Rahvoloda-Vasila Borisoviče v roce 1161 pod tůmž Horodcem Volodarem Glebovičem minským. Volodar skutečně při tomto střetu využil litevské oddíly.⁸ První část „životopisu“ Paraskevvy/Praxedis je složena z prvků legendy svatě Eufrosynye Polocké, dcery knížete Borise Vseslaviče.⁹ Legendista jí dal jméno srbské světice Paraskevvy, jejíž kult se na Rusi šířil od 15. století. Druhá část legendy, která mluví o přestěhování Paraskevvy do Říma, kde se měla stát katolickou svatou Praxedis, je ryzí fabulací.

Pověst druhé redakce o novém dobytí Polocka Litevci se opírá o volně zpracovanou historickou událost, o střet mezi Mendogem a nalšanským knížetem Daumantem, který utekl do Pskova. Předobrazem postavy Rymonta-Vasila, zvaného Lavryš, byl nepochybně Vojšelk. Naopak „velký kníže“ Narymont byl synem Gedymina Narymonta-Gleba,¹⁰ jenž byl od poloviny 30. let 14. století knížetem polockým a později knížetem pinským.

Badatelé, kteří se zaobírali *Kronikou*, mluví o okruhu tří rodů, které mohly být inspirátory jejího sepsání: knížata holšanská, knížata gedrojčská a Gasztołdové.¹¹ Naopak názory na to, k jaké-

⁷ K. BARTOSZEWICZ, *Radziwillowie*, Warszawa-Kraków 1927, s. 3-10; *Lietuvos metraštis. Bychovco kronika*, verte, ivada ir paaiškinimus paraše R. JASAS, Vilnius 1971, s. 193-194; *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*, T. II: XVI amžius, Sudarė N. VĖLIUS, Vilnius 2001, s. 385; E. KULICKA, *Legenda o rzymskim pochodzeniu Litwinów i jej stosunek do mitu sarmackiego*, Przegląd Historyczny 71, 1980, s. 8; G. BERESNEVIČIUS, *Palemono mazgas. Palemono legendos periferinis turinys*, Vilnius 2003.

⁸ Ю. ЗАЯЦ, *История Белорусских*, s. 89.

⁹ Tamtéž, s. 90.

¹⁰ K. CHODYNICKI, *Geneza dynastii Gedymina*, Kwartalnik Historyczny 40, 1926, s. 549-550.

¹¹ J. JAKUBOWSKI, *Studia nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed*

mu účelu byla vytvořena římská legenda a především vůči komu směřovalo její polemické ostří, jsou velmi rozdílné. Zastavíme se u argumentů těch autorů, kteří mínili, že legenda má protiruský charakter.

Podle V. Čjamjaryckého představuje základní ideu litevské legendy snaha zobrazit převahu Litvy nad Rusí, jež je v legendě pojímána výlučně jako rozsáhlé pole působnosti litevských knížat.¹² Na vnitřní litevsko-ruský konflikt jako na jeden z pramenů litevské legendy poukázal i Jerzy Suchocki. Podle jeho názoru měla legenda kromě jiných cílů, tzn. zhodnocení vlastní minulosti v době střetu s Polskem a vytváření litevského národního povědomí, být odpovědí na ohrožení, které představovaly pokusy ideologického osvobození se Velkoknížectví Litevského „Rusy“, kteří podle jeho výpočtů v dané době tvořili 40 % „politického národa“.¹³ Projevem takového ohrožení je podle Suchockého změna titulu *Letopisu velkoknížat litevských*, jenž v kopiích tohoto svodu začal vystupovat pod název *Letopis velkoknížectví litevského*. Za dílo „ruských“ kronikářů Suchocki považuje výklad o genezi erbu Pahonja (pronásledování, pozn. red.), podle něhož byla postava ozbrojeného jezdce s mečem povolána k obraně vlasti, kterou „ruští“ kronikáři mínili litevský stát. Ruku v ruce s tím šlo podle Suchockého o vtažení dynastie Jagellonců do „ruské letopisné tradice“ z Polocka nebo ze Smolenska a přiznání státoporné role ruským činitelům, jímž kdysi podléhal prostor etnické Litvy.¹⁴

Suchockého argumenty jsou ale velmi slabé. Za „ruské“ kronikáře totiž považuje autory i opisovače *Kroniky velkoknížectví litevského a žmuďského*, jež ale byla napsána rukou Litevce. Změna názvu z *Letopisu velkoknížat litevských* na *Letopis velkoknížectví litevského a žmuďského* přispěla především ke zdůraznění role

Unia Lubelską, Warszawa 1912, s. 34, Н. Н. УЛАЩИК, *Введение в изучение белорусско-литовского летописания*, Москва 1985, s. 159-162, J. OCHMAŃSKI, *Nad Kroniką Bychowska*, *Studia źródłoznawcze* 12, 1967, s. 157-158, M. JUČAS, *Unia polsko-litewska*, Toruń 2004, s. 229.

¹² B. A. ЧЕМЕРИЦКИЙ, *Литература XIV – начала XVI в.*, s. 64.

¹³ J. Suchocki uvedl tento výklad do historiografie Velkoknížectví Litevského, srov. J. SUCHOCKI, *Formowanie się i skład narodu politycznego w Wielkim Księstwie Litewskim późnego średniowiecza*, *Zapiski Historyczne* 48, 1983, s. 31-76.

¹⁴ J. SUCHOCKI, *Geneza litewskiej legendy etnogenetycznej. Aspekty polityczne i narodowe*, *Zapiski Historyczne* 52, 1987, s. 35.

Žmudi v dějinách Velkoknížectví Litevského. Naopak vypuštění slov „a ruského“ z názvu, stejně jako absence dějin Rusi v kronice, může skutečně svědčit o jakési protiruské tendenci. Zároveň to ale nemusí znamenat nenávisť vůči Rusi, nýbrž pouze nezájem o toto území. Majetky litevského panstva totiž jen výjimečně na východě přesahovaly hranice Dněpru. O něco více statků měli pouze na Volyni a v zemi polocké a vitebské.¹⁵ Hranice legendárního „velkoknížectví novhorodského a polockého“ tedy dosti přesně odrážejí majetky litevského panstva mimo Litvu a Žmuď.

Pověst o erbu Pahonja, zachovaná v *Letopisu Raczynských* a v *Bychovcově kronice*, přisuzuje přijetí erbu s „člověkem na koni s mečem“ Narymontovi, legendárnímu bratrovi „velkoknížete litevského“ Trojdena.¹⁶ První historicky známým vládcem litevského původu, který užíval tento erb, byl polocký kníže Narymont-Gleb.¹⁷ Pečeť s jezdcem s pozdviženým mečem přitiskl ke smlouvě s Rigou v roce 1330. Vyobrazení jezdce s pozdviženým mečem se o sto let dříve rovněž objevuje v oblasti ruské kultury na pečetích Alexandra Něvského¹⁸ a polockého knížete Brjačislava Vasiloviče.¹⁹ Pověst o přijetí erbu Pahonja legendárním Narymontem je důkazem přivlastnění si ruské tradice tradicí litevskou a nikoli naopak.

Přísllovečné rčení „my starodávná římská šlechta“, které je užito v *Bychovcově kronice*,²⁰ se vztahuje k úzké skupině pánů litevského a žmuďského původu, přijatých za vlastní mezi polské erbovní rody v Horodle. Neexistuje sebemenší důvod, aby právě tato verze byla připsána peru ruského kronikáře, jak to učinil Jerzy Suchocki.²¹

¹⁵ K. PIETKIEWICZ, *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka*, Poznań 1995, s. 204.

¹⁶ ПСРЛ, том 35, s. 151; Tamtéž, том 32, s. 136; У. КАЗБЯРУК, *Летарісы пра нараджэнне Пагоні*, *Спадчына* 3, 1992, s. 10-13.

¹⁷ А. ЦІТОЎ, „Пагоня“: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, том 5, Мінск 1999, s. 367.

¹⁸ А. Г. СИЛАЕВ, *Истоки русской геральдики*, Москва 2003, s. 70.

¹⁹ Uładzimir Arlov dokonce tvrdil, že onen „kryvičský“ erb byl svým způsobem věttem polocké kněžny, *Краіна Беларусь. Люстраваная гісторыя*, тэкст У. АРЛОВА, мастак З. ГЕРАСІМОВІЧ, *Martin* 2003, s. 77.

²⁰ ПСРЛ, том 32, s. 153.

²¹ J. SUCHOCKI, *Geneza litewskiej*, s. 34-35. J. Suchocki poněkud abstrahuje od

Kronika velkoknížectví litevského a žmudského tedy nebyla reakcí na rostoucí podíl „ruských“ elementů mezi mocenskou elitou a na vznik „politického národa“ ve Velkoknížectví Litevském.

Domnělá ruská letopisná tradice, která jagellonské dynastii připisuje smolenský nebo polocký původ, je v podstatě dílem moskevských autorů. Jednotliví badatelé se liší pouze svými názory na datování některých spisů a na okruh jejich inspirátorů.²²

Pokud bychom chtěli shrnout diskusi o příčinách a cílech vzniku moskevských legend o smolenském nebo polockém původu Gedyminovců, mohli bychom říci, že vznikly na konci 15. nebo na počátku 16. století. Dostatečnou příčinou vzniku pověsti o původu Gedymina ze Smolenska nebo z Polocka mohly být vnitřní spory o status moskevských Gedyminovců. Pokud tomu tak bylo, obou verzí legendy (na konci ostatně propojené) společně s legendou o římském původu moskevských Rurikovců bylo využíváno pro ospravedlnění nároků Moskvy na ruské země Velkoknížectví Litevského, a dokonce i na samotnou Litvu. Na rozdíl od tvrzení Mečislovase Jučase²³ se ale domnívám, že neexistují žádné bezprostřední důvody k tomu, aby římská legenda o původu Litevců mohla být považována za reakci na moskevskou historiografickou tvorbu.

Porovnání obsahu *Kroniky velkoknížectví litevského a žmudského* s historickými dějinami rodu Gasztołdů a především s životopisem Olbrachta Gasztołda nám dovoluje se domnívat, že právě on byl inspirátorem sepsání *Kroniky*, protože „historie“ vzniku „Velkoknížectví novgorodského a polockého“ zachycují dějiny jeho kariéry. Olbracht Gasztołd byl jak starostou Novhorodku a vojvodou a starostou bělským a mazyrským, polockým vojvodou a starostou borisovským a uciaňským a spolu s tím i držitelem Trab,

diskuse o autorství *Kroniky Bychovcovy*, uvažuje o tom, stejně jako dřívější letopisy (kroniky) velkoknížectví litevského, že se jedná o dílo ruského kronikáře, a to pouze proto, že je sepsáno ruštinou.

²² K. CHODYNICKI, *Geneza dynastii; TÝŽ, Ze studiów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim (T. z. Rękopis raudański)*, Ateneum Wileńskie 3, 1926, s. 387-401; P. П. ДМИТРИЕВА, *Сказание о князях владимирских*, Москва-Ленинград 1955; M. E. BYCZKOWA, *Legenda o pochodzeniu wielkich książąt litewskich. Redakcje moskiewskie z końca XV i XVI wieku*, *Studia Źródłoznawcze* 20, 1976, s. 183-199; Б. Н. Флорья, *Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в.*, Восточная Европа в древности и средневековье, Москва 1978, s. 320-328.

²³ M. JUČAS, *Legenda o rzymskim pochodzeniu Litwinów*, *Przegląd Wschodni* 4, s. 294; TÝŽ, *Unia polsko-litewska*, s. 221-227.

Holšan, Latygoly a Kojdanova. O vztahu legendy a Olbrachta Gasztołda svědčí i vsuvka o knížeti Kukovojovi, který prý vztyčil sochu slovanského boha v podobě své matky Pojaty u jezera Žošle. V roce 1517 totiž Gasztołd koupil od jakéhosi Sakoviče práva vztahující se k jezeru Žošle v trocké oblasti.²⁴ Římská legenda v širším kontextu sloužila k vyrovnání statusu úřednických rodů, které dosáhly vysokého mocenského postavení díky Jagellovi a Vitoldovi, s Jagellonci. Rozvoj v římské legendě obsažené koncepcce rovněž ukazuje na její hlubší kořeny. Přisvojení si římského původu litevskou a žmudskou aristokracií mělo nepochybně za cíl stvrdit příslušnost nových přistěhovalců k okruhu latinské civilizace a zároveň bylo odpovědí na přezíravé vykládání minulosti Litevců Poláky a „Rusy“ (Rutheni). Jestliže legenda zachycená v *Kronice velkoknížectví litevského a žmudského* byla reakcí na nějaký konkrétní text, pak tímto textem mohla být pouze Długoszova kronika, na což upozornil Boris N. Florja.²⁵ Pro Długosze neměl římský původ Litevců žádný význam sám o sobě. Podle něho předkové Litevců sloužili „Rusům“ (Ruthenům), „pod jejichž vládou žili téměř tisíc let jako nevolníci“.²⁶ *Kroniku velkoknížectví litevského a žmudského* tedy můžeme považovat za dílo litevského patriotismu, jehož cílem bylo povýšení litevského národa, a to i za cenu falšování dějin. Římská legenda jak v Długoszově pojetí, tak v pojetí autora *Kroniky* obsahovala objektivní předpoklady pro přetvoření v litevskou etnogenetickou legendu, protože právě tak byla v době svého vzniku vnímána. V koncepci Michala Litevce, autora, který v polovině 16. století napsal latinský traktát *O zvycích Tatarů, Litevců a Moskvanů (De moribus Tartarorum, Litanorum et Moschorum fragmina X multiplici historia referata)*, římská legenda slouží nejen úzké skupině panstva, nýbrž celému litevskému národu.²⁷

²⁴ M. KUŹMIŃSKA, *Olbracht Marcinowicz Gasztołd*, Wilno 1928, přetisk z časopisu Ateneum Wileńskie 13-14, s. 15.

²⁵ Б. Н. ФЛОРЯ, *Русь и „русские“ в историко-политической концепции Яна Длугоша*, in: *Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в середине века*, Москва 1990, s. 16-28.

²⁶ J. DŁUGOSZA, *Roczniki, czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego*, kniha X, Warszawa 1981, s. 220.

²⁷ Stov. M. ЛИТВИН, *О нравах татар, литовцев и москвитян*, Перевод В. И. МАТУЗОВОЙ. Отв. ред. А. Л. ХОРОШКЕВИЧ, Москва 1994; J. OCHMANSKI,

Bez ohledu na subjektivní příčiny a cíle vznik římské legendy o původu Litevců objektivně bortil dějiny „ruských“ zemí Velkoknížectví Litevského. Ačkoli role „Rusů“ (Ruthenů) mezi elitou Velkoknížectví Litevského v této době velmi vzrostla, neexistují žádné důvody k tomu, aby „Rusové“ (Rutheni) podnikli jakékoli pokusy o ideologickou expanzi. Za velmi významné považují, že zcela zjevný ideologický útok Litevců nevyvolal téměř žádnou reakci ze strany „Rusů“ (Ruthenů). Nikdo z místních „Rusů“ (Ruthenů) se nepokusil o tvůrčí využití moskevské legendy o Gedyminovcích jako o rodové větvi Rahvolodovičů, jak to ještě dodnes činí někteří běloruští historici.

Překvapující je především absence jakýchkoli pokusů o místní historiografickou reflexi spojenou s dějinami polocké země. Polock byl totiž druhým největším městem Velkoknížectví Litevského. Historik dějin tohoto města Vasil Varonin tvrdí, že Polovci měli velmi rozvinuté regionální povědomí. Příklady historického povědomí Polovců, které uvádí, jsou ale nepřilíš početné a fragmentární.²⁸ V podstatě všechno, co soudobí Polovci říkají o historii svého města, se omezuje na to, že svůj hrad označují jako „slavný“.

Prameny potřebné k sepsání ruské verze dějin Velkoknížectví Litevského v této době ale nepochybně existovaly, protože i autoři *Kroniky velkoknížectví litevského a žmudského*, kteří falšovali dějiny Polocka, čerpali z jakéhosi letopisu ipatěvského typu a možná i z jakýchsi letopisů polockých, což ve své práci předpokládá Jurij Zajac. Ten dokonce připouští, že to, že se tyto prameny nedochovaly, bylo do značné míry podmíněno zcela odlišným pojetím, než jaké hlásala oficiální historiografie Velkoknížectví Litevského.²⁹ Po mém soudu jde ale tento názor příliš daleko. Pokud tyto letopisy existovaly a pokud z nich čerpali redaktoři *Kroniky velkoknížectví litevského a žmudského* ve 20. letech 16. století, mohli je, přinejmenším dříve, využívat pro své cíle i pravoslavní „Rusové“.

Michalon Litwin i jego traktat „O zwyczajach Tatarów, Litwinówi Moskwićinów“ z połowy XVI wieku, in: TÝŻ, *Dawna Litwa. Studia historyczne*, Olsztyn 1986, s. 144-152.

²⁸ В. ВАРОНІН, *Полацчына і палачане ў нацыянальна-культурным і рэлігійным жыцці Вялікага княства Літоўскага першай паловы XVI ст.*, Białoruskie Zeszyty Historyczne 17, 2002, s. 212-214; ТЫЎ, *Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст.*, Беларускі гістарычны агляд 5, s. 59.

²⁹ Ю. ЗАЯЦ, *История Белорусских*, s. 91.

Především polocká „ruská“ elita však takovouto potřebu neměla. Polovci byli věrní Velkoknížectví Litevskému, ruskému i žmudskému, což dokázali v roce 1518, když pod vedením Olbrachta Gasztołda odrazili vpád Moskvanů.

Velmi důležitou roli v tom, že nevznikla žádná ruská odpověď na litevskou legendu, hrála skutečnost, že neexistovala žádná ruská intelektuální elita, která by byla schopná přijmout litevskou výzvu. Nikdo z badatelů, kteří se zabírali litevskou legendou, nepochybuje o významu vzdělání, jaké litevská elita získala v Krakovské akademii a také studiem v západní Evropě, především pak v Itálii. V téže době ukončil studium na krakovské univerzitě pouze jeden nesporný „Rus“ (Ruthen), František Skaryna z Polocka. Skaryna byl možná jediným východoslovanským humanistou své doby.³⁰ Literatura, kterou Skaryna psal, je zcela ahistorická (o svém milovaném Polocku je schopen říci pouze to, co všichni – je to „slavné město“). Jak se domnívá Adam Maldzis, Skarynova vydavatelská činnost v „ruském“ jazyce mohla vyvolat obavy vášnivého litevského patriota Olbrachta Gasztołda. Podle Maldzisova názoru mohl právě Gasztołd hrát jistou roli při odstranění Skaryny z Vilna v polovině 30. let 16. století a při jeho nuceném vystěhování z velkoknížectví.³¹ „Ruská“ společnost ve Skarynovi ztratila svého jediného intelektuála schopného přinejmenším teoreticky přijmout výzvu ze strany Litevců.

V roce 1563 car Ivan IV. Hrozný dobyl Polock a uvrhl do nevolnictví více než 11 000 jeho obyvatel. Město bylo pobořeno a při té příležitosti byla rozkradena knihovna kláštera svaté Sofie. Za obětí Moskvanům tehdy mohly padnout i polocké letopisy. Od tohoto okamžiku nemohl být Polock ani teoreticky centrem ruského historického myšlení.

Odstranění nejstarších dějin polockého knížectví z historiografie Velkoknížectví Litevského, ruského a žmudského zpečetil Maciej Strykowski svou *Kronikou Polska, Litvy, Žmudi a vši Rusi* vydanou v roce 1582 v Královci. Strykowskiho kronika, napsaná srozumitel-

³⁰ H. ROTHE, *Sounds and Words: Reflections on Reading Skaryna*, The Journal of Byelorussian Studies 6, London 1988, s. 27-28.

³¹ А. П. ЛАПІНСКЕНЕ, А. І. МАЛЬДЗІС, *Перазовы сяброўскіх галасоў: Беларуская-літоўскае ўзаемадзяянне ад старажытнасці да нашага часу*, Мінск 1988, s. 29-36.

nou polštinou, si okamžitě získala ohromnou popularitu a udržela si ji až do konce 18. století. Po celou tu dobu byla základním historiografickým dílem pojednávajícím o dějinách Litvy a Rusi.

Strykowski ve své práci obsáhle píše o dějinách „slavného ruského národa“, což ocenili jeho „ruští“ čtenáři (překlad Strykowského spisu do běloruštiny vznikl ještě v 16. století). Četba Długosze a dalších polských kronikářů mu umožnila sepsat dějiny Rusi, jež byly nezávislé na *Kronice velkoknížectví litevského a žmuďského* a opravily mnoho jejích výmyslů. Ačkoli Strykowski věřil bez výhrad v římský původ Litevců, zevrubně zachycuje počáteční vazalskou závislost litevských etnik na Rusech, a vypočítává mnohá vítězství ruských vojsk nad litevskými; zdůrazňuje kulturní převahu Rusi nad Litvou.³²

Starou „Rus“ pro Strykowského pohřichu představoval pouze kyjevský stát. Tím, že prvního známého vládcu Polocka, Rahvoloda, učinil vládcem Pskova, cele odstranil z dějin běloruských zemí polockou státnost.³³

Polock se v Strykowského díle objevuje teprve jako hrad, který získal od knížete Vladimíra jeho syn Izjaslav. Polocká linie „Rahvolodových vnuků“ se u něj vůbec neobjevuje. Do své práce však začlenil motiv střetu kyjevských Jaroslavovičů s Vseslavem Polockým, kterého však nazývá bratrem kyjevských knížat. Vypráví o tom, jak se Boleslav Smělý vložil do tohoto konfliktu, o útěku Vseslava do Polocka a o obsazení tohoto města Izjaslavem, jemuž v době, kdy Vseslav utekl k Varjagům, pomáhali Poláci.³⁴

Dějiny běloruských zemí 13. století zachycuje ve shodě s *Kronikou velkoknížectví litevského a žmuďského*, i když s vlastní historickou a literární invencí. Vpád Tatarů, vedených Bátuem, chybně datuje mezi léta 1212-1216. O rok později měl podle něj Montvil Gimbutovič vyslat vojsko pod vedením svého syna Erdivila na ruskou stranu řeky Viliže. Další dějiny Novhorodku a Polocka Strykowski líčí ve shodě s *Kronikou velkoknížectví litevského a žmuďského*, pouze je poněkud přibarvuje.

³² I. A. МАРЗАЛЮК, *Людзі даўнай Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X-XVIII стст)*, Магілёў 2003, s. 182.

³³ M. STRYKOWSKIEGO, *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszytkiej Rusi, Warszawa 1846*, tom I, s. 124.

³⁴ M. STRYKOWSKIEGO, *Kronika polska*, s. 163-165.

Strykowski pojal dějiny Velkoknížectví Litevského, ruského a žmuďského v souladu se svými historickými znalostmi. Fragment o Rahvolodovi a Rahnědě jako o členech pskovské dynastie přepsal téměř doslovně se spisu Zikmunda z Herbersteinu *Rerum moscoviticarum commentarii*.³⁵ Opisy různých redakcí *Kroniky velkoknížectví litevského a žmuďského* považoval s ohledem na jejich jazyk za letopisy ruské. O to více jim tedy důvěřoval a mluvil o podřízenosti běloruských zemí Litevcům. Strykowski v co největší možné míře opravoval výmysly *Kroniky*. Ve svém díle dokázal, že se legendární polocká kněžna Paraskeva nemohla stát katolickou světicí Praxedis, jež byla rodilou Římkou.³⁶ Pouze když píše, že na vlastní oči viděl na jednom z tzv. Borisových kamenů v řece Dvině nápis se jménem „Borise, syna Gynvilova“,³⁷ lhal, jako když tiskne, protože na všech Borisových kamenech figurovalo pouze jméno Borise Vseslavoviče. Jak pomnutí téměř celé předlitevské historie běloruských zemí, tak především celkově zcela chybné líčení dějin Polocka uštedřilo ruskému historickému povědomí ve Velkoknížectví Litevském přímo zdrcující ránu – nejpopulárnější historické dílo této doby zbavovalo místní „Rusy“ (Rutheni) jediné možné nelitevské historické tradice a spolu s tím i jediné možné státní. (V této souvislosti bych chtěl poznamenat, že mi jde výlučně o možnost konstrukce takové tradice ve shodě s duchem doby a nikoli o faktický status historického polockého knížectví, který představuje zcela svébytný problém).

Na přelomu 15. a 16. století se mezi Polockem a Mohylevem vytvořila oblast nazývaná „Bílá Rus“,³⁸ jejíž území v tomto rozsahu patrně nikdy nespadlo do polockého knížectví. Ani v 16. století, ani ve dvou následujících stoletích na běloruském území nevznikl žádný historický text, jenž by jeho dějiny vnímal očima Bělorusů, odpovídal by potřebám doby a vyvrátil by litevské výmysly.

³⁵ Стр. С. ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии*, Пер. с нем. А. И. МАЛЕНИНА и А. В. НАЗАРЕНКО. Вступительная статья А. Л. ХОРОШКЕВИЧ. Под ред. В. Л. ЯНИНА, Москва 1988, с. 62-63. Pskov (starorusky Плесков) je zde zameněn s Polockem v původu podobnosti názvů.

³⁶ Tamtéž, s. 242-243.

³⁷ Tamtéž, s. 241-242.

³⁸ А. БЕЛЫ, *Хроніка Беларускай Русі. Chronicon Russiae Albae. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы*, Мінск 2000, s. 20, 151-161.

Održení od místní historické tradice však neznamená, že by „Rusové“ z velkoknížectví přijali za vlastní verzi jeho dějin stvořenou Litevci a všeobecně prosazenou Stryjkowským. Zbaveni vlastní, místní historie, odvolávali se na staré dějiny Kyjeva, jehož počátek spojovali s knížaty druckými, která s největší pravděpodobností byla příbuznými polockých Rahvolodovičů v linii Borise Vseslaviče³⁹ a která byla podle *Kroniky litevské a žmudské* pokládána, jistě bez jejich souhlasu, za potomky domnělého kyjevského knížete Dmitrije. Pozdější, ze 17. století pocházející rodokmen je považuje za bezprostřední potomky Vladimíra Velikého, jenž je zde nazýván „Vladimírem Druckým, vládcem Černé a Bílé Rusi a knížectví kyjevského“.⁴⁰

Na počátku 17. století se v souvislosti se zformováním místní měšťanské vzdělanecké elity v jejích literárních dílech objevilo hned několik historických linií. Podle Ihara Marzaluka „historická fakta svědčí o tom, že ruský pravoslavný lid považoval v 16. a 17. století Velkoknížectví Litevské za <svůj> stát. Jak vyplývá z narativních pramenů, Velkoknížectví Litevské bylo traktováno pouze jako <nynější vlast>, která z důvodu různých okolností nahradila <starodávnou vlast>, <Kyjevskou Rus>“.⁴¹ Objevuje se však po uzavření lublinské unie nějaký specifický ruský patriotismus Velkoknížectví litevského? Zdá se, že je spíše možné mluvit o patriotismu Rzeczypospolité. Zcela jistě se však v narativních pramenech, které vznikly na území Bílé Rusi v 16. a 17. století, na něž se odvolává Marzaluk, neprojevuje žádný patriotismus litevský, nýbrž výlučně patriotismus ruský, v závislosti na dobově podmíněných prohlášeních věrnosti polskému králi či moskevskému carovi.

V politických aktivitách Konstantina Václava Poklonského, který se v roce 1654 postavil na stranu moskevského cara a mohylevské měšťany přesvědčil, aby udělali totéž, je již možné spatřovat výrazné oddělení běloruského a ukrajinského zájmu o stát.

³⁹ В. Л. НАСЕВИЧ, (Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV-XVI стст.), in: Старонкі гісторыі Беларусі, Мінск 1992, s. 83. Moskevská větve druckých knížat byla považována potomky pramenu nedoloženého Romana, bájeného syna jednoho z volyňských knížat, Alexandra Vsevolodoviče Bělského, tamtéž, s. 84.

⁴⁰ І. А. МАРЗАЛЮК, *Людзі даўнай Беларусі*, s. 194.

⁴¹ Tamtéž, s. 188.

Poklonský jako vůdce „běloruského pluku“, který sám vytvořil, se postavil proti nárokům Bohdana Chmelnického na běloruské země a psal carovi Alexeji Michajlovičovi, aby donutil hetmana Zolotarenka, aby «не вступал в уряд Могилевский и Чауский, уже бо то не украинские, но вашей царской милости подданные».⁴² Je ale otázka, zda se Poklonský při svých politických snahách řídil historickým povědomím odlišným od povědomí ukrajinského. V Poklonského literární pozůstalosti na to bohužel neexistuje odpověď. Můžeme pouze tvrdit, že četba běloruských kronik z konce 17. a z 18. století takovouto možnost připouští.

Mohylevská *Kronika Surty a Trubnického*, jejíž první část napsal v roce 1693 Trofim Surta, začíná líčením dějin založení Kyjeva v roce 430. Návrší, na němž Kyjev vznikl, měl dle jeho soudu kdysi navštívit, posvětit a vztyčit na něm kříž apoštol Ondřej. Na cestě proti proudu řeky Dněpru měl apoštol Ondřej rovněž posvětit návrší, na němž byl později založen Mohylev. Další historická zpráva se vztahuje k založení města „polským králem“ Zikmundem Starým v roce 1526.⁴³ Trubnický o Poklonském píše pouze tolik, že povraždil mohylevské Židy a pobral jejich majetek.⁴⁴

Na obecně ruskou tradici se odvolávají rovněž v 18. století polsky napsané *Dějiny města Vitebska*, které však z polockých knížat uvádějí pouze svatou Eufrosynu.⁴⁵

Svatou Eufrosynu Polockou učinil patronkou ochraňující Bělorusko největší běloruský básník své doby, Simeon Polocký, v básni *Апрель 27. Взятто образ Насвентицэй Богородицы з Полоцка до Москвы*. Básník si zoufá nad odvezením ikony Matky Boží z Polocka do Moskvy v roce 1663 a obrací se k svaté Eufrosyně s prosbou o přimluvu u Boha: «о Мати, прыпади за нами / Господу Богу твоими рабами, / Да возвратил бы нам икону святую, / Просветил землю Белоросыйскую»⁴⁶ Do konce 18. století bude postava svaté Eufrosyny Polocké jediným poutem, spojujícím Bělorusy s jejich nestaršími dějinami.

⁴² АЮЗР, том 14, С.-Петербург 1889, s. 293-294.

⁴³ ПСРЛ, том 35, s. 239.

⁴⁴ Тамtéž, s. 242.

⁴⁵ ПСРЛ, том 32, s. 193.

⁴⁶ С. ПОЛОЦКИЙ, *вирши*, Составление, подготовка текстов, вступительная статья В. К. БЫЛИНИНА, Л. У. ЗВОНАРЕВОЙ, Минск 1990, s. 62-64.

Nové období v běloruské historiografii otevřelo první dělení zemí Rzeczypospolité v roce 1772, v jehož důsledku Rusko obsadilo země Velkoknížectví Litevského až po Dvinu a dněperskou Berezinu. Obsazené oblasti byly nazvány „Bělorussija“. Tzv. běloruské gubernie byly poprvé v dějinách administrativní jednotkou státu s tímto názvem. „Bílá Rus“ před dělením Polska existovala pouze v hovorové terminologii a měla mnohem menší teritoriální rozsah, protože nezahrnovala oblasti na jih od Mohyleva.

Rusové stejně jako Poláci v tomto období obrátili pozornost k dějinám polockého knížectví. V tom, že si připomínali polocký stát, se bezpochyby řídili svými národními zájmy. Bez jeho historiografie by však byl přechod od dějin Velkoknížectví Litevského k dějinám Běloruska zhoľa nemožný. Utváření historiografie Běloruska v době po dělení Polska věnoval rozsáhlou stať Dmitrij Karev.⁴⁷ Já se v této části své studie pokusím pouze o určení toho, jakým způsobem si v ní našla své místo polocká kapitola.

V době dělení Polska měla ruská historiografie již k dispozici první svazky fundamentálního díla Vasilije Tatiščeva *История Российской*, jejichž první díl vyšel v roce 1768. Tatiščev ve své práci dějiny polockého knížectví popsal neobyčejně důkladně. Není dokonce vyloučeno, že měl k dispozici nějaký nedochovaný polocký letopis.

Jako první se na nejstarší dějiny Polocka z polských historiků odvolal Adam Naruszewicz ve svých *Dějínách národa polského*, z nichž jako první vyšel druhý díl v roce 1780, který pojednával o dějinách Polska od Měška I. do přijetí Jagella za polského krále. Naruszewicz, který pocházel z okolí Pinsku, pod pojmem polský národ chápal všechny obyvatele Rzeczypospolité. Z tohoto důvodu se v jeho práci objevuje odstavec o nejstarších dějinách Polocka. Podle jeho soudu „před Vladimírem Velikým měli slovanští Poločané, kteří neměli nic společného s „Rusy“ (Ruthe- ni), svá vlastní knížata. To dosvědčuje polocký kníže Rahvolod, kterého Vladimír zabil a společně s jeho dcerou ovládl Polock.“⁴⁸

⁴⁷ Д. КАРЕВ, *Белоруская историография конца XVIII – нач. XX веков (Политика царизма и формирование исторической науки Беларуси)*, Наш радавод, Гродна 1993, s. 235-393.

⁴⁸ A. NARUSZEWICZ, *Historia narodu polskiego, od początku chrześcijaństwa*, Warszawa 1803, tom II, s. 34.

Poté v krátkosti vyjmenovává polocká knížata do Vseslava a jeho synů. Názor, že polocké knížectví nebylo součástí ruského státu, později přijal a podtrhl Joachim Lelewel.⁴⁹ Stejného názoru byl i ruský historik Nikolaj Karamzin, který to ale vyjádřil mnohem ostřejším způsobem, když prohlásil, že polocká knížata «издана отделились, так сказать, от России, желая быть Владетелями независимыми».⁵⁰

V situaci, kdy již nebylo možné psát o dějinách Běloruska bez Rahvoloda, podnikl Ignacy Żegota Onacewicz zoufalý pokus včlenit ho do dějin Litvy. Vycházejí z legendy o pruském původu Rurika spojil jeho rod se Žmudí. Zároveň pak tvrdil, že „Rahvolodoviči vládnoucí v Polocku po více než sto let jsou v litevštině zvaní Rykvaldové“.⁵¹ Onacewiczova hypotéza ale již neměla žádnou šanci na širší přijetí.

Velkou událostí v dějinách historiografie Běloruska bylo v roce 1800 vydání *Slova o pluku Igorově*. Pro dějiny Běloruska nazírané jako konstrukt není vůbec důležité, zda je *Slovo o pluku Igorově* falzem (podle mého názoru tomu tak je) či naopak velkým dílem středověké literatury. *Slovo o pluku Igorově* dalo běloruským dějinám jejich největšího hrdinu, Vseslava Čaroděje. Vseslav Polocký se do té doby pohyboval na okraji historických děl napsaných v Bělorusku. Pokud by bylo nedošlo k tomu, že se na stránky polských kronik dostal jako protivník Boleslava Smělého, nepochybně by se o něm nemluvilo vůbec.

Slovo o pluku Igorově vyvolalo obdiv i úctu běloruského literáta Vladislava Syrokomly. Ve své historické skice nazvané *Minsk*, vydané v roce 1857, Syrokomla vypráví podle Karamzina příběh Rahvoloda, Rahnědy, Izjaslava, Brjačislava a nakonec i Vseslava. Karamzina, který se domníval, že bitva mezi Vseslavem s Jaroslaviči proběhla u Němenu, opravuje tím, že ji lokalizuje k řece Němize protékající Minskem. *Slovo o pluku Igorově* přitom nazývá starodávnou běloruskou písní a ujišťuje své čtenáře, že Baján byl obyvatelem Minsku. Proto má být Minsku přiznáno prvenství pře-

⁴⁹ J. LELEWEL, *Historischer Atlas von Polen*, Leipzig 1847.

⁵⁰ Н. М. КАРАМЗИН, *История государства Российского*, том II-III, Москва 1991, том II, глава VIII, s. 106.

⁵¹ Институт русской литературы „Пушкинский дом“, Дрхр, Кол. Онаевича, Б. О, 2.

de všemi slovanskými městy.⁵² Počátky litevské vlády líčí na základě jím přepracovaných legendárních vyprávění – podle jeho názoru byl prvním litevským vládcem Minsku Mingajl.⁵³

Rovněž v roce 1857 vyšlo první dílo věnované výlučně dějinám Běloruska, *Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен*, jehož autorem je Osip Turczynowicz. Podle Turczynowicze je „pravým Běloruskem“ oblast mezi Dvinou, Dněprem a Prutem. Dějiny Běloruska však psal jako dějiny běloruských gubernií – vitebské a mohylevské. Obsáhle popsal nejstarší dějiny Polocka a opravil Karamzinovy názory o snahách polockých knížat o nezávislost.⁵⁴ Dějiny Polocka však rovněž začíná Mingajlem a opakuje celou legendu.

Етапа конструování dějin Běloruska končí anonymní skicou napsanou v západopoleském dialektu *Кто были наши найдавнішы діды і якая ихь була доля да уніі?*, umístěnou ve školní čítance, jež byla vydána ve Vilně na počátku roku 1863 a nesla název *Разказы на белорусскомь наречіи*.⁵⁵

Její autor nazývá rodnou zemi Биляя Русь. Národ, který od nejstarších dob obýval tuto zemi, se nejdříve nazýval Kryviči. Předky obyvatel Bílé Rusi byli konkrétně poloctí Kryviči, kteří podle jeho názoru ovládali gubernii vitebskou a mohylevskou, částečně gubernii pskovskou a smolenskou a velkou část gubernie minské s Mozyrem, Pinskem i Turovem, částečně pak i gubernii vilenskou a velkou část gubernie grodenské s Volkovyjskem a Brestem. V podstatě se tedy jedná o hranice nynějšího Běloruska.

Běloruský národ měl podle názoru tohoto autora do doby, kdy Vladimír přemohl a zabil polockého knížete a vzal si jeho dceru za ženu, vlastní polocký stát i vlastní dynastii. Bílá Rus pro něj v žádném případě nebyla součástí Kyjevské Rusi, protože «охрестивши свою Кыевськую Русь, князь Владыміръ почавъ наворачиваты зь поганства до Православнэі виры і Білоруській народ».

⁵² У. СЫРАКОМЛЯ, *Добрыя весці. Паэзія, проза, крытыка*, Укладанне і каментарыі У. МАРХЕЛЯ і К. ЦВІРКІ. Прадмова У. ЦВІРКІ, Мінск 1993, s. 243-348.

⁵³ Тамtéž, s. 352.

⁵⁴ О. ТУРЧИНОВИЧ, *Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен*, Спб 1857, s. VI-VII, 38.

⁵⁵ *Разказы на белорусскомь наречіи*, Вильно 1863, s. 1-13.

Staré Litevce tento anonym zobrazuje jako úplně barbary. Litevsko-běloruské vztahy však líčí jako rovnocenné – nejdříve byli Litevci podřízeni Bělorusům a poté Bělorusové Litevcům. Po dobytí Bílé Rusi Litevci přijali pravoslaví. Tato symbióza začala být narušována od okamžiku, kdy se litevsko-běloruský stát spojil s polským královstvím, i když i nadále zde platilo litevské právo a běloruština byla užívána jako úřední jazyk. Tato anonymní práce nenese žádné znaky tzv. „západoruskosti“, protože je napsána z pravoslavně běloruského a nikoli z moskevského hlediska. Pouze jednou, když autor vzpomíná, že polští králové bojovali s ruskými cary a že každý jejich střet musel nevyhnutelně skončit zpusťšením Litvy a Bílé Rusi, se v ní objevuje zmínka o moskevském státu.

Autor této dějinné skici byl bezpochyby vychován polskou historickou literaturou, i když dějiny Běloruska promýšlel osobitým způsobem. Tím, že Kryviče ztotožnil s Bělorusy, polocký stát s Bílou Rusí, nezávislou na Kyjevské Rusi, a Velkoknížectví Litevské chápal jako litevsko-běloruský stát, stal se tvůrcem běloruské národní historiografie. Je ale poněkud paradoxní, že základy kryvičsko-polockého mýtu dějin Běloruska položil Adam Naruszewicz, pocházející ze západního Polesí, a dokončil ho autor píšící v západopoleském dialektu. Bohužel nevíme, kdo byl prvním běloruským národním historikem. Koncepce celé čítanky ale svědčí o tom, že byla závislá na požadavcích, které v souvislosti s výukou domácích dějin a dialektů ještě v roce 1834 předložil grodenský pedagog Ignác Kulakovský. Ten však tuto historickou skicu napsat nemohl, protože v jeho rodném městě bylo užíváno jiného nářečí, než jakým byl sepsán onen anonymní spis.⁵⁶

Podle mého mínění lze prohlásit, že proces dekonstrukce předlitevských dějin běloruských zemí trval velmi dlouho. Zpřetrhání vazeb s místní historickou tradicí na konci 16. století byla pouze poslední fáze dlouhodobého procesu. Nejvýznamnější část běloruských zemí se dostala do politické sféry Velkoknížectví Litevského v polovině 13. století. Tomu odpovídala skutečnost, že rovněž proces ztráty vlastních státních tradic začal velmi brzy.

⁵⁶ Стр. А. ЛАТЫШОНАК, *Гутарка „царкоўнага старасты Янкі“ з „Яськам гаспадаром з-пад Вільні“*, Дзеяслоў 9, 2004, s. 196-202.

Možná již tehdy se skončilo s psaním letopisů, protože všechny zmínky v litevských kronikách a v Tatiščevově práci, jež mohou hypoteticky pocházet z polockých letopisů, se týkají výhradně předlitévského období. Kdyby se na konci 14. století polockému knížeti Andreji Olgerdovičovi podařilo zachránit jím proklamovanou nezávislost „Ruského království“, zcela nepochybně by mu v dobré víře byl přisouzen původ z polockých knížat. K témuž by pravděpodobně bylo došlo i v případě jeho nevlastního bratra Švidrigajla, jenž byl v Polocku vyzdvižen na trůn velkoknížectví ruského. Historii však píše vítězové. Vědomé odsouvání polockých tradic stranou je patrné již v *Letopisu roku 1446*. Oficiální verze dějin Velkoknížectví Litevského, zformulovaná na počátku 16. století prostřednictvím *Kroniky velkoknížectví litevského a žmudského*, se stala závaznou až do doby rozdělení Rzeczypospolité. Ruští obyvatelé Velkoknížectví Litevského se odvolávali pouze na nejstarší dějiny Kyjevské Rusi, personifikované knížetem Vladimírem. Tento způsob nazírání vlastní minulosti rovněž pronikal do běloruského folkloru, v němž se objevuje postava „Vladimíra Vitoldoviče“ (Баладзімер Вітаўцэвіч).⁵⁷

Vzhledem k výše uvedeným faktům můžeme tvrdit, že v době před dělením Polska neexistovala běloruská historiografie, nýbrž pouze dvě zvláštní a nekontinuální historiografie: „staroruská“ („kyjevská“) a litevská. Z toho jasně plyne, že po dobu, kdy existovalo Velkoknížectví Litevské, nebylo možné sepsat dějiny Běloruska. Ve feudálním státě, v němž občanská práva příslušela pouze šlechtě, která se považovala za Litevce, neexistovala žádná společenská síla, jež by byla s to vytvořit jinou než litevskou verzi vlastních dějin. Proces rekonstrukce dějin běloruských zemí začal teprve po prvním dělení Polska a týkal se jen dvou generací. V třetí generaci byl vytvořen národně státní, kryvičsko-polocký zakladatelský mýtus.

От истории Великого княжества Литовского к истории Беларуси

доктор Олег Латышонок (Белостоцкий Университет, Белосток)

В данном исследовании анализируется многовековой процесс деконструкции и последующей реконструкции истории белорусских земель, и прежде всего Полоцкого княжества, завершённый впоследствии созданием истории нового края под названием Беларусь.

Процесс деконструкции долитовской истории белорусских земель был очень продолжительным. Важнейшие белорусские земли в середине XIII в. находились в сфере политического влияния Великого княжества Литовского, что привело к тому, что процесс утраты собственных государственных традиций начался очень рано. Возможно, что уже тогда прекратилось написание летописей, поскольку все упоминания в литовских хрониках и в «Истории государства Российского» В. Татищева, которые гипотетически могут брать свое начало в полоцких летописях, касаются долитовского периода.

Сознательное подавление полоцкой традиции четко прослеживается уже в Смоленской летописи 1446 г. Упоминания о Рогволоде и Рогнеде попали в летопись исключительно в контексте сведений о военном и политическом конфликте между сыновьями киевского князя Владимира. Поскольку в летопись была занесена информация о разделе княжества между сыновьями Владимира Святославовича, то сюда же попало упоминание о том, что полоцкий престол занял Изяслав Владимирович. Среди сведений, относящихся к XI в. и избранных для летописи, отсутствуют сведения о деяниях самого крупного полоцкого правителя того времени – Всеслава Брючиславовича, что, несомненно, было связано с негативным отношением автора летописи к Свидригайло, правившего в Полоцке, а впоследствии перешедшего на сторону московского великого князя. Определенное влияние на такое отношение могла оказывать и местная смоленская традиция, поскольку Смоленск, история которого плотно переплетается с киевской традицией, ранее являлся соперником Полоцка.

Литовская версия истории Великого княжества Литовского возникла в начале XVI в. благодаря «Летописи Великого княжества Литовского и Жмудского». Легендарная история Литвы в ней начинается с приходом в Жмудь римского князя Полемона и его соратников. Пробразом Полемона послужил родственник императора Нерона Полемон II, понтийский, босфорский и киликийский король. При создании образа Полемона автор легенды совместил две теории происхождения литовцев: теорию римского происхождения Длугоша и босфорскую теорию Каллимаха. После татарского нашествия потомок Полемона Скирмунт должен был создать Великое княжество Новгородское, к которому его сын Мингайл присоединил Полоцк, не имев-

⁵⁷ I. A. МАРЗАЛЮК, *Людзі даўнай Беларусі*, s.199

ший в то время князя. Впоследствии Полоцком правили несколько поколений его потомков. Принятие герба «Погоня», изображение которого находится на печатях полоцкого князя Наримонта-Глеба Гедиминовича, приписывается легендарному великому князю литовскому Наримонту. Фальсифицируя историю полоцкой земли, редакторы «Летописи» располагали некоей хроникой ипатьевского или даже полоцкого типа. «Летопись» в ее сохранившемся виде была написана по инициативе Олбрахта Гаштольда, т.к. история Великого княжества Литовского в мельчайших подробностях описывает его карьеру старосты и новгородского воеводы, старосты бельского и мозырского, воеводы полоцкого, старосты борисовского и уцианского, владельца Траб, Гольшан и Койданова. Таким образом, литовская легенда не являлась реакцией на усиление русского влияния среди правящей элиты Великого княжества Литовского, т.к. не было создано ни одного русского текста, представляющего собой русскую версию истории Великого княжества. Точно так же не существует никакой непосредственной взаимосвязи между «Летописью» и московской историографией того времени.

Тем не менее в московском государстве сохранялась память об истории Полоцкого княжества, поскольку московские князья считали полоцкие земли своим владением. Московские летописцы, в свою очередь, также создали две легенды о происхождении великих литовских князей. Согласно одной из них, Гедимин был челядином смоленского «подкнязя» Витенеса, а по другой – литовские князья происходили от князей полоцких. Если легенда о Витенесе и Гедимине могла возникнуть на смоленских землях, то мы не располагаем никакими свидетельствами того, что другая легенда возникла в Полоцке. Возникновение обеих легенд могло быть вызвано внутренними спорами по поводу статуса московских Гедиминовичей. Эти легенды также часто использовались для обоснования московских претензий на русские земли Великого княжества Литовского.

Литовскую версию истории белорусских земель популяризировал Матей Стрийковский. По стопам Сигизмунда Герберштейна Стрийковский вытеснил из этой истории Рогволода и Рогнеду, которых считал представителями псковской династии. Из польских летописей в белорусскую историю он перенес Всеслава Полоцкого, несмотря на то, что считал его одним из киевских князей того времени. Так Стрийковский поневоле похоронил традицию Полоцкого государства.

Эта повсеместно распространенная, благодаря Стрийковскому, версия сохранила доминирующее положение вплоть до деления Речи Посполитой. В этот период не возникло ни одного текста, который бы отражал историю белорусских земель с точки зрения ее жителей. Русские представители Великого княжества Литовского ссылались, прежде всего, на самую древнюю историю Киевской Руси, которую

олицетворял князь Владимир. Из этого становится очевидным, что до тех пор пока существовало Великое княжество Литовское, было невозможно написать историю Беларуси. В феодальном государстве, в котором гражданскими правами обладала только знать, считающая себя литовской, не существовало общественной силы, которая бы могла создать собственную версию истории, отличающуюся от литовской.

Обращение к истории полоцких земель после первого деления Польши имело очевидный политический контекст. К этому времени русская историография уже располагала первым томом монументального сочинения Татищева, в котором он подробно описал возникновение Полоцкого княжества. Если российской стороне не требовалось акцентировать традиции Полоцкого государства, то для польской стороны эти традиции служили в качестве веского аргумента для отклонения русских прав на эти земли. Одним из первых этот аргумент использовал Адам Нарушевич в своей «Истории польского народа». Несколько осторожнее эту мысль сформулировал и Николай Карамзин, усматривающий в поступках полоцких князей определенный «сепаратизм».

Предметом гордости белорусов за собственную историю стало «Слово о полку Игореве», давшее средневековой истории Беларуси ее самого значительного героя – Всеслава Чародея. В середине 50-х лет XIX в. Владислав Сырокомля, опираясь на Карамзина, считал «Слово о полку Игореве» белорусским произведением. В то же самое время возникла и первая история Беларуси, написанная на русском языке Осипом Турчиновичем.

Этап конструирования истории Беларуси завершается анонимным произведением на западно-полесском диалекте «Кто булы наши найдавнішы диды і якая іхь була доля да уніі?», которое было включено в изданную в начале 1863 г. в Вильно школьную книгу для чтения «Разказы на беларускомь наречіи». Воспитанный на польской исторической литературе, автор по-своему обработал белорусскую историю. Кривичей он отождествил с белорусами, а Полоцкое государство – с Белой Русью, отличавшейся от Руси Киевской и приблизительно совпадающей по своим границам с границами Беларуси того времени. Одновременно автор рассматривал Великое княжество Литовское в качестве белорусско-литовского государства. Так он создал белорусскую национальную историографию. Парадоксально, но основы кривичко-полоцкого мифа о белорусской истории заложил уроженец Западного Полесья Адам Нарушевич, а конструкцию этой истории впоследствии завершил анонимный автор, пишущий на западно-полесском диалекте.

Процесс деконструкции долитовской истории продолжался целые столетия, а их реконструкция, начатая после деления Польши, заняла всего два поколения. В третьем поколении был сконструирован

миф о создании национального государства. Поляки, которые так же, как и русские, после первого раздела начали Речи Посполитой возвращаться к традиции Полоцкого государства, руководствовались, несомненно, собственными национальными интересами, без которых однако историография так и не смогла бы перейти от истории Велкого княжества Литовского к истории Беларуси.

Борьба за прошлое Беларуси и проблема национального сознания белорусов

*кандидат исторических наук Генадь Саганович
(Европейский гуманитарный университет, Минск/
Вильнюс)*

Формирование собственно белорусской исторической мысли, ее национального видения прошлого, как и национальной идеи, сильно осложнялось ситуацией цивилизационного пограничья и острым противостоянием польской и российской историографий. Влияние двух конфронтующих центров, усиливаясь то с одной, то с другой стороны, столетиями определяло интеллектуальную жизнь края. Их решительное столкновение за прошлое, а значит, и за идентичность населения *Kresów Wschodnich / Западного края*, было спровоцировано польским антирусским восстанием 1830-1831 гг. То, что произошло после подавления восстания, исследователи называют разрывом старой историографической традиции – с этого времени изучение края проводилось как бы в сдвинутом, российско-православном ракурсе.¹

После восстания, боясь пробуждения западных окраин, Санкт-Петербург стремился укрепить российскую идентичность в многонациональном населении империи. Важнейший инструмент утверждения единой российской народности министр народного просвещения С. С. Уваров видел в истории и ее преподавании. В качестве идеологического основания нового видения прошлого России им была предложена известная формула «православие – самодержавие – народность». Специальный конкурс новых учебников по истории в 1837 г. выиграла книга Н. Г. Устрялова, которому удалось представить «православие, самодержавие и народность» в качестве

¹ В. УЛЬЯНОВСЬКИЙ, *Русское дело в Северо-Западном крае» через призму истории магнатських архівів Сянег та Радзивілів*, Київ 1998, с.20

основополагающих факторов русской истории – т.е. так, как того и требовала официальная доктрина.²

За что же получил высокую оценку учебник Н. Г. Устрялова? За «непреложный ряд фактов» в доказательство того, «что Западная Русь, в особенности Литва, составляла часть русского государства».³ Автор так написал о Литве, что даже литовские князья представлялись по сути как «русские», а «основанная Гедимином держава под именем Великого княжества Литовского была чисто русская».⁴ ВКЛ само шло к объединению с Россией, ибо основанная на православии «русскость» Западной Руси, как исконных земель России, подобно имманентному свойству, неистребима. Присоединение Литвы к Польше в 1385 г. помешало этому, но Польша была обречена – ее губили разногласия, внутренняя анархия. Претензиями на Западную Русь она подготовила себе гибель. А задача воссоединения русского народа являлась категорическим императивом российских самодержцев в их внешней политике, пока в конце XVIII в. не восторжествовала справедливость. Вот вкратце взгляды Н. Устрялова на Северо-Западный край, решающие проблему его истории.

Следует отметить, что хотя Н. Г. Устрялов специализировался на истории ВКЛ и Западной России, на защите его магистерской диссертации в Санкт-Петербурге бывший виленский профессор И. Онацевич показал не только полное невежество, но и примеры непозволительного извращения фактов этим историком.⁵ Тем не менее это не поколебало авторитет Н. Г. Устрялова как знатока Северо-Западного края в официальных российских кругах.

Обратим внимание на то, как много в объяснении истории края в российских концепциях определялось антипольскими

² Подробнее см.: Т. А. ВОЛОДИНА, *Уваровская триада и учебники по русской истории*, in: Вопросы истории, №2, 2004, с.117-128

³ С. С. УВАРОВ, *Десятилетие Министерства народного просвещения: 1833–1843*, Санкт-Петербург 1864, с.142

⁴ Н. УСТРЯЛОВ, *Русская история, часть 1: Древняя история*, изд. 3, Санкт-Петербург 1845, с.166

⁵ Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВ, *Воспоминания*, Москва 1958, с. 212-213; Володина Т. А., *Уваровская триада и учебники по русской истории*, с.127

постулатами. Спасительному для русской истории самодержавию противопоставляется губительная польская анархия. Даже для авторитетнейшего российского историка либеральный взглядов М.П.Погодина польское государство было ослаблено именно «уродливым республиканско-избирательным правлением».⁶ Позже этот антипольский акцент еще больше усилится – будет говориться не только о «дурном общественном устройстве», но также о лживости и безнравственности католического духовенства, деморализационном воздействии поляков на край⁷ и т.д. Почему? Вероятнее всего потому, что Россия боялась подрывного влияния польской историографии на Западный край. Встревоженное ростом польского патриотизма, российское правительство вводило особый контроль за преподаванием истории в западных губерниях. Ужесточало цензуру, пересматривало учебники, учителей набирало из внутренних российских губерний. В докладных записках императору утверждалось, что именно «русская история должна быть одним из главнейших предметов в учебных заведениях Западного края».⁸

Однако представления об «исконной» российской этого края утверждались с трудом. Препятствовали этому не столько привлекательность романтических образов «старой Литвы», сколько потенциал польской исторической науки. В изучении Белоруссии и Литвы в первой половине XIX в. польская историография лидировала, что признавалось и российской стороной.⁹ В Вильно и после закрытия университета работали известные историки (И. Ярошевич, Т. Нарбут, Е. Тышкевич, А. Киркор и др.), развернувшие активную издательскую деятельность. Романтический интерес к народной истории взращивал местный патриотизм, в свое время охарактеризованный А. Пыпиным как «белорусский по любви к территориальной родине», но «польский» по сущности

⁶ Цит. по: Т. А. ВОЛОДИНА, *Уваровская триада и учебники по русской истории*, с.121

⁷ Виленский вестник, 12 июня, 1885; 1889, Приложение.

⁸ В. УЛЬЯНОВСКИЙ, *Русское дело в Северо-Западном крае*, с.37

⁹ А. Н. ПЫПИН, В. Д. СПАСОВИЧ, *История славянской литературы*, т. 1, Санкт-Петербург 1879, с.401-403

ти.¹⁰ Этот тип патриотизма, который определялся формулой *Gente Ruthenus / Lithuanus, natione Polonus*. Он позволял любить Беларусь и Литву как польскую провинцию и мечтать о возрождении исторической Польши. Для придания большей привлекательности истории своей родины некоторые из виленских историков (И. Онацевич, Т. Нарбут) практиковали даже подделку источников.¹¹

Восстание 1863-1864 гг. послужило толчком к дальнейшему обострению польско-русского противостояния и оформлению особого пророссийского течения общественной мысли в самой Беларуси. Позже в белорусской историографии оно было определено как «западнорусизм» и достаточно хорошо изучено.¹² К основным моментам концепции этого направления, оформленной его научным лидером белорусом М. О. Кояловичем, следует относить следующие принципы: **1)** историческое единство Западной России¹³ с Восточной, основанное на общей православной вере (отсюда гиперболизация роли православия); **2)** преимущественно «русский» характер ВКЛ (до Кревской унии 1385 г.); **3)** гибельность для Западной России всех форм соединения с Польшей; **4)** трактовка Брестской церковной унии как главного трагического события, обусловившего деградацию общества в XVII-XVIII вв.; **5)** «спасительность» для края присоединения его земель к России, т.е. разделов Речи Посполитой; **6)** благотворность распространения всякого русского влияния вместо польского.¹⁴

¹⁰ А. Н. ПЫПИН, *История русской этнографии*, Минск 2005, с.87

¹¹ Г. САГАНОВІЧ, *Дзеньнік Конрада Кібурга 1397 г.: вяртанне да фальшыўкі*, іп: Беларускі археаграфічны штогоднік, вып.5, Мінск 2004, с.102-109

¹² А. ЦЬВІКЕВІЧ, *Западно-русизм. Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст.*, 2-е выд., Минск 1993; М. В. БІЧ, «Заходнерусизм» і беларускі нацыянальны рух: гістарыяграфічны аспект, іп: Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу, ч.1, Мінск 1997; А. В. ЛИТВИНСКИЙ, *Западнорусизм в российской историографии второй половины XIX – начала XX в.*, Автореф. дисс. канд. ист.наук, Минск 2004; и др.

¹³ К Западной России он относит не только Беларусь и Украину, но и Литву, причем «в собственном племенном смысле» (Гл.: М. О. КОЯЛОВИЧ, *Лекции по истории Западной России*, Санкт-Петербург 1864, с.1-2)

¹⁴ А. В. ЛИТВИНСКИЙ, *Западнорусизм в российской историографии*, с. 4. Как концепция, так и методы этого историографического направления

Увлеченный московским славянофильством, Коялович объявлял православную религию и церковь «великими цивилизирующими началами»¹⁵, а Россию для Беларуси – «идеалом, в котором находится весь смысл, вся суть существования края»¹⁶. Он отрицал возможность существования белорусов вне России, в самостоятельном государстве, утверждая, что Беларусь «никогда не будет настолько сильной, чтобы ей пришлось в голову добиваться самостоятельности».¹⁷ Роль религиозного фактора в этой концепции настолько преувеличивалась, что наличие белорусов католического вероисповедания просто не признавалось. Под таким углом зрения у Кояловича освещается вся история его Западной России. В результате борьба социальных низов в XVI-XVII вв. сводится к защите православной веры «западнорусским народом» от давления католичества, к истории польской экспансии, осуществляемой в интересах католического костела.¹⁸

«С востока принесены Белоруссии великие блага, как разделы Польши и освобождение крепостных... А что пришло с Запада? Жиды, иезуиты, уния, пагуба народной интеллигенции, система батрачества, крепостное состояние, разрушение древней сельской общины».¹⁹ Таким образом, с Запада, из католической Польши, приходило только «плохое», а с Востока – только «хорошее»! Даже крепостничество, по неоднократным утверждениям Кояловича, принесла в Беларусь уния с Польшей²⁰, а с другой стороны, и в самой кровопролитной для Беларуси войне 1654-1667 г., развязанной мос-

лучше всего рассмотрены в современном диссертационном исследовании этого автора.

¹⁵ М. О. КОЯЛОВИЧ, *Лекции по истории Западной России*, с.119

¹⁶ М. О. КОЯЛОВИЧ, *Чтения по истории Западной России*, Санкт-Петербург 1884, с.10

¹⁷ Цит. по: А. ЦЬВІКЕВІЧ, «Западно-русизм». *Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст.*, с.194

¹⁸ Подробнее см.: Д. В. КАРЕВ, *Великое Княжество Литовское (XIV–XVI) в российской либеральной историографии конца XIX – начала XX вв.*, іп: Материалы I и II межреспубликанских научных конференций по историческому краеведению Белоруссии, іп: Наш Радавод, кн. II, Гродно 1990, с.149 и др.

¹⁹ М. О. КОЯЛОВИЧ, *Польское приглашение белорусского юношества к сепаратизму*, іп: Литовские епархиальные ведомости, №10, 1882, с.79

²⁰ М. О. КОЯЛОВИЧ, *Лекции по истории Западной России*, с.208

ковским государем, он видел события, отвечавшие «голосу народа», в которых «вся Западная Россия свергала с себя иго Польское и восстанавливала древнее государственное свое единение с Восточной Россией».²¹ Для него и принятая в Варшаве 3 мая 1791 г. конституция была плохой, потому что в ней «не было свободы веры, свободы крестьянства».²²

Крайняя тенденциозность подобных утверждений очевидна, но, похоже, самого автора это не беспокоило. Коялович признавался, что его руководством был принцип т.н. «русского субъективизма», позволявшего оценивать события и явления с точки зрения православия и «русского единства».²³

Если учесть, что не только для консервативной, но и для либеральной российской историографии того времени белорусы виделись частью русского народа, испорченного польским влиянием, а их будущее представлялось возможным только в единстве с Россией, то окажется, что нового в западнорусизме не так много. Уже для упоминавшегося М.Н. Погодина Западная Россия была «русской землей, заселенной русскими людьми, не имеющими никакой иной истории кроме русской».²⁴ Позиции западнорусизма очень близки взглядам Н. Г. Устрялова, с которым у М. Кояловича совпадает и территориальное определение Западной России, и много центральных постулатов.

После подавления восстания 1863-1864 гг. историки западнорусистской школы заняли ведущие позиции в изучении Северо-Западного края. Между тем с историей они обходились весьма прагматично, используя ее как инструмент для подкрепления своих конструкций. Главный представитель официозного направления западнорусизма К.Говорский в целях доказательства «исконного русского владычества» в Беларуси не гнушался исторических фальсификаций и публиковал сочиненные антипольские песни как «белорусские

²¹ М. О. КОЯЛОВИЧ, *Лекции*, с.303-305

²² М. О. КОЯЛОВИЧ, *Лекции*, с.354

²³ А. В. ЛИТВИНСКИЙ, *Западнорусизм в российской историографии*, с.10

²⁴ М. К. ПОГОДИН, *Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний (1831–1867)*, Москва 1867, с.279

народные».²⁵ Его «Вестник Западной России» с первого номера (1863) просил читателей собирать свидетельства того, что русские в крае – «исконные владыки», а поляки – или приходни, или ренегаты. Следы истории, противоречащие этому, надлежало стереть. Сам К. Говорский в 1865 г. принял участие в разгроме Виленского археологического музея, названного А. Столыпным «памятником чужеземного ярма».²⁶ Провинциальные периодические издания пропагандировали идеи западнорусизма с неменьшим усердием. К примеру, «Могилевские губернские ведомости» утверждали, что население Северо-Западного края «искони было русским и таковым считает себя и поныне», а если кто-то не считал себя русским – то это результат «происков поляков и ксендзов».²⁷ Все это полностью соответствовало политике главного обрусителя виленского генерал-губернатора графа М. Муравьева. Методы фальсификаций и подчинения истории политике, которые использовал этот кровавый усмиритель края, вызывали возмущение даже с российской стороны. Например, в ответ на его заявление о том, что русские православные люди составляют 5/6 населения Северо-Западного края, министр внутренних дел П. Валуев вынужден был признать: «Не только история, но и география, и статистика отстраняются как элементы неудобные».²⁸

«Неудобной» история Беларуси оказалась не только для властей, но и для государственных учреждений исторического профиля, создаваемых для изучения края. Так, руководители открытой в 1864 г. в Вильно археографической комиссии видели свою задачу в том, чтобы «доказывать фактически, что Западный край никогда не был счастлив под польским правительством», и «что только под русским правительством»

²⁵ См.: Н. ЯНЧУК, *О мнимо-народных белорусских песнях исторического и мифологического содержания*, Харьков 1908

²⁶ См.: А. ЦЬВІКЕВІЧ, «Западно-русизм». *Нарысы з гісторыі грамадзкай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст.*, с.63

²⁷ Цит. по: С. САМБУК, *Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в.*, Минск 1976, с.67–68

²⁸ Цит. по: М. Д. ДОЛБИЛОВ, *Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863-1865 гг. как объект историко-антропологического анализа*, in: *Actio Nova 2000*, Москва 2000, с. 390

твом Западный край забыл свои страдания, исцелил прежние раны и начал свое историко-политическое существование».²⁹ Не менее откровенно высказались сотрудники комиссии, которые признавались, что им необходимо было «установить правильный исторический взгляд на Северо-Западный край как на исконно русский», и для этого не пропускался ни один подходящий документ.³⁰ Таким образом, к историческим материалам археографы подходили строго избирательно, публикуя только те источники, которые утверждали «русское дело» в западных губерниях империи. Показательно, что одним из поводов увольнения главы археографической комиссии П.Безсонова послужило «несоответствие взглядов» – ученый копировал документы, которые не компрометировали католиков, а показывали их в позитивном свете.³¹ Именно с такой установкой в конце XIX – начале XX в. было собрано и издано большинство источников по истории Беларуси, которыми исследователи пользуются и поныне.

После крушения Российской империи западнорусизм как направление историографии исчез. Его упадок обеспечивали новые социально-политические условия явление: «единство» России являлось центральной идеей всего учения, а в СССР хотя бы формально, но признавались права наций на самоопределение. Основные положения западнорусизма опровергались и до революции некоторыми либеральными российскими историками (М. Довнар-Запольский, М. Любавский, И. Лаппо и др.), а развитие белорусской историографии в БССР, казалось, окончательно списало в архив эту реакционную систему взглядов. Однако при И. Сталине парадигма советской историографии несколько раз менялась, и после того, как в Москве в 1934 г. обозначился поворот к великорусскому патриотизму, устаревшее учение оказалось актуальным.

В советской Беларуси это почувствовалось в едином идеологическом стандарте интерпретации отечественной истории, который внедрялся в образование после Второй миро-

²⁹ Акты Виленской археографической комиссии, т. 1, Вильно 1865, с.23-24

³⁰ Н. Н. УЛАЩИК, *Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода*, Москва 1973, с.81

³¹ В. УЛЬЯНОВСЬКИЙ, *opus citum.*, с.44

вой войны. Для этой цели были специально изданы разработанные Институтом истории партии при ЦК КПБ «Тезисы об основных вопросах истории БССР».³² В этой программной брошюре можно узнать в несколько измененной формулировке многие идеи западнорусизма. В ней, например, «отрицание постоянного стремления белорусского народа к единству с русским народом» как и «лживое отрицание... общности исторических судеб русского, украинского и белорусского народов» относилось к «наиболее антинаучным и вредным концепциям». Если до разгрома школы М.Покровского и в Минске можно было критиковать политику России, то с этого времени всякие негативные высказывания в ее адрес считались ложными измышлениями. Завершающим компонентом советской исторической доктрины стала концепция древнерусской народности как общего предка русского, украинского и белорусского народов. В классическом виде она была сформулирована в разработанных партией «Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией»³³, обеспечивших этой концепции полную легитимацию и статус теории.

На основании тезисов 1948 и 1954 гг. в советское время создавались учебники и академические обобщающие издания по истории Беларуси, которые строго держались москвоцентризма и отображали не столько основы истории Беларуси, сколько «манифестации основных тенденций истории России».³⁴ При аксиоматичности тезиса о восточнославянском единстве главное внимание обращалось на борьбу с внешними врагами, на внутренние конфликты в ВКЛ – чужого для белорусов государства, и особенно на национально-религиозное угнетение белорусского народа польско-литовскими феодалами, из чего логически выводилось стремление белорусов к воссоединению с Россией. В этом смысле со-

³² *Тезисы об основных вопросах истории БССР. Часть 1. История белорусского народа до Великой Октябрьской революции*, in: Известия АН БССР, №3, Минск 1948

³³ *Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.)*, Москва 1954, с.5

³⁴ О. BACKUS, *The History of Belorussia in Recent Soviet Historiography*, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, NF., Bd. 9, 1961, с.79

ветская доктрина истории Беларуси восходила к великороссийской мифологии и местному западнорусизму, зато в ней отсутствовали важнейшие элементы концепции М. Кояловича – гиперболизация роли православия, грубый антиполонизм и «русскость» Великого княжества Литовского.

Когда после распада СССР в Минске впервые разработали национальную концепцию исторического образования, то учебники по белорусской истории в первой половине 1990-х годов стали выразительной антитезой как советских, так и российских интерпретаций прошлого Беларуси. Характерно, что их опровержение молодая белорусская историография связывала с экспонированием западных параметров истории и культуры своего края, благодаря чему и вектор ориентации менялся с Востока на Запад. Поэтому в отношении польской историографии она не занимала настолько конфронтационных позиций, как относительно российской. Великое княжество Литовское представлялось как «свое», подчеркивалась его европейскость и демократичность, заметно убывал антиполонизм, тогда как место и роль России в истории Беларуси, в том числе разделы Речи Посполитой, оценивались негативно.³⁵

«Прозападное» развитие историографии, как известно, имело слишком короткую историю. В 1995 г. президент А. Лукашенко взял под особый контроль сферу гуманитарного образования и науки, создав специальную государственную комиссию, которой надлежало заботиться о возвращении привычных советских стандартов интерпретации истории. Поводом послужили якобы протесты общественности против «очернения» России и советского прошлого. Неблагонадежные книги стали запрещаться, негодные события и даты – вычеркиваться из календаря, а историки – приравниваться к политикам.³⁶ Вместе с ресоветизацией в сфере историчес-

³⁵ См.: Г. САГАНОВІЧ, *Вобраз суседа ў беларускіх і ўкраінскіх падручніках на гісторыі (1990-я гады)*, in: XIII Міжнародны з'езд славістаў (Любляна, 2003), Доклады беларускай дэлегацыі, Мінск 2003, с.372–387

³⁶ Подробнее об этом см.: Н. САНАНОВИЧ, *The War Against Belarusian History*, in: *Education in Russia, the Independent States and Eastern Europe*, vol. 20, Nr.1 (Spring 2002), p.18–27

кого образования возвращались установки западнорусизма. Например, если в учебниках первой половины 1990-х годов заключенная с Польшей Кревская уния 1385 г. кроме «негативных явлений для национально-культурного развития белорусского народа» имела и положительные результаты³⁷, а Люблинская уния представлялась как важная историческая веха³⁸, которая ограничила, но не ликвидировала самостоятельность ВКЛ, то в новой учебной литературе все союзы с Польшей стали снова трактоваться исключительно негативно, а разделы Речи Посполитой – как однозначно «прогрессивный» исторический акт, принесший спасение белорусам.³⁹

Вскоре в сфере исторического образования началось последовательное проведение идейного наследия М.Кояловича. Началом этого процесса можно считать конец 1990-х годов, когда в Минске вышел «базовый» университетский учебник, позиционировавшийся как ответ на «русифобские» измышления оппозиционных историков.⁴⁰ К примеру, Люблинскую унию в нем называли «трагической страницей истории Беларуси»⁴¹, а свойственную Речи Посполитой избираемую мо-

³⁷ Г. В. ШТЫХАЎ, В. У. РАКУЦЬ, *Гісторыя Беларусі ў сярэдня вякі*, Падручнік для 6 кл., Мінск 1996, с.118. К позитивным результатам Кревской унии авторы отнесли возрастание связей с Польшей и другими европейскими странами, а так же укрепление обороноспособности в войне с Немецким орденом.

³⁸ П. А. ЛОЙКА, *Гісторыя Беларусі XVI–XVIII стст.*, Вучэбны дапаможнік для 7 кл., Мінск 1998, с.41 и др. Тут впервые «Образование Речи Посполитой» посвящен отдельный параграф, в то время как в советских школьных учебниках истории Беларуси Люблинская уния проходила как малозначительное событие и негативно оценивалась за то, что способствовала распространению католичества и колонизации (см.: М. П. БАРАНАВА, Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ, Н. Г. ПАЎЛАВА, *Гісторыя БССР*, Падручнік для 8-9 класаў сярэдняй школы, Мінск 1989, с.63).

³⁹ В. А. МІЛЛАНАЎ, *Гісторыя Беларусі: канец XVIII ст. – 1917 г.*, Вучэбны дапаможнік для 8 кл., Мінск 2000, с.16, 36, 112 и др.

⁴⁰ *Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч.1. Ад старажытных часоў – на люты 1917 г.*, пад рэд. Я.НОВІКА, Г. МАРЦУЛЯ, Мінск 1998. Его авторы открыто апеллировали к курсу президента на создание союзного государства с Россией и всю историю Беларуси преподносили как летопись дружбы с Россией. Про этот учебник см.: Г. САГАНОВІЧ, *Вяртанне ў «Северо-Западный край?»*, in: БГА, т. 5 (1998), Сш. 2 (9), с. 457–488; М. БІЧ, *Гістарычныя навацы ў навучальнай літаратуры*, там же, с.489–522

⁴¹ *Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч.1. Ад старажытных часоў – на люты 1917 г.*,

нархию и шляхетскую демократию – «наихудшей формой управления государством»⁴², и вообще все западное, католическое стало вновь отождествляться с моральной деградацией и упадком.⁴³

Но в наиболее концентрированном и уродливом виде эти взгляды на белорусскую историю воскресли в созданной по инициативе президента А. Лукашенко т.н. «новой концепции исторической науки». Такой «концепцией» стал учебник для студентов, написанный доцентом Могилевского университета Яковом Трещенком в стиле идейно-политического манифеста.⁴⁴ В той или иной формулировке в нем представлены практически все основные тезисы западнорусистов XIX в., скрещенные с апологией советского строя.⁴⁵ В книге, директивно распространяемой в университетах, не признается культурно-историческая самостоятельность Беларуси – она представляется частью России, гипертрофируется роль безмерно идеализируемого православия, с которым связывается вся история Беларуси, тогда как католичество всячески очерняется и даже оскорбляется. Польше приписывается роль врага, и все связи с ней гибельны для белорусского народа. Саму Речь Посполитую Трещенок называет неспособной к жизни «исторической химерой».⁴⁶ Точно как у Кояловича, вся история Беларуси, по Трещенку, подчинена противостоянию «Востока» и «Запада», при котором из Польши, с «Запада», в Беларусь шло только «зло» и моральное разложение, тогда как из России – только «добро». Как и для Кояловича, не допускавшего возможности самостоятельного государственного бытия белорусов, для его нынешнего эпигона, сконструировавшего «новую концепцию» белорусской истории,

пад рэд. Я. НОВІКА, Г. МАРЦУЛЯ, Мінск 1998, с.170

⁴² Там же, с.261.

⁴³ Там же, с.229, 232 и др.

⁴⁴ Я. ТРЕЩЕНОК, *История Беларуси. Ч.1. Досоветский период*, Могилев 2003; *История Беларуси. Учебное пособие для студентов*, в 2 ч., под ред. Я. Трещенка, ч.2, Могилев 2005

⁴⁵ См. критическую рецензию на это одноязычное издание: А. СМАЛЯНЧУК, *Навошта Лукашэнку Трашчанок?*, in: ARCHE, № 3, 2006, с.56–64

⁴⁶ Я. ТРЕЩЕНОК, *История Беларуси. Ч.1. Досоветский период*, изд. 2, Могилев 2004, с.157

государственный суверенитет Беларуси – явление временное и нецелесообразное. Он убеждает студентов, что «белорусы и малорусы-украинцы войдут как равноправные самоуправляющиеся составляющие» в союзное государство восточных славян – «Великую Россию».⁴⁷ А в изданиях Института социально-политических исследований при Администрации президента высказываются еще более откровенно, говоря, что белорусы как «единокровные братья и единоверцы... рано или поздно, но вернуться в общее государство».⁴⁸

Печальнее всего, что изложенные в учебнике Я.Трещенка постулаты публично не раз высказывал и нынешний глава государства. К примеру, парламентаризм Речи Посполитой он охарактеризовал как «говорильню и болтовню», которая привела «к параличу власти» и «ликвидации самого государства».⁴⁹ А выступая перед студентами Могилевского университета в ноябре 2005 г., он заявил, что если кто-то «на полном серьезе говорит о ВКЛ и молчит об угнетенном и зависимом положении белорусов, какое было в этом несамостоятельном средневековом княжестве», то это – «ненавистники белорусского народа».⁵⁰ Но если бы даже он был прав с точки зрения истории, то «ненавистников» получалось бы слишком много. Как показали исследования НИСЭПИ, проведенные в 2004 г. в Минске, 34% опрошенных считают первым белорусским государством именно ВКЛ, тогда как за БССР и РБ высказалось вдвое меньше респондентов.⁵¹ Как видно, национализация прошлого Беларуси вопреки всему происходит.

Итак, перед нами печальный пример того, как государственная власть может обходиться с историей, стремясь сформировать ту идентичность населения, которая ей требуется. В современной Беларуси в благоприятной политической

⁴⁷ *История Беларуси. Учебное пособие для студентов*, в 2 ч., под ред. Я. ТРЕЩЕНКА, ч.2, Могилев 2005, с.291

⁴⁸ Н. АМБРАЖЕВИЧ, *Оришанская битва 1514 г.: военно-исторический аспект*, Минск 2003, с.5

⁴⁹ А. Г. ЛУКАШЕНКО, *Исторический выбор Беларуси: Лекция Президента Республики Беларусь в БГУ*, 14 марта 2003 г., Минск 2003, с.42

⁵⁰ См.: Комсомольская правда в Беларуси, 24 ноября 2005

⁵¹ <http://www.svaboda.org/news/articles/20040402165552.asp>

situaci давно устаревшая, реакционная концепция вдруг оказалась востребованной. Пророссийская президентская власть возvela modifickovaný západnorusizm v rang gosudarstvennoj politiki v sfere istoričeskogo obrazovaniya. I vnov', kak vo vremena M. Kojaloviča, oficijznaja istoriografija razrušajet predstavlenija o bělorusskom narode kak otdeľnoj obščnosti i utverždat identičnost' «západnorussov» – mladšich brat'jev «velikogo russkogo naroda», nesposobnych k samostojatel'nomu gosudarstvennomu suščestvovaniju. Takaja istoričeskaja politika zamedľajet formirovanie nacional'nogo soznaniya bělorusov, prevraščajet ego v boleznennoj i složnoj proces. Pravda, kak svideľstvujut sobytija poslednego dešatilija, i ostanovit' ego ona ne v sostojanii. No esli učityvat', čto imenno «obščee prošloe», soglasno Ėrnestu Renanu⁵², opredeljaet naciju bol'she, čem kakoj-libo drugoj faktor, to perspektiva formirovanija takoj obščnosti bělorusov budet videt'sja ešče bolee problematičnoj.

ZÁPAS ZA BĚLORUSKOU MINULOST A PROBLÉM BĚLORUSKÉ IDENTITY

Henadz Sahanovich, CSc.

(Evropská humanitní univerzita, Minsk/Vilnius)

Vlastní svébytná běloruská interpretace historie jako národní vize minulosti se rodila za okolností napjaté opozice mezi polskou a ruskou historiografií, fakticky za jejich neustálého zápasu o interpretaci dějin Běloruska a Litvy, který začal po povstání v letech 1830-1831. Ruská vláda, znepokojená demokratizací Evropy a probouzením západních okrajových území impéria, zaváděla ve vzdělávání takové „tuzemské dějiny“, které měly upevňovat ve společnosti, skládající se z různých národů, ruskou identitu a politickou stabilitu. Ideologickým základem nového výkladu minulosti se stala formule S. Uvarova: „pravoslaví – samoděržaví (absolutismus) – národnost“. Vláda vzala dějiny „Severozápadního“ kraje pod zvláštní kontrolu a zaváděla v 19. stol. cenzuru, revidovala učebnice a rekrutovala učitele pro práci v Bělorusku z hlubokého

ruského vnitrozemí.

Uplatňování představ o společné minulosti překážela ovšem nejen atraktivnost romantických obrazů „staré Litvy“ nebo Polska, ale i (a to především) potenciál polské historiografie, čelící ruským interpretacím. Na pozadí jejich tvrdého zápasu a obapolného působení se k 60. létům 19. st. na území bývalého Velkoknížectví Litevského zformovaly dva protichůdné směry společenské ideje s charakteristickým výkladem dějin – „litvinství“ čili „krajovost“ (I. Jaroševič, T. Narbutt, A. Kirkor a jiní) a „západorusismus“ (K. Govorskij, M. Kojalovič a jiní). Oba směry postrádaly samostatnost, nicméně první směr měl v základě vědeckější konstrukci a důsledněji prosazoval místní patriotismus. Někteří představitelé tohoto tábora, kteří spatřovali minulost své vlasti v těsném spojení s Polskem, používali kvůli větší atraktivnosti této koncepce falzifikované prameny (Ž. Onancevič, T. Narbutt).

Historici západoruského směru, podporováni ruskou vládou, zacházeli s dějinami pragmatičtěji. Když prokazovali tezi o geneticky podmíněné jednotě tří ratolestí ruského národa – Velkorusů, Ukrajinců a Bělorusů –, zdůrazňovali ve svých historických interpretacích a hodnoceních faktor náboženské příslušnosti. Tito historici spojovali Bělorusko výlučně s pravoslavím a nepřipouštěli samotný fakt existence Bělorusů katolické a jiné konfese. Hlavní představitel oficiálního směru západorusismu K. Govorskij se neštítel při prokazování „odvěké ruské nadvlády“ v Bělorusku používat historické falzifikace a publikoval uměle složené protipolské písně jako „lidové“. Vědecký vůdce západorusismu historik M. Kojalovič, který zastával mírně liberální názory, po povstání z let 1863-1864 otevřeně přešel k nadsazování úlohy Ruska a kritice Polska, což se okamžitě projevilo v jeho historických pracích.

Západorusismus, který pojímal identitu Bělorusů jako „mladších bratrů velkého ruského národa“ neschopných samostatné státní existence, zmizel jako významný společenský jev po vytvoření Sovětského svazu, který formálně uznával právo národů na sebeurčení. Zdálo se, že díky pozdějšímu vývoji běloruské historiografie v BSSR byly jeho základní teze definitivně pohřbeny. Nicméně tato koncepce byla v současném Bělorusku paradoxně oživena prezidentskou vládou. Tato stará koncepce nabyla nyní statusu státní politiky ve snaze narušit národní sebeidentifikaci Bělorusů.

⁵² Э. РЕНАН, *Что такое нация?* Из: Собр.соч. в 12 тт., т.6, Киев 1902, с.93

Влияние процессов модернизации на развитие белорусского национального движения в XIX – начале XX вв.

кандидат исторических наук, доцент

Андрей Киштымюв

(Институт парламентаризма и предпринимательства, Минск)

Одной из самых актуальных тем национальной белорусской историографии являются поиски ответа на вопрос: почему в начале XX века так и не была практически реализована идея обретения белорусами национальной государственности? Более того, в отличие от своих ближайших соседей (Польши, Литвы, Латвии), Беларусь не только не стала полноценным европейским государством, но и потеряла территориальное единство своих этнических земель. Сегодня историки при объяснении причин сложившегося положения чаще всего основное внимание уделяют политическим и в несколько меньшей мере – национально-культурным аспектам этой проблемы. К сожалению, в тени остается ее экономическая составляющая.

Но так было далеко не всегда. На рубеже XIX-XX вв. для деятелей белорусского национального Возрождения понимание Беларуси как единого экономического целого составляло не менее важную задачу, чем поиски ее исторического и культурного единства. М. В. Довнар-Запольский, автор брошюры «Основы государственности Беларуси» – манифеста белорусской государственности – не сомневался в «эканамічнай абсабленнасці Беларусі».¹

В определенном смысле предшественниками М. В. Довнар-Запольского можно считать редактора газеты «Наша нива» А.Власова и его соратника, деятеля белорусского национально-культурного движения А.Луцкевича. По при-

¹ М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ, *Основы дзяржаўнасці Беларусі*, Вільня 1919, с.14

глашению профессора Киевского коммерческого института Л. Н. Яснопольского в изданном в Киеве статистическом справочнике А. Власов напечатал очерк «Белоруссия и Литва».² В 1918 г. с некоторыми изменениями эту работу в виде отдельной брошюры опубликовал исполнительный Комитет Центрального Военного Совета.³ Очерк А. Власова представляет собой комментарии к сводным данным по экономическому развитию Могилевской, Минской, Витебской, Виленской и Ковенской губерний за 1905-1911 гг. Причем автор считает, что «по экономическим и этнографическим соображениям» к названному региону принадлежат также части Смоленской, Черниговской и Волынской губерний. В очерке был использован и ряд экономических опросов и подсчетов редакции еженедельника «Наша нива».

Один из основателей «Нашей нивы» и ее постоянный корреспондент А. Луцкевич на заседании Белорусского клуба в Вильно 28 октября 1917 г. прочитал реферат «Эканамічная эвалюцыя і беларускі рух», который затем был напечатан в газете «Гоман», а затем издан отдельным оттиском.⁴ Реферат А.Луцкевича обобщал более значительный, чем в очерке А.Власова, период экономической истории Беларуси – с рубежа 1861 г. и вплоть до начала XX в. Для автора XIX в. – это «век росквіту капіталістычнай гаспадаркі».⁵ Именно в этом русле, по его мнению, шла социально-экономическая эволюция Беларуси, что в начале XX в. привело к экономическому единству края, который «*Жыве сваім уласным беларускім жыццём*»⁶ (выделено автором).

Однако вскоре после крушения надежд на обретение государственной самостоятельности исчезает и тезис о достигнутой перед Первой мировой войной экономической само-

² А. ВЛАСОВ, *Белоруссия и Литва*, in: *Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России*, под ред. проф. Л. Н. Яснопольского, Киев 1913, с.355-360

³ А. Н. ВЛАСОВ, *Белоруссия и Литва. Экономический очерк*, Минск 1918, -с.16

⁴ А. ЛУЦКЕВИЧ, *Эканамічная эвалюцыя і беларускі рух*, in: *Гістарычны альманах*, № 1 (3), 2000, с.128-136

⁵ Там же, с. 128.

⁶ Там же, с. 134.

стоятельности Беларуси. Теперь, в новых условиях, в течение нескольких десятилетий белорусские публицисты народного толка и национал-коммунисты, а вслед за ними и советские историки-аграрники и историки-экономисты, чаще всего искали и находили признаки экономической общности белорусских земель исключительно в общности исторических и экономических судеб белорусских рабочих и крестьян, причем эта общность в их интерпретации заключалась только в их тяжелом материальном положении, нищете и высокой степени эксплуатации. Широко стал использоваться и тезис об якобы колониальной зависимости Беларуси и соответственно колониальном характере ее экономики. Это хорошо вписывалось в сталинскую концепцию: царская Россия – полуколония, ее национальные окраины – колонии.

Процессы модернизации – это процессы перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному. В мировой истории их начало можно отнести к XVI столетию, на белорусские земли они пришли во второй половине XVIII в., и со всей полнотой проявились в XIX – начале XX вв. Принципиально важно понимание модернизации как ряда процессов – революционного, комплексного, глобального, длительного и протяженного, стадийного, необратимого, прогрессивного и процесса гомогенизации, т.е. накопления сходных черт, что имеет принципиально важное значение для генезиса нации.

Нации не создаются вне истории, они – часть мирового сообщества. И признание со стороны этого сообщества является одной из важнейших составных частей исторической легитимизации каждой нации. Без него нация просто не может состояться. Шанс на такое признание белорусам давала модернизация. До сих пор национальные символы белорусов не выходили за рамки местного, регионального значения. Православный христианский мир знал Кирилла Туровского, но именно он, епископ, а не Туров и Туровская земля, имел такую известность. Полоцк знал Ефросинию Полоцкую, Полоцк имел свой храм Святой Софии, но он не стал центром религиозного и государственного объединения всех белорусов и не был символом Беларуси для ее соседей. Историчес-

кое значение деятельности Франциска Скорины, по сути, заново пришлось открывать исследователям спустя несколько столетий после его смерти.⁷ В эпоху модернизации белорусы, наряду с другими народами, получили возможность презентовать себя через свои экономические усилия и достижения. Модернизация означала рост коммуникационных связей, усиление влияния экономики на социум, новые сферы занятости и новые экономические роли этносов, населявших земли Беларуси. Под ее воздействием резко возрос ход исторических процессов и скорость изменений в обществе.

Что представляло собой белорусское народное хозяйство в начале XX века? Верно ли утверждение советской историографии, будто Беларусь была лишь отсталой аграрной окраиной, с редкими островками промышленности, единственным достижением которой стало создание предпосылок для победоносной социалистической революции? Впрочем, тезис об экономической отсталости Беларуси активно поддерживается и оппонентами советской пропаганды, но только как свидетельство ее «колониального» статуса. Здесь обе точки зрения, по сути, смыкаются. Попробуем разомкнуть этот круг.

Для Российской империи XIX – начало XX вв. отмечены серьезными трансформациями в экономической жизни, которые затронули ее технико-организационные основы (в этом отношении первостепенное значение имело рождение фабрично-заводского производства и железнодорожное строительство) и имели важные социальные последствия: шло формирование как пролетариата, так и буржуазии, в том числе и ее элиты – предпринимателей, что представляло две стороны одной медали. На старой картине традиционного аграрного общества все более четко проступали черты нового – индустриального – общества.

Белорусские земли не стояли в стороне от этого процесса. Причем здесь переживаемая трансформация тесно пере-

⁷ См.: А. С. МЫЛЬНИКОВ, «*Степени*» и «*границы*» Франциска Скорины: к вопросу о феномене культурной модерации, in: Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии, Выпуск 3, Санкт-Петербург 2005, с.5-13

плеталась с непростым процессом их адаптации в составе Российской империи. Естественно, проблемы российской общеимперской идеологии и административной практики в Беларуси не могли не сказаться и на развитии ее экономики. Она, безусловно, жила по своим законам, но под прессингом государственной политики самодержавия.⁸ К созданию собственного структурированного экономического пространства Беларусь шла веками. Особенно интенсивно этот процесс проявил себя во второй половине XIX – начале XX вв. Тогда явственно обозначились и некоторые его итоги.

Как количественно, так и качественно исследования экономической истории Беларуси явно уступают работам по ее политической или военной истории, истории ее культуры. Кроме того, оценивая развитие отечественной экономики, белорусские советские историки предпочитали оперировать искусственно выведенными средними числами и экономически малограмотными, некорректными сравнениями несопоставимых величин. Эта практика не изжита и сегодня. Так, авторы третьего издания вузовского учебника «Экономическая история Беларуси», говоря на основании таких подходов о начале XX в., вновь повторяют старый вывод о том, что «уровень прамысловага развіцця Беларусі заставаўся па-ранейшаму ніжэйшым, чым у цэлым у Расійскай імперыі», «Беларусь і 1913 г. працягвала заставацца ў гаспадарцы Расійскай імперыі аграрным раенам».⁹ При этом авторов не заботит сравнение несравнимого, части и целого, и даже то, что данные выводы крайне плохо согласуются с приведенными здесь же цифрами: «З 1900 па 1913 гг. нацыянальны даход Беларусі вырас удвая, падняўшыся з 536 млн. да 1 млрд. руб.».¹⁰

Никогда более в своей истории Беларусь не знала таких высоких показателей роста национального дохода за столь короткий период. В чем же секрет? Дело в том, что в рыноч-

⁸ См.: А. Л. КИШТЫМОВ, *Власть государства и власть капитала: исторический опыт Беларуси*, in: *Предпринимательство в Белоруссии*, № 5, 2000, с.32-34

⁹ *Эканамічная гісторыя Беларусі*, выд. 3-е, дап. і перапрацаванае, Мінск 1999, с.209

¹⁰ Там же, с. 209.

ной экономике в первую очередь важна динамика, а не статика, качественные, а не количественные показатели. Именно сложение этих динамических и качественных показателей привело к такому успеху. В XIX – начале XX вв. достижение экономического успеха было неразрывно связано именно с рыночной экономикой, которая одновременно стала одним из наиболее мощных факторов консолидации общества. Рынок не просто объединял экономические усилия отдельных индивидов, он, при отсутствии собственной национальной государственности, постепенно занимал свое место в ряду таких традиционных индикаторов и интеграторов социума и национального единства, как язык и культура.

До великих реформ 60-70-х гг. XIX в. Беларусь была аграрным обществом с элементами торгового капитализма. Затем, вплоть до начала Первой мировой войны, она испытывала модернизацию этого общества, которая с разной степенью интенсивности протекала в экономической, социальной, культурной и политической сферах. При этом на рубеже XIX-XX вв. на Беларуси практически сложился весь «строительный набор» для становления индустриального общества. Правда, разные его элементы пока лишь обозначили свое присутствие и существовали скорее как потенциал, не выявив в полной мере ни свои возможности, ни реальную силу в будущем. Мешало отсутствие белорусской государственности, создание которой стало главной национальной проблемой начала XX века. Если конец XVIII-50-е годы XIX вв. создавали экономические условия формирования белорусской нации,¹¹ вторая половина XIX в. обеспечила экономическую почву для ее становления, то в начале XX в. народное хозяйство Беларуси было вполне способно выполнить роль экономической составляющей национальной государственности.¹²

¹¹ Об этом подробнее см.: А. КИШТЫМАЎ, *Эканамічныя умовы фарміравання беларускай нацыі канцы XIIIIV – 50-х гадах XIX ст.*, in: 3 глыбі вяко, вып. 2, Мінск 1997, с.79-100

¹² А. Л. КИШТЫМОВ, *Экономические достижения Беларуси в XIX – начале XX в.*, in: *Гісторыя Беларусі е рапейскім кантэксце. Матэрыялы гістарычных семінара, якія адбыліся Мінскім міжнародным адукацыйным цэнтры 2001 г.*, Мінск 2002, с.22-52

Анализ экономического потенциала Беларуси начала XX в. целесообразно начать с рассмотрения эволюции аграрного сектора ее экономики. Во-первых, он был экономической основой предыдущего феодального периода; во-вторых, именно здесь были сосредоточены основные экономические усилия самих белорусов. Отмена крепостного права означала раскрепощение труда. Изменилось и отношение к земле. Потенциальным участником земельного рынка мог теперь стать любой, а не только представитель дворянского сословия. Экономическая ценность земли при этом несколько не уменьшилась, а, наоборот, многократно возросла. Положение в аграрном секторе экономики Беларуси второй половины XIX – начала XX вв. имеет больше общих черт с современным ему сельским хозяйством Польши и прибалтийских губерний, чем с положением в великорусских губерниях. Основным отличием от общероссийской модели стало сохранение и устойчивое развитие здесь крупных и средних помещичьих хозяйств.

Белорусские усадьбы XIX – начала XX вв. не замыкались в себе по принципу «натурального хозяйства», а тысячами нитей были связаны с рынком и рыночными отношениями. Вполне понятно, что владелец имения стремился не только сохранить полученную продукцию, но и переработать, утилизировать ее, ориентируясь на потребительский спрос. Поэтому органичной частью хозяйственного усадебного комплекса стало то, что в терминологии тех лет называлось «сельской промышленностью»: винокуренные, пивные и крахмальные заводы, лесопильни, маслобойные и сыроваренные заведения. Общая экономическая тенденция хозяйственной жизни белорусских имений на протяжении XIX-XX вв. оставалась практически неизменной. С одной стороны, это была все более выраженная ориентация на рынок, с другой – расширение производства и его специализация. Экстенсивные методы ведения хозяйства постепенно сменялись интенсивными. Такой тип сельскохозяйственного производства сформировался в белорусских губерниях не сразу. Отдельные его черты накапливались и проходили строгий экономический отбор в течение столетия. Это был путь от экономических экспе-

риментов к созданию устойчивого рентабельного сельскохозяйственного производства.¹³

Белорусские помещики лучше своих соседей сумели приспособиться к рыночным условиям. В определенной мере именно в сфере сельскохозяйственного производства дворяне-католики взяли своеобразный экономический реванш за свое поражение в трех восстаниях против царизма. На рубеже XIX-XX вв. экономическая селекция белорусских помещичьих имений практически завершилась. Выжили те, кто сумел в полной мере воспользоваться новыми экономическими условиями. А лидерами стали те, кто, усвоив рыночные отношения, пошел дальше – своей экономической деятельностью стал непосредственно влиять на состояние рынка. Аграрный сектор наиболее ярко и убедительно свидетельствовал о той решающей роли в развитии экономики, которую стали играть в новую эпоху предприниматели. Огромные земельные владения теперь не могли гарантировать ни устойчивого роста, ни хотя бы стабильности доходов владельца. Только там, где на первый план выходили предпринимательские способности владельца, помноженные на умелое использование новых экономических реалий и технико-технологических новаций, стало возможно достижение экономического успеха. Каждое доходное имение производило не только продукцию, но и воспроизводило, репродуцировало самое себя и свои черты в окружающем экономическом мире. Это был зримый пример возможностиможимого уровня сельскохозяйственного производства в данном регионе, полигон для отработки новых сельскохозяйственных экономических моделей. Такие имения становились образцом для других землевладельцев и содействовали подъему сельскохозяйственного сектора, не только наращивая собственное производство, но и продавая элитные семена, породистый скот, готовя умелых работников и администрацию. Они знакомили с новой сельскохозяйственной техникой, выполняли ее ремонт, а иногда и занимались ее производством. Для всех, кто рабо-

¹³ А. Л. КИШТЫМОВ, *Экономический потенциал белорусской усадьбы в конце XVIII – начале XX века*, in: Международная конференция «Исторические усадьбы Беларуси: состояние и перспективы», 4-5 сентября 2003 г., Минск 2003, с.90-123

тал в образцовых сельскохозяйственных производствах, от управляющего до батрака и поденщика, они становились, по сути, школой овладения методами хозяйствования на земле по-новому. Это было зримое проявление черт новой культуры – культуры индустриального общества, культуры экономической, культуры производства.

А как адаптировался к новым экономическим условиям крестьянский мир Беларуси? Или верно, что все, происходившее после отмены крепостного права, можно свести лишь к «ограблению» крестьян, «крепостническим пережиткам», гнету и бедствиям? В белорусской историографии за общими среднестатистическими цифрами и рассуждениями о растущем обезземеливании крестьян как-то потерялся хотя и замедленный, но несомненный прогресс крестьянского хозяйства. «Жизнь деревни, – отмечал М. В. Довнар-Запольский, – перерабатывается под влиянием двух условий: общего роста культуры и экономических условий».¹⁴ К началу XX в. эта «переработка» дала свои очевидные плоды. Точная и яркая оценка состояния сельского хозяйства и общего экономического положения Беларуси принадлежит Антону Луцкевичу: «Впрочем, несмотря на неблагоприятные условия, в крестьянском хозяйстве северо-западного края можно отметить некоторый прогресс, или, по крайней мере, тенденцию к прогрессу. Господствующая трехпольная система местами сменяется четырехпольной; примитивные орудия труда понемногу вытесняются более усовершенствованными; нередко встречается и искусственное удобрение. Стремление к переходу к хуторскому хозяйству в Белоруссии и соседних с ней губерниях проявляется сильнее, чем в остальной России. В то же время, среди помещичьих хозяйств часто встречаются образцовые, поставленные на капиталистических основах. В относительном (в сравнении с большей частью России) прогрессе сельского хозяйства у белорусов сильно сказывается близость границы, культурное влияние Запада, шедшее через Польшу, и торговые сношения с Евро-

¹⁴ М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ, *Исследования и статьи*, т.1., Киев 1909, с.278

пой, установившиеся еще несколько веков тому назад, благодаря удобным путям сообщения (например, по рекам Неману и Западной Двине). На укрепление и развитие торговли за границей оказала свое влияние и хорошо организованная внутренняя торговля. Последняя сосредотачивается не только в немногочисленных больших городах, но производится, что особенно важно, в массе мелких местечек, населенных преимущественно евреями, играющими, как известно, чрезвычайно важную роль в местной торговле; и, таким образом, сельское население имеет возможность на местных рынках сбывать все, что только дает сельское хозяйство, равно как и получать нужные ему продукты, что, понятно, имеет огромное значение для крестьянского хозяйства».¹⁵

Как государством, так и обществами сельских хозяев и сельскохозяйственными кружками среди крестьян велась активная работа по пропаганде новых, передовых методов в агрокультуре и ведении хозяйства. Особенно оживилась она во время столыпинской аграрной реформы. Менялись экономическое мышление белорусского крестьянина, его понятие собственности, отношение к работе, способность к хозяйственным новациям, проявлялись крестьянская предприимчивость и крестьянское предпринимательство.¹⁶

Под влиянием технического переворота полностью изменилось лицо белорусской промышленности. XIX век начался как век пара, а заканчивался как век электричества. При этом появлению на своей земле и первых паровых двигателей, и первой электростанции, Беларусь обязана именно частной инициативе и усилиям отечественных предпринимателей. Первые фабрики с паровыми двигателями в белорусских местечках Хомске и Коссово принадлежали слонимскому помещику и промышленнику Войцеху Пусловскому. В 1824 г. прошли успешные испытания на Соже первого белорусского парохода, построенного англичанином-механиком Адамом

¹⁵ А. НОВИНА, *Белорусы*, in: *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. Санкт-Петербург 1910*, с.388-389

¹⁶ А. Л. КИШТЫМОВ, *Эволюция экономического мышления белорусского крестьянина: от отмены крепостного права до Октября 1917 г.*, in: *Наш Радавод*, кн. 7, Гродно 1996, с.278-282

Смитом по распоряжению владельца Гомельского имения графа Николая Румянцева. А в 1889 г. дала ток электростанция в Добруше – первенец белорусской электрификации.

Рыночная экономика влекла за собой рост всех видов коммуникации и информации. Нет ничего удивительного в том, что обширные программы строительства новых путей сообщения: прокладка шоссе, сооружение водных каналов, создание железных дорог, возникновение других видов коммуникаций, например, регулярной почты и телеграфа – в Российской империи инициировались государством и чаще всего велись за казенный счет или с государственными гарантиями. С одной стороны, это продолжение существовавших в России еще с петровских и даже допетровских времен исторических традиций «насаждения» промышленности и технических новаций сверху, по царскому или императорскому указу. С другой – в XIX в., особенно в его первой половине, представители нового слоя промышленников и помещиков, тесно связанных с рынком, еще не стали экономическими «тяжеловесами», способными инвестировать немалые средства в развитие путей сообщений. Это было пока под силу только государству.

Наибольший размах на белорусских землях приобрели государственные усилия по строительству и эксплуатации путей сообщения (в первой половине XIX в. – водных, начиная с 60-х годов XIX в. – железных дорог). Довольно интенсивно велась и прокладка шоссированных дорог, хотя и ее объемы, и вся дорожная сеть в целом намного уступали железнодорожному транспорту. К началу Первой мировой войны пять белорусских губерний имели железнодорожные линии общей протяженностью более 3 800 км. По степени насыщенности железными дорогами они занимали одно из первых мест в Российской империи. Характерно, что в то время из Беларуси на Запад вело семь железнодорожных «коридоров». Сейчас же, как известно, в строю всего два. И в прямом, и в переносном смысле именно железные дороги стали тем локомотивом, который потянул за собой белорусскую экономику. Они дали ей мощный импульс развития и во многом стали определять ход процессов экономического развития и урбанизации.¹⁷

¹⁷ А. Л. КИШТЫМОВ, *Этапы железнодорожного строительства на Беларуси*, in: Гістарычны альманах, т. 7, 2002, с.116-143

Среди экономических показателей деятельности железных дорог, на наш взгляд, интересен и красноречив баланс грузооборота белорусских железнодорожных станций. По нашим подсчетам, в 1913 г. на них прибыло 191 054 тыс. пудов грузов и отправлено 206 295 тыс. пудов.¹⁸ Убедительное свидетельство в пользу самодостаточности экономики Беларуси тех лет!

К началу XX в. технический переворот на Беларуси был завершен, и в основных отраслях промышленности окончательно утвердилась победа машинной индустрии. Начался процесс дальнейшего совершенствования фабрично-заводского производства.¹⁹ В целом, именно тогда экономика Беларуси, и в первую очередь ее промышленность и транспорт, переживали начальный период своей индустриализации.

Экономика нуждалась в капиталах и их обороте. На территории белорусских губерний банковское дело представляло собой комбинацию государственных и частных как акционерных, так и индивидуальных (в основном дисконтеры и банкирские конторы), кредитно-финансовых учреждений. Создание полноценной кредитно-банковской системы в Российской империи началось с учреждения в 1860 г. Государственного банка. Затем появились частные коммерческие, ипотечные, городские банки и другие кредитные организации. Белорусские земли, являясь в то время частью Российской империи, не остались в стороне от этого процесса. В 1870-1914 гг. в Беларуси действовало 10 местных банков и 48 банковских отделений, многочисленные банкирские конторы, кредитные общества, ссудосберегательные товарищества. Самое активное участие в создании и развитии этой сети кредитно-финансовых учреждений приняли предприниматели еврейского происхождения. Причем в силу ряда историко-экономических особенностей в белорусских губерниях в этом деле им принадлежала почти исключительная роль.²⁰

¹⁸ *Железнодорожный транспорт в 1913 г.: статистические материалы*, Москва 1925, с.3-24

¹⁹ А. КИШТЫМАЎ, *Прамысловы пераварот на Беларусі*, in: Матэрыялы па гісторыі Беларусі, Мінск 1997, с.107-110; А. Л. Киштымков, *К вопросу о промышленном перевороте и индустриализации Беларуси*, in: Гістарычная навука і гістарычная адукацыя Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця, Мінск 1999, с.101-103

²⁰ Подробнее см.: А. Л. КИШТЫМОВ, *Роль евреев в банковском деле Бе-*

В тени финансовых магнатов действовали, а нередко и процветали, финансовые предприниматели рангом ниже: владельцы банкирских контор, меняльных лавок и отдельные дисконтеры – частные лица, занимавшиеся учетом векселей. К январю 1910 г., по данным Министерства финансов, в империи насчитывалось 287 банкирских контор и 88 меняльных лавок. По числу банкирских контор первое место занимали литовско-белорусские губернии (99 контор), затем шли привислинские (42) и южные (33) губернии.²¹ Абсолютное большинство банкирских контор принадлежало еврейскому капиталу. Если банки имели дело в основном с крупной клиентурой, то средние и мелкие предприниматели шире пользовались услугами обществ взаимного кредита. Часто такие общества носили специализированный характер, обслуживая определенные отрасли экономики. Например, перед Первой мировой войной в Минске, кроме старейшего Минского кредитного общества, действовали: Купеческое общество взаимного кредита (с 1905 г.), Торгово-промышленное общество взаимного кредита (с 1911 г.), Лесопромышленное общество взаимного кредита (с 1914 г.), Городское кредитное общество (с 1896 г.), Ремесленное кредитное товарищество (с 1901 г.). Названия этих обществ довольно ясно указывают на то, кто входил в их состав. Нередко кредитные общества показывали весьма высокие показатели эффективности своей работы. Полоцкое общество взаимного кредита на протяжении более десяти лет (1894-1905 гг.) ежегодно выплачивало дивиденд по 15 %. А максимальный дивиденд Пинского общества взаимного кредита достиг 17 %.²²

Еще ранее, чем стало заметно влияние на развитие хозяйственной жизни денежных потоков и финансовых струк-

ларуси: вторая половина XIX – начало XX вв., in: История еврейского народа. Материалы Шестой Ежегодной Международной конференции по иудайке, часть 2, Москва 1999, с.111-126

²¹ Б. В. АНАНЬИЧ, *Правовое положение банкирских заведений в России (1880-е годы-1914 г.)*, in: Социально-экономическое развитие России, Сборник статей, Москва 1986, с.213

²² *Русские банки ... (Год второй)*, Санкт-Петербург 1897, с.110-111; *Русские банки ... (Год третий)*, Санкт-Петербург 1899, с.130; *Русские банки ... (Год четвертый)*, Санкт-Петербург 1908, с.206-207

тур, роль интегратора экономических усилий стала выполнять торговля. С этим видом предпринимательства были знакомы все слои населения, которые так или иначе сталкивались с ним в своей жизни. Для некоторых занятие торговлей стало предметом профессиональной деятельности. В начале XX в., на последнем этапе своей истории, белорусское купечество представляло собой довольно дифференцированную среду, весьма строго расписанную по сфере занятий, своему имущественному положению и весу в обществе. Стратиграфия купечества в целом соответствовала этажам белорусской торговли – биржам, ярмаркам, оптовым складам, розничной торговле. Свидетельством трансформации белорусской торговли стало наличие в ней в начале XX в. полного спектра известных в то время форм ее организации.

Торговля развивалась вширь, шла за потребителем, осваивала новые территории и вовлекала в профессиональное занятие коммерцией все новых людей. Тогда же новой фигурой в торговом мире стал коммивояжер.²³ Продолжала свое существование и традиционная форма оптовой торговли – ярмарки. Эта форма по-своему реагировала на новые экономические реалии. Вот пример того, как шел процесс усовершенствования и усложнения характера лесной торговли. В начале XX в. главными местами лесной оптовой торговли стали ярмарки в Гомеле и Минске. Обороты ежегодной ярмарки в Гомеле, проводившейся 1–10 января, к 1900 г. достигли 3 млн. руб. В последующие годы они снизились (1906 г. – 2,5 млн. руб., 1910 г. – около 2 млн. руб.)²⁴, хотя по-прежнему оставались достаточно высокими. Одной из причин стал «упадок лесной торговли в южном горнопромышленном районе»²⁵. Другой причиной стало учреждение недельной Рождественской лесной ярмарки в Минске (27 декабря – 4 января). Ее ежегодные обороты достигали более 20 млн. руб. Среди лесных ярмарок Российской империи Минская ярмарка стояла на первом

²³ См.: *Труды Первого Всероссийского Съезда комиссионеров и коммивояжеров, бывшего в С.-Петербурге с 12-го по 17-е февраля 1909 г.*, Санкт-Петербург 1909

²⁴ В. И. ДЕНИСОВ, *Ярмарки*, Санкт-Петербург 1911, с.45

²⁵ Там же, с.46-47

месте, среди всех ярмарок – на третьем, уступая по обороту лишь Нижегородской (167 млн. руб.) и Ирбитской (около 25 млн. руб.)²⁶, но оставаясь, таким образом, самой крупной общероссийской специализированной ярмаркой. Обе ярмарки имели ярко выраженный экспортный характер. Торговые операции на них нередко финансировались банками, крупные сделки с лесом в Минске привели к замыслу учреждения специального лесопромышленного банка. Гомельская ярмарка, теряя традиционные ярмарочные обороты, приобретала черты биржевой торговли. На ней заключалось все больше контрактных сделок, с этой целью ярмарочный комитет устроил специальный контрактный зал.²⁷ Все это привело к появлению нового типа купца-лесоторговца – хорошо ориентирующегося в конъюнктуре местного и международного лесных рынков, заинтересованного в развитии путей сообщения и законодательном регулировании лесного промысла, способного к организации для защиты своих интересов.²⁸

По сути, символом новых подходов в торговле стала организация выставок – отечественных и международных, универсальных и специализированных, в том числе и в форме переходной от старой к новой – форме выставок-ярмарок. Начиная с XIX века они стали важным инструментом экономических отношений. Сначала это были мануфактурные и региональные сельскохозяйственные выставки, со временем в выставочном деле стали доминировать большие универсальные и специализированные экспозиции. С развитием капитализма как мировой системы возникли всемирные вы-

²⁶ И. КАНДЕЛАКИ *Роль ярмарок в русской торговле*, Санкт-Петербург 1914, с.51-60

²⁷ В. И. ДЕНИСОВ, *Ярмарки*, с.47

²⁸ См.: *Труды совещания лесопромышленников в гор. Гомеле (с 4 по 8 января 1905 года)*, Киев 1905; *Протокол общего собрания членов Союза лесопромышленников Северо-Западного края 7 января 1908 г.*, Вильна 1908; *Протокол общего собрания членов Союза лесопромышленников Северо-Западного края 21 февраля 1910 г.*, Вильна 1910; *Протоколы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в С.-Петербурге 23-27 января 1911 г.*, Санкт-Петербург 1911; А. Ю. Моравский, *Нужды Северо-Западных лесопромышленников и лесовладельцев по отношению к пересматриваемому торговому договору с Германией*, Вильна 1914; Коробков Х. Г. *Экономическая роль евреев в русской лесной торговле и промышленности*, Петроград 1916

ставки. Они отличались размахом своей организации и полнотой показа мировых достижений. Первая такая выставка открылась в Лондоне в 1851 г. После своего успешного лондонского дебюта всемирные смотры пять раз проводились в Париже (1855, 1867, 1878, 1889, 1900 гг.), еще раз в Лондоне (1862 г.) и по одному разу в Вене (1873 г.), Филадельфии (1876 г.) и Чикаго (1893 г.). Всего на девяти всемирных выставках XIX столетия приняли участие около ста экспонентов из Беларуси. Большинство из них было удостоено различных наград и призов. Не менее активным было участие белорусских предпринимателей во всероссийских выставках. Да и собственное выставочное дело развивалось в белорусских губерниях довольно бурно. Не только губернские центры, но и многие уездные белорусские города проводили собственные выставки – смотры достижений экономики и культуры.

В течение XIX в. в Беларуси постепенно сложилась новая социальная группа – предприниматели. Их объединяло не сословное происхождение или имущественное положение, а способность вести дело на основах рыночной экономики. При формировании этой социальной категории вполне отчетливо проявилась нивелирующая общественная роль рыночной экономики. Например, для вхождения в эту группу не было препятствий сословного или этноконфессионального характера. Владение капиталом и занятие предпринимательством ломало сословные рамки Российской империи. Для предпринимателей достижение экономических свобод означало и преодоление ограничений сословно-феодальной системы самодержавия на пути к политической свободе. И это было отражением общемировой тенденции: повсеместно политической демократии предшествует демократия рынка. Основными источниками формирования буржуазии Беларуси были представители дворянского и купеческого сословий, в меньшей степени – выходцы из мещан и крестьянства.

Именно в уникальном опыте отечественных предпринимателей ярче всего проявились местные, типичные для Беларуси экономические особенности. Нередко фигура предпринимателя объединяла черты представителей разных слоев

буржуазии. Например, дворянин Игуменского уезда Адам Ельский с 1887 г. на протяжении почти двух десятилетий был членом учетного комитета Минского отделения Государственного банка и одновременно агентом частного Виленского земельного банка, вместе с братом владел имением Гольна в Гродненской губернии (600 десятин земли), к тому же ему принадлежала четвертая часть механического и чугунно-литейного завода в Варшаве, земельный участок и дом в Минске на Подгорной улице.²⁹ Так что перед нами в одном лице и банкир, и помещик, и фабрикант, и домовладелец.

Значительная часть местных предпринимателей выросла из среды проживавших на белорусских землях евреев – купцов и мещан. Согласно переписи 1897 г. в купеческом сословии пяти белорусских губерний евреи составляли 84,5 %, русские – 10,7 % и только 1,7 % были белорусами.³⁰ В то же время еврейская буржуазия являлась собственником более половины (51 %) фабрик и заводов.

Людей, приехавших из-за границы и рискнувших завести свое дело на белорусской земле, среди предпринимателей было относительно немного. Однако в общей структуре экономики их предприятия нередко занимали исключительное место, заметно выделяясь по типу и специализации производства, его масштабам, техническому и технологическому совершенству. Преобладали среди капиталистов-иностранцев выходцы из Германии.³¹

Белорусская национальная буржуазия во второй половине XIX – начале XX вв. находилась еще в стадии становления и представляла собой наиболее слабую прослойку местной многонациональной буржуазии. Среди белорусов не было сколько-нибудь значительного пласта крупной и средней промышленной буржуазии. Чаше белорусы встречались среди вла-

дельцев мелких предприятий, размещенных в сельской местности – мельниц, гончарных мастерских, кирпичных заводов.

Элиту белорусской буржуазии представляли менеджеры – наемные управляющие капиталистическими предприятиями. Хотя самого термина – менеджер – в то время еще не существовало, можно с достаточной уверенностью говорить о той значительной роли, которую играли в белорусской экономике директора фабрик и заводов, администрация казенных железных дорог, банкиры, управляющие крупными имениями. Менеджеры действовали как в государственных, так и в частных областях экономики – в промышленности, на транспорте, в аграрном секторе. Они выделялись организаторскими способностями, образованием, экономическим образом мышления. Первым классическим образцом менеджизма на белорусской земле является многолетняя деятельность директора-распорядителя Добрушской писчебумажной фабрики Антона Игнатьевича Стульгинского (1851-1915).³²

Предприниматели являлись ключевой фигурой в успехах белорусской экономики. Со второй половины XIX в. они стали оказывать воздействие на государственную экономическую политику не только путем собственных экономических усилий, но и через свои предпринимательские представительские организации. Наибольшим влиянием в Беларуси пользовались общества сельских хозяев (существовали во всех белорусских губерниях и ряде уездов), съезды предпринимателей (фабрикантов, судопромышленников, лесоторговцев, банкиров, коммивояжеров) и их отраслевые организации (например, Общество винокурных заводчиков Северо-Западного края).

В начале XX в. Беларусь, располагаясь между крупнейшими промышленными центрами Российской империи – Петербургом, Москвой, Украиной, Царством Польским, Ригой,

²⁹ А. КИШТЫМОВ, *Ельские: опыт сельских хозяев (19-начало 20 вв.)*, in: Дзеся блізкіх і прышласці, Мінск 1999, с.114-115

³⁰ *Нарысы гісторыі Беларусі 2-х частках*, ч. 1, Мінск 1994, с.341

³¹ А. Л. КИШТЫМОВ, *Германские капиталы и немецкие предприниматели в экономике Беларуси XIX – начала XX вв.*, in: Беларусіка, книга 7, Мінск 1996, с.13-21; А. Кіштымаў *Удзел замежных прадпрыемальнікаў і фінансістаў у развіцці прамысловасці і транспарту Беларусі (канец ХVІІІ – пачатак ХХ ст.)*, in: Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі, 1999, Мінск 1999, с.57-63

³² Подробно о его деятельности см.: А. Л. KISHTYMOV, *Anton I. Stulginski (1851–1915), the First Belorussian Manager*, in: Russian Studies in History. Summer, 1996, vol. 35, NO. 1, p.80-88; А. Л. Киштымов *Добрушская бумажная фабрика: опыт социальной деятельности директора-распорядителя А.И.Стульгинского (80-е годы XIX в. – 1915 г.)*, in: Предпринимательство в Белоруссии, № 7 (28), 2000, с.29-31

– успешно развивала различные отрасли промышленности, сельское хозяйство, вела разработку лесных богатств, принимала участие в международных экономических отношениях. Беларусь оказалась в числе тех регионов Российской империи, которые раньше других исчерпали возможности экстенсивного развития экономики. Она имела экспортноориентированное производство, обладала достаточно совершенной для своего времени рыночной инфраструктурой и развитой сетью путей сообщений, с конца XIX в. в полной мере использовала стабильную общегосударственную валютно-финансовую систему. Потребности внутреннего белорусского рынка частично покрывались за счет импорта. Избыток рабочей силы в белорусских губерниях искал и находил себе применение за пределами Беларуси, в том числе за рубежом. Отдельные отрасли белорусской экономики развивались за счет иностранных инвесторов.

Нельзя сказать, что Беларусь целиком усвоила программу классического капиталистического университета. Но то, что ее народы перед началом мировой бойни 1914-1918 гг. прошли хорошую школу капитализма, – бесспорно. Первая мировая война и последующие исторические события подвели черту предыдущему циклу экономического развития. Экономический фундамент, который тогда был создан, значительно трансформировался уже позднее, на протяжении XX в., в новых исторических условиях.

Модернизация давала белорусам возможность выйти из хотя и многочисленных, но узкословных рамок крестьянства, в которых они в подавляющем большинстве оказались в ходе исторических трансформаций XVII-XVIII вв. Она резко повышала социальную мобильность и дала белорусам шанс воспользоваться услугами социального лифта для изменения своего положения в обществе. Экспортноориентированное производство транзитная модель отечественного народного хозяйства, позволяли белорусам заявить о себе миру в новой – экономической – сфере, которая пришла на смену религиозной и идеологической сферам и в конкуренции с военной сферой на протяжении всего XX в. доминировала на европейском историческом пространстве.

Еще недостаточно окрепшее и организационно оформленное белорусское национальное движение на заре своего появления столкнулось с реальностями процессов модернизации и в некоторой степени было их порождением. Эти процессы оказали на него несомненное влияние, как в положительном, так и отрицательном смысле. Ведь вместе с модернизацией пришли и новые идеи. И национальная идея была среди них далеко не единственной и далеко не всегда доминирующей. Так, новорожденный белорусский национализм испытал искушение социалистической идеей и в дальнейшем не выдержал конкуренции на этом поле с большевиками.

Без анализа европейских, всероссийских и белорусских модернизационных процессов невозможно объяснить всей сложности и противоречивости пути белорусского национального движения в XIX – начале XX вв., а, возможно, и в последующий период. В отличие от чехов, в начале XX в. белорусы не имели у себя такой национальной триады, как национальный университет, национальный музей и национальный театр. Но экономическая общность, сложившаяся в результате процессов модернизации на белорусских землях, позволяла ставить на историческую повестку дня вопрос о создании национального государства. Экономические предпосылки для него сложились раньше, чем культурно-исторические. К сожалению, этот фактор не был учтен в полной мере деятелями белорусского национального возрождения той эпохи. Скорее модернизация повлияла на ход и содержание белорусского национального движения, в то время как ее реалии не были в полной мере учтены в теории и политической практике его деятелей.³³

В определенном смысле можно констатировать, что недооценка процессов модернизации, в настоящее время трансформировавшихся в процессы глобализации, стала печальной исторической традицией белорусского национального движения. Хотя и сегодня именно экономическая общность является основным интегратором белорусской нации. Нельзя

³³ А. Л. КИШТЫМОВ, *Вопросы экономического развития Беларуси и белорусская национальная идея в начале XX в.*, in: Białoruskie Zeszyty Historyczne – Беларускі Гістарычны Зборнік, № 17, Białystok 2002, с.88-118

сказать, что современные теории генезиса и развития наций не признают наличие и их «экономического измерения». Но в этих дискурсах проблемы экономической модернизации присутствуют как-то незримо. Молчаливо подразумевается, что нации имеют свое экономическое пространство, но оно так же естественно, как географическое, и служит только фоном, на котором развивается национальная политика и культура. С другой стороны, и в достаточно многочисленных теориях модернизации национальный фактор в лучшем случае лишь упоминается. Поэтому эти теоретические построения далеко не всегда выдерживают проверку историческим материалом.

VLIV PROCESŮ MODERNIZACE NA ROZVOJ BĚLORUSKÉHO NÁRODNÍHO HNUTÍ (19. - ZAČÁTEK 20. STOLETÍ)

Doc. Andrej Kishtymov, CSc.

(Vysoká škola parlamentarismu a podnikání, Minsk)

Jedním z neaktuálnějších témat běloruské historiografie je hledání odpovědi na otázku, proč na začátku 20. století stále nebyla Bělorusy skutečněna idea získání národní státnosti. Na rozdíl od svých nejbližších sousedů (Polska, Litvy, Lotyšska) se Bělorusko nejenom nestalo plnohodnotným evropským státem, ale navíc ztratilo teritoriální jednotu svých etnických území. Dnes historici ve výkladu příčin vzniklé situace věnují hlavní pozornost zpravidla politickým a v poněkud menší míře nacionálně kulturním aspektům této problematiky. Ve stínu bohužel zůstává její hospodářská složka.

Ovšem nebylo tomu tak vždy. Na počátku 20. stol. byla pro činitele běloruského národního obrození představa Běloruska jako jednotného hospodářského celku neméně důležitá, než hledání jeho historické a kulturní jednoty. Jeden z nejvýznamnějších historiků hospodářských dějin začátku 20. stol., profesor Kyjevské Univerzity M. V. Dovnar-Zapolskij, autor spisu „Základy státnosti Běloruska“ – prvního manifestu běloruské státnosti – nepochyboval o „hospodářské samostatnosti Běloruska“. V jistém smyslu lze za předchůdce M. V. Dovnar-Zapolského pokládat redaktora prvních legálních novin v běloruském jazyce „Naša Niva“ A. Vlasova a jeho spolupracovníka, činitele běloruského nacionálně kulturního hnutí A. Luckeviče.

Zanedlouho po ztroskotání naděje na získání státní nezávislosti mizí také teze o hospodářské samostatnosti Běloruska, dosažené před I. světovou válkou. Nyní za nových podmínek během několika desetiletí běloruští publicisté-národníci, nacionální komunisté a posléze i sovětsí historikové agrárních a hospodářských dějin nejčastěji hledali a nacházeli příznaky hospodářské jednoty běloruských území výlučně v příbuznosti historických a hospodářských osudů běloruských dělníků a rolníků, přičemž tato příbuznost spočívala pouze v jejich nouzi, žebrotě a vysoké míře vykořisťování.

Široce byla používána teze o údajné koloniální závislosti Běloruska a patričně koloniální povaze jeho hospodářství. To všechno dobře zapadalo do Stalinovy koncepce – carského Ruska jako polokolonie a jeho národnostních okrajů jako kolonií.

Procesy modernizace jsou procesy přechodu od tradiční agrární společnosti ke společnosti moderní a industriální. Ve světových dějinách lze jejich začátek přiřadit k 16. stol., na běloruské území však přišly tyto procesy ve druhé polovině 18. stol. a nejvíce se projevil v 19. – začátku 20. stol. Zásadní význam má výklad modernizace jako řady revolučních, komplexních, globálních, dlouhodobých, etapových, nezvratných, progresivních procesů a jako procesu homogenizace, to znamená hromadění podobných rysů, což má zásadní význam pro genezi národa.

Národy nevznikají mimo dějiny, ale jsou součástí světového společenství. Uznání ze strany tohoto společenství je proto jednou z nejdůležitějších součástí historické legitimizace každého národa. Bez tohoto uznání se nemůže národ jednoduše uskutečnit. Šanci pro takovéto uznání poskytovala Bělorusům modernizace. Národní symboly Bělorusů doposud nepřekračovaly rámec místního regionálního významu. Pravoslavný svět znal Cyrila Turovského, ale právě tento biskup a ne Turov a Turovské země měl takovýto věhlas. Polock znal Eufrosynu Polockou a měl chrám sv. Sofie, ovšem nestal se centrem náboženského a státního sjednocení všech Bělorusů a nebyl symbolem Běloruska pro jeho sousedy. Historický význam činnosti Františka Skaryny musel být badateli v podstatě znovu objevenán několik století po jeho smrti. V období modernizace dostali Bělorusové spolu s jinými národy možnost sebereprezentace prostřednictvím svého hospodářského úsilí a úspěchů. Modernizace znamenala růst intenzity komunikačních vztahů, posílení vlivu ekonomických faktorů na společnost, nové oblasti zaměstnání a nové hospodářské role etnik, která osídlovala běloruské území. Modernizace způsobila prudký růst intenzity historických procesů a rychlost společenských změn.

Modernizace poskytovala Bělorusům příležitost překročit početné, ovšem úzké stavovské rámce rolnictva, v nichž se drtí většina z nich ocitla v průběhu historických změn 17. – 18. stol. Prudce zvyšovala společenskou mobilitu a poskytla Bělorusům šance využít mechanismus sociálního vzestupu pro změnu svého postavení ve společnosti.

Na vývoz orientovaná výroba a tranzitní model domácího hospodářství umožňovaly Bělorusům prezentaci v nové hospodářské sféře na světovém jevišti, která nahradila náboženskou a ideologickou sféru a za konkurence se sférou vojenskou dominovala na evropském historickém prostoru během celého 20. stol.

Nedostatečně silné a málo zformované běloruské národní hnutí narazilo na úsvitu svého vzniku na realitu procesů modernizace a bylo do jisté míry jejich výsledkem. Tyto procesy nepochybně ovlivnily národní hnutí a to jak v kladném, tak i v záporném smyslu. S modernizací přece jen přišly nové představy a ideje a národní idea nebyla mezi nimi vždy tou jedinou a dominující. Novorozený běloruský nacionalismus tak zažil pokoušení socialistickou idejí a posléze v této sféře podlehl konkurenci bolševiků.

Bez rozboru evropských, celoruských a běloruských modernizačních procesů není možné plně vysvětlit komplikovanost a protichůdnost cest běloruského národního hnutí během 19. – začátku 20. stol. a snad i v pozdějším období. Na rozdíl od Čechů neměli Bělorusové takové tři národní pilíře jako národní univerzitu, národní museum a národní divadlo. Ovšem hospodářské společenství, které se vytvořilo na běloruském území v důsledku procesů modernizace, dovolovalo uvažovat o vytvoření národního státu. Hospodářské předpoklady se pro něj vytvořily ještě dříve, než kulturně historické. Tomuto faktoru nebyla bohužel činiteli běloruského národního obrození té doby věnována odpovídající pozornost. Modernizace spíše ovlivnila průběh a obsah běloruského národního hnutí, zatímco k jejím reáliím nebylo v teorii a politické praxi jeho činitelů v plné míře přihlédnuto.

V jistém smyslu lze konstatovat, že podceňování procesů modernizace, které se nyní transformovaly do procesů globalizace, se stalo smutnou historickou tradicí běloruského národního hnutí, ačkoliv i dnes je právě hospodářské společenství základním integrátorem běloruského národa.

Nelze tvrdit, že současné teorie geneze a rozvoje národů neuznávají také existenci jejich „hospodářského rozměru“. Ovšem hospodářské procesy jsou v těchto diskurzích přítomny jaksi nepatrně. Za mlčenlivého souhlasu se předpokládá, že národy mají svůj hospodářský prostor. Tento prostor je ovšem stejně přirozený, jako prostor zeměpisný a slouží jen jako pozadí, na kterém se rozvíjejí národní politika a kultura. Zároveň je v četných teoriích modernizace národní faktor přinejlepším pouze zmiňován. Právě proto tyto teoretické konstrukce nemohou vždy obstát ve zkoušce historického materiálu.

BIBLIOGRAFIE:

- A. ВЛАСОВ, *Белоруссия и Литва*, in: Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России, под. ред. Л. Н. Яснопольского, Киев 1913, с.355-360
- A. ВЛАСОВ, *Белоруссия и Литва. Экономический очерк*, Минск 1918
- Гісторыя Беларусі*, у 6 т., т 4, *Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)*, Мінск 2005
- М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ, *Народное хозяйство Белоруссии. 1861-1914 гг.*, Минск 1926
- А. КИШТЫМАЎ, *Эканамчныя ўмовы фармавання беларускай нацыі ў канцы XV – 50-х гадах XX ст.*, in: 3 глыбі вякоў, выпуск 2, Мінск 1997, с.79-100
- А. КИШТЫМОВ, *Вопросы экономического развития Беларуси и белорусская национальная идея в начале XX в.*, in: Białoruskie Zeszyty Historyczne – Беларускі Гістарычны Зборнік, № 17, Białystok 2002, с.88-118
- А. Л. КИШТЫМОВ, *Экономическая эволюция Беларуси в составе Российской империи: характеристика, тенденции, итоги*, in: Наш Радавод, Книга 8, Гродно 2000, с.247-255
- А. КИШТЫМАЎ, *Эканамчныя падставы беларускай дзяржаўнасці на пачатку 20 ст.*, in: Гістарычны альманах, № 1 (3), 2000, с.16-48
- А. КИШТЫМОВ, *Rückständigkeit und Industrialisierung im 20. Jahrhundert*, in: Handbuch der Geschichte Weissrusslands, Göttingen 2001, s.258-275
- А. ЛУЦКЕВІЧ, *Эканамічная эвалюцыя і беларускі рух*, in: Гістарычны альманах, № 1 (3), 2000, с.128-136
- З. ШЫБЕКА, *Нарыс гісторыі Беларусі (1795-2002)*, Мінск 2003

Модели формирования нации в Беларуси после 1990 г.

Магистр гуманитарных наук *Елена Темпер*
(Лейпцигский университет, Лейпциг)

Введение

В докладе преследуются две цели. Во-первых, автор стремится опровергнуть существующее стереотипное представление о белорусах как «денационализированной» или «неудавшейся» нации и показать страну как арену интенсивного формирования нации. В отличие от многих других посткоммунистических государств, в Беларуси с 1990 г. существуют две противоположные версии национальной идентичности. Во-вторых, показательно, что такой нетипичный процесс создания нации подтверждает мнение инструменталистов, которые описывают формирование нации как политический инструмент.

В работе детально рассмотрены два конкурирующих проекта белорусской национальной идентичности. Первый проект, который можно условно обозначить как *генетический*, разворачивался в качестве возможности обоснования генезиса национальной идентичности, начиная с Великого княжества Литовского и в условиях дальнейшего формирования европейских наций, одной из которых в рамках данного проекта могут считать себя белорусы. Второй проект, связанный с возникновением СССР и господством марксистской идеологии, в которой субъектом исторических и социальных изменений считается класс, а не нация, стимулировал формирование над- или транснациональной коллективной идентичности в условиях «советского интернационализма». Этот проект стал *модернизационным* по отношению к предыдущему и выдвинул на первый план понятие народа как общности, стирающей национальные различия и межклассовые противоречия.

Достижение суверенитета в 1991 г. инициировало поиск четкой позиции и самоопределения Беларуси не только в качестве автономного государственного образования, но и единой коллективной общности.

Становление белорусской идентичности с 1990 по 1994 г.

Процесс становления белорусской идентичности в ранние годы белорусской независимости включал классический набор мер, характерный для многих других посткоммунистических стран. Эти меры включали изменение государственных символов, возрождение национального языка, введение «подлинных» мифов и традиций, а также новой интерпретации истории. В начале 1990-х годов члены Белорусского народного фронта (БНФ)¹ старались продвинуть «национальный»/«генетический» проект становления нации. На этом этапе развития Беларусь ничем не отличалась от других стран на постсоветском пространстве. Хотя БНФ не имел большинства мест в парламентах 1990-1995 гг., ему удалось осуществить большую часть его культурной программы на государственном-политическом уровне.²

Изменение государственных символов было проведено весьма просто: красно-зеленый флаг БССР и государственный герб были заменены бело-красно-белым флагом и гербом «Погоня», который в свое время был символом Великого княжества Литовского (ВКЛ), а позже символом Белорусской Народной Республики, которая просуществовала с марта до декабря 1918 г. Из официального названия государства исчезли слова «советских» и «социалистических», название государства и написание его осуществляются согласно правилам белорусской грамматики. Главным государственным праздником стал День Независимости, отмечаемый 27 июля, вместо

¹ Белорусский народный фронт (БНФ) – гражданское движение за демократию и национальное возрождение, сформированное в конце 1980-х годов. Председателем является Зенон Пазняк.

² Кандидат БНФ на президентских выборах 1994 г., председатель Консервативно-христианской партии БНФ, Зенон Пазняк получил 12,9% голосов, а в парламенте 1995 г. партии не удалось получить даже одного места.

Дня Октябрьской революции. Одновременно были введены религиозные праздники, причем обоих главных церквей Беларуси, православной и католической, а также традиционный эквивалент Дня всех святых (Дзяды).

Языковая политика стала самым очевидным признаком изменения. Согласно постановлению Верховного Совета в «Законе о языках в Республике Беларусь»³, в течение 10 лет предусматривалась замена русского языка на белорусский язык в качестве государственного. Условия программы включали обязательное изучение белорусского языка в учреждениях общего и высшего образования, экзамены по белорусскому языку в рамках квалификации государственных служащих и отмену употребления русского языка в сферах СМИ, образования и администрации. Белорусские языковые школы и классы были открыты по всей стране. Так, в 1995 г. из 219 школ Минска статус белорусскоязычных получила 181 школа, а предмет «История Беларуси» изучался исключительно на белорусском языке во всех школах, независимо от их языкового статуса.

Однако выполнение программы о языках поставило белорусов перед проблемами как теоретического, так и практического рода. Главной теоретической проблемой оказался дефицит белорусской терминологии. Данная ситуация возникла из-за доминирования русского языка в научной и общественной сферах в Беларуси с 1930-х годов. Торопливо изобреталась белорусская терминология, особенно в естественных науках. Кроме терминологических трудностей, возник спор о системе грамматики: государственные органы утвердили русифицированную и упрощенную версию грамматики «наркамаўка», которая была принята советскими властями в 1933 г., в то время как члены БНФ старались продвинуть «Тарашкевіцу» наиболее сложную версию, которая была широко распространена до 1930-х годов. Нерешенные лингвистические проблемы привели в первую очередь к неправильному использованию белорусской грамматики и сло-

³ Верховный Совет Республики Беларусь, «Закон о языках в Республике Беларусь» от 26 января 1990 г.

варя в массовом масштабе. Более того, противники белорусского языка излагали этот факт как четкий аргумент, который еще раз подтверждал, что белорусский язык представляет собой лишь «низший сельский диалект» среди преобладающего русского языка. Однако знание белорусского языка стало необходимым в рабочей жизни, и этот факт существенно повлиял на иерархию власти в общественной администрации и образовании.

Помимо языковых исследований, особое внимание было уделено исследованию белорусской истории и культуры. Речь идет о создании и последующем издании нескольких главных информационных источников: шести томов энциклопедии истории Беларуси, универсальной Белорусской энциклопедии в восемнадцати томах, однотомной энциклопедии белорусского языка, белорусских мыслителей, иллюстрированной хронологии истории Беларуси и проч. В том числе вышла книга И. Самвонова, в которой автор на 230 страницах детально описал «Фізычны тып беларусаў».⁴

Курс истории Беларуси стал обязательным в школах и университетах. В начале 1990-х годов были распространены две интерпретации белорусской истории. Советская версия рассматривала белорусов как ветвь русской нации, а БССР – как кульминацию белорусского исторического развития. Альтернативой советской версии была националистическая интерпретация (БНФ) белорусской истории, в которой белорусы рассматривались как многострадальная европейская нация. Россия и в меньшей степени Польша выступали здесь как враги и причина всех национальных страданий. По словам лидера БНФ, Беларусь была жертвой российских имперских амбиций, которые существовали как в течение царского, так и коммунистического периодов.⁵ Националистическая версия истории была широко распространена: один из ее центральных обзоров, «100 вопросов и ответов по Белорус-

⁴ I. САМВОН, *Фізычны тып беларусаў*, Минск 1994

⁵ БНФ демонстративно праздновал победу над Россией в сражении под Воршай (Орша) в 1514 г., когда армия ВКЛ под руководством белорусского магната Астрожского разбила войска царевича Московского государства, которые были в два раза сильнее.

ской истории» был напечатан в государственной газете «Звезда», а также издан отдельной книгой.

Белорусские академики опасались возникновения резких радикальных националистических тенденций. Вместо этого они стремились провести и издать объективный и беспристрастный обзор белорусской истории для государственных образовательных учреждений, хотя академический обзор был в конечном счете ближе к националистической, чем к советской интерпретации. Например, в то время как БНФ описывало ВКЛ как белорусское государство, а советская историография утверждала, что белорусы угнетались поляками, академики описали ВКЛ как полиэтничное государство, в котором процветала белорусская культура. Такое подобие между академической интерпретацией и националистическим обзором белорусской истории приводило к их единству в восприятии белорусского общества.

В то время как культурная программа БНФ была почти полностью поддержана и осуществлена на государственном уровне, экономическое развитие страны оставалось в руках коммунистической элиты, которая предпочитала скорее социальную стабильность, чем экономические реформы. Поскольку в начале 1990-х годов жизненный уровень продолжал снижаться, новая белорусская идентичность все больше и больше связывалась с опасной и непостоянной жизнью. Бурное поражение БНФ на президентских и особенно на парламентских выборах объясняется в первую очередь тем, что БНФ был не в состоянии объяснить исторический и социальный контекст страны, на котором он строил свою теоретическую выполнимую политику.

Формирование идентичности на советский манер (1995-2000 гг.)

Вскоре после выборов 1994 г. белорусский президент А. Лукашенко опроверг «национальную» версию и продвинул модель национальной идентичности, основанную на советских идеологических принципах. Советские государственные символы были повторно установлены в немного «исправленной» форме после референдума в мае 1995 г. Эти символы были

сразу же внедрены в повседневную жизнь. Президентский декрет предписывал обязательное присутствие возрожденного советского флага и герба в государственных учреждениях. Паспорта с гербом «Погоня» были признаны недействительными и заменены с декабря 1996 г. на паспорта с советскими символами. День Независимости был перенесен со Дня объявления суверенитета 27 июля, на День освобождения Минска от немецких захватчиков 3 июля. «Дяды» потеряли свой статус выходного дня, а День Великой Октябрьской революции был восстановлен вновь. После референдума, в результате которого русский язык вновь получил статус государственного, появилась серьезная угроза для белорусского языка. Как первое последствие референдума, во всех первых классах белорусских школ и белорусскоязычных классах русскоязычных школ было введено обязательное изучение русского языка.⁶ «Бедный язык, на котором невозможно выразить великие мысли», – это президентское высказывание о белорусском языке как будто подписало приговор о его судьбе. В 1998 г. были приняты изменения и дополнения в «Закон о языках». В частности, статья № 26 начиналась так: «В Республике Беларусь языками в сфере культуры являются белорусский или русский». Это, казалось бы, незначительное дополнение – союз «или» – привело к стремительному вытеснению белорусского языка из всех сфер деятельности человека. В результате, по данным на начало 2004-го учебного года, в Беларуси образование на белорусском языке получает лишь 23,8 процента школьников.

Школы и университеты были заново подвергнуты новой интерпретации истории. Учебники, изданные между 1992 и 1994 гг., как «пропитанные политикой» этого времени, были выведены из обращения. Учебники советской эры возвратились из архивов. В отличие от так называемой «националистической» модели истории Беларуси, которая рассматривала Беларусь как часть ВКЛ и Речи Посполитой, «новый» учебник, изданный в 1996 г., практически не отличался от

⁶ По данным Таварыства беларускай мовы (ТБМ), в 1995 г. на русский язык обучения были переведены 108 школ, в 2002 г. ликвидированы 152 белорусскоязычные школы, в 2003 г. закрыты еще 118, а в 2004 г. – очередные 75 школ.

своего советского предшественника. История подразделялась на фазы феодализма, капитализма и социализма.⁷ Учебник истории для университетов, который был утвержден Министерством образования, утверждал версию происхождения белорусов как части славянской семьи, состоящей из русских, украинцев и белорусов.⁸ Другой справочник истории опровергал бело-красно-белый флаг и герб «Погоню» как исторические национальные символы и утверждал, что советский флаг и герб являются более истинными.⁹

Политика суверенитета как противовес интеграции с Российской Федерацией

До 2000 г. различие между двумя стратегиями формирования национальной идентичности в Беларуси было абсолютно очевидным, т.к. использовалась противоположная риторика и подчеркивались разные ценности. Наиболее сложная ситуация возникла в 2001 г., когда А. Лукашенко в начале его второго президентского срока оказался перед задачей согласования советской идентичности с белорусским суверенитетом.

Вскоре после его инаугурации он начал интеграцию с Российской Федерацией.¹⁰ Летом 2002 г. российский президент В.Путин объявил, что вход Беларуси в состав России представляется для него единственным выполнимым планом интеграции. Осенью того же года Россия на несколько дней приостановила поставки газа в Беларусь. Однако встреча на высшем уровне в январе 2003 г. способствовала урегулиро-

⁷ І. НОВІК, В. ЦЯПЛОВА, *Гісторыя Беларусі, 2-е издание*, Мінск 1996

⁸ І. НОВІК, Т. МАРЦУЛЬ, *Гісторыя Беларусі: дапаможнік для паступаючых ў Вузы, 1-е издание*, Мінск 1998, с.258

⁹ У. СМЯТАННІКАЎ, *Беларусазнаўства: дапаможнік для паступаючых ў прафесіянальна-тэхнічныя навучальныя установы*, Мінск 1998, с.112

¹⁰ Эта реакция озадачила много наблюдателей. Предложенные объяснения можно разделить на три категории. Одни утверждали, что интеграция была логическим продолжением советской политики идентичности, к которой стремится белорусский президент. В другом объяснении значительную роль играли экономические эффекты для Беларуси в форме льготных цен на импорт российского газа и нефти. Третье оспаривало личные амбиции Лукашенко достигнуть российского президентства, которое потребовало бы отмены суверенитета Беларуси.

ванию общих проблем, поскольку оба президента повторили знакомую риторику интеграции.

Тем не менее Лукашенко понял, что его собственная власть была бы резко ограничена, если бы Беларусь стала российской областью, как того потребовал Кремль. Укрепление суверенитета Беларуси, как гаранта власти и безопасности Лукашенко, внезапно стало важнейшим делом, которое было также поддержано немалым количеством правительственных мер в различных областях социальной и политической жизни.

К лету 2002 г. текст гимна Республики Беларусь был наконец написан. В общественном конкурсе победила «откорректированная» версия гимна БССР. Новые слова зазвучали на музыку, знакомую с советских времен. Идейная основа гимна не совсем однозначна, как, собственно, и сама риторика Лукашенко. С одной стороны, текст содержит ссылки на «народаў братэрскі саюз», хотя уже в следующей строке поется: «Вечна жыві і квітней Беларусь».¹¹ 3 000 человек были собраны в декабре 2002 г. на площади Свободы в Минске, чтобы сделать запись гимна. Это «народное» пение показали впервые в новогоднюю ночь 2003 г., и с тех пор государственный гимн звучит каждый день в начале и конце трансляций на каналах БТ-1 и ОНТ. В первом варианте видеоклипа государственный гимн исполнялся большой группой людей под аккомпанемент военного оркестра зимним вечером на склоне холма у Кафедрального собора города Минска. Телевизионная камера медленно проезжала вдоль первого ряда исполнителей, показывая их лица крупным планом, или произвольно выхватывая отдельных персонажей, которые не выделялись каким-то особым образом: это однородная, недифференцируемая толпа в темной одежде, не позволяющей подчеркнуть какие-либо уникальные отличительные признаки составляющих ее индивидов. Здесь речь шла скорее о массе, нежели о народе, поскольку никакие национальные признаки не были представлены, а имелись лишь флажки в руках у людей как символы их государственной

¹¹ Э. СКОБЕЛЕЎ, *Герб, Сцяг і гімн Беларускай Дзяржавы*, Мінск 2004

принадлежности. Вскоре появился новый вариант видеоклипа, в котором исполнение гимна происходит в ярко освещенной студии, исполнители четко дифференцированы по национальным и сословным признакам благодаря своей одежде (национальные костюмы большинства народностей, проживающих на территории республики), в результате чего они воспринимаются как представители различных культур и национальных меньшинств, составляющих основную часть населения Беларуси. Кроме того, наличие разных возрастных и половых групп, семейных и профессиональных сообществ, которые представлены здесь достаточно четко, позволяет увидеть в данном варианте белорусской нации образ гетерогенной мультиэтнической общности, неоднородной по своему составу. В таком варианте современная Беларусь предстает как наследница советской доктрины интернационализма, поскольку она вмещает в себя, помимо белорусской нации, и другие национальности: русских, украинцев, поляков, евреев и пр. Поэтому в данном случае речь идет, скорее, о формировании визуального/виртуального образа не нации, но *белорусского народа*, в котором сами белорусы являются лишь одной из многих этнокультурных групп, на правах одного из членов «працавітай, вольнай сям’і», входящей в «народаў братэрскі саюз».

Государственный флаг и герб внедрились во все аспекты повседневной жизни. Они появляются в начале вечерних новостей по белорусскому телевидению и на первых полосах государственных газет. Вполне приемлемо стало вывешивать белорусский флаг и портрет президента в официальных учреждениях.

В качестве других примеров «медленной институционализации государственности»¹² можно привести переименование главных государственных и культурных учреждений в 1997 г. Академия наук, Центральный исторический архив, аэропорт Минск-II – все они приобрели статус и название «национальных». Парламент, до сих пор называвшийся «Вы-

¹² Y. ZAPRUDNIK, *Belarus in search of national identity between 1986 and 2000*, in: E. KOROSTELEVA. (ed.), *Contemporary Belarus: Between Democracy and Dictatorship*, Curzon, Richmond 2002, p.162

сший Совет» был переименован в «Национальное собрание». Новое здание Национальной библиотеки, строительство которого потребовало пожертвований от населения, было названо Лукашенко «очевидным символом суверенной и высоко образованной Беларуси».¹³ Строительство проходило не только под личным патронажем президента, но он и сам неоднократно прилагал свои физические усилия в День республиканского субботника. «Принимая решение об этой стройке, мы мечтали возвести здание, которое станет национальным символом нашей молодой независимой страны, нашей визитной карточкой, воплощением самых важных черт характера белорусского народа», – подчеркнул президент на открытии библиотеки 16 июня сего года.¹⁴

Все же самым ощутимым свидетельством укрепления суверенитета является упоминание «государства» как такового в официальных президентских речах и государственных новостях. Текстовый анализ некоторых важнейших выступлений подтверждает этот факт. В своей речи перед парламентом в 2002 г.¹⁵ Лукашенко упомянул слово «государство» четырнадцать раз, «родина» – три раза, «людей и традиции» – в пяти случаях. В обращении к народу в День Независимости того же года¹⁶ Лукашенко заявил, что «Беларусь способна отстаивать свой суверенитет и независимость».¹⁷ В данном году впервые за всю историю его выступлений в День Независимости Беларуси президент не обратился к России с приветствием, и это был тот редкий случай, когда А. Лукашенко перед большой аудиторией выступал на белорусском языке.¹⁸ Он указал на корни белорусской государственности в средневековых государствах ВКЛ и Речь Посполитой, но назвал БССР «первым настоящим национальным белорусским государством», таким образом пытаюсь связать средневековую славу с советским наследием.

¹³ <http://www.president.gov.by/press24373.html#doc>

¹⁴ <http://www.president.gov.by/press24373.html#doc>

¹⁵ <http://www.president.gov.by/rus/president/speech/2002/02frag.html>

¹⁶ <http://www.president.gov.by/rus/president/speech/2002/02den.html>

¹⁷ <http://rusbel.chat.ru/pc/040702.htm>

¹⁸ <http://rusbel.chat.ru/pc/040702.htm>

Общенациональный опрос в декабре 2002 г. продемонстрировал, что, не смотря на то, что 53% населения все еще одобряют некоторую форму союза с Россией, почти три четверти респондентов утверждали, что они не будут поддерживать никакой формы союза России и Беларуси, которая могла означать для Беларуси потерю суверенитета и независимости.¹⁹ Исследование другой организации в Минске привело к почти идентичному результату: 54% опрошенных были за интеграцию, в то время как почти три четверти возражали против Беларуси, теряющей ее независимость в целом.²⁰ Если рассматривать эти факты как индикаторы успеха политики укрепления суверенитета Беларуси, то можно сказать, что план А.Лукашенко свершился.

Заклучение

Обобщение изложенного позволяет сделать вывод о том, что национализм и политика идентичности остаются существенным политическим инструментом в современном обществе. «Денационализированное» государство, как описывалась Беларусь, представляет на самом деле арену интенсивного формирования нации. Причиной того, почему этот процесс оставался долгое время в значительной степени незамеченным, возможно, является его неожиданное содержание: с одной стороны, он держится за советское прошлое, а с другой – противоречит заявленной государственной цели, а именно, интеграции с Россией. Анализ риторики интеграции демонстрирует, что укрепление белорусского суверенитета и советской идентичности являются главными инструментами укрепления существующего авторитарного режима в Беларуси.

¹⁹ www. Rfe/rl.org, 13. 02.03

²⁰ Belarus Reporting Service No. 3, Institute for War and Peace Research, London 2003.

MODELY FORMOVÁNÍ NÁRODA V BĚLORUSKU PO ROCE 1990

Mgr. Elena Temperová (Lipská univerzita, Lipsko)

V daném příspěvku budou stručně popsány hlavní příznaky dvou navzájem si konkurujících projektů vytvoření běloruské národní identity. První projekt, který lze podmíněně označit jako *genetický*, se rozvíjel jako možnost zdůvodnění geneze národní identity počínajíc od Velkoknížectví Litevského a za podmínek dalšího formování evropských národů, za jednoho z nichž se mohou v rámci daného projektu pokládat Bělorusové. Druhý projekt spojený se vznikem SSSR a nadvládou marxistické ideologie, v němž se za subjekt historických a sociálních změn pokládá třída a ne národ, stimuloval formování nad- nebo transnárodní kolektivní identity v podmínkách „sovětského internacionalismu“. Tento projekt se stal *modernizační* vzhledem k předchozímu a vyzdvihl do popředí výklad národa jako společenství, které eliminuje národnostní rozdíly a třídní rozpory.

V roce 1991 iniciovalo dosažení suverenity hledání přesně definované pozice a sebeurčení Běloruska nejen jako autonomního státního útvaru, ale zároveň jako jednotného kolektivního společenství. Počátkem 90. let 20. stol. příslušníci Běloruské národní fronty (BNF) usilovali o prosazování „národního“/„genetického“ projektu formování národa. V dané etapě rozvoje se Bělorusko ničím nelišilo od jiných států v post-sovětském prostoru. Ovšem v roce 1994 dementoval po svém nástupu k moci běloruský prezident Alexandr Lukašenko „národní“ verzi a prosadil model národní identity založený na sovětských ideologických principech. Dále jej budu označovat jako „sovětská“ verze.

Formování běloruské identity během let 1990-1994

Proces formování běloruské identity obsahoval během raného období běloruské nezávislosti tutéž klasickou soustavu opatření, učiněných mnohými jinými postkomunistickými státy. Tato opatření obsahovala změnu státních symbolů, obrození národního jazyka zavádění „pravých“ mýtů a tradic a novou interpretaci dějin.

Změna státních symbolů se uskutečnila bez jakýchkoli zvláštních incidentů. Červeno-zelená vlajka BSSR a státní erb byly nahrazeny bílo-červeno-bílou vlajkou a symbolem Pronásledování (Pahonja), tj. erbem Velkoknížectví Litevského. Z oficiálního názvu státu zmizela slova „sovětská“ a „socialistická“ a název státu se začal vyslovovat a psát podle pravidel běloruské gramatiky.

Hlavní státní svátek, Den Říjnové revoluce, byl nahrazen Dnem nezávislosti, který připadal na 27. července. Zároveň byly zavedeny náboženské svátky obou hlavních církví Běloruska – pravoslavné i katolické a podle obojí tradice slavený svátek zemřelých (Radunica, Dziady).

BĚLORUSKO - MORAVA - MAKEDONIE: KONVERGENCE A DIVERGENCE OBROZENECKÉHO PROCESU

Mgr. Miroslav Kouba (Univerzita Karlova, Praha)

Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмерлі!

Francišak Bahuševič: Дудка беларуская

Oumysl můj byl od jakživa, nerozlučovati co bůh spojil, a nedělati tam hrází, kde jich od přírody není; pevně zajisté mám o tom přesvědčení, že jsa rodem Moravan, jsem národem Čech. Ale pohříchu jsou aneb byli aspoň také muži, dle kterýchžto smyslu vlastenectví moravské měloby tuším býti protičeským.

Následkem takovéto myslí a snahy odjata mně již před léty sama možnost, poznati jaké prameny Morava v lůně svém chová.

František Palacký: Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě

*Кога стигнеш в моя земя,
в българската Македония,
ке видиш българии-юнаци,
нестрашливи македонци.*

Rajko Žinzifov: báseň Охрид (Ochrid)

Obrozenecký proces má u většiny slovanských národů etnocentrické rysy. Základní otázky, jimiž se zabývá a které tvoří do značné míry jeho podstatu, jsou vázány kromě jazykové otázky či společensko-politického programu státní svébytnosti rovněž na nezbytný aspekt dotvářející se národní identity a vědomí určité etnické příslušnosti. V tomto smyslu bylo již napsáno mnohé o *národních obrozeneckých hnutích* jednotlivých slovanských národů, jež napomohly dříve či později ke konečné afirmaci daného etnika. Rovněž z mnoha prací vyplývá i možná podstata obrozeneckého procesu – totiž navození aktuálního myšlenkového proudu, jenž by skutečně rozechvěl niterné struny jednotlivce i celku.¹ Uvědomění sebe

¹ F. KUTNAR, *Obrozenecké vlastenectví a nacionalismus (Příspěvek k národnímu a společenskému obsahu češtví doby obrozenecké)*, Univerzita Karlova – Karolinum, Praha 2003, s. 17.

Jazyková politika se stala nejevidentnějším příznakem změn. Podle usnesení Nejvyšší rady se v „Zákonu o jazycích v Běloruské republice“ od 26. ledna roku 1990 nařizovala náhrada ruského jazyka běloruským ve státní a veřejné sféře během deseti let. K podmínkám programu patřila povinná výuka běloruštiny v institucích obecného a vyššího vzdělání, zkoušky z běloruštiny v rámci kvalifikace státních úředníků a zrušení používání ruštiny v masmédiích a také ve sféře vzdělání a státní správy. Běloruské jazykové školy a třídy byly otevřeny po celé zemi.

Kurz běloruských dějin se stal ve školách a na univerzitách povinný. Byly vyžadovány nové učebnice. Množství vědeckých studií narůstalo. Byla rozšířena nacionalistická interpretace (BNF) běloruských dějin, podle níž byli Bělorusové pokládáni za mučednický evropský národ. Rusko (a v menší míře i Polsko) bylo považováno za nepřítele a příčinu všech útrap národa. Podle slov lídra BNF bylo Bělorusko obětí ruských imperiálních ambicí, které byly přítomny jak za carského, tak i za komunistického období.

Formování identity na sovětský způsob 1995-2000

Zanedlouho po svém zvolení prezidentem se A. Lukašenko brzy vrátil k sovětské identitě. Sovětské symboly byly po referendu v květnu roku 1995 zpětně nastoleny v poněkud „korigované“ podobě. Tyto symboly byly ihned uvedeny do každodenního života. Prezidentský dekret nařizoval povinnou přítomnost obrozené sovětské vlajky a erbu ve státních organizacích. Pasy s erbem „Pahonja“ byly prohlášeny za neplatné a od prosince 1996 nahrazeny pasy se sovětskými symboly. Majitelé aut byli povinni na poznávacích značkách vozidel zaměnit erb „Pahonja“ za sovětský znak. V roce 1996 byl Den nezávislosti ze dne vyhlášení suverenity 27. července přenesen na den osvobození Minska od německých okupantů 3. července. Dziady (Dušičky) ztratily svůj status státního svátku a Den Říjnové revoluce jej znovu nabyl. Po referendu v květnu roku 1995, v jehož důsledku se ruštině dostalo statutu státního jazyka, se běloruský jazyk ocitl ve značném ohrožení. Jako první důsledek referenda byla ve všech prvních třídách běloruských škol a v běloruských školách zavedena povinná výuka ruštiny.

Kromě zmíněných projektů tvoření běloruské národní identity je v příspěvku popisován i třetí projekt, který byl zahájen od roku 2001 – a to upevnění suverenity Běloruska jako protiklad integrace s Ruskou federací.

sama ve smyslu etnickém velmi úzce koresponduje s uvědoměním kolektivním, které je v mnoha konotacích možno označit za hledání odpovědi na některé historické reminiscence. Není nutno připomínat, že význam samotného pojmu *národ* se v jednotlivých epochách mění.² Přejít k obrozeneckému pojetí národního povědomí proto do značné míry vychází z argumentace, že daná země je například česká právě proto, že má svůj jazyk, své myšlení a cítění, práva, tradice či kulturu.³ Její obyvatelstvo by tedy mělo najít určitý vztah sjednocení duše, mysli a srdce v duchu pojmové jednoty národa a území. Aspekty tradic a jazykové otázky nesporně představují jeden z pilířů v zásadě každého obrozeneckého procesu.

Odborná i populárně-naučná bibliografie je k otázkám procesů národního obrození jednotlivých slovanských národů nesporně velmi bohatá. Problematická však může být otázka ukončenosti („uzavřenosti“) obrozeneckého procesu. Vznik a dotváření nových jazyků se může zdát na první pohled již ukončeným dějem, nicméně události 90. let 20. století naznačují nejen s ohledem na slovanský jih, že obrozenecké kategorie se mohou ukazovat ve více či méně jasných konturách skutečně i v době přítomné. Jako nesporný fakt byla již zmíněna úloha jazyka, který představuje v etnocentrickém obrození výrazný sociokulturní požadavek. Jazyk je možno označit jako faktor mnohdy podmiňující samotné obrození – ke vzniku národního vědomí je nutno mít pocit určité kolektivní odlišnosti od okolních *národních společenství*. V rámci těchto úvah je tedy možno říci, že jazyk a jeho užívání symbolizuje také nosnou rovinu národního vymezení.

Jak bude později patrné, rovněž skutečnost spisovného jazyka hraje významnou roli pro všechna prostředí, jimiž se bude zabývat náš příspěvek. Spisovný (kodifikovaný) jazyk je *konstrukt*, pro

² Jan Rychlík tento problém naznačuje takto: „Již od starověku existoval v různých formách i pojem *národ*, avšak jeho význam byl zcela odlišný od dnešního, protože nepředstavoval žádnou politickou jednotku. Ještě ve středověku národy v dnešním slova smyslu neexistovaly. Pro středověkého člověka měla mnohem větší význam než příslušnost etnická stavovská příslušnost, která u privilegovaných vrstev vytvářela jakousi nadnárodní skupinu.“ Viz: J. RYCHLÍK, *Problém formování novodobých slovanských národů*, in: Научни трудове, том 41, кн. 1 – Филология, Университетско издателство Паисий Хилендарски, Пловдив 2003, s. 539.

³ F. KUTNAR, *Obrozené vlastenectví* (...), s. 22.

jehož formování je významným faktorem ochota daného obyvatelstva tuto jazykovou normu přijmout a vřadit ji do rámce mimo jiné i politických snah o dotvoření konkrétní národní identity.⁴ Úlohu, jakou hraje jazyk a zejména pak jeho kodifikace, může nesporně ilustrovat specifická situace regionů, vybraných pro stávající příspěvek – Bělorusko, Morava a Makedonie.

Koncept národního obrození je pro celou řadu slovanských národů snad již uzavřen, jak o tom vypovídá i bohatá bibliografie. Přesto se však v souvislosti se společenským vývojem po roce 1990 rýsuje v různých konotacích nová otázka – totiž podstata případných regionálních obrození. Do rámce regionálně (územně) pojímaného obrození lze zařadit také obrozenecký proces tří zmiňovaných regionů. Problém *obrozeneckých epilogů*, soustředících se na regionalismy nejružnější povahy je právě ve slovanském prostředí výsledkem nezbytných obrozeneckých otázek. Miroslav Hroch tuto problematiku velmi výstižně naznačuje v rámci své koncepce formování národních identit. Hroch rozděluje evropské národy podle typologických kritérií budování jejich kolektivního (národního) vědomí.⁵ Jinými slovy lze hovořit o regionálním obrození jako o další fázi či kapitole obrozeneckého procesu. To je příklad jak Makedonie, tak Moravy a v jistém smyslu i Běloruska.

Ve vztahu k těmto otázkám Miroslav Hroch dále podotýká, že v rámci multietnického státu (soustátí), jimiž bylo carské Rusko i Habsburská monarchie, se rozvíjela jak identita říšská, tak i identita zemská, jež se v určitém smyslu vztahovala k historickým politickým celkům, které byly do multietnického celku někdy v minulosti začleněny.⁶ Cílem našich úvah je tedy snaha vymežit přechod od *zemské identity* k *identitě národní* (etnické), který bude symptomatický pro všechny tři vybrané regiony.

Přijmeme-li soubor otázek, jež utvářejí hrubý rámec obrozeneckého procesu – tedy kategorie sociokulturního významu jazyk – náboženství – literatura – dějinný odkaz (hledání historických

⁴ J. RYCHLÍK, *Problém formování* (...), s. 541.

⁵ Srov.: M. HROCH, *V národním zájmu*, Nakladatelství Lidové noviny – edice Dějiny a současnost, Praha 1999, s. 14-16.

⁶ tamtéž, s. 23.

kořenů a jejich obrozenecké funkce), pak vidíme, že rozdíly mezi Běloruskem, Moravou a Makedonií se mohou zdát více či méně rámcové.

S ohledem na jazykovou otázku nemůžeme ani v jednom případě hovořit v průběhu 19. století o plně dokončeném kodifikačním procesu. Běloruský příklad je neobyčejně komplikovaný – podobně jako realita makedonská. V Bělorusku vždy fungovala určitá forma bilingvismu (případně polylingvismu) – svoji úlohu zde hraje nejen klasická nářeční pestrost, ale rovněž obecně užití smíšených nářečí ať už svoji podstatou bělorusko-ukrajinskou či bělorusko-polskou.⁷ Polský badatel Andrzej Romanowski tuto situaci vhodně definuje tak, že „mówić po prostomu znaczy na Białorusi: posługiwać się językiem, w zależności od okolicy, w której się mieszka.“⁸ Podobná jazyková situace bude patrna po celé 19. století také v Makedonii. Není pochyb o tom, že v obrozeneckých dobách má jazyková otázka jednoznačně regionální charakter. O tom v neposlední řadě svědčí i příklad užívání na východě Běloruska tzv. *trasjanky*, tedy jazykového systému na základě západoruských dialektů s příměsí místní *lidové* slovní zásoby.

Regionální charakter je markantní i v samotném užití toponyma Bělorusko. Termín se objevuje již od 13.-14. století, kdy má ale jednoznačně omezený (regionální charakter), jenž se vztahuje v zásadě pouze na Vitebskou a Minskou oblast. V tomto smyslu již označení Ukrajina, jinak rovněž regionální, vykazuje již konkrétnější podstatu. Relativně složité poměry jazykové ještě komplikuje ten fakt, že právě v běloruském případě chybělo až do 19. století toponymum, jež by zahrnovalo celý etnický prostor Bělorusů. Do plného užívání se tedy označení *Bělorus* – *běloruský* dostává až poté, co jsou překonány všechny snahy ruského cara elimino-

⁷ Rovněž z hlediska etnického je situace složitá – v době carského Ruska (od druhého dělení Polska) tvořili Bělorusové většinu pouze v guberniích Minské a Mogilevské. V ostatních oblastech běloruského prostoru vznikala relativně smíšený pás etnický smíšeného obyvatelstva. Srov.: M. HROCH, *Obrození malých slovanských národů – I. Národy severní a východní Evropy*, Universita Karlova v Praze, Praha 1971, s. 107.

⁸ A. ROMANOWSKI, *Dylematy językowe Białorusinów w przeszłości i dziś*, in: M. BOBROWNICKA (ed.), *Język i tożsamość narodowa. Slavica*, Universitas, Kraków 2000, s. 123.

vat jakékoliv regionalismy.⁹ Nutno dodat, že obnovení (znovurozšíření) termínu „Bílá Rus“ je v tomto prostředí projevem vzrůstajícího se národního povědomí, a proto je v ryzí podobě spjato až s pozdějším vývojem. I na základě běloruských pramenů je patrné, že konsolidace běloruského etnosu v národ byla započata růstem národního vědomí, přičemž od druhé poloviny 19. století vstupuje do stále aktivnějšího užití etnonymum *Bělorus* (*Беларусь*) a postupně si tak získává pevnější místo, byť jeho užívání je oficiálně zakázáno. To mimo jiné dokládá i skutečnost, že v rámci sčítání lidu z roku 1897 si zvolilo běloruský jazyk jako jazyk mateřský přibližně 74% populace Běloruska. Takto termín *Bělorus* postupně vytlačuje rovněž regionální označení tamního obyvatelstva *Litvini* a *Černorusové*.¹⁰

Vrátíme-li se k běloruské jazykové otázce, pak je nutno také si povšimnout problému *identity písma*. Běloruština v zásadě užívala až do počátku 20. století souběžně dvě písma – latinku podle polského pravopisného úzu a azbuku ruského úzu. Obě písma měla do značné míry identifikační charakter. Naznačovala autorovu orientaci a jeho vazbu k jednomu ze dvou „recepčních kulturních prostředí“ – polsko-litevskému či ruskému. O tom svědčí například běloruský překlad Mickiewiczova *Pana Tadeáše*. Tento překlad pořídil Vincent Dunin-Marcinkėvič (Wincenty Dunin-Marcinkiewicz, 1807-1884), jenž bývá chápán jako první profesionální běloruský básník a zároveň dramaturg. Cenzura však roku 1859 tento překlad zakázala vytisknout nikoli proto, že byl běloruský, nýbrž právě proto, že se ho Marcinkėvič rozhodl tisknout v běloruské latině a ne cyrilici. Odlišnou identitu písma je současně možno označit jako fenomén, který se u dvou ostatních obrozeneckých procesů – moravského a makedonského – vyskytuje v jiných konotacích (především v Makedonii hraje určitou emancipační roli vymezení *makedonské cyrilice*).

⁹ Užívání historického názvu Bílá Rus bylo dokonce carským výnosem Mikuláše I. zakázáno (rok 1840) a úředně zaveden byl termín Severozápadní kraj.

¹⁰ Я. К. НОВИК, Г. С. МАРЦУЛЬ, *Гісторыя Беларусі ў двух частках, частка I (Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.)*, Выдавецтва «Універсітэцкае», Мінск 1998, s. 389-390.

Bez ohledu na tyto počátky lingvistického přístupu k běloruské jazykové otázce je však nutno konstatovat, že právě konfesní rozštěpení představovalo jednu z největších překážek jazykového sjednocení. Naznačovaná *identita písma a identita víry* tedy zcela jednoznačně znemožňovala jazykovou integraci Bělorusů – a to i ve smyslu jednotného písma či pravopisu. Je zřejmé, že jazykové problémy tvoří v jistém smyslu určitý substrát všech otázek běloruského sociokulturního života. Rovněž sociální rozpory mezi statkáři a širokými vrstvami rolnictva ovlivňovala jazyková otázka. Konotace jazykově zabarvených společenských problémů také výrazně zpomalovala formování spisovného jazyka a s ním i dalších výraznějších markantů národního vědomí. Tyto antagonismy tedy brzdily proces dotváření kodifikované normy běloruského jazyka na lidově-dialektním základě.¹¹ Přesto však znamenala 20. léta 20. století významný krok k určité jazykové stabilizaci, s níž souvisí nepochybně v běloruském prostředí více než jinde platné otázky všeobecného společenského a kulturního rozvoje.

Běloruské (národní) obrození se tedy vymezuje do značné míry na regionálním základě, což proces národní sebeidentifikace obyvatelstva Bílé Rusi výrazně komplikuje. Bylo by proto zajímavé zaměřit se i na další obrozenecká hnutí tzv. *malých národů*, jež se vyznačují rovněž určitou formou a specifiky kulturního regionalismu. Opět s ohledem na zjednodušeně vymezené konvergentní (a divergentní) rysy obrozeneckého procesu, jež byly naznačeny v úvodu tohoto příspěvku, je možno najít paralely běloruského obrozeneckého procesu s těmi obdobnými hnutími některých slovanských regionů, která mu typologicky odpovídají.

Jako výchozí materiál pro hodnocení zákonitostí, zvláštností i odlišností obrozeneckého procesu mohou posloužit specifika například moravského regionálního obrozenectví. Je zřejmé, že moravský problém vystupuje jako regionální součást českého etnolingvistického prostoru, byť se po roce 1990 objevuje moravistické hnutí, jehož snahou je více či méně radikálně připomínat

¹¹ V tomto smyslu viz přehlednou stať: A. I. ЖУРАЎСКИ, *Народна-дыялектная аснова новай беларускай літаратурнай мовы*, in: A. JEDLIČKA, V. BARNET a kol. (ed.), *Slovanské jazyky v době obrození*, Universita Karlova, Praha 1974, s. 49-62.

moravská specifika, případně zdůrazňovat faktickou a formální nezávislost moravského markrabství v minulosti.

Z hlediska obrozeneckého procesu je zřejmé, že i v případě Moravy a jejích specifik bude opět důležitá podobně jako v případě Běloruska jazyková otázka. Je nutno podotknout, že Morava nepředstavuje tak výrazně rozdělený prostor, jak tomu bylo v případě Bílé Rusi. Svoji podstatou je kulturně-literární vývoj mnohem výrazněji spjat s českým prostředím. Pokud přijmeme tvrzení, že jedním ze základních pilířů obrozeneckého hnutí je jazyk a snaha o jeho kodifikaci, pak k moravské jazykové svébytnosti je v tomto ohledu nutno přistupovat opatrněji.¹² Ačkoliv představitelé moravistických hnutí mnohdy zdůrazňují jazykové odlišnosti moravštiny a češtiny, moravský jazyk dosud kodifikován nebyl.

Na druhou stranu je však nutno přiznat, že určité, – byť marginálně laděné pokusy kodifikovat moravský jazyk se objevovaly v zásadě od 30. let 19. století. Možná otázka jazykově samostatné moravštiny byla čistě teoreticky otevřena v době Štúrovy odlučky slovenského jazyka. Současně si zaslouží zmínku Tomáš Fryčaj z Kelče (1759-1839), kněz a buditel, který se zasazoval za kodifikaci moravského jazyka na základě východomoravských nářečí.¹³ Tomáš Fryčaj sepsal své v zásadě jediné lingvistické dílo pod názvem *Ortografia čili pravidla pravopisemnosti moravsko-slovanské řeči* (rok 1820), jež má však regionální význam. Podobně tomu je také v díle Václava Stacha (1768-1836), který se zasazoval za kodifikaci hanáckého nářečí. Pro moravsky smýšlející obrozence (většinou pocházejících z Moravy) byla jistě mnohdy aktuální myšlenka česko-moravského jazyka. V návaznosti na „jazykovou integraci“ srbštiny a chorvatštiny do srbochorvatštiny, tedy společného jazyka o dvou variantách respektujících historicko-kulturní odlišnosti, můžeme v jistém smyslu hovořit (opět s poněkud marginálním ohlasem) o česko-moravském dualismu. I tento pří-

¹² K této problematice srov. například stať: O. ULÍČNÝ, *Tož včil něco vo tém nerealnym projektu tej spisovně moravšćiny*, in: O. ULÍČNÝ (ed.), *Euroliteraria-Eurolingua 2005*, Opera Academiae Paedagogicae Librecensis, Series Bohemistica, Technická univerzita, Liberec 2005, s. 275-28.

¹³ E. NĚMEC, M. HORÁK, *Chronologie moravštiny* (pro Jazykovou sekci Moravského národního kongresu), internetový odkaz: <http://moravskelisty.host.sk/listy/hsd/text/moravstina.html>.

klad ilustruje význam jazykové otázky v průběhu obrozeneckého procesu.

Je více než zjevné, že v polemikách o tom, zda moravština / moravský jazyk existuje, či nikoli, hraje důležitou roli možný úhel pohledu na celou záležitost. Jinými slovy můžeme uvést dva argumenty: na jedné straně je možno předpokládat, že ojedinelým představitelům moravského hnutí (snad až *separatismu*), kteří se zasazují o samostatný moravský jazyk, zřejmě záleží na možnosti chápat zmíněný česko-moravský jazykový dualismus obdobně jako srbochorvatštinu. Současně je však na druhé straně nutno zmínit fakt, že mnozí moravští obrozenci poukazují zejména na hláskoslovné rozdíly češtiny a moravštiny, přitom je však nutno pojímat také další jazykové roviny (morfologii, syntax apod.). Důvodem, který může spolurozhodovat o tom, zda je moravština jazykem odlišným od češtiny, může být také politické nazírání. Dokud není tento jazykový systém kodifikován, nemá pevně stanovenou jazykovou normu a v politickém smyslu slova není přijat jako úřední (oficiální) jazyk určité administrativní jednotky, pak je jeho existence stále sporná. Cílem těchto úvah není podat závěrečná ustanovení k problematice moravského jazyka (a tudíž i moravského obrození) ve smyslu určité konkluze, nýbrž naznačit paralelu vývoje s makedonskou realitou. Pokud je nyní složité o moravštině hovořit, není vyloučeno, že snahy o její kodifikaci nedosáhnou v blízké či vzdálené budoucnosti takového stupně, kdy fakt její existence bude nutno všeobecně akceptovat. V tomto smyslu se zde může naskýtat typologická podobnost s formováním makedonského jazyka. S nadsázkou je možno vyslovit domněnku, že s ohledem na afirmaci makedonštiny a její cestu ke kodifikaci (rok 1944) se moravský jazyk může nacházet v obdobné situaci, jako makedonská nářečí například na přelomu 19. a 20. století. Tehdy byl *makedonismus* rovněž v zásadě otázkou pouze takto uvědomělých jedinců, zatímco dnes se jedná o plně konstituované prostředí se všemi náležitými atributy národa.

Obrozenecké hnutí na Moravě se z objektivních důvodů nemohlo profilovat jako hnutí s národní sebeidentifikací. Tyto důvody byly spjaty se samotným ohlasem obrozeneckého hnutí – na Moravě chybělo pevné kulturní centrum, důležité pro každý obrozenecký proces. V Čechách tuto roli hrála jednoznačně Praha,

na Moravě však Brno a Olomouc neskrývaly určitou vzájemnou konkurenci a rivalitu. Dalším faktorem brzdícím případnou etnicou emancipaci Moravy byla nesporně mnohem vyšší úroveň germanizace moravských měst, než jak tomu bylo v kulturním životě městských center v Čechách. Také skutečnost národně ještě ne zcela identifikovaného moravského venkova způsobovala kulturní opoždění Moravy v obrozeneckém procesu za Čechami o několik desetiletí.¹⁴ Situace byla v tomto smyslu ve vztazích obrozenecké Moravy a obrozeneckých Čech velmi podobná jako vztah Makedonie k Bulharsku.

Moravské obrození lze v zásadě podobně jako ostatní obrozenecké procesy periodizovat do tří fází. První fáze byla vázána zejména na zemské vlastenectví, velmi ovlivněné náboženskými protiklady Moravy a Čech. Na přelomu 18. a 19. století byly mezi moravskými obrozenci patrné určité nesympatie tradičně *katolické Moravy* vůči *husitským Čechám*.¹⁵ V druhé fázi (od 20. let 19. století) je možno pozorovat určitý posun. Zejména v prostředí moravské zemské šlechty se formuje *moravanství*, jež velmi často zdůrazňuje moravskou zemskou samostatnost a přímou vazbu na Vídeň (nikoli na Čechy). Ani třetí fáze obrozeneckého procesu se na Moravě neprosadila v ryze národní hnutí tak, jako tomu bylo v Čechách.¹⁶ Zastavíme-li se ještě několika slovy u některých paralel moravského obrození, pak je nutno opět podotknout, že se rozvíjelo v jistém smyslu obdobně jako například obrozenecký proces na území Makedonie.¹⁷ Makedonské obrozenecké snahy se shodovaly s obrozením bulharským, případně se jen regionálně lišily.¹⁸ Příčin těchto regionálních rozdílů bylo několik – makedonským specifickým rysem byla v první řadě neexistence makedonského etnika (místní obyvatelstvo nebylo národnostně vyhraněno, proto se o něm hovoří jako

¹⁴ F. ČAPKA, *Morava*, Libri, Praha 2003, s. 102.

¹⁵ tamtéž, 102-103.

¹⁶ tamtéž, s. 104.

¹⁷ K otázce makedonského obrození ve smyslu národního konceptu viz zejména: Б. КОНЕСКИ, *Кон македонската преродба (македонските учебници од XIX век)*, Институт за национална историја, Скопје 1959 a Б. КОНЕСКИ, *Македонскиот XIX век. Јазични и книжевно-историски прилози*, Култура, Скопје 1986.

¹⁸ J. RYCHLÍK, M. KOUBA: *Dějiny Makedonie*, Nakladatelství Lidové noviny, Praha 2003, s. 94-97 a dále i 340-362.

o makedonských Slovanech). Druhým důležitým důvodem byla skutečnost, že přirozeně neexistovala kodifikovaná forma makedonského jazyka. V Makedonii byl proto v psané formě užíván bulharský jazyk, zatímco v mluveném projevu byly užívány místní konkrétní dialekty.¹⁹ Rovněž geografická oddělenost Makedonie a Bulharska pásem těžko prostupných horských masívů nabízela předpoklady určité regionální odlišnosti. Podobně jako na Moravě, také v Makedonii můžeme v této době hovořit o zemském vlastnictví, nikoliv o plně vyvinuté národní identitě.

Jak bude patrné, představovala jazyková otázka – totiž široké používání spisovné bulharštiny na jedné straně a fakt, že makedonština stále ještě neměla status kodifikovaného jazyka na straně druhé – i v případě Makedonie významný faktor, který brzdil proces makedonské emancipace. S ohledem na realitu dnešní Moravy, kde se můžeme setkat se stále hmatatelnějšími projevy etnické identity, můžeme skutečně spatřovat obdoby s makedonskou situací tak, jak se vyvíjela před sto lety. Je nutno mít v případě Moravy na paměti skutečnost, že regionální odlišnost může za určitých okolností vést k utvoření odlišné národní identity. Makedonský příklad tomu jistě nasvědčuje.

K problematice naznačených obrozeneckých vazeb je vhodné uvést ještě několik poznámek k otázce jazykově-literárního obrození, jež se snaží porovnat zásadnější konvergence i divergence.

Makedonie neměla v průběhu 19. století žádnou administrativně-státní existenci (nebyla vyčleněna jako zvláštní administrativní jednotka v rámci Osmanské říše). V tomto ohledu je makedonská situace bližší spíše běloruské realitě. Naproti tomu Morava se těšila již od roku 1790 obnovenému zemskému sněmu. V souvislosti s centralizací Rakouské říše se Moravské markrabství podobně jako jiné země mocnářství stalo korunní zemí.

V počátcích makedonského obrození lze hovořit o Makedonii pouze nejasně v zeměpisném smyslu, který při tom do značné míry vychází z historické tradice (zejména souvislosti toponyma Makedonie v antických dobách, složitý vývoj za byzantské nadvlády

¹⁹ tamtéž, s. 97.

apod.). Toponymum Bílá Rus je doloženo již ze 13.-14. století a zprvu označovalo jihozápadní Rusko a Ukrajinu. Od 14. století se užívá i pro východní část dnešního Běloruska. V zásadě pouze Morava nevstupovala do obrozeneckého procesu jako zeměpisný pojem – její administrativně-politická tradice byla jasně patrná.

Historická Makedonie byla v rámci Osmanské říše politicky rozdělena mezi tzv. *vilájety* (skopský, bitolský a soluňský), přičemž hranice těchto vilájetů neodpovídaly etnickým (ani jazykovým) hranicím makedonského prostoru. Podobně Bělorusko bylo rozděleno v rámci carského Ruska do jednotlivých gubernií s nejednoznačnou národnostní strukturou. Morava byla rozdělena po roce 1848 na dva kraje (Brněnský s dvanácti okresy a Olomoucký s třinácti), kde rovněž docházelo k mísení slovanského a německého obyvatelstva.

Makedonie byla pestré národnostní struktury, kde byl propojen živel slovanský i neslovanský. Většinové bylo slovanské obyvatelstvo, které však mělo nejnižší společenskou prestiž. Morava byla rovněž formálně korunní zemí, jež znamenala domov jak pro moravské Čechy (*Moravany*), tak i pro moravské Němce. Složitost běloruské reality ve smyslu národní identity a jazyka již byla naznačena.

V Bělorusku, Makedonii i na Moravě vstupují do obrozeneckého hnutí velmi výrazně náboženské problémy. V těchto regionech představuje náboženská (případně církevní) příslušnost do značné míry jeden z národotvorných faktorů. V Makedonii je nutno upřesnit, že zde působil v zásadě dvojitý útlak: v oblasti politické, správní a byrokratické se jednalo o osmansko-tureckou nadvládu, v oblasti náboženské a otázkách vzdělávání pak šlo o útlak řecký (tzv. *фанариотство*). Morava je nábožensky vyhraněna vůči Čechům, Bělorusko je rovněž konfesně rozděleno (uniatství / katolicismus, pravoslaví).

Ani v Makedonii, ani v Bělorusku a ani na Moravě nebyla definitivně vyřešena jazyková otázka. Jazyková komunikace v Makedonii vypadala přibližně takto: v domácnostech a v soukromém prostředí hovořili makedonští Slované lidovým místním slovanským nářečím, makedonská kulturní elita zejména v počátečních etapách

obrození tvořila církevně-slovansky, ve sféře vzdělávání a víry byla užívána řečtina a v úředním styku pak do značné míry turečtina. V Bělorusku fungoval do značné míry rovněž bilingvismus (polylingvismus) v mnoha konotacích, o nichž již byla řeč. Na Moravě je ještě v této souvislosti možno připomenout snahy o úpravy novodobé češtiny zaváděním tzv. *moravismů*, jež bývá zejména představiteli moravistického hnutí chápána jako určitá snaha položit základy samostatného moravského spisovného jazyka.

Závěrem tedy lze konstatovat, že obrozenecký proces se rozvíjí i na regionální úrovni, která z dlouhodobé perspektivy může vykristalizovat v národní hnutí. Příkladem je Bělorusko, které patří z hlediska prvků odlišnosti k těm společenstvím, jež se v různých podobách rozvíjejí v průběhu staletí, avšak moderní identitu se jim podařilo vybudovat až v pozdějších fázích. Obdobně Makedonie velmi dobře naznačuje, že proces utváření národní identity není uzavřen a že regionalismy mohou získat podstatu národních prvků. Vývoj kulturního života a národního hnutí na Moravě naznačuje v mnoha aspektech, že obdobná situace může nastat také zde.

Obrozenecské variace jsou tedy v nových souřadnicích aktuální i dnes nejen pro dříve tzv. nestátní národy, ale také pro ta regionální společenství, jež v souvislosti s novým pořádkem sjednocují se Evropy hledají nové formy své identity.

Беларусь – Моравия – Македония: конвергенция и дивергенция процесса возрождения

Магістр гумантарных наук *Мирослав Коуба*
(Карлов Университет, Прага)

Белорусское (национальное) возрождение в значительной степени базируется на региональной основе, что существенно осложняет процесс национальной самоидентификации населения Белой Руси. В связи с этим предметом данного исследования будет попытка поиска соответствия белорусского национального процесса среди подобных славянских движений, типологически близких белорусскому примеру. В этом смысле можно выделить попытки национального возрождения, имеющие скорее региональный характер, на славянском

востоке, западе и юге. В качестве исходного материала для оценки закономерностей, особенностей и различий процессов возрождения нам могут послужить, с одной стороны, особенности моравского регионального процесса возрождения, а с другой стороны – процесс национального возрождения в Македонии как один из примеров региональной сущности возрождения славянского юга. В статье затронут вопрос, до какой степени термины «моравское» и «македонское возрождение» являются релевантными: несмотря на то, что на территории обеих (исторических) земель, т.е. в Моравии и Македонии, проходили относительно интенсивные процессы культурно-общественного движения, вопрос их этничности остается в обоих случаях открытым. Таким образом, белорусский пример в данной статье послужит отправной точкой и одновременно аналогией вышеупомянутых процессов возрожденческого регионализма. В связи с этим интерес для нас будут представлять взаимные теоретические параллели между вопросами языковой самостоятельности, этнонимами и топонимами, а также мотивами исторической обоснованности выбранных примеров.

Отдельное внимание будет уделено вопросу языковой идентификации. Учитывая основную периодизацию языкового вопроса этих трех регионов/земель, мы можем отметить их определенное сходство. Ознакомление с основными параметрами языкового вопроса, с которыми также связано местное литературное творчество, дополняет и завершает общий контекст процесса возрождения.

В заключительной части статьи рассмотрены вновь возникающие процессы национального возрождения, которые симптоматичны для Беларуси, но касаются в определенном смысле также Моравии и Македонии.

BIBLIOGRAFIE:

- F. ČAPKA, *Morava*, Praha 2003, s.102
 У. В. ГНІЛАМЕДАЎ, *Янка Купала – жыццё і творчасць*, Мінск 2002
 M. HROCH, *Obrození malých slovanských národů – I. Národy severní a východní Evropy*, Praha 1971
 M. HROCH, *V národním zájmu*, Praha 1999
 M. HRALA, E. FOJTÍKOVÁ a kol.: *Slovník spisovatelů – Sovětský svaz I.*, Praha 1978
 П. КАРАГЪЗОВ, *Хронология и типология на славянската литературна емиграция*, in: П. КАРАГЪЗОВ, *Някогашните славяни днес*, София 1997

- Б. КОНЕСКИ, *Кон македонската преродба (Македонските учебници од XIX век)*, Скопје 1959
- Б. КОНЕСКИ, *Македонскиот XIX век. Јазични и книжевно-историски прилози*, Скопје 1986
- F. KUTNAR, *Obrozenské vlastenectví a nacionalismus (Příspěvek k národnímu a společenskému obsahu češství doby obrozenské)*, Praha 2003
- А. ЛИС., *Браніслаў Тарашкевіч*, Мінск 1966.
- У. І. МАРХЕЛЬ, *Адам Мицкевіч і тэндэнцыі адраджэння беларускай літаратуры*, Мінск 1998
- Я. К. НОВІК, Г. С. МАРЦУЛЬ: *Гісторыя Беларусі ў двух частках, частка I (Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.)*, Мінск 1998
- R. RADZIK, *Wincenty Dunin-Marcinkiewicz – postać polsko-białoruskiego pogranicza*, Białoruskie Zeszyty Historyczne, nr. 5/1996, Białystok 1996, s. 56-68
- A. ROMANOWSKI, *Dylematy językowe Białorusinów w przeszłości i dziś*, in: Bobrownicka, Maria (ed.): *Język i tożsamość narodowa*. Kraków 2000
- J. RYCHLÍK, M. KOUBA, *Dějiny Makedonie*, Praha 2003, s. 94-97 a dále s. 340-362
- J. RYCHLÍK, *Problém formování novodobých slovanských národů*, in: Научни трудове, том 41, кн. 1 – Филология, Пловдив 2003
- M. ŘEZNÍK, *Za naši i vaši svobodu. Století polských povstání (1794-1864)*, Praha 2006
- І. Ф. ШТЭЙНЕР, *Шматмоўная літаратура Беларусі XIX стагоддзя*, Мінск 2002
- Б. ТАРАШКЕВІЧ, *Беларуская граматыка для школ*, Віля 1918
- O. ULIČNÝ, *Tož včil něco vo tém nerealnym projektu tej spisovné moravštiny*, in: Uličný, O. (ed.): *Eurolitteraria-Eurolingua 2005*, Opera Academiae Paedagogicae Librecensis, Series Bohemistica, Liberec 2005, s. 275-280
- Л. В. ВОНСОВИЧ, *Белорусоведение*, Минск 2005
- А. І. ЖУРАЎСКИ, *Народна-дыялектная аснова новай беларускай літаратурнай мовы*, in: A. JEDLIČKA, V. BARNET a kol. (ed.): *Slovanské jazyky v době obrození*, Praha 1974, s. 49-62.

Белорусский и чешский языковой пуризм: общее и специфическое

кандидат филологических наук, доцент

Сергей Запрудский

(Белорусский государственный университет, Минск)

В 1978 г. британский славист Роберт Оти заметил, что с точки зрения тенденций в движении языкового возрождения славян Центральной и Восточной Европы модели формирования литературных языков чехов и белорусов находятся скорее на противоположных полюсах,¹ нежели характеризуются значительными общими тенденциями. В своей более ранней статье² Р. Оти довольно подробно рассмотрел чешский, однако вовсе не упомянул белорусский пуризм, который потенциально мог анализировать среди других «антиславянских» (словацкого и словенского пуризма образца XX века). Причина такого «невнимания» к белорусскому пуризму крылась не только в том, что восточнославянские языки привлекали гораздо меньшее внимание Р. Оти по сравнению с западно- и южнославянскими.³ По сравнению с чешским белорусский языковой пуризм не стал четко оформившимся феноменом, хорошо известным славистам (ср., впрочем, основательную, но пока не оцененную в Беларуси должным образом книгу П. Векслера).⁴ Даже среди

¹ Р. ОТИ, *Традиция и инновация в развитии славянских литературных языков (1750–1850)*, in: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв., Москва 1978, с.115-116

² R. AUTY, *The Role of Purism in the Development of the Slavonic Literary Languages*, in: Slavonic and East European Review. LI., № 124, 1973, p.335-343

³ Позже белорусский лексический пуризм среди других славянских рассматривал другой западный языковед, канадский славист Дж. Томас, ср.: G. THOMAS, *Towards a Typology of Lexical Purism in the Slavic Literary Languages*, in: Canadian Slavonic Papers. Vol. XXX., No. 1, 1988. p.96-111. Возможность такого рассмотрения была обусловлена публикацией в 1974 г. основательной книги П. Векслера (см. ниже).

⁴ P. N. WEXLER, *Purism and Language: A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840-1967)*, Bloomington 1974

белорусских лингвистов он привлекал относительно мало внимания.⁵

Причины такого «дисбаланса» разнообразны, они обусловлены как разной языковой историей, неравным «весом» пуризма в истории белорусского и чешского литературных языков, так и неодинаковыми условиями бытования лингвистики в Чехии (Чехословакии), с одной стороны, и в Беларуси (Советском Союзе) – с другой. В белорусском случае причины менее интенсивного развития пуризма были обусловлены в том числе тем обстоятельством, что языковые кодификаторы и, шире, национальная элита владели набором подходов в *corpus planning*, присущим прежде всего соседним русскому и польскому языкам, которые единственные из всех славянских языков в XIX веке не находились в угрожаемом положении, и пуризм в которых оказался маргинальным течением.⁶ Как следствие, при разработке языковой кодификации белорусские авторы довольно редко выходили за пределы русского или польского («непуристического») опыта, и в этом смысле белорусский пуризм зачастую был «интуитивным», в незначительной степени опирающимся на прецеденты в других славянских языках. Тем примечательнее, что в процессе наиболее яркого и действенного проявления белорусского пуризма, выразившегося в деятельности в 1920-е годы Научно-терминологической комиссии, оказавшись перед необходимостью выбирать между созданием неологизмов и заимствованием, белорусские кодификаторы сослались именно на чешский опыт:

«Камісія, па прыкладу чэхаў, трымалася таго погляду, што лепш утвараць згодна з законамі беларускай мовы неалагізмы, чымся браць чужыя, зусім незразумелыя словы».⁷

«Камісія, па прыкладу чэхаў, трымалася таго погляду, што лепш утвараць згодна з законамі беларускай мовы неалагізмы, чымся браць чужыя, зусім незразумелыя словы».⁷

С точки зрения бытования лингвистики в Беларуси – Советском Союзе (в отличие от Чехии) вплоть до недавнего времени уместно говорить о негласном запрете, наложении табу на основательную разработку темы пуризма или уж во всяком случае о предписательном негативном освещении этой проблемы. В «Словаре лингвистических терминов» О.С.Ахмановой о пуризме говорилось как о деятельности, «не основанной на научном исследовании тенденций развития данного языка».⁸ В дефиниции пуризма, данной в «Большой советской энциклопедии» в 1975 г., содержались (неодобрительные) замечания о том, что пуризму среди прочего свойственно стремление кочищению литературного языка от «естественного проникновения в литературный язык ненормированных элементов» и что пуристы иногда трактовали самобытность национального языка как его полное освобождение «даже от необходимых заимствованных элементов».⁹ Один из советских языковедов (парадоксальным образом принимавший исландский и норвежский пуризм) утверждал тем не менее, что «пуризм неприемлем для социалистичес-

⁵ Среди положительных примеров последних лет ср.: А. Г. ЛІТВИНОЎСКАЯ, *Пурыстычныя тэндэнцыі ў македонскай і беларускай мовах*, in: Славянскія культуры: гістарычны вопыт і сучасныя праблемы, Мінск 1996, с.121-127; У. В. ЛЮШЦІК, *Пурыстычныя тэндэнцыі ў тэрміналогіі*, in: В. НАНБ. Серыя гуманітарных навук, № 1, 1998, с.123-127; І. І. САВІЦКАЯ, *Этнацэнтрызм у моўнай намінацыі 20-х гг.*, in: Мова – Літаратура – Культура. У 2 ч. ч. 1. Мінск 1999, с.91-94; Ю. БУШЛЯКОЎ, *Ян Станкевіч як ідэалаг беларускага моўнага пурызму*, in: Ян Станкевіч, Збор твораў у двух тамах. т. 2, Мінск 2002, с.534-578; Дз. В. ШЛЫКАЎ, *Пурызм у беларускай мове ў перыяд 1941–1944 гг.*, in: Пісьменнік – мова – стыль. У 2 т. т. 2, Мінск 2002, с.328-333; Ю. БУШЛЯКОЎ, *Моўны пурызм (да характарыстыкі з’явы)*, in: Мова і соцыум. (TERRA ALBA. Том III), Магілёў 2004, с.76-88. Относительно статьи Ю. Бушлякова в сборнике «Мова і соцыум» следует, вероятно, предупредить читателя, что названный сборник в настоящий момент (эта статья пишется в июне 2006 г.) скорее эфемерный и, как представляется, должным образом нераспространенный.

⁶ На особую ситуацию польского и русского языков в кругу других славянских указывают Р. Оти и К. Гадани: R. AUTY, *The Role of Purism*, с.336-337; K. GADÁNYI, *Adaptation of Slavic Borrowings in the Slovenian Literary Language*, in: Hungaro-Slavica 1997, Studia in honorem Stephani Nyomárkay, Budapest 1997, p.58. Скотт Спайр, впрочем, уточняет, что в польском языке также происходили пуристические процессы, однако, в отличие от ситуации в чешском, исландском или литовском языках, они не были эффективными. См.: S. SPIRES, *Polish linguistic Purism in Lithuania: The Case of Aleksander Łętowski*, in: The Slavonic and East European Review, vol. 81, Number 4, 2003, p.601

⁷ С. Н., *Институт Беларускай Культуры*, in: Адраджэнне, Сш. 1, Мінск 1922, с.280

⁸ О. С. АХМАНОВА, *Словарь лингвистических терминов*, Москва 1969, с.374

⁹ *Пуризм*, in: Большая советская энциклопедия, т. 21, Москва 1975, с.230. П.Векслер (P. N. WEXLER, *Purism and Language*, с.5, сноска 18) напоминает о еще более строгих квалификациях пуризма в советских энциклопедиях 1940-го и 1955-го годов, где пуризм был охарактеризован как проявление шовинизма и национализма.

кого общества»¹⁰, а другой (также очень квалифицированный автор) был склонен рассматривать пуризм в славянских языках с использованием терминологии типа «классовые, буржуазно-националистические интересы».¹¹ Как представляется, многим советским лингвистам мешали сформированные еще в 1930-е годы стереотипные отрицательные оценки «языкового строительства» в СССР, в соответствии с которыми пуризм однозначно осуждался. Конечно, белорусский языковой пуризм 1920-х годов критически (однозначно или с оговорками) рассматривался в советские времена как в белорусских научных трудах,¹² так и тем более в учебной литературе.¹³ Однако содержащейся в последней белорусской универсальной энциклопедии статье о пуризме свойствен вполне нейтральный тон. В ней пуризмом называется «Імкненне ачысціць літаратурную мову ад іншамоўных запазычанняў, неалагізмаў, а таксама ад ненарматыўных лексічных і граматычных элементаў (напрыклад, народна-размоўных, прастамоўных, дыялектных). У шырокім сэнсе – залішне строгія, непрымірымыя адносіны да любых запазычанняў, навізны і наогул да ўсіх выпадкаў скажэння і вольнага выкарыстання мовы.

¹⁰ В. В. АКУЛЕНКО, *Вопросы изучения лексических интернационализмов и процессов их образования*, in: *Вопросы социальной лингвистики*, Ленинград 1969, с.88

¹¹ В. К. ЖУРАВЛЕВ, *Социолингвистический аспект истории литературных языков*, in: *Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка*, Москва 1988, с.99

¹² И. И. КРАМКО, А. К. ЮРЭВИЧ, А. И. ЯНОВИЧ, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, II. Мінск 1968, с.156-159; А. Я. БАХАНЬКОЎ, *Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд*, Мінск 1982, с.28-30, 49, 59-60 и др. Особенно суровые оценки белорусскому пуризму 1920-х давал А.Баханьков; в частности, он считал, что в Беларуси пуризм проявился сильно и был представлен в крайней форме. На излете советского времени, впрочем, стала укрепляться и более умеренная оценка деятельности составителей белорусской терминологии 1920-х гг., ср.: «Стремление к максимальному использованию средства национального языка при создании новых терминов (у членов Научно-терминологической комиссии. – С.З.) не приводило в белорусской терминологии 20–30-х годов к каким-либо крайностям». Л. А. АНТОНЮК, Н. В. БИРИЛЛО, *Белорусская терминология*, in: *Развитие терминологии на языках союзных республик СССР: Общая проблематика. Терминология на русском, украинском и белорусском языках*, Москва 1986, с. 248

¹³ Л. М. ШАКУН, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, Мінск 1984, с.298-304

Характэрны для перыядаў найбольш актыўнага фарміравання і станаўлення нацыянальных літаратурных моў; звязаны з сацыяльна-гістарычнымі, палітычнымі і культурнымі працэсамі... Імкненне найбольш поўна выкарыстаць нацыянальныя моўныя сродкі не прыводзіла да якіх-небудзь крайнасцей...».¹⁴

Кажется, в чешской литературе подобный умеренный тон был свойствен и ранее; ср. описание, представленное в 1987 году в «Малой чехословацкой энциклопедии»:

„Vzniká zejm. jako reakce na nadměrné módní užívání přejatých slov. Rozvinul se zvl. v Německu 17. st... V Čechách se jaz. p. projevil v 17. st. v díle V. J. Rosy jako výraz vlasteneckých snah, zvl. silně působil od 2 pol. 19. st. do 30.-let 20. st... U některých národů vedl k pronikavému vytlačení cizích slov včetně internacionalismů...“.¹⁵

Разница в осмыслении пуризма белорусскими и чешскими авторами поддерживается, по-видимому, и тем, что для чешских языковедов, воспитанных в значительной мере на наследии теоретически оформившегося в процессе борьбы с пуризмом Пражского лингвистического кружка, пуризм в основном стал уже явлением историческим, которое можно рассматривать в академическом плане.¹⁶ Для белорусских

¹⁴ Л. А. АНТОНЮК, *Пуризм*, in: *Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах*, т. 13, Мінск 2001, с.126

¹⁵ *Purismus*, in: *Malá československá encyklopedie*, V. Praha 1987, s.212

¹⁶ Ср., например, работы: М. JELÍNEK, *O českém purismu*, in: *Přednášky ve XIV. běhu letní školy slovanských studií v roce 1970*, Praha 1970, s.18-37; О. ŠEVČÍK, *Český jazykový purismus z hlediska funkční teorie spisovného jazyka*, in: *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity. A 22/23. Řada jazykovědná*. 1974/75, s.49-58; М. JELÍNEK, *O novodobém českém jazykovém purismu a jeho ztroskotání*, in: *Slovenčina na konci 20. století, její normy a perspektivy*. Bratislava 1997 (*Sociolinguistica Slovaca* 3), s.153-163; М. JELÍNEK, *Josef Zubatý jako kritik českého jazykového purismu*, in: *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag*. München 1999, s.101-108. Несколько работ о чешском пуризме написал канадский исследователь Джордж Томас, а также ряд других иностранных авторов: G. THOMAS, *The Role of Calques in the Early Czech Language Revival*, in: *The Slavonic and East European Review*, vol. 56, No. 4, 1978, p.481-504; G. THOMAS, *Towards A History of Modern Czech Purism: The Problem of Covert Germanisms*, in: *The Slavonic and East European Review*, vol. 74, No. 3, 1996, p.401-420; М. BASAJ, *O uwarunkowaniach odrodzenia językowego w Czechach*, in: *Odrodzenie narodowe w Czechach i na Słowacji*. Księga ku czci Zdzisława Niedzieli. Kraków 1999, s.159-165; Z. TARAJO-LIPOWSKA, „Prawdziwy“ charakter czeskiego Odrodzenia Narodowego, in: *Odrodzenie narodowe w Czechach i na*

лингвистов, объект изучения которых находится в ином положении, нежели чешский язык, пуризм – это пока не столько (и уж во всяком случае не только) теория, сколько вполне «животрепещущая» лингвистическая практика. Понятно, в таком случае относительно немногие пишущие о пуризме белорусские авторы занимают «отстраненную», «объективную» позицию; зато существует немалая группа языковедов, практикующих (иногда под видом оснащенной научными выкладками академической лингвистики) более или менее ярко выявленные пуристические взгляды.¹⁷

С точки зрения неодинаковой изученности проблемы пуризма в Беларуси и Чехии уместно сказать и об общем состоянии проблемы разработки теории литературного языка в Чехии, с одной стороны, и в Беларуси – с другой. Если чешские авторы известны как раз приоритетом в разработке теории литературного языка в славистике, то в белорусском случае на неудовлетворительное состояние дел в этой области в 1996 г. указывал А. И. Журавский, несколько лет входивший в комиссию Международного комитета славистов по славянским литературным языкам. В частности, он указал, что «тэорыя літаратурнай мовы ў беларускім мовазнаўстве спецыяльна нікім не распрацоўвалася».¹⁸ Эти и другие факторы стали причиной того, что белорусский пуризм по сравнению с чешским, несомненно, «недоисследован».

1. Существует «узкая» («обиходная») и «широкая» точки зрения на пуризм. В соответствии с первой к пуризму имеет отношение прежде всего деятельность, связанная

Słowacji. Księga ku czci Zdzisława Niedzieli. Kraków 1999, s.91-97; S. M. NEWERKLA, *Johann Wenzel Pohl – Sprachpurismus zwischen Spätbarock und tschechischer Erneuerung*, in: *Tschechisches Barock. Sprache, Literatur, Kultur. – Český baroko. Jazyk, literatura, kultura*. Frankfurt – Wien 1999, s.49-67

¹⁷ На похожие проблемы в разработке темы словацкого пуризма указывал Дж. Томас. В частности, он писал, что большинство из написанного лингвистами на тему словацкого пуризма острополюмично по своему тону. См.: G. THOMAS, *The Development of Slovak Purism*, in: *Oxford Slavonic Papers. New series*, vol. XXX, 1997, с.67

¹⁸ А. І. ЖУРАЎСКИ, *Беларуская мова ў дваццатым стагоддзі*, in: Гуманітарна-эканамічны веснік (Гуманитарно-экономический вестник), № 1, 1996, с.132

с «очищением» языка от иностранных заимствований.¹⁹ В соответствии с другим подходом пуризмом называется строгое отношение к заимствованиям и любым изменениям языка вообще. Исследователь пуризма Дж. Томас дает свою дефиницию данного явления, сочетая узкое и широкое его понимание. Пуризм, по Дж. Томасу, это «манифестация желания со стороны языкового сообщества (или какой-то его части) ограждать или избавить язык от мнимых иностранных элементов». При помощи этого термина описывается также «исключение из литературного языка элементов из иного кода этого литературного языка, из региональных диалектов или социолектов этого же языка».²⁰ Чрезмерно широкое понимание пуризма граничит с размыванием его базовой характеристики – «чистоты», кроме того, оно может нежелательным образом сдвигать ракурс обсуждения в сторону дискуссии о более общем вопросе о роли прескриптивизма как такового. По этой причине, а также потому, что широко толкуемый (например, по Дж. Томасу) пуризм предусматривает в том числе исключение диалектизмов (что очень плохо согласуется с белорусской версией пуризма), в данной работе мы будем опираться, прежде всего, на «узкое» понимание пуризма.

2. Белорусскому и чешскому пуризму свойственны следующие **общие черты**:

а) тождественная психологическая мотивация: Белорусский и чешский пуризм направлены против своеобразной «внешней угрозы» (немецкого *resp.* русского или польского языка). Боязнь иностранного влияния или доминирования

¹⁹ Любопытно, что в словаре О. Ахмановой (возможно, под влиянием каких-то англоязычных работ) первым объектом внимания пуристов были указаны не заимствования, а неологизмы. См.: О. С. АХМАНОВА, *Словарь*, с.374. Эта иерархия, однако, не была сохранена при издании в 1990 г. «Лингвистического энциклопедического словаря», где в статье «Культура речи» пуризм характеризовался как «стремление очистить литературный язык от иноязычных заимствований, разного рода новообразований, от элементов внелитературной речи (диалектизмов, просторечия и др.)». См.: Л. И. СКВОРЦОВ, *Культура речи*, in: *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, с.247

²⁰ G. THOMAS, *Towards a Typology of Lexical Purism in the Slavic Literary Languages*, in: *Canadian Slavonic Papers*, vol. XXX, No. 1, 1988, p.97

Дж. Томас квалифицирует как самый сильный мотив для пуризма;²¹

б) белорусский и чешский пуризм наибольшую интенсивность обретали в периоды активного *национально-государственного строительства* и были тесным образом связаны с *национальным самоутверждением* (в Чехии – вторая половина XIX – до начала 30-х годы XX в.; в Беларуси – 1920-е годы, вторая половина 1980-х – 1990-е годы);

в) белорусский и чешский пуризм развивались под *воздействием идеологическо-эстетических течений* своего времени. Чешский пуризм XVII-XVIII веков функционировал под влиянием эстетики Барокко,²² пуризм начала XIX в. – под влиянием классицизма²³, пуризм 1830-х годы – под воздействием романтизма.²⁴ Белорусский пуризм развивался под влиянием эстетики романтизма,²⁵ воздействие на него оказывали также народничество и реализм. В стремлении Инбелкульта создать некий «образцовый» литературный язык (в известном смысле по образцу деятельности итальянской, французской и других академий) можно усматривать также отдаленное влияние эстетики классицизма.²⁶ В обоих (чешском и белорусском) случаях при практиковании пуризма уместно говорить об элементах модернизации. В Чехии языковое

²¹ G. THOMAS, *Towards a Typology*, p.101

²² G. THOMAS, *The Role of Calques*, p.483-485

²³ R. AUTY, *Jazykové koncepcie u Dobrovského a Jungmanna*, in: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*, Praha 1974, s.122-123. *Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850-начало 70-х гг. XIX в.*, Москва 1989, с.104

²⁴ B. HAVRÁNEK, *Jungmannův význam pro nový rozvoj slovní zásoby spisovné češtiny*, in: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*, Praha 1974, s.202-203. P. N. WEXLER, *Purism and Language*, p.23. Трактуя чешский пуризм, Векслер опирается на мнение, изложенное в работе: B.TRNKKA, *Die neue Linguistik and die tschechische Schriftsprache*, in: *Prager Rundschau* 2, 1932, s.508-515

²⁵ P. N. WEXLER, *Purism and Language*, p.23

²⁶ Лингвистическая компонента в деятельности Инбелкульта имела огромное значение. В октябре 1924 г. основные задачи будущей Академии наук наркомом просвещения БССР А.Балицким были определены следующим образом: «далеешае даследванне беларускай мовы, выяўленне яе багаццяў і нагляданне за тым, як беларуская літаратурная мова робіцца агульнай моваю для ўсіх чалавек Беларусі». Ср.: *Інстытут беларускай культуры, Даклад т. Балицкага на пасяджэнні СНК БССР 8 кастрычніка 1924 г.*, in: *Савецкая Беларусь*, 12 кастрычніка, 1924

возрождение способствовало формированию отрицательного отношения ко многим лексическим инновациям времен Барокко (рассматривавшимся как период языкового упадка).²⁷ В Беларуси в 1920-е годы при попытках реформировать правописание у братьев Лесиков частой была ссылка на необходимость рационализировать правописание, привести его в соответствие с «прочными и четкими» (А. Лесик) нормами тогдашней культурной жизни в Беларуси;

г) белорусский и чешский пуризм – *«неабсолютные»*, они *имели целенаправленный* (буквально, по Дж. Томасу: targeted) *характер*, были обращены на конкретные языковые источники, а не против всех иностранных источников. Белорусский пуризм направлен против русского и (в меньшей степени) польского влияния, чешский – против немецкого (поначалу – и против латинского);

д) белорусский и особенно чешский пуризм – *успешные*. Мнение об успешности чешского пуризма является в известной степени «общепризнанным» вопреки тому обстоятельству, что многие пуристические инновации в чешском языке не прижились.²⁸ Утверждение относительно успешности белорусского пуризма менее очевидно, особенно если учесть наличие в истории белорусского языка нескольких «анти-пуристических» (при этом довольно эффективных) периодов.²⁹ Тем не менее и белорусский пуризм в целом следует считать успешным. Во-первых, он весьма эффективно действовал в ключевой период формирования белорусского литературного языка, который, собственно, и создал «образ» белорусского языка, – в 1920-е годы. Во-вторых, пуристическая традиция в целом довольно сильно укоренилась в сознании белорусских лингвистов;

²⁷ G. THOMAS, *Towards a Typology*, p.103

²⁸ В одной из своих работ Дж.Томас утверждает: «Широко признано, что пуризм сыграл ключевую роль в образовании и развитии современного стандартного чешского языка». См.: G. THOMAS, *Towards A History*, p.401

²⁹ Об известной «зигзагообразности» белорусского языкового развития в XX веке сравни: P. WEXLER, *Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language 1890-1982*, in: *Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Their Past, Present and Future*. Berlin – New York – Amsterdam 1985, p.37-56

е) отталкивание от конкретных языков (немецкого и русского) тем не менее приводило в том числе к **формированию общих черт**. Даже наиболее яркие пуристические замены в чешском (типа *divadlo*, столь впечатливши Антуана Мейе) могут обнаруживать скрытое влияние немецкого.³⁰ Предлагая замены для малопонятных иностранных терминов, белорусский лингвист 1920-х М. Байков осознавал, что эта практика может давать результатом в том числе сближение белорусского и русского языков. В частности, он утверждал, что введение в белорусский язык терминов типа *двузначнасць* «амфиболия», *падобнасць* «аналогия», *перастаўка* «анастрофа», *уклад* «система» ввиду понятности таких терминов россиянам будет скорее сближать белорусский и русский языки, нежели отдалять их;³¹

е) белорусскому и чешскому пуризму свойственно **скачкообразное протекание**: на смену ярким пуристическим периодам приходили периоды, когда пуристическое влияние было едва ощутимо;

ж) белорусский и чешский пуризм характеризуются **определённым несовпадением продекларированных ориентиров и фактических результатов** терминотворческой деятельности. Так, несмотря на то, что неким идеальным образцом среди других славянских для Й.Юнгманна был, прежде всего, русский язык, воздействие соседнего польского языка, с которым чешский связывали прежние исторические контакты, оказалось более сильным. Подобным образом в белорусском терминологическом строительстве, несмотря на фактическое

³⁰ Относительно чеш. *divadlo*, возникшего «в духе законов чешского языка» (но, тем не менее, не без «подсказки» со стороны нем. *Schauspielhaus*), это продемонстрировал А.Исаченко. Ср.: А. В. ИСАЧЕНКО, *К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков*, in: *Slavia*. 27, Seš. 3, 1958, s.344. Относительно «неуникального» характера чеш. *divadlo* писали также Р. Оти и Дж.Томас (впрочем, при этом первый усматривал в семантическом развитии чеш. *divadlo* от «представление» к «театр» некую аналогию с развитием во французском языке, а последний – в латинском языке), ср.: Robert AUTY, *The Role of Purism*, с.338. George THOMAS, *The Calque – An International Trend in the Lexical Development of the Literary Languages of Eighteenth-Century Europe*, in: *Germano-Slavica*, 6, 1975, p.23

³¹ М. БАЙКОЎ, *Да пытання аб чужаземных словах у нашай мове*, in: *Польмя*, № 4, 1928, с.159-160

отсутствие ссылок на польский опыт (и присутствие ссылок, пусть нечастых, на чешский опыт), воздействие польского языка по сравнению с влиянием чешского имело перевес.

3. Белорусскому и чешскому пуризму свойственны следующие **специфические черты**:

а) неодинаковый выбор альтернативы заимствовани-ям: **архаизирующий пуризм в чешском случае vs этнографический пуризм в Беларуси**. С белорусской перспективы представляется, что обращение в чешском случае к старым источникам (языку Кралицкой Библии, грамматике Яна Благослава) – это более «трудоемкий» способ культивирования пуризма по сравнению с принятой в белорусском случае опорой на диалектные источники.³² Тем удивительнее выглядит в целом более успешный «окончательный результат» чешского пуризма по сравнению с белорусским;

б) неодинаковая **хронологическая глубина возникновения**. Если проявления чешского пуризма документируются уже во времена средневековья (Ян Гус – перелом XIV-XV веков; автора «Бруса чешского языка» Иржи Констанца (1667), Вацлава Росы (1672), Вацлава Пола (1756),³³ то возникновение белорусского пуризма датируется периодом становления нового литературного языка, причем на его продвинутом этапе (1920-е годы). Применительно к теме нашей конференции любопытно заметить, что в «собственно возрожденчес-

³² Обращение в белорусском случае к народным источникам представляется едва ли не «неизбежным», во всяком случае настолько естественным, что в белорусской лингвистике сам этот способ обычно не считается пуристическим. Ср. в этом смысле показательную оговорку: «Проявление пуризма надо видеть не в том, что, развивая лексические и грамматические средства белорусского литературного языка, культурные деятели тогдашней Беларуси стремились ориентироваться на белорусскую народную языковую основу. Это совсем естественно...» I. I. КРАМКО, А. К. ЮРЭВИЧ, А. I. ЯНОВИЧ, *Гісторыя*, с.157. Между тем Р. Оти заметил, что ввиду утраты связи со старым языком, в белорусском случае более уместно говорить не о возрождении языка, а о его создании. Ср.: Р. ОТИ, *Традиция и инновация*, с.115. В таком случае задачу белорусских кодификаторов 1920-х годов (создававших язык) можно оценивать как более сложную по сравнению с чешскими (возрождавшими язык).

³³ M. JELÍNEK, *O českém purismu*, s.18-20; G. THOMAS, *The Role of Calques*, p.482-488;

кие» времена, в годы «Нашей нивы», белорусский пуризм еще не оформился; ср. в этом смысле относительно позднее и/или «неуверенное» употребление в белорусском таких важных лексем, как *жыццяпіс, допіс, лякарня, чытанка, кніганіс* и др.;³⁴

в) неодинаковая **длительность (активно) культивирования** пуризма. В чешском случае – это десятилетия, в белорусском – отдельные годы;

г) в Беларуси **объектом отталкивания** служил **родственный (-е) славянский (-е) язык (-и)**; в Чехии – **неродственный германский** (сначала также романский латинский). В связи с этим (пан)славизм имел большое значение для чешского пуризма, и малозаметное – для белорусского. В белорусском случае дополнительную остроту белорусско-русскому состязанию придавало то обстоятельство, что еще недавно (во второй половине XIX – начале XX вв.) белорусский язык не признавался самостоятельным и считался диалектом русского языка, его составной частью;

д) **чехи имели некий готовый (немецкий) образец пуризма для подражания, белорусы – нет**. Вопрос о «подражательном» характере чешского пуризма достаточно хорошо описан в литературе.³⁵ Что касается основы для под-

³⁴ См.: С. ЗАПРУДСКІ, *Да гісторыі некаторых вандроўных запазычанняў-калек у беларускай мове*, in: *Studia Russica*. XVIII. Budapest 2000, с.318. Он же: *Да гісторыі некаторых вандроўных запазычанняў-калек у беларускай мове II*, in: *Studia Russica*. XIX. Budapest 2001, с.154-156. Он же: *Да гісторыі некаторых вандроўных запазычанняў-калек у беларускай мове III*, in: *Studia Russica*. XX. Budapest 2003, с.489. С точки зрения датирования возникновения пуризма в белорусском, кажется, возможным будет уточнить высказанное А.Литвиновской мнение о том, что в начале XX века пуристическая ориентация в белорусском языковом строительстве «доминировала». См.: А. Г. ЛІТВІНОВСКАЯ, *Пурыстычныя тэндэнцыі*, с.123

³⁵ В своей монографии П. Векслер в специальной сноске замечает, что чешские пуристы копировали процедуры словотворчества и калькирования, свойственные немецкому языку. В данной характеристике чешского пуризма Векслер опирается на квалификации Р. Якобсона (назвавшего чешский пуризм *action calquée*), Б.Унбегауна, А.Исаченко, В.Жирмунского. Ср.: P. N. WEXLER, *Purism and Language*, p.327. Дж. Томас напоминает, что при подготовке своего труда *Slovesnost'* (1845) Й. Юнгманн использовал опыт немцев Аделунга и Кампе, что в процессе переводов английской классики на чешский язык Й. Юнгманн использовал существующие немецкие переводы. В заключение своих рассуждений о неоригинальном характере чешского пуризма в одной из своих работ Дж.

ражания в белорусском случае, то она была не столь очевидна. Выше уже замечалось, что соседние славянские русский и польский языки ввиду своего «непуристического» опыта могли скорее предоставить аргументы в пользу опровержения пуризма, чем для его подтверждения.³⁶ Пуристические тенденции в украинском языке были недостаточно известны белорусским кодификаторам, и, что еще важнее, украинский язык в качестве молодого литературного, ненамного опередившего по развитию белорусский, в данном случае сам не был достаточно авторитетным источником для подражания среди белорусских кодификаторов. Успешная пуристическая практика соседнего литовского, а также несоседних чешского и немецкого в целом была мало известна для среднестатистических белорусских кодификаторов настолько, чтобы очень сильно повлиять на белорусскую практику.³⁷ То обстоятель-

Томас ссылается на замечание Г. Бекера 1948 г. о том, что парадоксальным образом в чешском языке импульс для антинемецкого пуризма пришел из немецкого языка. См.: G. THOMAS, *The Calque – An International Trend*, с.29-30. Как замечено, даже некоторые конкретные всплески пуризма в чешском (например, второй половины 1870-х и следующих десятилетий) имели поддержку в современном немецком антифранцузском пуризме времен прусско-французской войны и следующих лет. См.: M. JELÍNEK, *Josef Zubatý jako kritik*, с.101

³⁶ Ссылки на русский опыт белорусскими лингвистами делались обычно именно с последней целью. Например, рецензируя «Практычны расійска-беларускі слоўнік» М. Байкова и М. Гарецкого в связи с мнимым стремлением авторов перевести на белорусский язык все иностранные слова, П.Бузук упоминал о «шишковщине». Ср.: П. БУЗУК, Рец. на: М. БАЙКОЎ, М. ГАРЭЦКІ, *Практычны расійска-беларускі слоўнік*, Менск 1924, in: *Маладняк*, № 7-8, 1926, с.178. По образцу формирования русской математической терминологии в первой половине XIX в., заимствовавшей многие математические термины, А.Лесик предлагал то же сделать и в белорусском языке. Ср. А. ЛЁСІК, *У справе беларускае навуковае тэрміналогіі*, in: *Польмя*, № 1, 1926, с.144

³⁷ Применительно к кодификаторам Западной Беларуси П. Векслер упоминает влиявший на белорусов «хорошо известный чешский архаизирующий опыт XIX века» (WEXLER, *Purism and Language*, p.319), однако, кажется, дело ограничилось едва ли не одним Я. Станкевичем, выпускником Карлова университета 1926 г. (Вопрос о возможном влиянии практики чешских пуристов на В. Ластовского требует специального изучения. Как представляется – см. доклад Я. Янушкевича в этом же томе – он впрямую на нее не ссылался.) В Восточной Беларуси ориентация на чешское языковое строительство отражена в рецензии на книгу М. А. Рыбниковой *Изучение родного языка* писал: «Цяпер, калі выпрацоўваецца беларуская літаратурная мова, вельмі важна пазбегнуць непатрэбнай часам чужаземшчыны і выкарыстаць тыя багатыя магчымасці, якія

тво, что белорусские пуристы для оправдания своих устремлений не могли найти (хорошо известного) подтверждения в языковой практике соседних языков, ослабляло их позиции. Как следствие, некоторые из них во второй половине 1920-х годы умерили свой пыл относительно возможности активно-го создания неологизмов, предоставив возможность широко развернуться тому виду этнографического пуризма, который опирался преимущественно на реально существующие народные (а не сконструированные) языковые ресурсы;

е) *чешский пуризм влиял* едва ли не *на все другие славянские пуризмы* (включая белорусский), в то время как *белорусский пуризм не влиял ни на какой другой*. Известно, что уже в середине XIX века чешский литературный язык стал привлекать внимание многих реформаторов славянских языков в качестве источника лексического обогащения. Чешский опыт во второй половине XIX века использовали хорваты, словенцы, болгары, словаки, лужичане, украинцы, и соответствующему сюжету в славистике посвящена богатая литература.³⁸ В романтическом упоении словотворчеством

дадзены ў жывой народнай беларускай мове. Стварылі ж чэхі сваю народную навуковую тэрміналогію!». Ср.: М. Я. БАЙКОЎ, *Новые издания Белгосиздата*, in: Вестник Народного комиссариата просвещения Советской Социалистической Республики Белоруссии, № 1 (3), 1922, с.20. В начале 1920-х годов М. Байков был секретарем Научно-терминологической комиссии, однако впоследствии был с этой должности смещен, что не позволяло ему влиять на терминотворческую практику очень активно. Несмотря на все это, влияние чешского пуризма на терминотворческую белорусскую практику 1920-х гг. можно считать значительным, ср. в этом плане замечание 1962 года Л. Шакуна о том, что чешское воздействие на белорусский литературный язык «легко обнаруживается... в особенностях белорусской национальной терминологии, создававшейся в первые десятилетия после победы Великой Октябрьской социалистической революции». См.: Л. М. ШАКУН, *Образование белорусского национального литературного языка*, in: Вопросы образования восточнославянских национальных языков, Москва 1962, с.122

³⁸ Ср., например: В. HAVRÁNEK, *Vliv nové spisovné češtiny na spisovné jazyky jihoslovanské*, in: В. HAVRÁNEK, *Studie o spisovném jazyce*, Praha 1963; D. BROZOVIC, *Ceski standardni jazyk ako etalon u doba slavenskih narodnih preporoda*, in: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*, Praha 1974, s.39-48; R. AUTY, *Uzajamni ujeccaji u jezickom preporodu Ceha, Slovaka i Juznih Slavena*, in: Научни састанак слависта у Вукове дане, 6, Св. 1, Београд 1977, с.7-11; В.Ю.МОЙСЕЕНКО, *Чешское языковое влияние на развитие терминологической лексики литературного языка хорватов в эпоху национального возрождения*, in: Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии, Москва 1983,

белорусский лингвист М. Байкоў в 1928 г. предположил: «Не будзе дзіўным, калі некаторыя нашы пераклады патрапяць у расійскую, як канечна – у ўкраінскую і польскую мовы».³⁹ Конечно, такому предсказанию не суждено было сбыться, потому что нормирование в названных языках опережало по времени (в русском и польском случае – значительно) белорусское;

е) концентрируясь в Институте белорусской культуры и развиваясь параллельно со становлением белорусской государственности и расширением сети учебных и научных заведений, *в Беларуси пуризм 1920-х годов носил «огосударственный» характер*. Пуристические устремления в Беларуси 1920-х подтверждались благодаря получению языковедами карт-бланша от партийных функционеров на проведение *corpus planning*. Официальные органы или конкретные высокопоставленные функционеры до начала 1930-х годов публично одобряли практику языкового и, в частности, терминологического строительства в Беларуси. Например, в октябре 1924 г. нарком просвещения БССР А. Балицкий в своем докладе об Институте белорусской культуры на заседании СНК БССР специально говорил о необходимости создания в белорусском языке предыдущих лет новых слов: «Пры адсутнасці ў народнай беларускай мове для абазначэння адцятых (так в тексте. – С.3.) паняццяў трэба было складаць неалагізмы

с.88-100; В. Е. МОЙСЕЕНКО, *Некоторые особенности чешского языкового влияния в верхнедужицком литературном языке (словообразовательный аспект)*, in: Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. Сборник научных трудов, Москва 1989, с.49-65; К. ВАЧКОВА, К. ВАЧКОВ, *Лудвиг Лукаш и чешкото влияние върху българската химическа терминология*, in: Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Научни трудове, т. 31, Филология, кн. 1, 1993, с.57-63; Д. ИВАНОВА, *Чешката славистика и лингвистичните идеи в България през епохата на Възраждането*, Пловдивски университет Паисий Хилендарски. Научни трудове, т. 31, кн. 1, Филология, 1993, с.65-72; К. Г. АДАНИ, *О некоторых особенностях чешко-инославянского языкового взаимодействия в эпоху национального возрождения славян (словообразовательный аспект)*, in: *Studia Slavica*, t. 39, Fasc. 3-4, 1994, с.245-262; В. МОЙСЕЕНКО, *До питання про українсько-чеські міжмовні зв'язки у другій половині XIX століття в галузі спеціальної та наукової термінології*, in: Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка, т. ССХХІХ. Праці філологічної секції, Львів 1995, с.342-361

³⁹ М. БАЙКОЎ, *Да питання аб чужаземных*, с.160

на основе элементарных и законов белорусской мовы».⁴⁰ В феврале 1928 г. деятельность Инбелкульта в области создания белорусской терминологии была положительно оценена в специальной резолюции комиссии национальностей Центрального исполнительного комитета БССР.⁴¹ В чешском случае на институциональном уровне о приверженности пуризму следует говорить применительно к «Чешской матице» образца 1870–1890-х годов, однако эта организация не была государственной структурой;

ж) в Чехии влияние конкретных личностей (Й. Юнгманн) *более заметно* (и более детально освещено в литературе). Кажется, Р. Оти первым обратил внимание на необходимость тщательно изучать роль конкретных личностей в строительстве разных славянских языков, и в истории чешского литературного языка значение конкретных персон освещено довольно хорошо. При этом считается, что первоначальной грамматической кодификацией чешский язык обязан Й.Добровскому (издавшему в 1809 и 1819 гг. две грамматики, *Lehrgebäude*), а лексической – прежде всего, Й. Юнгманну (издавшему в 1834-1839 гг. многотомный словарь).⁴² В литературе встречается нарицательное имя Й. Юнгманна как «патриарха, тихого гения», о нем говорится как о «решающем деятеле» в обогащении лексического состава чешского языка.⁴³ Что касается белорусского литературного языка, то в написанной истории его формирования значению выдающихся личностей-языковедов, сильно повлиявших на его развитие, уделено исключительно мало места – настолько, что затруднительно даже назвать главных «строителей» белорусского языка. В учебной литературе на главное место в «закреплении» лексико-фразеологических, грамматико-

⁴⁰ Институт белоруской культуры.

⁴¹ См.: *Гісторыя беларускага мовазнаўства. 1918-1941*, Хрэстаматыя для студэнтаў філалагічнага факультэта. У 2 ч., ч. 1, Мінск 2005, с.20-21

⁴² Обширный материал о Й. Добровском и, особенно, Й. Юнгманне как строителях чешского литературного языка содержится в сборниках материалов двух конференций. См.: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*, Praha 1974. *Josef Dobrovský. Fundator studiorum slavieorum*, Praha 2004

⁴³ F. CUŘÍN, *Vývoj spisovné češtiny*, Praha 1985, s.82

орфографических, орфоэпических и стилистических норм белорусского литературного языка, вообще в «закреплении основ национального литературного языка», выдвинуты писатели Янка Купала и Якуб Колас.⁴⁴ Но классики белорусской литературы только в незначительной мере занимались языковедением. «Бесспорным» кодификатором грамматических норм белорусского языка является автор первой белорусской грамматики 1918 г. Б. Тарашкевич, и его сравнение в качестве одного из строителей белорусского литературного языка с чехами Й. Добровским, Й. Юнгманном, словенцем Е. Копитарем, сербом В. Караджичем, хорватом Л. Гаем, словаками А. Бернолаком и Л. Штуром, лужичанином Я. Смоляром уже делалось А. Журавским.⁴⁵ Однако эта роль Б. Тарашкевича несколько затеняется тем обстоятельством, что в 1933 г. некоторые из установленных им норм были изменены, и, во-вторых, тем, что в его кодификации было относительно мало личностного начала: он писал свою грамматику в годы, когда основные грамматические и орфографические правила уже сложились стихийным путем. Вопрос о главных «строителях» лексического состава белорусского языка в белорусской лингвистике, кажется, почти не обсуждался. Попытка 1970-х годов М. Бириллы и П. Шубы представить в качестве одного из создателей современного белорусского литературного языка Кандрата Крапиву,⁴⁶ как и недавнее (конечно, необоснованное) сравнение Ю.Бушляковым Янки Станкевича с Й.Юнгманном и В. Караджичем⁴⁷ лишней раз свидетельствует о том, что тема значения конкретных личностей в строительстве белорусского литературного языка нуждается в дальнейшей разработке;

⁴⁴ Ср.: Л. М. Шакун, *Гісторыя*, с.306-307. В данном учебнике (с.305-313) есть специальная глава «Роля Я. Купалы і Я. Коласа ў развіцці беларускай літаратурнай мовы».

⁴⁵ I. I. КРАМКО, *Памяці Б.А.Тарашкевіча*, in: *Беларуская лінгвістыка*, вып. 12, 1978, с.77

⁴⁶ М. В. БІРЬЛА, П. П. ШУБА, *Шматграннасць таленту (Да 80-годдзя з дня нараджэння Кандрата Крапівы)*, in: *Беларуская лінгвістыка*, вып. 9, 1976, с.4

⁴⁷ Ю. БУШЛЯКОЎ, *Янка-спадар*, in: *Наша ніва*, 24 траўня, 2002, с.14

3) в Чехии роль конкретных периодических изданий более известна. В чешском случае известно по крайней мере одно периодическое издание, на страницах которого на протяжении относительно длительного времени высказывались в той или иной степени пуристические мнения разными авторами: журнал *Naše řeč* (основан в 1916 г.). Среди членов редакции, исповедующих в разной степени пуристические взгляды, были Франтишек Билы, Ярослав Влчек, Йосеф Зубаты, Вацлав Эртл, однако более всего в качестве пуриста прославился (благодаря атаке Р. Якобсона) возглавивший редакцию в 1930 г. Иржи Галлер. Несмотря на то, что в белорусском случае существует журнал, который от начала до (правда, весьма быстро) конца был последовательно пуристическим («Родная мова», 1930–1931), в истории белорусского языкознания этот эпизод пока не прописан.

4. Сопоставление белорусского и чешского языкового пуризма позволяет прийти к важным контрастивным наблюдениям, позволяющим лучше понять как конкретные национальные разновидности пуризма, так и сам феномен пуризма в целом.

BĚLORUSKÝ A ČESKÝ JAZYKOVÝ PURIZMUS: OBECNÉ A SPECIFICKÉ RYSY

Doc. Sergej Zaprudskij, CSc.

(Белорусская стáтнiá университетá, Минск)

V roce 1978 britský slavista Robert Auty poznamenal, že z hlediska modelu formování literárních jazyků se Češi a Bělorusové nacházejí na protilehlých pólech. Ve svém dřívějším článku britský autor dosti podrobně rozebral český purizmus, ovšem vůbec se nezmínil o purizmu běloruském. Důvodem takové „nepozornosti“ k běloruskému purizmu bylo nejen to, že východoslovanské jazyky přitahovaly mnohem méně Autyho pozornost, než jazyky západno- a jihoslovanské. Na rozdíl od českého purizmu se běloruský jazykový purizmus nestal definitivně zformovaným fenoménem, který je dobře znám slavistům (srovnejme knihu P. N. Wexlera) a dokonce mezi běloruskými slavisty budil běloruský případ purizmu malou pozornost.

Důvody takovéto „nevyváženosti“ jsou různé a jejich základem jsou jak rozdílné jazykové dějiny, nerovná „váha“ purizmu v dějinách běloruského a českého literárního jazyka, tak i různé podmínky existence lingvistiky v České republice (Československu) na jedné straně a v Bělorusku (Sovětském svazu) na straně druhé. V běloruském případě byla malá intenzita rozvoje purizmu ve značné míře způsobena tím, že jazykoví kodifikátoři a běloruská elita disponovali soupravou přístupů do corpus planning, vlastní především sousednímu ruskému a polskému jazyku. Jedině tyto jazyky se v 19. stol. nenacházely v ohroženém stavu a purizmus byl v nich marginálním proudem. V důsledku toho během vypracování jazykové kodifikace běloruští autoři jen málokdy překračovali rámeček ruské nebo polské zkušenosti.

Z hlediska existence lingvistiky v Bělorusku – Sovětském svazu (na rozdíl od České republiky) je až donedávna vhodné hovořit spíše o předem nařízeném negativním osvětlení tohoto problému. Ve „Slovníku lingvistických termínů“ O. S. Achmanovové se o purizmu hovoří jako o činnosti, která „není podložena vědeckým rozbořením tendence rozvoje daného jazyka“. V definici purizmu uvedené ve Velké sovětské encyklopedii jsou obsaženy poznámky o tom, že pro purizmus je příznačná snaha očistění jazyka od „přirozeného proniknutí nenormovaných prvků do literárního jazyka“ a že puristé někdy chápali svébytnost národního jazyka jako jeho úplné osvobození „dokonce od nutných vypůjčených prvků“. Jeden ze sovětských jazykovědců dokonce tvrdil, že „purizmus není přijatelný pro socialistickou společnost“ a jiný měl náhlylost posuzovat purizmus ve slovanských jazycích za použití terminologie typu „buržoazní nacionalismus“. Pochopitelně, že běloruský jazykový purizmus 20. let 20. stol. byl za sovětské doby jak v běloruských vědeckých studiích, tak i v studijní literatuře jednoznačně nebo s výhradami kritizován.

Rozdíl v pojmání purizmu běloruskými a českými autory byl způsoben také tím, že pro české jazykovědce, kteří byli ve značné míře vychováni na odkazu Pražského lingvistického kroužku, teoreticky zformovaného během zápasu s purizmem. Purizmus se stal především jevem historickým, který lze zkoumat sine ira et studio. Pro běloruské lingvisty není zatím purizmus tolik (ovšem nejenom) teorie, jako spíše „palčivá“ lingvistická praxe. Relativně malé množství o purizmu píšících běloruských autorů zaujímá „nestranné“, „objektivní“ stanovisko, zatímco existuje početná skupina jazykovědců, kteří pod rouškou akademické lingvistiky vybavené vědeckými výpočty v praxi uplatňují více nebo méně patrné puristické názory.

Z hlediska nestejné úrovně prostudovanosti problematiky purizmu v Bělorusku a v Čechách je vhodné také zmínit obecný stav problému vypracování teorie literárního jazyka v České republice a v Bělorusku. Zatímco čeští autoři jsou známí právě prioritou ve vypracování teorie literárního jazyka ve slavistice, je v běloruském případě situace opač-

ná – na neuspokojivý stav v této oblasti poukazoval již v r. 1996 A. I. Žurauski, který byl několik let členem komise Mezinárodního výboru slavistů pro slovanské jazyky za Bělorusko a zúčastnil se několika zasedání komise. Žurauski poukazoval přímo na to, že „teorie literárního jazyka v běloruské lingvistice nebyla nikým speciálně rozpracována“. Tato okolnost se spolu s jinými faktory stala příčinou toho, že běloruský purismus je v porovnání s purizmem českým bezpochyby nedostatečně zkoumán.

BIBLIOGRAFIE:

R. AUTY, *The Role of Purism in the Development of the Slavonic Literary Languages*, in: *Slavonic and East European Review*, LI., № 124, 1973, p.335-343

M. JELÍNEK, *O českém purismu*, Přednášky ve XIV. běhu letní školy slovanských studií v roce 1970, Praha, s.18-37

M. JELÍNEK, *O novodobém českém jazykovém purismu a jeho ztroskotání – Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektivy*, Bratislava 1997, s.153-163

O. ŠEVČÍK, *Český jazykový purismus z hlediska funkční teorie spisovného jazyka*, in: *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity*, A 22/23, Řada jazykovědná, 1974/75, s.49-58

G. THOMAS, *The Role of Calques in the Early Czech Language Revival*, in: *The Slavonic and East European Review*, vol. 56, No. 4, 1978, p.481-504

G. THOMAS, *Towards a Typology of Lexical Purism in the Slavic Literary Languages*, in: *Canadian Slavonic Papers*, vol. XXX, No. 1, 1988, p.96-111

P. N. WEXLER, *Purism and Language: A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840–1967)*, Bloomington 1974

Ю.(С) БУШЛЯКОЎ, *Ян Станкевіч як ідэолаг беларускага моўнага пурызму* – Я. СТАНКЕВІЧ, *Збор твораў у двух тамах*, Мінск 2002, с.534-578

A. Г. ЛИТВИНОЎСКАЯ, *Пурыстычныя тэндэнцыі ў македонскай і беларускай мовах*, in: *Славянскія культуры: гістарычны вопыт і сучасныя праблемы*, Мінск 1996, с.121-127

С. ПАЎЛОЎСКІ, *Назавем рэчы сваімі іменамі*, in: *Наша ніва*, 31 студзеня, (№ 5), 2000, с.6

I. I. САВИЦКАЯ, *Этнацэнтрызм у моўнай намінацыі 20-х гг.*, in: *Мова – Літаратура – Культура* (да 55-годдзя адкрыцця кафедры беларускай

мовы і літаратуры БДУ): *Матэрыялы Міжнар. навук. канф.* У 2 ч., ч. 1, Мінск 1999, с.91-94

П. СЦЯЦКО, *Культура мовы*, Мінск 2002, –с.444

ДЗ. В. ШЛЫКАЎ, *Пурызм у беларускай мове ў перыяд 1941–1944 гг.*, in: *Пісьменнік – мова – стыль. Матэрыялы II Міжнар. навук. канф., прысвечанай 75-годдзю з дня нараджэння праф. Л.М.Шакуна*. У 2 т., т. 2, Мінск 2002, с.328-333

С. ШУПА, *Пад'езды, унітазы, радыятары... Наватворы ў суседзяў* – *Наша ніва*, 31 студзеня, (№ 5), 2000, с.6

Идея национального Возрождения в белорусской и чешской поэзии конца XIX – начала XX вв.

кандидат филологических наук, доцент

Ирина Богданович

(Белорусский государственный университет, Минск)

Белорусско-чешские литературные связи очерченного периода определяются как типологической схожестью, объясняемой в известной степени подобием исторических ситуаций, так и фактором чешского влияния, вызванного более ранним процессом национального возрождения у чехов. Схожесть была обусловлена несвободой национальной жизни, поскольку оба народа находились под властью других, угнетающих их государств. Однако в культуре ситуация была различной. Беларусь с конца XVIII в. входила в состав Российской империи, и в культурно-коммуникативном плане целенаправленная русификация здесь активно сменила предыдущую полонизацию, условий для развития национального языка и литературы практически не было. Чехия сумела в первой трети XIX в. возродить национальный язык и создать на нем профессиональную литературу, подавая другим народам пример возрождения национального самосознания как необходимого этапа на пути к государственной независимости. Литература в этом процессе была активным будительным фактором, ибо в ней вызревала и выходила в свет идея национального возрождения, которая, приобретая различную символику и образное воплощение, формировала то духовное поле, которое объединяло народ для утверждения своего исторического бытия. В Чехии этот процесс происходил намного раньше, чем в Беларуси, и был для белорусов вдохновляющим примером.

Влияние чешского возрождения в культурно-языковой и литературной сферах, прежде всего, было связано со сла-вистической деятельностью Павла Йозефа Шафарика, в рабо-

тах которого была озвучена идея самобытности белорусского языка и великого значения старобелорусской письменности. Авторитет Шафарика как слависта определил в будущем интерес Евхима Карского к языку и литературе Беларуси, что уже в XX в. значительно укрепит и продвинет процесс формирования национального самосознания. О значении деятельности Шафарика для белорусского возрождения исчерпывающе сказал Алексей Кавко в статье «Белоросика в трудах П. Й. Шафарика»: «Весомое слово всеми признанного ученого о самобытности и историчности белорусского языка прозвучало и, к тому же, – в том самом месте, Праге чешской, откуда четырьмя столетиями раньше оно впервые с печатных страниц Францишка Скорины (1517) заявило миру о своей жизненности».¹ Идеи Шафарика, безусловно, благотворно животворили процесс создания новой белорусской литературы. С одной стороны, он собирал для подтверждения идеи самобытности белорусского языка все возможные литературные факты, а их тогда были единицы («Энеида наизнанку», сборник «Беларусь» А.Рыпинского, записи белорусских народных песен З.Доленги-Ходаковского); с другой стороны, его позиция возрождала интерес к белорусскому языку в самой Беларуси, вдохновляла на создание новых литературных произведений на родном языке некоторых писателей, практиковавших двуязычие.

Национально-возрожденческие идеалы активно утверждаются в литературе в эпоху романтизма. Именно романтизм разбудил движение славянских народов к свободе. В литературе это отразилось, прежде всего, в трех идейно-тематических компонентах: **а)** интерес к историческому прошлому своего народа, воскрешение его славных времен и героических легендарных персонажей; **б)** интерес к народному творчеству, фольклорным мотивам и образам – как еще одно свидетельство приоритета национальных ценностей; **в)** непосредственное выражение идеала вольности, свободы от тирании (прежде всего чужеземной политической). Для чехов путь

¹ А. К. КАВКО, *От Скорины до Купалы: Белорусская литература в контексте национально-культурного возрождения*, Москва 2006, с.226

к национальным ценностям и свободе пролегал через преодоление немецкого влияния, возрождение языка (прежде всего в сфере образования) и создание на нем высокохудожественных литературных образцов. В первой трети XIX в. для чехов этот этап возрождения состоялся. Белорусское возрождение в подобном формате состоялось примерно через сто лет – только в первой четверти века XX-го. Для белорусов это был двойной процесс: преодоление российского политического гнета и культурного польскоязычия, которое было, с одной стороны, фактором, тормозящим развитие собственно белорусской литературы и образования, но, с другой стороны, было и фактором сопротивления русификации, ибо польская и белорусская освободительные идеи в XIX в. имели общий вектор. К концу XIX в. белорусская идея вызрела как самостоятельная и прозвучала в литературных произведениях – прежде всего, у Франтишка Богушевича. Но к этому вел сложный многоступенчатый процесс. Остановимся на некоторых его особенностях в связи с ситуацией в литературе.

Беларусь включается в освободительную борьбу на общеславянской волне уже в XIX в.: именно тогда началось движение народов Европы к своей независимости. В каждой стране, безусловно, были свои особенности пути национального возрождения. Для Беларуси, уже вся территория которой после третьего раздела Речи Посполитой находилась в составе Российской империи, борьба за национальное возрождение проходила в тесном взаимодействии с польским освободительным движением. «Польскость» и польскоязычие в XIX в. в Беларуси не воспринимались как чужеродные явления, ибо именно в этой – на то время единственной печатной литературной форме – высказывались белорусские («литвинские») патриотические настроения и сквозил местный – «краевой» – патриотизм. С этой точки зрения польскоязычное творчество уроженца Новогрудчины Адама Мицкевича было настолько же белорусским по существу выражения, насколько польским оно было по формальному языковому признаку. К тому же и сам язык произведений Мицкевича, как отмечали критики, особенно в ранний период его творчества, отличался местными, «краевыми» особенностями. До 40-х годов XIX

в белорусскоязычное литературное творчество было достаточно эпизодичным, если учесть, что не было ни изданий, ни периодической печати, ни условий для их возникновения в то время. Однако широко была представлена литература на польском языке, в которой отражались местные культурно-исторические реалии (творчество А. Мицкевича, Я. Чачота, Т. Лады-Заблоцкого, Я. Борщевского и др.), что по существу также можно считать фактором белорусского национального возрождения.

Однако уже с середины XIX в. мы можем говорить о значительном для тех условий корпусе белорусскоязычных произведений: романтическая поэма «Мачеха» неизвестной Адели из Устри, стихотворные белорусские «рассказы» Винцента Дунина-Мартинкевича, произведения У. Сырокомли, В. Коротынского, А. Вериги-Даревского, Иеронима Мартинкевича и других авторов, многочисленные анонимные стихотворные «гутарки», в которых обсуждались насущные общественно-политические проблемы, утверждали профессионализм белорусского поэтического слова. Публицистика предводителя восстания 1863 г. Кастуся Калиновского и в конце века предисловия и стихотворения Франтишка Богушевича, в которых оформляется идея национального возрождения, укрепляют этот процесс. Причем к этому моменту мы говорим уже о возрождении белорусском, отличном и автономном по отношению к польскому.

Особенной силы эти тенденции достигают в 1906-1913 гг., когда на волне легализации белорусского печатного слова наконец-то, появляются периодические издания (газеты «Наша доля», «Наша нива», «Беларус», альманах «Молодая Беларусь» и другие), налаживается работа издательских товариществ, и соответственно мощно заявляет о себе стихия яркой, самобытной профессиональной литературы – печатаются книги Тетки (Алоизы Пашкевич), Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Максима Горещкого, Алесея Гаруна. В 1920-е годы, после объявления Белорусской Народной Республики и затем создания БССР, когда начинается процесс белоруссизации, создаются первые литературные объединения «Маладняк», «Узвышша» и другие, в литерату-

ру массово приходит новое поколение, в котором выделяют-ся своим талантом фигуры Владимира Дубовки, Язэпа Пуци, Владимира Жилки. Главным мотивом их творчества оставалась идея национального возрождения, во второй половине 1920-х годов связанная с противостоянием нарастающему большевистскому тоталитаризму. Литература, и прежде всего поэзия, выражала идею свободы, национальной и личностной независимости. В 1930 г. все названные поэты и десятки других деятелей литературы и культуры были обвинены в «национал-демократизме» и арестованы. Все они, за редким исключением, были отправлены в ссылку и – многие из них в 1937 г. расстреляны. Другие были отправлены в лагеря, как, например, Владимир Дубовко. Таким образом, процесс национального возрождения, активно развивавшийся два десятилетия (1906-1926), был заторможен снова почти на полвека. Однако белорусская литература уже существовала как таковая, хоть официальное ее развитие пошло в рамках господствующего в то время метода социалистического реализма.

Чешская литература переживала процесс возрождения намного раньше по времени и успешнее по конкретно-историческим результатам. Уже в начале XIX в. тут возникает профессиональная чешская литература, а чешский язык занимает в ней главенствующее положение, в отличие от литературы белорусской, где традиционным оставалось культурно-историческое польскоязычие. Чешский язык был так же маркирован в поэзии, как эстетический символ свободы и независимости. Так будет и в литературе белорусской – в творчестве Франтишка Богушевича язык станет символом самой жизни нации. В предисловии к сборнику «Дудка белорусская» (1891) поэт обращает внимание на то, что примерно триста лет тому назад наш язык был «чисцюсеньким», на нем писала и говорила аристократия, а сейчас белорусский язык называют унизительно «мужицким». Он приводит примеры других народов-«побратимцев» – болгар, чехов, хорватов, малороссов, – которые имеют на своем языке книги и газеты на самую различную тематику. «Наш язык для нас святой, ибо он нам от Бога дан, как и другим добрым людям»,

– пишет Богушевич.² В этом сакральном отношении к языку, как Богом данной «одежде для души», также можно усмотреть связь с идеями Шафарика, который поместил на титульном листе своего труда «Славянское народописание» (1842) эпиграф из св. Павла «Каждый язык исповедовать будет Бога» (Každý jazyk vyznávati bude Boha, Sv. Pavel), как бы подчеркивая этим право на духовную состоятельность народа. Для Богушевича отношение к языку как к Божьему дару углубляется пониманием того, что для белорусов отказ от этого дара равносителен смерти: «Не покидайте ж языка нашего белорусского, чтобы не умерли!» – взывал он.³ Это был клич к возрождению, поэтическое пророчество, которое востребует воплощения в реальности. Почему о смерти тут говорится? Здесь также есть свои аналогии в белорусском и чешском литературных движениях. Не ответ ли это Адаму Киркору, который написал в своей книге «О литературе побратимских народов славянских» (1874) следующее (в очерке о литературе русинской, то есть белорусской): «Белорусь умереть должна, как особое одно из старейших племен славянских, с IX века преимущественно выступающее в делах Литвы и Руси, умереть в своей национальной особенности».⁴ Ничто не вселяет для Киркора тут надежды, ибо «китайская стена отделяет массы народа от интеллигенции краевой».⁵ Единственное, о чем можно думать, так это о чуде, говорит Киркор, приводя фразу одного из современников в знак слабого утешения: «Не заклать судеб печатью, не свить дух в пергамент».⁶ Высказывание Киркора о перспективе белорусского развития было весьма пессимистическим, хотя он привел достаточно развернутый очерк о белорусской литературе XIX в., назвав немало имен (Дунин-Мартинкевич, Сырокомля, Верига-Даревский и др.), и, несомненно, он был знаком с трудами Шафарика, ибо пишет о нем в дальнейшем в очерке о чешской

² Ф. БАГУШЭВІЧ, *Творы*, Мінск 1991, с.16

³ Ф. БАГУШЭВІЧ, *Творы*, с.17

⁴ А. Н. KIRKOR, *O Literaturze Pobratymczych narodów słowiańskich*, Kraków 1874, s.55

⁵ А. Н. KIRKOR, *O Literaturze*, s.55

⁶ А. Н. KIRKOR, *O Literaturze*, s.55

литературе. Пессимизм Киркора, видимо, был вызван изменением ситуации в то время, когда он писал свои очерки: это был период омертвелости национальной жизни после поражения восстания 1863 г. Поэтому клич Богушевича о возрождении был таким важным и своевременным, поскольку именно он был тем «чудом», которое отворяло «заключенную печать судьбы», раскручивало «пергамент народного духа».

В очерке о чешской литературе Киркор показал глубокое знакомство с ней, с историческими этапами ее возрождения. Он писал об онемечивании чешской интеллигенции (аристократии), о глубине того упадка народной жизни, когда ситуация казалась безвыходной и даже, как писал Киркор, «известнейший из патриотов чешских Йозеф Добровский (1753-1829) не имел уже никакой надежды на возрождение Чехии, не писал даже по-чешски и взывал «дайте покой мертвым»».⁷ Однако когда борьба за язык все же развернулась и «народ, внешне умерший, но еще сохранивший жизнь, воспрял», тот же Добровский, пишет Киркор, «из мертвых восстал», поняв свою ошибку. Его грамматика чешского языка сыграла ключевую роль в формировании национального самосознания. Чешское возрождение стало ярчайшим и вдохновительным примером для всего славянского мира, а для белорусской ситуации – в особенности. Оно отзывалось здесь в разных формах, находя непосредственный отклик в деятельности белорусских писателей, все чаще отходивших в своем творчестве от польского языка и обращавшихся к языку белорусскому.

О том, что интерес к чешской литературе среди белорусских писателей был живым и непосредственным, свидетельствует известное письмо Винцента Коротынского Вацлаву Ганке в 1858 г. с обращением к чешским литераторам о взаимном сотрудничестве, обмене культурной информацией и изданиями для того, чтобы наладить интенсивную переводческую деятельность, иметь возможность хорошо изучить «язык Яна и Вацлава», на котором говорили легендарные Люмир и Забой – герои чешского народного эпоса, воплощенного в «Краледворской рукописи», что покорила в то время весь славянский мир, ставши литературным памятником чешского

возрождения. Коротынский выражает желание «быть посредником духовного обмена» и просит конкретной помощи в получении источников для усовершенствования знания чешского языка и поэтических произведений для перевода.⁸

Несомненно, что свое влияние на соседние литературы оказала и знаменитая «Краледворская рукопись», которая достаточно быстро приобрела известность. Киркор называет многие переводы, в том числе: перевод 1819 г. на немецкий язык, один из ранних переводов на русский язык, сделанный Шишковым в 1820 г., а также более поздние переводы, указывает публикацию на польском языке в 1836 г. перевода Люциана Семеньского, отмечает, что здесь ее во фрагментах переводили и многие другие авторы, что свидетельствует о широкой ее популярности. «В живых образах встает перед нами чешская древность, украшенная возвышеннейшей любовью к отчизне и свободе», – пишет Киркор.⁹ Для Киркора, однако, в то время еще несомненно, что это на самом деле оригинальный старочешский памятник литературы, найденный и возвращенный из забвения. Несколько позже, чем была написана книга Киркора, было непреложно установлено, что сборник поэтических произведений национально-патриотического содержания «Краледворская рукопись» является мастерской стилизацией под старочешскую поэзию, созданной в 1817 г. чешскими филологами и литераторами В. Ганкой (1791-1861) и Й. Линдой (1789-1834) и представленной ими как найденная древняя рукопись. Влияние этого произведения было величайшим. Вполне вероятно, что свой героико-патриотический цикл исторических песен «Песни про давних литвинов до 1434 года» Ян Чачот задумал и написал именно под влиянием «Краледворской рукописи», ибо достаточно убедительно просматривается установка автора на создание монументальной поэтической истории родного края, основанной на летописных и легендарных фактах древних хроник. Разница лишь в том, что Чачот не стремился выдать свой цикл за древний памятник. Исключительно важным эта-

⁷ А. Н. KIRKOR, *O Literaturze*, s.297

⁸ В. КАРАТЫНСКІ, *Творы*, Мінск 1994, с.356

⁹ А. KIRKOR, *O Literaturze*, s.271

пом возрождения белорусской литературы были фольклористические сборники Яна Чачота «Крестьянские песенки из-за Немана и Двины» (1846), где автор представил литературные обработки белорусского песенного фольклора и собственные «крестьянские стихи». В предисловии к этому изданию Чачот дает краткий очерк исторической грамматики языка, который он называет «славяно-кривицким». Тут же он сетует на то, что огромные богатства народной памяти, запечатленные в легендах, обрядах, обычаях, остаются не востребованными и могут исчезнуть: «Сегодня каждый сожалеет, почему Длугош или Стрыйковский, наши хронисты, не собрали песен и преданий народа, о котором только мимоходом упоминают; будут когда-либо, через несколько веков после нас, сожалеть и справедливо упрекать сегодняшнее время, если мы не соберем бережно этих памятников и не передадим потомкам»,¹⁰ – так выражал свою обеспокоенность состоянием неразвитости белорусской культурной жизни Чачот и стремился, как мог, преодолеть его собственным творчеством и обработкой фольклора. Все это проходило в русле романтического периода развития литературы.

Тогда же оказались актуальными и востребованными исторические фигуры и прошлое, овеянное славой и успехом, расцветом национальной жизни. В связи с этим в литературу приходят и приобретают символический возродительский смысл образы и события прошлого. Для чешских поэтов источником вдохновения становится эпоха Яна Гуса и короля Вацлава, деяния Яна Жижки. Среди самых ранних образцов поэтической интерпретации реальных исторических лиц – «Ода Яну Жижке из Троцнова» (1802) Антонина Ярослава Пухмайера (1769-1820), которому воспеваются хвала в изысканном классицистском стиле. Поэт называет его продолжателем дела Яна Гуса, подчеркивает в деятельности Яна Жижки его важную будительную роль. В восприятии поэта образ героя овеян немеркнущей славой, ибо он «возвысил имя чехов при жизни», явил пример любви к Отчизне настолько великой, что с ней «все может чешская рука».

¹⁰ Я. ЧАЧОТ, *Выбранные творы*, Минск 1996, с.230

Особенным смыслом наполняется в стихотворении и национальная геральдическая символика: «знамена с белым чешским львом» знаменуют победу и славу восставшего из забвения народа. В чешской литературе лев, изображение которого было в древнем гербе Чешской короны, становится устойчивым возродительским символом. Встречаем его в стихотворениях К. Г. Махи «Когда богемский лев взметнется над врагами», Яна Неруды «По стопам льва». В белорусской поэзии начала XX в. подобным геральдическим символом станет Погоня (рыцарь на коне) – древний герб Великого княжества Литовского, а также исторический бело-красно-белый белорусский фла г. Наиболее ярко первый символ воплощен в стихотворении Максима Богдановича «Погоня», написанном в прифронтовом Минске в 1916 г. У Богдановича «Погоня» – это и символ прежней военной и государственной славы, величия родной страны. Кроме того, это будительский призыв к новому возрождению, избавлению от чужого ярма. Причем ситуация в Беларуси в то время складывалась таким образом, что «чужинцами» были не столько пришлые враги, сколько сами утратившие национальную память белорусы:

*Толькі ў сэрцы трывожным пачую
За краіну радзімую жах, –
Успомню Вострую Брану святую
І ваякаў на грозных канях.
У белай пене праносяцца коні, –
Рвуцца, мкнуцца і цяжка хрыпяць...
Старадаўняй Литоўскай Пагоні
Не разбіць, не спыніць, не стрымаць.¹¹*

Максим Богданович подчеркивает важность возвращения национальной памяти для успеха возрождения, в его ображении древняя Погоня настигает тех беспамятных детей Беларуси, которые отреклись от нее, забыв свое историческое прошлое: «Бейте в сердце их, бейте мечами, // Не давайте чужинцами быть!» – в этом главный пафос стихотворения Богдановича.

¹¹ М. БАГДАНОВІЧ, *Поўны збор твораў*, у 3-х тамах, т.1, Минск 1991, с.314

Несколько позже, в 1920 г., один из талантливейших поэтов нового поколения Владимир Жилка (1900-1933), будущий пражский студент, столь же энергично и вдохновенно будет призывать белорусов «под штандар бел-чырвона-белы» и «под знак Литовское Погони» в стихотворении «Поклич» («Призыв»). Он также апеллирует к историческому прошлому, славным временам Ольгерда, Изяслава, Грюнвальдской битве и победам над Москвой. Незадолго до этого, в 1918 г., была провозглашена Белорусская Народная Республика и стало создаваться белорусское войско. Собственно для него и писались «военные песни»-марши многими поэтами в то время. Стихотворение Жилки – один из ярких образцов такой поэзии:

*Пад знак Літоўскае пагоні –
Абараняць краіны гоні,
Народ забраны вызваляць,
Ісці к святлу, святлом палаць –
Спяшайся той, хто к волі рвецца,
Ў кім беларуса сэрца б'ецца!
Збірайцеся – ўсе, як бы адзін, –
Арлы радзімых пушч, нізін!¹²*

Можно заметить, как кардинально изменилась общественная ситуация: если Богданович взывал к спящим и забывшим Отчизну белорусам, то Жилка обращается к сознательной, национально сформированной общности, той новой молодой Беларуси, явление которой предчувствовал и воспевал в 1913 г. Янка Купала, маркировав символически возрождения образным концептом «молодости», которая преодолевает слезливую песнь об извечной белорусской доле. Два стихотворения Купалы с названием «Молодая Беларусь» – 1909 и 1913 гг. – являются поэтическим свидетельством того, что белорусское возрождение состоялась, что преодолен тот рубеж, после которого возвращение к прошлому, к национальному нигилизму уже невозмож-

но. Первое стихотворение было написано как ответ на стихотворение Тишки Гартного «Бяздолны», опубликованное в «Нашей ниве». Образ белоруса в этом стихотворении не выходил за рамки традиционной, ставшей уже шаблонной замогильности и слезливого оплакивания доли. Если бы это стихотворение не было посвящено Купале, поэт вряд ли обратил бы на него внимание. Но посвящение, предваряющее подобное содержание, сводило на нет всю титаническую волю песняра, направленную на пробуждение сил, на преодоление стереотипов. Ведь уже в стихотворении-гимне «А хто там ідзец?» (1908) Купала показал эту новую созревшую силу духа народа, готового к возрождению практически из мертвых. Молодая Беларусь в стихотворении Купалы – одушевленный персонаж, от лица которой пророчествует поэт, говоря о ее силе и властности над судьбой, о преодолении «понурых могильных песен»:

*Я святла іскры ў думках бяздолных засею,
Аднаўлю сэрцы іхняы гартам, надзеяй,
Пакажу ім жыцця іх праўдзіву зару,
Па развалінах нову ўсябытнасць ствару.¹³*

«Молодая Беларусь» Купалы 1913 г. уже призвана занять «свой пачэсны пасада між народамі», т.е. Купала подчеркивает состоятельность белорусского возрождения, то, что это уже реальный, жизнотворный процесс.

Сквозным возрожденческим мотивом становится поэтизация родного языка. Открывает традицию в чешской литературе стихотворение того же Пухмайера «Ода о чешском языке», где воспевается родной язык как символ национального возрождения. В дальнейшем это станет устойчивой метафорой как в чешской, так и в белорусской литературах. Язык трактуется как проводник божественной сверхмиссии в судьбе народа, с ним связывается жизнь или смерть нации, ее возрождение или полное исчезновение. В стихотворениях «Наш язык» Сватоплука Чеха (1846-1908) чешский язык

¹² У. ЖЫЛКА, *Выбраныя творы*, Мінск 1998, с.25

¹³ Я. КУПАЛА, *Поўны збор твораў*, у 9-ці тамах, т.2, Мінск 1996, с.47-48

называется «щитом в битвах против врагов». В сонете-посвящении «Нашей речи» Ярослава Врхлицкого (1853-1912) поэт говорит о бессмертии и величии родного языка, апеллируя к древним чешским памятникам письменности – духовным песням «Господи помилуй ны» и «Песня Вацлава». Он называет чешский язык причиной и началом красоты. Тему развивает Йозеф Вацлав Сладек (1845-1912) в стихотворении «Родной речи», называя ее даром и сокровищем. Он описывает перипетии исторических судеб Чехии, времена упадка. Говорит о всеобъемлющем и универсальном значении языка, который был для чехов «ангелом-хранителем в час, когда ангел смерти пришел».

Возрожденческая тематика, обращение к прошлому, мотивы борьбы за свободу очень остро звучат в чешской поэзии конца XIX в. – в творчестве Сватоплука Чеха (стихотворения «Гусит на Балтике», «Нас много», поэма «Песни раба»). Я. Врхлицкого («Чехия»), Й. В. Сладека («Чешские сонеты»). Поэтизация исторического прошлого связана, как правило, с восхвалением и героизацией таких времен, как эпоха Яна Гуса и короля Вацлава, деяния Яна Жижки, трагической нотой звучит мотив Белогорской битвы. В белорусской литературе свой пантеон исторических героев появится несколько позже, в начале XX в. – Франциск Скорина (стихотворения «Безнадежность» М. Богдановича, «Памяти Франтишка Скорины» Казимира Свояка), Рогнеда (незаконченные поэмы «Горислава» Янки Купалы и «Рогнеда» Ларисы Гениуш), Кастусь Калиновский (одноименные поэма Анатоля Вольного и стихотворение Алеся Дудара).

Из ведущих поэтических мотивов, формирующих национальное самосознание, важным был мотив скромности – не пышности – родной страны. Однако эта скромность и неброскость была более милой сердцу поэтов, чем красота иных превосходных чужестранных земель. Традицию начал Адам Мицкевич крымским сонетом «Пилигрим». Далее она ярко обозначена в стихотворениях «Моя хата» Ф. Богушевича, «На чужбине» М. Богдановича, где образ родного края символизирован в скромном цветке василька, «Ты лежишь на руке моей, вереск...» В. Дубовки, в котором поэтизируется

аналогичный символ в образе цветков вереска. В стихотворении Богушевича «Моя хата» мы видим доходящее до унижения описание страшного упадка народной жизни, символом чего становится родная «хата» (дом) – аналогия всей страны. Далее поэт усиливает образ запустения с тем, чтобы более напряженно и драматично прозвучал патриотический мотив верности родному краю:

*Кепска ж мая хата, падваліна згніла
І дымна, і зімна, а мне яна міла.
Не буду мяняцца хоць бы і на замкі,
Калок свой мілейшы, як чужыя клямкі.¹⁴*

В этом стихотворении метафорически говорится о судьбе белорусского народа и глубине того социально-исторического упадка, в котором он оказался. Свой угол, хоть убогий, но независимый – вот основной пафос этого стихотворения. В 1913 г., в нашеневский период, когда описание горя и убогости белоруса и его края станет уже банальным общим местом в поэзии, раздастся голос Вацлава Ластовского, который призовет поэтов видеть и воспевать красоту родного края, его исторические реликвии и прекрасный современный порыв к возрождению. Первым на этот призыв откликнется Максим Богданович, воплотив в своем сборнике «Венок» (1913) красоту и величие белорусской древности, создав мифологические и реальные образы, значительно обогатив этим литературную традицию.

В отличие от белорусской, в чешской поэзии в описаниях родного края преобладают возвышенные характеристики, восхищение красотой горных ландшафтов, рождающих чувство любви и гордости. Чешская земля для чеха – это прекраснейший рай, ибо брат-чех сумел сберечь язык и наследие прадедов. Это понимание укрепляет величие родной земли в глазах чеха. Именно так поэтизируется родной край в романтической поэме «Май» К. Г. Махи, которая сыграла выдающуюся роль в истории чешской литературы и форми-

ровании национального самосознания. Патриотическая идея звучит здесь в хоровых фрагментах вступительной части:

*Věrný Čech i bratr náš,
Věrné Čechu srdce máš!
Věrný syn jsi Čechu kmene,
věrný bratr bratřím svým;
jazyk český je i Tobě
otců drahým dědictvím.
České hory – české doly –
české luhy – český háj –
širá vlast – ta česká země
nejmilejší Tobě ráj.¹⁵*

Таким образом, чешский и белорусский народы в поэзии своих песняров-будителей предстают в мощном движении национального духа, пробужденного и обладающего великой силой и волей к своему самоутверждению. Народ в этой поэзии мыслится не как аморфная, бездеятельная масса покорных рабов, а как сознательная, помнящая свои исторические корни и владеющая исторической памятью личность, готовая к самопожертвованию и творчеству.

Многочисленными для чешской и белорусской (польскоязычной) литератур являются и совпадения образов: поэты обращаются к известной библейской тематике для того, чтобы обличить тиранию и деспотизм и апеллировать к свободе. Так, в «Песнях раба» Сватоплука Чеха звучит мотив старозаветного Валтасара, которому, несмотря на его могущество, предвещена гибель. Этот же мотив звучал в «Крымских сонетах» Мицкевича, рассуждающего о преходящести власти и славы, какими бы жестокими и, на первый взгляд, незыблемыми они ни были бы, об их ничтожности перед лицом вечности. Именно Мицкевич, уроженец Беларуси, определил свободолобивые тенденции в белорусской литературе на сто лет вперед. И, между прочим, никогда в Беларуси он не воспринимался только как польский поэт, разве только в советский период.

¹⁵ К. Н. МАСНА, *Máj*, Ostrava – Muglinov 2003, s.8

В эпоху романтизма элементы народного творчества, фольклор, миф и исторические личности проникли в белорусскую поэзию, как и в чешскую. У белорусов не было на то время своей «Краледворской рукописи», но тогда не готова была к тому и литературно-общественная ситуация времени. В какой-то мере подобную функцию взял на себя, как мы уже отметили, поэтический польскоязычный цикл Яна Чачота «Песни о давних литвинах до 1434 года», созданный поэтом-современником и другом Мицкевича как стихотворная стилизация известных сведений об исторических событиях в Беларуси, взятых из летописных хроник Великого княжества Литовского (Матея Стрыйковского и других). Творчество Мицкевича, его поэмы и баллады с историческими и легендарными сюжетами из белорусской истории и культуры, его поэма-эпопея «Пан Тадеуш», являлись также не чем иным, как поэтическим гимном малой и великой Отчизне – наднеманскому краю, Новогрудчине, которая, как жемчужина, дремала в недрах раковины Речи Посполитой. Но и раковиной, и жемчужиной уже во времена поэта владела чужая рука.

Идеал национального возрождения в белорусской литературе конца XIX-начала XX вв. связан и с осмыслением проблемы веры белорусов. Уния как исконная вера дедов, запрещенная царским самодержавием в 1839 г., становится темой поэтических рефлексий Ф. Богусевича. Его стихотворение «Хрэсьбіны Мацюка» («Крещение Матвея») воспроизводит картину перекрещивания целой деревни в чужую веру и ставит вопрос о «тутейшести» белорусов как специфической, переходной форме выражения самоидентичности. О судьбе и перспективах унии на Беларуси рассуждал также в своих эссе поэт и католический священник Казимир Свояк (Константин Степович), подчеркивая, что для Беларуси вера – одна из наиважнейших составляющих возрождения.

Таким образом, национальное самосознание белорусов извело многочисленные социально-исторические и культурные деформации. Поэтам было отнюдь не легко своим вдохновенным словом воздействовать на инертную массу утратившего национальную память народа с тем, чтобы возродить в нем животворящие силы и пробудить к историческому

творчеству. Для Богушевича, Купалы, Богдановича, Дубовко, Жилки, Свояка и других это была главная тема творчества и важная гражданственная позиция. Творя собственное национальное возрождение в начале XX в., белорусы опять же не забывали почерпнуть духовные силы из исторического опыта славянских народов, в том числе чехов. В этом плане знаменательна статья Максима Богдановича «Братья-чехи», изданная отдельной брошюрой в 1914 г. в Москве в серии «Библиотека войны», где поэт предвещает близкое обретение чешским народом свободы и достаточно компетентно описывает историю и культуру чехов, их путь к национальному возрождению, являющий достойный пример для всех славян. Прежде всего, это было достигнуто благодаря сохранению и упрочению позиций чешского языка, который к тому времени обеспечивал все сферы жизнедеятельности.

В Беларуси в 1920-е годы на какое-то время ситуация с языком, казалось бы, разрешилась – наступила белорусизация, новый всплеск литературного творчества. Но это не был, к сожалению, длительный процесс. Очередная деформация национального самосознания и языковой ситуации началась на фоне господствующей революционной тенденциозности, когда все ценное национальное стало считаться враждебным пролетарскому и обозначалось как «национал-демократизм». Поэзия отразила и этот процесс. Лучшие белорусские поэты того времени за свою любовь к родине и национальные идеалы оказались в тюрьмах, ссылке, многие были расстреляны. Оппозиционным режиму, прежде всего, оказалось белорусское литературное объединение «Узвышша» (1926-1931), в которое входили известные поэты Владимир Дубовко, Язеп Пуца, Владимир Жилко, Тодор Кляшторный и другие. Жилка перед тем, в 1923-1926 гг., прошел курс учебы в Пражском университете, хорошо знал и любил творчество своего современника Иржи Волькера, мастерски перевел на белорусский язык несколько его стихотворений. В 1924 г. Жилка писал из Варшавы друзьям о своей встрече с белорусами во время совещания в Варшавском белорусском национальном комитете. Общее впечатление его было неутешительное: «Бачыце: мы не верым у незалежнасць, нашто аддзяляцца, Пушкіна мяняць

на Коласа etc. Песні старыя і дурныя, а паспрабуй дакажы нешта іншае. Мусіць з імі нічога не выйдзе».¹⁶ Приведенный фрагмент письма свидетельствует, насколько трудным был процесс возрождения национального самосознания среди белорусов даже в 1920-е годы – в период белорусизации. Он остается таковым по сей день, учитывая то, что в официальной и социокоммуникативной сфере главенствующую роль играет русский язык.

Осмысление революции в 1920-е годы вступает в противоречие с осмыслением путей национального развития и перспектив. Это было характерно для белорусской литературы и, думается, также в какой-то мере применимо к чешской поэзии того времени. В советскую эпоху пытались представить дело так, будто все славянские народы приветствовали российскую революцию 1917 г. как воплощение социальной справедливости, уничтожившей царское самодержавие и принесшей желанное освобождение всем людям труда. На самом деле это была пропагандистская иллюзия, а на практике утверждение революционных «идеалов» вылилось в большевистскую, а затем сталинскую диктатуру и массовые репрессии. С идеологических позиций, в частности, переводилась и комментировалась чешская поэзия в русскоязычном литературном пространстве того времени. Все движение литературы, ее идей, мотивов и образов объяснялось как движение к русской революции и радости обновления жизни на ее волне. Конечно, не учитывался жестокий кровавый террор и новые формы идеологической несвободы, которые родились вместе с ней. Характерным примером является рецепция стихотворения Витезслава Незвала «Девиз» («За революцию я отдал голос свой»), включенное в сборник «Малый садик роз» (1925), которое практически одно из целого сборника широко переводилось и комментировалось как наивысшее поэтическое достижение автора. При этом резким критическим оценкам подвергался его предыдущий сборник «Пантомима» (1924), ставший манифестом чешского авангардистского направления – «поэтизма». Сегодня же эта книга, факсимильно переиздан-

ная в Праге в 2004 г., поражает богатством новаций поэтического языка, смелым экспериментом, ставшим яркой самобытной страницей европейского литературного авангарда.

Многие белорусские поэты в своих стихах 1920-х годов были достаточно ироничны и аллегоричны в восприятии революции и принесенных ею перемен – Янка Купала, Владимир Дубовко, Язеп Пуца, Алесь Дудар, Тодор Кляшторный, не могли открыто критиковать большевистскую диктатуру, но их стихи полнятся иносказаниями, намеками, чувством неустроенности и грусти, утраченностью идеала. Часто использовались китчево-пародийные формы, как будто бы восхваляющие, но на самом деле высмеивающие многие стороны послереволюционной действительности (поэмы «Война за мир» и «Слуцк» А. Дудара). Практиковалась зашифрованность поэтического письма, поэтика маски, особенно характерные для творческой группы «Узвышша» (поэма «Тень Консула» и стихотворный цикл «Письма к собаке» Я. Пуци). Был распространен жанр поэмы-дискуссии, где героями-оппонентами обсуждались ключевые проблемы общественной жизни («И пурпурных парусов взвивы» В. Дубовко, «Сады ветров» Я. Пуци, «Когда оседает муть» Т. Кляшторного). Эти произведения подвергались резкой вульгаризаторской критике, а их авторы постепенно приобретали ярлыки «врагов народа». Все это свидетельствует о сложности и неоднозначности восприятия писателями своего трагического времени, а также о нереализованности идеи национального возрождения на том этапе.

Таким образом, идея национального возрождения в белорусской и чешской литературе имела ряд общих черт и реализовалась в схожих особенностях поэтики, хотя они не всегда совпадают хронологически. Общим было обращение к народным истокам, фольклору, историческому прошлому, вызревшее в эпоху романтизма и определившее стиль и дух дальнейшего творчества. Литература занимается мифологизацией истории, создает национально-патриотический эпос, пантеон героев, возникают устойчивые возрожденческие символы-метафоры. Это исторически-конкретная либо обобщенная личность-идеал, в прошлом известная и ставшая мар-

кером национальной славы; это геральдические символы, сам родной язык, сакрализованный и даже ставший духовным фетишем. Таким образом, создавая символику возрождения, литература активно воздействовала на формирование национального самосознания, что, в свою очередь, стимулировало процесс национального возрождения как культурно-исторического этапа.

MOTIVY NÁRODNÍHO OBROZENÍ V BĚLORUSKÉ A ČESKÉ POEZII KONCE 19. A ZAČÁTKU 20. STOLETÍ

Doc. Iryna Bahdanovič, CSc.

(Běloruská státní univerzita, Minsk)

Rozvoj běloruské a české poezie probíhal na konci 19. a začátku 20. stol. bez patrných bodů vzájemného působení a ovlivňování, ovšem za podmínek jisté podobnosti společensko-historického vývoje. Tato podobnost byla především podmíněna nesvobodnou národní existencí, kdy ve státním uspořádání, kulturní sféře a vzhledem k jazyku hlavního etnika neexistovaly podmínky pro samostatný tvůrčí rozvoj. V Bělorusku, které, jak je známo, patřilo Ruskému impériu, nahradila v 19. stol. rusifikace předchozí polonizaci a pokračovala s ojedinělými výjimkami v průběhu celého 20. stol. Nehledě na to, že Čechům se k polovině 19. stol. podařilo obrodit národní jazyk a vytvořit v něm vysoce odbornou literaturu, nacházely se Čechy v habsburské říši a nebyly svobodné ve státním životě. Bylo nutné dosáhnout národní nezávislosti a obrodit všechny sféry národního života, ovšem pro Čechy stejně jako pro Bělorusy to byla dlouhá a obtížná cesta. V Bělorusku není bohužel doposud vyřešena klíčová otázka národního jazyka, který není prostředkem každodenní komunikace občanů a úředním jazykem státní správy, nýbrž pouze jazykem národní inteligence a jedním z nářečí současné běloruské vesnice, která se nachází ve stavu hluboké demografické a hospodářské krize a jejíž představitelé jsou po příjezdu do města ihned připraveni zřít se své přirozené mluvy. Lze tedy říci, že běloruské obrození probíhalo v několika etapách, protáhlo se na dvě století a není doposud ukončeno. Tento stav dává vzniknout důvodu pro pesimismus – a to zvláště vzhledem k jazyku, ovšem právě česká zkušenost zde může být dobrým příkladem a zdrojem inspirace, abychom neztráceli naději. Běloruský jazyk se přece během století stal jazykem odborné literatury, která dosáhla mezinárodního uznání a světové odezvy. Překonávání vlastních šosáckých stereotypů se však ukázalo jako obtížnější problém než vytvoření

literatury světové úrovně. Právě v tom spočívá národní problém dnešního Běloruska, který chápe pouze tvůrčí inteligence a veřejně aktivní část mládeže a občanů. Budoucnost Běloruska je ovšem v národní konsolidaci na základě mateřského jazyka. Jiná cesta neexistuje a otázkou zůstává pouze to, nakolik je tato budoucnost vzdálená.

Bělorusko se zapojuje do osvobozenického zápasu na všeslovanské vlně již v 19. stol. – právě tehdy vstoupily evropské národy na cestu ke své nezávislosti. Každá země měla samozřejmě v procesu národního obrození své zvláštnosti. V Bělorusku, které bylo do konce 18. stol. součástí nezávislého federativního státu Rzeczpospolita (polské a litevské) a od r. 1795 po třetím dělení Polska patřilo Ruskému impériu, probíhal zápas o národní obrození v podmínkách těsného vzájemného působení s hnutím polským a nevyčleňoval se z tohoto hnutí do konce 19. stol. „Polskost“ a polský jazyk nebyly v 19. stol. v Bělorusku chápány jako cizorodé prvky, protože právě v této době a v jediné literární jazykové formě byly vyjadřovány běloruské (litvinské) vlastenecké nálady a v nich byl implicitně obsažen místní – „tutejší“ (zdejší) – patriotismus. Z tohoto hlediska byla tvorba rodáka z Novhorodku (Navahrudak) Adama Mickiewicze v polštině podstatou vyjadřování natolik běloruská, nakolik byla polská podle formálních jazykových znaků. Navíc samotný jazyk v Mickiewiczově díle se odlišoval místním „krajovým“ nářečím a ne literárností formy. – Podle jazykového kritéria byla vlastní literární tvorba v 19. stol. utlumena (v té době neexistovaly publikace, periodický tisk ani podmínky pro jeho vznik) a rozvíjela se pouze v anonymních a nelegálních formách, zaujímal úroveň nízkých burleskních žánrů anebo veršovaných moralizujících ponaučení pro rolnictvo. To vše bylo ovšem pouze náhodná amatérská literární činnost. Od poloviny 19. stol. a na jeho konci však můžeme mluvit o přes tyto podmínky značném množství děl v běloruštině, jako jsou veršované běloruské „povídky“ Vincenta Dunina-Marcinkeviče, publicistika vůdce povstání r. 1863 Kastuše Kalinovského, předmluvy a básně Franciška Bahuševiče, ve kterých se formuluje idea národního obrození. Přitom je to idea běloruského obrození, které je odlišné a autonomní vůči obrození polskému. Největší síly dosahují tyto tendence v letech 1910-1920, kdy se konečně díky legalizaci běloruského tištěného slova objevují publikace a dává o sobě vědět mohutný živel velice výrazné a svérázné literatury v tvorbě Cjotky (Alojzy Paškevič), Janky Kupaly, Jakuba Kolasa, Maksima Bahdanoviče a pak Uladzimira Dubouky, Jazepa Pušči, Uladzimira Žilky a jiných. Hlavním motivem jejich tvorby zůstávala idea národního obrození a zaměřili pozornost k prostému člověku – Bělorusovi, který se z dějinného bezvědomí a stavu jakési letargie probouzí k novému životu a cítí, že je připraven k nezávislému státnímu a kulturnímu bytí. Literatura a především poezie fakticky iniciovala a stimulovala tento proces národního vědomí a národního sebepotvrzování. Probouzela společenské myšlení a byla inspirátorkou národního obrození, jehož tvůrcem

byly politické síly vyjadřující vůli národních mas. Byl to typologicky obecný proces, který se sice na ideové úrovni v běloruské a české literatuře podobal, ale v životě byl uskutečňován v různých dobách a za různých podmínek.

V české literatuře začal tento proces již o něco dříve a podle konkrétních historických výsledků byl úspěšnější. Již na začátku 19. stol. zde vzniká profesionální česká literatura a čeština v ní zaujímá vládnoucí postavení na rozdíl od literatury běloruské, kde zůstávalo tradičním kulturně historické používání polštiny. Český jazyk byl v poezii označován jako estetický symbol svobody a nezávislosti. Podobného označení se dostane i běloruštině, ale ne dříve, než na konci 19. stol. – v tvorbě Franciška Bahuševiče – kde se jazyk stane symbolem samotné existence národa (Běloruská šalmaj – „Dudka běloruskaja“, 1891). Motivy otroctví a budoucího osvobození zněly velmi výrazně v české poezii konce 19. stol., což bylo příznačné pro tvorbu Svatopluka Čecha (báseň „Husita na Baltu“, poema „Písně otroka“). Důležitým stimulem pro zápas a také inspirací byla historická minulost. Pro české básníky to byla doba husitství, Bílé hory, vítězství Jana Žižky. Pro běloruské básníky to bylo období středověku a renesance, doba Františka Skaryny, Lva Sapiehy, Statutu Velkoknížectví Litevského. Klíčovou rolí zde odehrála tvorba Janky Kupaly a Maksima Bahdanoviče, kteří ve své poezii dokázali podat zářné obrazy historie. Mezi vedoucí poetické motivy, které formovaly národní vědomí, patřilo důležité místo motivu skromnosti, neokázalosti, rodné země pod útlakem cizích dominujících kultur a státních zřízení. Tato skromnost a nenápadnost byla srdcem básníků milejší, než nádhera a okázalost jiných zemí. Právě s tímto motivem se setkáváme v „Krymských sonetech“ Adama Mickiewicze, v básni „Můj dům“ F. Bahuševiče a „V cizině“ Maksima Bahdanoviče, kde je obraz rodného kraje symbolizován skromným kvítkem chrpy. V české poezii také existuje podobný symbol rodného kraje. Je to prostý květ karafiátu v básni Jaroslava Vrchlického „Balada o karafiátech“.

Češi a Bělorusové se v poezii svých buditelů jeví v mohutném pohybu národního ducha, obrozeného a vlastního velikou silou a vůlí k sebeprosazení. Lid není v této poezii amorfní, nečinná masa pokorných otroků, nýbrž uvědomělá a svých historických kořenů znalá osoba, připravená k sebeobětování a tvůrčí činnosti. Během 10. let 20. stol. se tato idea u Janky Kupaly vyhraňuje ve výrazném symbolickém obrazu „Mladého Běloruska“. O něco dříve zasáhla celou, na sféry působnosti různých impérií rozdělenou Evropu „mladá hnutí“ a započal proces zápasu slovanských národů za nezávislost. V nejbližším prostředí k Bělorusku aktivně působilo „Mladé Polsko“. Bylo to nejen historické, ale zároveň kulturně osvětové hnutí, které ovlivnilo literaturu a spisovatele Běloruska. Ve stejném období se hrdinsky projevila česká osvobozenická organizace mládeže „Omladina“, jejíž hrdinství bylo zvěčněno v proslulých „Písních otroka“ Svatopluka Čecha. Celé 19. stol. bylo plné příkladů takového zápasu. V Bělorusku

na začátku 19. stol. také působily carským režimem krutě perzekvované nezávislé organizace mládeže – filomatů a filaretů, o nichž potom psal Mickiewicz ve svých dílech (poéma „Dziady“ aj.). Pro literaturu českou a běloruskou (ovšem v polském jazyce) je charakteristická shoda obrazů – básníci čerpají ze známých biblických témat, aby tak odhalili tyranii a despotismus a apelovali na svobodu. Například v „Písni o otroku“ Svatopluka Čecha zní motiv starozákonního Baltazara, kterému je nehledě na jeho moc prorokována smrt. Tentýž motiv nacházíme v „Krymských sonetech“ Mickiewicze, který uvažuje o pomíjivosti a nicotnosti před tváří věčnosti i té slávy a moci, jež je krutá a na první pohled se zdá být neotřesitelná. Právě Mickiewicz, rodák z Běloruska, položil svobodomyšlným tendencím v běloruské literatuře základ sto let dopředu. Mimořádně, Mickiewicz nebyl v Bělorusku nikdy považován za polského básníka, pouze v poválečném období, to znamená od poloviny 20. stol.

V období romantismu pronikly do běloruské stejně jako do české poezie prvky lidové tvořivosti, folklór, mýtus a historické osobnosti. Bělorusové v té době neměli svůj „Rukopis Královédvorský“, ovšem tehdy k tomu nebyla připravena také dobová literárně společenská situace. V jisté míře převzal podobnou funkci básnický cyklus Jana Čačota v polštině „Pisně o starých Litvíněch od roku 1434“, který byl vytvořen dobovým básníkem a přítelem Mickiewicze jako veršovaná stylizace známých údajů o historických událostech v Bělorusku, převzatých z kronik Velkoknížectví Litevského (Matěje Strykovského a jiných). Mickiewiczova díla, jeho básně a balady s historickými a legendárními syžetami z běloruských dějin a kultury, jeho poéma – epos „Pan Tadeáš“ – nebyly ničím jiným než poetickou hymnou Běloruska, opěvováním jeho tradic a dějin, které byly spojeny s dějinami Polska pouze tím, že ve své době tu byl společný stát Rzeczpospolita a jazykem jeho literatury byla polština. Mickiewiczova díla opěvují především novohrudský kraj, který je jak známo Běloruskem a nikoliv Polskem.

Konec 19. a začátek 20. stol. staví v běloruské literatuře do popředí ideál národní svobody, který byl nastíněn Mickiewiczem, vyzněl v tvorbě F. Bahuševiče a toužil po svém uskutečnění v nové době. Právě Bahuševič si za svého hlavního hrdinu zvolil běloruského rolníka – člověka z lidu, ovšem motiv sociální bídě u něho netlumí problematiku národnosti. Je to především problém národního jazyka: „Nezanechávejte jazyka našeho běloruského, abychom nezemřeli!“ – volá Bahuševič. V české poezii se setkáváme s podobnými motivy v básních Svatopluka Čecha „Náš jazyk“, Jaroslava Vrchlického „Naše řeč“ a Josefa Sládka „Rodnému jazyku“. Pro běloruské kulturní a historické vědomí je zároveň důležitý problém víry. K ní se ve své poezii obrací Bahuševič a na začátku 20. stol. Janka Kupala a Kazimír Svajak. Důležitou se stává unie a její osud. Jako původní víra prostých Bělorusů je v obecném proudu národního obrození Bahuševičem v jeho básni „Matějův křest“ chápáno uniatství. To bylo v Bělorusku zakázáno carským režimem v r. 1839 a umělé překřtívání etnických Bělo-

rusů zvětšilo v 19. stol., jak je známo, množství tak zvaných „Rusů“ nebo „Poláků“, kteří byli donucováni zapsáni jako pravoslavní nebo katolíci.

Národní vědomí Bělorusů zažilo tedy četné sociálně historické a kulturní deformace. Pro básníky nebylo snadné svým nadšeným slovem probouzet pasivní masy obyvatelstva, které se doposud v každodenním a veřejném životě vyhýbalo používání svého mateřského, osvědčeného a postupně vybrušovaného, krásného a bohatého literárního jazyka. Pro Bahuševiče, Kupalu, Bahdanoviče, Dubouku a jiné to bylo důležitým tématem tvorby. A co více – bylo to jejich občanské stanovisko. Během 20. let 20. stol. se jazyková situace zdála být na nějakou dobu vyřešena, tj. byla zahájena bělorusizace a nastal nový prudký vzestup literární tvorby. Bohužel tento proces netrval dlouho. Další deformace národního vědomí a jazykové situace byla zahájena na pozadí vládnoucí revoluční tendencí, kdy bylo vše národní, co bylo hodnotné, pokládáno za nepřátelské proletářskému a dostalo nálepku „nacionální demokracismus“. Tento proces se také dotkl poezie. Nejlepší běloruští básníci tohoto období se pro svou lásku k vlasti a národním ideálům ocitli ve vězení nebo vyhnanství a mnozí byli popraveni. Opoziční pro režim se stalo především běloruské literární sdružení „Uzvyšša“ (1926-1931), do kterého patřili takoví známí básníci jako Uladzimir Dubouka, Jazep Pušča, Uladzimir Žylka, Todor Kljaštorny a jiní. Žylka absolvoval Univerzitu Karlovu, dobře znal a měl rád tvorbu svého současníka Jiřího Wolkerera a pravděpodobně se s ním poznal osobně. Žylka mistrně přeložil do běloruštiny několik Wolkerových básní.

Chápání revoluce si v té době začíná protiřečit s chápáním cest a perspektiv národního rozvoje. To je příznačné jak pro běloruskou, tak pro českou dobovou poezii. V sovětském období existovala tendence zdůrazňovat všemi slovanskými národy očekávané přijetí takzvané sociální spravedlnosti přinesené ruskou revolucí 1917, která zničila carskou nadvládu a národní a sociální útlak. Z tohoto hlediska byla překládána a komentována česká poezie v dobovém ruském literárním prostoru. Samozřejmě, že nebyl brán zřetel na krvavý teror a nové formy ideologické nesvobody, jež se zrodily spolu s touto revolucí, která se pak stala novým monstrem útlaku. Taková situace existovala do konce 80. let 20. stol., kdy se Bělorusku ve veřejném životě a v literatuře podařilo vdechnout nový doušek svobody, udělat krok k národní nezávislosti a vztyčit historickou bílo-červeno-bílou vlajku a národní erb Pronásledování („Pahonja“), který byl opěvován již v r. 1916 ve známé básni Maksima Bahdanoviče. To se však bohužel opět nestalo historicky ustáleným a nezvratným faktem národní existence. Vůči ruské revoluci a její svobodě nicméně byli ve své tvorbě dosti ironičtí a alegoričtí takoví básníci jako Janka Kupala, Uladzimir Dubouka, Jazep Pušča, Aleš Dudar a jiní. České básníky té doby (Jiřího Wolkerera nebo Vítězslava Nezvala) je také nutno číst v adekvátním dobovém historickém kontextu bez jakýchkoliv ideologií, neboť pravá poezie je vždy ukazuje širě, hlouběji a zářivěji než kterákoliv politická doktrína.

JAZYK JAKO SYMBOL A RITUÁL: OTÁZKA FUNKČNÍCH DOMÉN BĚLORUŠTINY*

Dr. phil. Markus Giger (Univerzita Karlova, Praha)

*Беларушчыну даўно выпхнулі на ролю нейкай абрадавай мовы.
С. Яновіч¹*

o. Úvod

Jazyková situace v Bělorusku patří bez pochyb k nejzajímavějším jazykovým situacím v dnešních slovanských zemích. Je obecně známo, že prostor využívání etnického jazyka státotvorné národnosti, běloruštiny, je neobvykle úzký, zejména, pokud jde o její standardní podobu.² Návštěvník Minsku je konfrontován se zvláštním bilingvismem v nápisech a ve sdělovacích prostředcích a s poměrně jednoznačným (ruským) monolingvismem v běžné konverzaci. V lingvistické literatuře k tématu se uvádí, že klíčem jsou symbolické funkce běloruštiny, které mají vysokou převahu nad funkcemi komunikačními.³

Lze si to znázornit např. následujícími dvěma scénkami:

Scénka 1:

Na mezinárodní slavistické konferenci, na níž každý účastník používá „svůj“ slovanský jazyk, se ujme slova účastník z Bělorus-

* Tento text byl napsán v rámci výzkumného záměru MSM 0021620825. Za diskusi a některé údaje k literatuře děkuji Sjarheji Zaprudskému a Sjarheji Smatryčenkovi (Minsk).

¹ Citováno podle: Мечковская (2006: 34).

² K jazykové situaci v Bělorusku celkově srov. Лукашанец et al. (1998), Булыко/Крысин (1999), Мечковская (2003). Důležité pro pochopení běloruské jazykové situace v jejím vývoji jsou zejména i práce Wexlerovy, srov. např. Wexler (1974, 1985, 1992). K historickému vývoji poměru mezi jazykem a národním vědomím srov. také např. Запруднік (1994), Кіпель (1994), Törnquist Plewa (1997), Smułkowa (2002). Z apologetické literatury (částečně publicistické a beletristické) proti politice marginalizace běloruštiny srov. např. Станкевіч (1994), Гілевіч (1996), Багданкевіч (2000).

³ «В Беларуси роль семиотики (символики) в отношении к языку особенно велика, поскольку символическое использование белорусского языка преобладает над его употреблением как средства общения» (Мечковская 2002: 123). Srov. také Лукашанец et al. (1998: 262), Мечковская (2003: 44-46, 128-130).

ka, řekne větu bělorusky, což odůvodní tím, že chce, aby zde zazněl i tento slovanský jazyk, a pak přednese svůj příspěvek v ruštině.

Scénka 2:

V Minsku konstatuji vůči tamní kolegyni, že má původní domněnka, že všechny reklamní billboardy jsou v ruštině, není správná, že jsem totiž objevil jeden v běloruštině. Běloruská kolegyně se zamyslela a odpověděla: „To je vůbec zajímavá otázka. To si mohou dovolit jen známé firmy. Žádná dosud neznámá firma se nemůže prosadit běloruštinou“.

V první větě mluvčí explicitně konstatuje, že účelem dané věty v běloruštině není tolik sdělení, nýbrž – byť jen velmi krátké a v podstatě bezobsažné – zaznění jazyka jako takového.

Druhá scéna je sice jiného rázu, ilustruje však v podstatě totéž. Společným jmenovatelem je evidentně to, že tam, kde vystupuje bělorušтина, je sdělení v pozadí: firma, která už je známá, nemusí jazykově tolik sdělit jako firma, kterou recipienti reklamy ještě neznají. Spíše se jen připomíná, přičemž v tomto případě funguje patrně to, čemu říká Мечковская (2002: 137): «БЕЛ[орусский] на вывеске, в написанном (не устном) объявлении, в рекламном тексте может быть знаком солидности, укорененности, официальности». Srov. také Мечковская (2003: 137n.).⁴ K otázce (ne)používání běloruštiny v komerčním internetu Smatryčenka (2005: 58)

1. Přenos symbolických hodnot běloruštiny v rámci komunikačních rituálů

Symbolické hodnoty, které bělorušтина pro obyvatele Běloruska, resp. pro etnické Bělorusy má, potřebují příležitosti, při nichž se mohou realizovat. V situaci, kdy používání běloruštiny v běžné konverzaci je silně příznakové (srov. níže), jsou k tomu vhodné převážně určité komunikační rituály.

⁴ Není snad ani tak rozhodující, zda by empirický výzkum reklamních billboardů v Bělorusku tvrzení kolegyně potvrdil, ale to, že ona – jako nositelka jazykové situace – distribuci kódů takto vnímá. Konkrétně se jednalo o billboard firmy Samsung. K jazyku billboardů srov. také Smatryčenka (2005: 58).

Rituál úzce souvisí se symbolem, jak ukazuje antropologická literatura k tomuto tématu.⁵ Fakt, že v této literatuře se mluví převážně o náboženských rituálech, nedělá její závěry nepoužitelné pro účely tohoto textu: dají se aplikovat na politické rituály (srov. Schwartz 1994) a také na komunikační rituály (srov. Rusnák 1999).⁶ Důležité je tedy, že rituál má něco stálého, něco neměnného a že mezi jeho funkce patří i podtržení skupinové identity.⁷ Někteří autoři vidí rituál jen v non-verbální oblasti (“The myth is a system of word symbols, whereas ritual is a system of object and act symbols”, Kluckhohn 1969: 39), ale jiní mluví právě o konverzačních rituálech: „Komunikačný rituál patří k základným prejavom komunikačnej performancie (...). Americký sociológ a antropológ Victor Turner definuje komunikačný rituál ako stereotypnú sekvenciu činností zahŕňajúcich gestá, slová a predmety, vykonávanú v špecificky definovanom priestore a v záujme účastníkov komunikácie. (...) Komunikačnú performanciu môžeme v tomto prípade definovať ako ‚ustálené vzorce správania‘ (...). Informačná, resp. metainformačná zložitost' dekodovania ritualizovaného (aj

rečového) správania tkvie predovšetkým v tom, že znaková štruktúra komunikačných rituálov má viac konotatívny než denotatívny pôdorys“ (Rusnák 1999: 199). Tyto rysy se najdou v početných doménách, v nichž se používá běloruština. Tak Mečkovskaja píše o tom, že prezident Republiky Bělorusko, A. G. Lukašenko, který je znám pro své výpady proti běloruštině,⁸ používá ji jednou za rok, když čte řeč při příležitosti dne nezávislosti: «По-белорусски президент выступает один раз в год: зачитывает речь в День независимости» (Мечковская 2002: 132). Stejná autorka uvedla na konferenci v roce 2005 v německé Jeně, že prezident Lukašenko rovněž neopomíjí přísahu u příležitosti uvedení do prezidentského úřadu složit v běloruštině.⁹ Takové způsoby používání běloruštiny lze srovnávat se státním znakem Republiky Bělorusko, kde oficiální název státu je pouze v běloruštině (*Рэспубліка Беларусь*, srov. např. <http://inf.by/geraldika/8/>), nebo s bankovkami, kde jsou hodnoty a veškeré další texty uvedené pouze v běloruštině (např. *дзесяць рублёў, пяцьдзсят рублёў, БІЛЕТ НАЦЫЯНАЛЬНАГА БАНКА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ*, legenda k obrazu: *Брэсцкая крэпасць-герой, холмскія вароты*), ačkoli, jak známo, je státním jazykem jak ruština, tak běloruština.

Není však nutné sahat pouze k tak vysokým sférám společnosti, jako jsou symboly státnosti Běloruska: rituálnost používání běloruštiny se ukazuje i v mnohem každodennějších souvislostech. Srov. opět Mečkovskaja: «В журнале [Гаспадыня, MG] белорусский язык используется, во-первых, в заглавии *Гаспадыня* (...); во-вторых, по-белорусски даны колонтитулы с названиями разделов журнала: *Перапіска, Сад і агарод* (...), *Падвор'е* (...)» (Мечковская 2006: 40). Zcela paralelně můžeme najít v nákupních střediscích v Minsku běloruská označení jednotlivých oddílů v potravinách.¹⁰ Zákazníci mluví mini-

⁵ Uvádím několik citátů: “Ritual is an obsessive repetitive activity – often a symbolic dramatization of the fundamental ‘needs’ of the society, whether ‘economic’, ‘biological’, ‘social’, or ‘sexual’” (Kluckhohn 1969: 44) – «...ритуалы состоят из символов» (Тэрнер 1983: 32) – “A ritual is a set of actions, performed mainly for their symbolic value, which is prescribed by a religion or by the traditions of a community”. (<http://en.wikipedia.org/wiki/Ritual>). Poměr mezi rituálem a symbolem přitom není vždy zcela jednoznačný, srov. následující výpovědi: «Читатель (...) сразу увидит, что моя теория и методология изучения ритуала и других культурных символов претерпела определенные изменения» – «Я узнал (...), что ритуал и его символика – не просто эпифеномены или маскировка более глубинных социальных и психологических процессов (...)» (Тэрнер 1983: 9) «Ритуальный символ – это мельчайшая единица ритуала» (Тэрнер 1983: 33). Není třeba tuto otázku zde vyřešit, stačí vycházet z toho, že rituál je opakující se činnost, která je převážně pro svoje symbolické hodnoty.

⁶ Kluckhohn (1969: 37) konstatuje ve svém pojednání o vztahu mezi mýtem a rituálem, že mýtus, s nímž je rituál ve vztahu interdependence, je jednou z forem ideologie. Z toho lze vyvodit, že rituály mohou určovat i jiné formy ideologie, např. politické a etnické.

⁷ „Das Ritual als soziale Intensivierung betont die Identität einer Gruppe, es befriedet sie.“ (<http://en.wikipedia.org/wiki/Ritual>). Schwartz (1994: 20) odůvodňuje výskyt formy rituálu v protestu Tibeťanů proti čínské okupaci mj. tím, že tak dosáhnou *communitas*, zažívají solidaritu a rovnost a vzájemně si potvrzují svou národní identitu. Trochu jinými slovy, ale ve stejném smyslu říká Kluckhohn (1969: 38), že rituál vyjadřuje pocity, které jsou základní pro existenci dané společnosti

⁸ Srov. známý výklad o tom, že běloruština je chudý jazyk, jímž nelze vyjádřit nic velkého, a o tom, že existují na světě jenom dva velké jazyky, ruština a angličtina... (Мечковская 2002: 132, 2003: 127).

⁹ Tyto svědčí ostatně proti tvrzení Alpatova o tom, že «...и немалая часть населения, включая президента, не очень принимает белорусский язык даже в качестве символа» (Алпатов 2000: 196). Lukašenko zde – jako jinde – dokazuje svůj instinkt ohledně nálad velkých částí obyvatelstva Běloruska právě tím, že využívá symbolickou funkci běloruštiny v rámci určitých komunikačních rituálů.

¹⁰ Podobně pozoruje Mečkovskaja: «В Минске многие небольшие частные ма-

málně drtivou většinou rusky, stejně jako čtenářky uvedeného ženského časopisu. Sama Mečkovskaja klade otázku po smyslu takového používání běloruštiny: «зачем русскоязычному журналу белорусское название?». Odpověď, kterou dává, je velmi důležitá: «Белорусское название, как и белорусские колонтитулы *Гаспадыни*, конечно, придают изданию местный колорит и делают его «своим» для читательниц Беларуси, сплошь двуязычных (при пассивном белорусском).»¹¹

Je třeba zdůraznit, že komunikační funkce v těchto případech není vždy nulová (je důležité vědět v časopise, kde se nacházejí dopisy, rady pro zahradu nebo předpověď počasí, nebo třeba, kde najít v supermarketu chléb, mléko, těstoviny a čokoládu). Nicméně je to komunikace statická, která by mohla fungovat (a leckde i funguje) např. na základě obrázků (pera, rostlin, sluníčka, chleba, balení mléka atd.). Na bankovkách, kde hlavní informace je hodnota, stejný účel plní samozřejmě číslice, státní znak se pozná primárně na základě jeho heraldických charakteristik, nikoliv na základě nápisu.

Podobně popisuje Mečkovskaja, jak se dávají běloruské názvy akcí, hesla atd. v kombinaci s informacemi napsanými rusky i v materiálech politické opozice, která je zastáncem běloruštiny: «В двуязычных листовках оппозиции по-белорусски могут быть напечатаны названия акции (*Марш свободы, Чернобыльски шлях*), лозунги, призывы, а чисто информационные (! – MG) и «рассуждающие» слова – по-русски. Оратор может свою речь на русском закончить призывом по-белорусски: *Жыве Беларусь!*» (Мечковская 2003: 137). Není třeba zvláště zdůrazňovat, že mluvní akty jako hesla patří k typickým komunikačním rituálům.

газины и киоски имеют белорусскую вывеску (*Камерцыйная крама, Кветкі, Спажывецкія тавары, Гарачыя напоі, Фінская мэбля, Хутка, смачна, па-беларуску* и т.п.), при том что менее презентабельные и меняющиеся (! – MG) тексты (ценники, меню и т.п.) в этих же заведениях пишутся по русски.» (Мечковская 2002: 138).

¹¹ Autorka uvazuje ještě o další motivaci pro používání běloruštiny ze strany producentů časopisu, totiž že bilingvní tisk má nižší daň z příjmu. Tuto skutečnost – jakoliv jinak zajímavá –, lze ve zdejším souvislosti přejít. Nejspíš ani neplatí pro obchody používající běloruské nápisy. Pro téma tohoto textu je důležitý právě ona funkce, která konstituuje identitu skupiny.

Nepřímo se konstatovalo značně rituální používání běloruštiny už před čtvrt stoletím: „Schon 1982 stellte der weißrussische Sprachwissenschaftler Michnevič fest, daß Weißrussisch nur noch in drei Funktionsbereichen gleichberechtigt neben dem Russischen Verwendung findet: in der Alltagskonversation, bei Reden anlässlich von Beerdigungen und von Festessen“ (Besters-Dilger 1996: 133). Projevy během slavnostních hostin a pohřbů jsou součástí rituálů (a kromě toho se často čtou nebo deklamují); o rovnoprávném postavení běloruštiny v každodenní konverzaci lze dnes značně pochybovat (zejména pokud jde pouze o spisovnou běloruštinu, bez útvarů jako „trasjanka“ nebo nářečí).

Rituálnost komunikace v běloruštině můžeme vidět např. také v některých relacích v televizi: sledoval jsem v květnu 2005 na státní běloruské televizi mezi většinou jazykově ruských relací malou jazykově běloruskou relaci, která by se dala označit jako vlastivědná: mluví se tam o různých zajímavostech Běloruska, historických, architektonických nebo přírodních, např. o zubrech, o nějaké pevnosti atd. Ani zde patrně není komunikační funkce zcela v popředí, když vycházíme z toho, že obecnost dané objekty asi většinou zná. Jde spíše o opakování, připomenutí, o potěšení pozoruhodnostmi vlastní země, snad o posílení patriotismu. Ale i tam, kde informační funkce v podstatě je zcela v popředí, totiž v televizních zprávách, je stín rituálnosti patrný: jednak se střídají jazykově běloruské zpravodajské relace s ruskými, a jednak se i v běloruských zprávách běloruštinou čte (s nadsázkou řečeno deklamuje), zatímco když vystupují osoby, které řeknou něco spontánně, svědkové, experti, zúčastnění nějaké události, tak používají ruštinu (nepodařilo se mi postřehnout, zda otázka byla položena v běloruštině nebo v ruštině, protože přímá otázka žurnalisty vedoucího interview se nevysílala v případech, které jsem viděl). Srov. však poznámky k ruským odpovědím na běloruské otázky v běloruském rozhlasu u Bulyka a Krysina (Bulyko/Krysina 1999: 134), podobně Алпатов (2000: 195), Мечковская (2003: 41), Ioffe (2003: 1015), Smatryčenka (2005: 57). K (ne)přítomnosti běloruštiny v televizi obecně srov. Smolicz/Radzik (2004: 70), Smatryčenka (c.m.), Мечковская (2006: 37n.), v rozhlasu Багданкевіч et al. (2000: 81n.), Smatryčenka (c.m.).

Běloruština lze celebrovat, a to se děje především v beletristice. Měl jsem v květnu 2005 příležitost sledovat prezentaci výherců soutěže mladých básníků na Filologické fakultě Běloruské státní univerzity v Minsku. Jak prezentace, tak básně a písně samy byly výlučně v běloruštině, nicméně i literatura je samozřejmě ritualizovaný způsob komunikace, kde kromě sdělení jsou v popředí zcela jiné funkce, zejména estetické (k estetické funkci běloruštiny srov. také Мечковская 2003: 130; k popisu podobné události vedené v běloruštině – oslav narozenin původně běloruského malíře Marca Chagalla – srov. Алпатов 2000: 196). Jako další výrazný případ ritualizované komunikace uvádím návštěvu Národního akademického divadla Janky Kupaly, kde se hrála hra *Паўлінка* klasika běloruské literatury Janky Kupaly (1882-1942), rovněž v květnu 2005: divadlo bylo velmi dobře zaplněné, a to převážně mladými diváky, nicméně jednalo se patrně o organizované výpravy žáků, kteří mezi sebou, pokud jsem mohl zběžně sledovat, mluvili rusky. K jazykovému rozdílu se zde připojil protiklad mezi obsahem hry a vnějším světem diváků: napětí mezi venkovským světem začátku 20. stol.¹² s jazykově popoštěným pánem, který chce získat krásnou Paulinku, a silně urbanizovanou moderní běloruskou společností začátku 21. stol.,¹³ z níž pocházeli mladí diváci, se spojí s rozdílem v jazykovém kódu: rusky mluvící děti se šly podívat na běloruština. K tomu lze doplnit údaj jako by z druhé strany opony jazykově běloruských divadel: «Однако работа, предвещающая выход белорусскоязычного спектакля, чаще всего ведется на русском языке. (...) В основном в этих театрах язык общения творческих и нетворческих работников (актеров, режиссеров, администрации и др.) делопроизводства, документации, объявлений и т. п. – русский» (Булыко/Крысин 1999: 160). Jestliže rusky mluvící osazenstvo připraví a zahraje divadlo v běloruštině pro rusky

¹² Hra byla dokončena v roce 1912.

¹³ Je obecně známo, že Bělorusko patřilo k nejvíce urbanizovaným oblastem Sovětského svazu a že odpovídající procesy proběhly velmi rychle. Srov. Лукашанец et al. (1998: 40), kde se uvádí, že v roce 1959 byl poměr mezi venkovským a městským obyvatelstvem v Bělorusku 69% : 31%, zatímco v roce 1995 byl 31,4% : 68,6%, to znamená přesně naopak. K významu migračních procesů pro vývoj jazykové situace v neprospěch běloruštiny srov. také Лукашанец et al. (1998: 91-94).

mluvící publikum, pak se výrazně ukazuje, jak je jazyk součástí toho uměleckého aktu, tedy rituálu.¹⁴

Mečkovskaja však jde ještě o krok dál a tvrdí, že vlastně samotné používání spisovné běloruštiny má dnes leckde velmi blízko k umělecké tvorbě: «Для части приверженцев БЕЛ[орусского] говорение и письмо по-белорусски стали процессом, близким к художественной (или параэстетической) деятельности» (Мечковская 2002: 139). To ovšem není jenom nový proces, nýbrž má své kořeny v minulosti, jak se v literatuře ukazuje: «Характэрнай асаблівасцю новай беларускай літаратурнай мовы, якая пачала фарміравацца пасля 200-гадовага перапынку пісьмова-літаратурнай традыцыі, з'яўляецца тое, што вырастала яна з народных гаворак пераважна як мова мастацкай літаратуры. Доўгі час сама беларуская літаратурная мова як бы сінанімізавалася з мовай мастацкай літаратуры» (Лукашанец et al. 1998: 45). V této souvislosti lze připomenout i další citát Mečkovské: «Именно в театре, в декламациях и пении человек впервые встречался с публичной белорусской речью. Характерна реакция на белорусский язык митингового оратора в Минске 1905 г. (...): *Эй, послушайте! Вы ведь не в театре! Говорите по-русски!* Иначе говоря, публичная белорусская речь ассоциировалась в первую очередь с театром» (Мечковская 2006: 23). Na tomto místě lze dodat, že by možná bylo užitečné v diachronních výzkumech jazykové situace v Bělorusku od začátku 20. stol. věnovat větší pozornost kromě změn i faktorům kontinuity.¹⁵

V situaci, kdy používání běloruštiny mimo kruhy, v nichž se pěstuje, je ostře příznakové, ba je někdy pocíťováno jako provokativní nebo dokonce agresivní,¹⁶ se uchylují i jednoznační pří-

¹⁴ K otázce rituálnosti v dramatické tvorbě srov. Burkman (1986).

¹⁵ Srov. v této souvislosti k faktorům kontinuity slovensko-českého poměru v dějinách slovenštiny Giger (2006).

¹⁶ «... выбор БЕЛ[орусского] за пределами своей группы – это определенный вызов русскоязычному большинству и демонстрация своей отдельности (...); БЕЛ[орусский] на улице, в кафе, магазине требует известного мужества и, как минимум, – уверенности в себе» (Мечковская 2002: 135) – «В городах обязательна устная речь на литературном БЕЛ[орусском], вне профессиональной деятельности говорящих, маркирована: в общественных местах она неожиданна, элитарна и иногда, в зависимости от поведенческих стилей говорящих, может

vrženci běloruštiny k její ritualizaci: «И камерность и высокая семиотичность таких акций демонстративного говорения по-белорусски видны в предложении (1998) *Нашей Нівы* (к читателям) ежегодно в октябре проводить *Дзень мовы*: постаратся весь день говорить исключительно по белорусски – для практики и привлечения новых сторонников *беларушчыны*» (Мечковская 2002: 135). Zde jde na jedné straně o návrh, jak překonat rituálnost používání běloruštiny, totiž mluvit jí celý den a ve všech situacích – ovšem pouze jeden den za rok! To však je rituál *par excellence*.¹⁷

Nejvíce rituální používání běloruštiny u jednoho jejího mladého přívržence (byť literárního hrdiny) vystupuje v citátu, který Mečkovskaja uvádí ve dvou svých pracích (Мечковская 2002: 135, 2003: 91): používá totiž běloruštinu jenom, pokud je v „běloruské“ náladě a perfektně oblečen: «Асабіста я ня стану гаварыць на бел, знаходзячыся ў нябельым настроі, ці нават маючы нейкую хібу ў адзеньні. Каб нішто не дапамагло асацыяваць маю мову зь якім-кольвек убоствам.»

Nakonec lze zde ještě upozornit na další skutečnost: reálně nízký a mizející význam běloruštiny její přívrženci kompenzují, slovy Mečkovské, „mytologizací“, „sakralizací“ a „fetišizací“ jazyka (srov. Мечковская 2002: 133n., 2003: 44, 90): běloruština se srovnává (v publicistice a lyrice) s hlasem Božím (*Пачуцьцье мовы сенья – гэта пачуцьцье Бога*), její úděl s křížem (*Шлях*

носить характер вызова, эпатажа или молодежной агрессии» (Мечковская 2002: 138) – «В городах выбор в общении белорусского языка вполне определенно маркирован: это акт борьбы за язык шпрэхтрэгерскай беларускай інтэлігенцыі (...) Белорусская речь в небелорусскоязычном окружении – это своего рода обет, который добровольно принимают защитники языка» (Мечковская 2003: 90n.). Velice příznačný je i citát ze začátku 80. let, ve kterém se běloruská žurnalistka vyjádří ke svému jazykovému chování mimo redakci (srov. také střídání kódů!): «Вопрос. *А як вы размаўляеце з людзьмі – на вуліцах, у крамах, у аўтобусах?* (...) [Ответ] *Как все... Па-беларуску я размаўляю толькі з аўтарамі, якія са мной гавораць па-беларуску... Э-э... з усімі, хто пачынае першым...* (...) [Вопрос] *Значыць, аўтары – пішучь, ганарары, ад радка, ідуць... А на вуліцы можна ... гаворыць, как все нормальные люди?* [Ответ] *Конечно, сложно все это... Против всех ведь, так вот, демонстративно – не пойдешь*» (Мечковская 2006: 28).

¹⁷ “Rituals constitute a guarantee that in certain societally organized behaviors (...) people can count upon the repetitive nature of the phenomena” (Kluckhohn 1969: 42) – «Ритуалы стремятся организоваться в цикл представлений (ежегодных, двухгодичных, пятилетних и т. ф.) (...)» (Тэрнер 1983: 36)

na *Галгофу*: *Драматычны лес беларускай мовы*, Багданкевіч 2000: 3), se svatým (*святаты мяккі знак беларускага напісанья*), s rájem a peklem (*Мова мая беларуская – мой зямны рай, мова мая беларуская – некла мае зямное*). To, že spojením se sakrální (mytologickou) sférou je právě rituál, bylo zde již zdůrazněno.

2. Hledání paralely: běloruština a irština

Klademe-li si otázku, zda jazyková situace v Bělorusku má v Evropě paralelu, pak se jednoznačně nabízí situace v Irsku, jak o tom psal již Alpatov (2000: 193-197; oproti tomu poněkud překvapivě se najde Irsko u Mečkovské mezi „národy bez vlastního, osobitého jazyka“, Мечковская 2003: 92). Chci se zde nad touto paralelou zamyslet, ukázat v čem tkví, v čem jsou rozdíly a čím toto porovnání může přispět k analýze běloruské situace, a navíc, v čem by mohla být irská zkušenost užitečná pro přívržence běloruštiny.

Prvoplánová paralela je nasnadě: jedná se o situaci, v níž etnický jazyk státotvorného národa je jazykem, jímž mluví jenom menšina tohoto národa, který však má vysoký symbolický status. Navíc většinový jazyk je (původně) jazykem sousedního státu, který během dlouhých historických epoch Irsko ovládal, a ztráta původního etnického jazyka státotvorného národa souvisí alespoň částečně s jazykovou politikou historické koloniální moci.¹⁸

Irsko má dva státní jazyky, irštinu a angličtinu. Oficiálně má irština privilegovaný status, protože 8. článek irské ústavy konstatuje: “1. The Irish language as the national language is the first official language. 2. The English language is recognised as a second official language.”¹⁹ Irština se vyučuje jako předmět i ve školách s vyučovacím jazykem angličtina. Počet rodilých mluvčích irštiny však v minulých desetiletích výrazně klesl a jazyk se i v oblastech, kde byl tradičně rozšířen, už jen výjimečně předává z generace na generaci.²⁰

¹⁸ K jazykové situaci v Irsku srov. kromě zde uvedené literatury početnou literaturu uvedenou u Šatavy (1994) a Alpatova (2000).

¹⁹ Srov. ústavu Irska pod <http://www.taoiseach.gov.ie/upload/publications/297.htm>. Hindley (1991: 37) ostatně uvádí, že první ústava nezávislého Irska z roku 1922 určuje, že se sice všechna rozhodnutí parlamentu mají publikovat v obou jazycích, že ale v případě konfliktu je závazná anglická verze... Smatryčenko (2005: 55) uvádí, že v dnešním Bělorusku se zákony už nepřekládají do běloruštiny.

²⁰ „V 70. a 80. letech se pak i v Gaeltachtu stalo výjimkou předávat jazyk ve formě

Výraznou symbolickou hodnotu irštiny lze vyčíst nejen z faktu, že se široce vyučuje jazyk, který mimo zemi neexistuje a jako mateřština i v samém Irsku neustále mizí,²¹ nýbrž i z používání irských nomenklatur v anglickém textu (*taoiseach* ‚premiér‘, *oireachtas* ‚parlament‘, *garda* ‚policie‘ atd.). Velmi příznačné je i používání irského názvu země v anglickém textu preambule ústavy: *In the Name of the Most Holy Trinity, (...) we, the people of Éire, (...), o hereby adopt, enact, and give to ourselves this Constitution.* To lze srovnávat s tím, jak se od začátku 90. let Bělorusko i rusky nazývá *Беларусь* (místo dosavadního *Белоруссия*), což vyvolává početné diskuse mezi uživateli jazyka (zejména z Ruska), nejvíc ohledně pravopisu interfixu(!) *-a-*.²²

Irsko prosadilo i zařazení irštiny mezi oficiální a pracovní jazyky EU, přičemž lze očekávat, že praktický význam tohoto rozhodnutí zůstane velmi omezen.²³

Zároveň je v Irsku poměrně velký počet mluvčích irštiny jako druhého jazyka, podle statistik (vlastní deklarace dotázaných) irštinu ovládá až 1 570 000 lidí (v roce 2002), z nichž 339 000 tvrdí, že jazyk používá denně (z nich jen necelých 34 000 lidí v *Gaeltachtaí*, srov. Mac Giolla Chríost 2005: 200n.). I když to o reálných jazykových schopnostech nic nevyovídá²⁴ a běžná „fluency“ v irš-

rodné řeči dětem; koncem 80. let byl počet zdejších *native speakers* odhadován na již méně než 30 000“ (Šatava 1994: 110). Srov. také Mac Giolla Chríost (2005: 132n.).

²¹ Speciální úlohu má irština jako symbol národně irského smýšlení a odporu proti Velké Británii u katolíků v Severním Irsku, kde jinak irština v 20. stol. vymřela (srov. Connolly 1997: 43, podrobně Hindley 1991: 150-160, Mac Giolla Chríost 2005: 201-203, 211-219).

²² Srov. např. http://school.edu.ru/boards.asp?tmpl=thread&ob_no=6836&m_no=2262, <http://www.prodtp.ru/lofiversion/index.php/t10136.html>, <http://www.gramota.ru/forum/read.php?f=2&i=2825&t=2789>.

²³ Srov. odpovídající tiskovou zprávu irského ministerstva zahraničních věcí z 13. 6. 2005 pod http://foreignaffairs.gov.ie/Press_Releases/20050613/1774.htm. Příznačná je následující věta: “This affirms at European level the dignity and status (*! – MG*) of our first official language.” Co se týče praktického dopadu, uvádí se v textu, že klíčové texty zákonodárství EU budou přeloženy do irštiny. Zdůrazňuje se, že se jedná o výjimku (jinak se překládá veškerá legislativa do oficiálních jazyků členských států), kterou je třeba z praktických důvodů (!) na přechodnou dobu přijmout. Na určitých setkáních ministrů se bude z irštiny překládat, pokud vznikne takový požadavek (!).

²⁴ «... в основном это люди, как-то пытавшиеся учить язык и часто имеющие о нем довольно приблизительное представление» (Алпатов 2000: 193). K významným problémům při zjišťování reálného stavu pomoci statistických metod srov. také

tině nemusí být samozřejmá ani pro lidi, kteří se jí profesionálně zabývají jako lingvisté,²⁵ jsou to čísla svědčící o významu irštiny pro irskou společnost.

Hindley (1991: 37) uvádí: “Irish has never achieved more than ceremonial (*! – MG*) status in the Oireachtas (Parliament)”. Pro rituální používání irštiny lze také sledovat i internetové stránky různých státních institucí: Tak má např. ministerstvo zdravotnictví Irské republiky pod <http://www.dohc.ie/> uveden dvoujazyčný titul *Department of Health and Children / An Roinn Sláinte agus Leanaí*, ale po překliknutí na (zdánlivou) irskou variantu stránky najde čtenář (pod irskými tituly rubrik!) téměř všechny informace pouze v angličtině. Ministerstvo dopravy Irska má sice řadu informací v irštině, ale jejich počet není srovnatelný s informacemi v angličtině. To lze srovnávat s obdobnými institucemi v Bělorusku: na stránkách běloruského ministerstva zdravotnictví (<http://www.minzdrav.by>) jsou informace zřejmě jen v ruštině, ale např. ministerstvo obrany Běloruska (<http://www.mod.mil.by/>) má běloruskou verzi svých stránek, jejichž obsah je ovšem oproti ruské verzi minimální.

Je však třeba zdůraznit jeden důležitý rozdíl mezi situací v Irsku a v Bělorusku, který souvisí s blízkostí mezi jazyky zúčastněnými v obou popisovaných situacích: zatímco irština a angličtina jsou klasické *Abstand* languages (vyvíjely se velmi dlouho nezávisle jeden na druhém a jsou vzájemně naprosto nesrozumitelné), běloruština je oproti ruštině typickou *Ausbau* language (srov. Kloss

Hindley (1991: 21nn.); autor se domnívá, že 5-10% těch, kteří deklarují během sčítání lidu znalosti irštiny, ovládají jazyk plynule (c.d.: 35). Nicméně i takový počet (s odvoláním na citovanou statistiku z roku 2002 by se jednalo o zhruba 75 000-150 000 lidí) značně převyšuje uvedený počet rodilých mluvčích. Organizace pro školy s irštinou jako vyučovacím jazykem *Gaelscoileanna* uvádí pro oblasti mimo irsky mluvící (tzv. *Gaeltachtaí*) na svých internetových stránkách, že v září 2005 její školy navštěvovalo 31 000 žáků v necelých 200 školách (<http://www.gaelscoileanna.ie/index.php?page=reamhra&lang=english>). Ministerstvo školství Irské republiky informuje, že v roce 2002 5% žáků navštěvovalo tzv. “all.Irish-schools” (http://www.education.ie/servlet/blobServlet/des_ips_ch8.htm).

²⁵ Bohumilu Vykpělovi (Brno) děkuji za následující pozorování: na německé univerzitě se seznámili Irka a Ir, kteří tam byli oba na stáži s lingvistickým tématem zaměřeným na irštinu. Po několika větách v irštině přejdou na angličtinu. Na otázku, proč se tak stalo, odpoví muž, že „kolegyni to moc nešlo“.

1967): jazyky si jsou strukturně a lexikálně blízké až velmi blízké a vývoj spisovné běloruštiny probíhá ve výrazné opozici k ruštině (srov. k tomu Wexler 1992: 43, Мечковская 2006: 12n., 26-29 a Запрудскі в tomto svazku). Tento fakt má řadu důsledků: na systémové rovině budou výsledky jazykového kontaktu jiné (v případě dvou blízkce příbuzných jazyků jsou „živelnější“, možnosti kombinace různých elementů z obou systémů jsou širší, k tomu srov. zejména Станкевіч 1994: 26-66, Булыко/Крысин 1999: 51-101). Z hlediska sociolingvistického je důležité, že komunikační potenciál běloruštiny v běloruské společnosti je mnohem větší než potenciál irštiny v Irsku: jestliže čtenářky ženského časopisu *Гаспадыня* jsou všechny bilingvní s tím, že běloruštině rozumějí alespoň pasivně (srov. citát Mečkovské v první části tohoto příspěvku, obdobně Мечковская 2003: 32, 38), pak toto pro Irsko zcela jistě neplatí.²⁶ Lze to také ilustrovat jistou schopností Bělorusů přizpůsobovat se jazykovému úzu jiného, zejména výš postaveného člověka.²⁷ Z tohoto důvodu jsou čistě jazykové předpoklady běloruštiny pro skutečnou revitalizaci lepší než předpoklady irštiny. V této souvislosti lze připomenout částečně vývoj na Ukrajině, zejména v centru země, kde rodilí mluvčí ruštiny jsou od 90. let do

²⁶ Alpatov na tuto skutečnost odkazuje tím, že konstatuje, že podíl nositelů běloruštiny je určitě vyšší než podíl nositelů irštiny: «...процент носителей белорусского языка в Белоруссии намного выше, чем соответствующий процент для ирландского языка в Ирландии. (...) ... несомненно, что в белорусской деревне в отличие от ирландской исконные диалекты продолжают сохраняться, а горожанам приходится читать на двух языках» (Алпатов 2000: 194). Vzniká však otázka, zda koncept *nositele* je zde vhodný: běloruská nářečí na venkově mnohdy už ze sociolingvistického hlediska nefungují jako nářečí spisovné běloruštiny, což souvisí právě s úzkou příbuzností běloruštiny a ruštiny (viz níže), a podíl nositelů spisovné běloruštiny a jejich poměr k ní je nejspíše srovnatelný s nerodilými nositeli irštiny v Irsku. To, že pro obyvatele Běloruska je mnohem menší problém běloruštině rozumět, i když právě nejsou jejími nositeli, než pro obyvatele Irska porozumět irštině, je opět výsledkem úzké příbuznosti.

²⁷ Srov. v této souvislosti citát uvedený v poznámce 16. Sám jsem zažil situaci, kde mluvčí, s níž jsem trávil značný čas v Minsku a která během té doby jinak bělorusky nikdy nemluvila (ať v soukromé či služební situaci), přešla na běloruštinu, když jsme zašli za ředitelem malého muzea s prosbou, zda bychom nemohli vidět veřejně nedostupné fondy, a tento pán nás oslovil v běloruštině. V diskusi k mému příspěvku na konferenci „Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model“ diskutantka tento aspekt běloruské jazykové situace shrnula větou „Často rozhoduje první věta o tom, který jazyk se v určité situaci bude používat“. I toto by samozřejmě nebylo možné bez úzkého příbuzenství mezi oběma jazyky.

značné míry otevření ukrajinizaci školství (srov. Мечковская 2003: 86, Besters-Dilger 1996: 139, 141), což je nepochybně důležitý předpoklad pro revitalizaci ukrajinštiny v této části země vůbec.²⁸

Skutečnost postupného a dosud nezvratného ústupu jazyka jako mateřtiny se zdá být důležitým bodem pro možnou interpretaci běloruské situace přes prizma irské. Mohlo by se to nazvat „konec teritoriálního myšlení“: irský diskurs o jazyce přijal zřejmě od monografie Hindleyho (1991) s drastickým titulem o „smrti irského jazyka“ skutečnost, že irštinu v tradiční formě běžně mluvených nářečí konkrétních oblastí, kde rodiče tento jazyk předávají svým dětem, zaniká (srov. zejména Johnson 1997, Mac Giolla Chríost 2005). Zároveň jsou v Irsku statisíce, kteří se k tomuto jazyku hlásí a v té či oné formě ho používají, a začínají tvořit sítě nových mluvčích, a to především ve městech.²⁹ Při podpoře irštiny bude nutné

²⁸ Otázka je ovšem, zda v případě Běloruska bude možné – i za jiných politických okolností, než jsou dnešní – vytvořit společenské předpoklady, zejména vytvořit prestižní vrstvu bělorusky mluvícího obyvatelstva, která může fungovat jako vzor, což je zřejmě nezbytný předpoklad pro prosazení standardního jazyka (srov. Giger 2006: 123-126 k slovenštině a češtině). Zatímco v případě Ukrajiny ukrajinštinou mluvící elitou, která může být potenciálním vzorem, disponuje alespoň západ země, v Bělorusku se to ani během sovětské bělorusizace nepodařilo («Однако в более широкой перспективе приходится констатировать, что литературный белорусский язык в 20-30-х гг. не успел стать основным средством коммуникации в сфере власти и культуры; он не преобладал в высшей школе, а также в интеллигентском повседневном общении (! -MG)», Мечковская 2006: 27; srov. také Wexler 1992: 46, který navíc zdůrazňuje, že Židé tvořící významnou část městského obyvatelstva přecházeli z jiddiš přímo a masově na ruštinu, nikoliv na běloruštinu) a často se dodnes nedaří ani exponentům jazykové běloruské kultury, udělat běloruštinu jazykem vlastní rodiny (srov. hořké stesky některých běloruských spisovatelů citované Mečkovskou, např. «Hi жонку, ні дзяцей я не пераканаў размаўляць па-беларуску, ды і сам не заўсёды паслядоўны ў карыстанні літаратурнай беларускай мовай. Гэта трагедыя большасці беларусаў, трагедыя народа, мая трагедыя. Беларуска мова не пануе часам у сем'ях нават вельмі знакамітых дзячоў беларускай літаратуры»; Мечковская 2006: 34). Důvody pro tyto těžkosti jsou bezpochybně komplexní, ale lze předpokládat, že jedním z nich bude fakt, že prestižním jazykem měst byla v době vytváření spisovné běloruštiny už jednoznačně ruština a vnímání běloruštiny zůstalo dosud spojené s venkovským prostředím (viz níže). To – opět díky západní Ukrajině a hlavně Lvovu – pro Ukrajinu neplatí ve stejné míře.

²⁹ “Particular concentrations of habitual Irish-speakers may be noted in the principal cities of Ireland (...). In urban contexts use of Irish language is likely to be confined to tightly defined and personalised networks of Irish-speakers” (Mac Giolla Chríost 2005: 203; srov. c.d.: 219-233 k městu jako sociálně-kulturnímu prostoru obecně). Hindley hodnotí odpovídající vývoj takto: “The metamorphosis of Irish from the dis-

brát ohled mnohem více na tyto sítě.³⁰ Jedná se ostatně o situaci, která je stále více charakteristická pro početné jazykové menšiny v Evropě: lze srovnat např. dolnolužickou situaci, kde dolnolužická srbština jako mateřština v podobě lokálních nářečí stojí před vymřením (poslední generaci rodilých mluvčích je kolem 70-80), ale zároveň existuje početnější skupina mluvčích spisovného jazyka, kteří se jí naučili jako druhému jazyku («Жителей региона, владеющих нижнелужицким языком, насчитывается не более 8 тыс. чел., из них лишь для 3 тыс. чел. (преимущественно старше 70 лет) он является в диалектной форме родным», Ермакова/Недолужко 2005: 310). Tato tendence se bude v příštích letech se stoupajícím věkem rodilých mluvčích na jedné straně a s budováním sítě lužickosrbských mateřských školek a základních škol „Witaj“ (poskytujících vzdělání v lužické srbštině pro děti z německy mluvících rodin metodou immerze) na druhé straně ještě více akcentovat. Klasickou situací tohoto typu je situace bretonská (srov. Šatava 1994: 88; školy „Diwan“, poskytující své vzdělání v bretonštině dětem, jejíž mateřštinou je již francouzština, sloužily ostatně lužickosrbským „Witaj“-školám jako vzor). Nakonec lze v této souvislosti uvést jako krajní případ i kornštinu, která vymřela v 18. stol., ale je oživována kruhy zájemců a nadšenců, což ji přivedlo až na seznam jazyků uznaných Spojeným královstvím jako spadající pod Evropskou chartu regionálních či

paraged and unwritten dialects of an impoverished and remotely located peasantry into the modern literary but second language of a privileged urban elite is indeed a great achievement and one without international parallels except for the still more remarkable revival of Hebrew in the unique circumstances of modern Israel” (Hindley 1991: 42). Hindley zdůrazňuje, že po změně vzdělávacího systému na začátku 80. let, když výuka irštiny mimo *Gaeltachtaí* začala být větší měrou dobrovolná než do té doby a zároveň byly zakládány ve větším množství soukromé, ale státem podporované školy s irštinou jako vyučovacím jazykem v anglicky mluvících oblastech (srov. také Šatava 1994: 110), byli rodiče, kteří přihlásili své děti do těchto škol, “disproportionally urban and middle-class” (c.d.: 38; srov. také Johnson 1997: 187). Velmi příznačné je, že podle průzkumů irského ministerstva školství (http://www.education.ie/service/blobservlet/des_ips_ch8.htm) výsledky výuky irštiny v těchto školách jsou lepší než ve školách ve venkovských *Gaeltachtaí*!

³⁰ “The polemics of the Irish language in a globalising Ireland must engage with the following: (...) A recognition that the official Gaeltacht is too narrow a niche for a sustainable future for the Irish language and that, in any case, the actual ecology of the language is broader than that. It includes Irish-speaking networks beyond the Gaeltacht and, in particular, in the city” (Mac Giolla Chríost 2005: 236).

menšinových jazyků a také do některých škol.³¹ Ve všech těchto případech menšinový jazyk není už vázán na určité teritorium, nýbrž právě na sociální sítě přívrženců.

Jaký význam má toto vše pro běloruskou situaci? Tam se tento problém zdánlivě neklade: nekreslí se na mapách ostrovy, kde se „ještě“ bělorusky mluví, ruština nezískává nijaké „plošné“ zabarvení, nerozlišují se rusky mluvící a bělorusky mluvící oblasti. Nicméně je zde jeden teritoriálně zakotvený protiklad, který se v literatuře vždy znovu najde, protiklad mezi bělorusky mluvícím venkovem a rusky mluvícím městem: «Советская белорусизация не встречала поддержки у основной массы населения, в том числе у крестьян, которые не хотели отдавать детей в белорусские школы, потому что вполне видели распределение языков: *рускамоўны горад і беларускамоўная веска*» (Мечковская 2006: 14). Na venkově se mluví nářečím, nářečí je běloruské, a na venkově jsou (ještě) školy s vyučovacím jazykem běloruským.³² Samozřejmě tato opozice se může opírat o statistiku (srov. např. k distribuci běloruštiny a ruštiny jako vyučovacích jazyků Булько/Крысин 1999: 140-147, k distribuci v domácnosti podle deklarace dotázaných Мечковская 2002: 125) a je historicky jistě správná (srov. uvedený citát Mečkovské a další podobné na daném místě, dále Ioffe 2003: 1014, 1024n., kde se uvádí, že podíl Bělorusů na městském obyvatelstvu koncem 19. stol. byl mezi 7-15% a že 1926 se přiblížil 40%, z nichž ovšem jen polovina uváděla běloruštinu jako svou mateřštinu). Řada údajů však ukazuje na to, že se v uplynulých desetiletích situace mění i na venkově: „In den gegwnwärtigen w[eiß]r[ussischen] Dialekten ist die Zahl der lexikalischen Russismen allerdings noch wesentlich größer als in der w[eiß]r[ussischen] Standardsprache (...)“ (Bieder 1996: 124). „Weißrussische Hochschullehrer berichten, dass früher Studenten vom Land Weißrussisch sprachen, heute eher die Abkömmlinge städtischer Familien, wohingegen die vom Lande stammenden Studenten dank der Massenmedien recht gut Russisch sprachen“

³¹ Srov. Šatava (1994: 311n.) a http://en.wikipedia.org/wiki/Cornish_language s dalšími odkazy tam.

³² Podle statistiky otištěné u Mečkovské uvádí 19,8% městského obyvatelstva, že doma obvykle mluví bělorusky, oproti tomu činí tento podíl u venkovského obyvatelstva 74,7% (Мечковская 2002: 125). Srov. také Smolicz/Radzik (2004: 53).

(Besters-Dilger 1996: 139). «Более того, исчезает даже крестьянская белорусская чистая речь; ее вытесняет, говоря словами публициста, *жудасная трасянка*» (Мечковская 2006: 42). Podrobný popis jazykové situace na běloruském venkově (na základě několika – ne vždy úplně už aktuálních – nepublikovaných disertací) srov. Лукашанец et al. (1998: 78-90). Zde se uvádí obecně: «Маўленчая арыентацыя карэннага беларускага сельскага насельніцтва складалася і развівалася ў тым жа асноўным напрамку, што і ў буйных гарадскіх цэнтрах. Аднаваднай была і дынаміка яго маўлення. Яно было скіравана ў сваёй дынаміцы ў адпаведнасці з адзначаным моўным суправаджэннем і ўвасабленнем пасляваенных змен у сельскай гаспадарцы, мясцовай прамысловасці і наогул побыце сельскіх жыхароў галоўным чынам у бок рускай літаратурнай мовы або рускага вуснага праствамоўя ў вусных зносінах, іх структурных асаблівасцей і сэнсавых сродкаў. У напрамку іх усе больш шырокага выкарыстання» (с.д.: 79). Konkrétní práce o několika vesnicích v homelském kraji na jihovýchodě Běloruska konstatuje: «Амаль усе мясцовае насельніцтва рэалізуе ў вымаўленні гукавы інвентар фактычна дзвюх сістэм моўных сродкаў – дыялектнай і мясцовай рускамоўнай. На беларускую літаратурную мову ў вымаўленні арыентуецца толькі адна сацыяльна-вытворчая група – настаўнікі, ды і то некаторая частка іх» (с.д.: 82). Autoři to nazývají «змешаная», «трасяначная», «маўленчая арыентацыя» (с.д.: 83). Jiná práce o vesnici v mahilouském kraji na východě země uvádí: «Выкарыстанне роднай мовы звязана да ўжывання яе толькі ў сямейна-побытавай сферы. У астатніх сферах жыцця грамадства выкарыстоўваецца руская мова» (с.д.: 85). Poněkud jinak vypadá situace v západoběloruské vesnici hrodzenského kraje blízko litevské hranice: «У сямейных зносінах асноўную ролю адыгрывае беларуская гаворка (пад назвай «простая мова»). Мясцовая беларуская гаворка выступае ў маўленні перш за ўсе у так званых «польскіх» (каталіцкіх) сем'ях.³³

³³ K bělorusko-litevskému pohraničí srov. také Ioffe (2003: 1019). K problematice etnický běloruských katolíků a běloruských Poláků srov. také Törnquist Plewa (1997: 76, 80n.), Лукашанец et al. (1998: 101n.), Ioffe (2003: 1039n.), k převážně běloruskému) deklarovanému jazykovému úzu běloruských Poláků Smolicz/Radzik (2004:

У беларускіх сем'ях асноўную камунікатыўную функцыю выконвае руская мова, як правіла, ускладненая асаблівасцямі адпаведнай сістэмы роднай мовы (інакш, ў маўленні мае месца «трасянка»)» (с.д.: 88). V takové situaci lze položit otázku, zda pro mluvčí daných nářečí spisovným jazykem v sociolinguvistickém smyslu (jazykem zastřešujícím jejich nářečí) skutečně je spisovná běloruština nebo zda jí není spíše už spisovná ruština (v situaci „Ausbau language“ je to totiž spíše otázka orientace mluvčích než systémových vlastností zúčastněných jazykových kódů). Лукашанец et al. (с.м.) uvádějí, že „specifická váha“ bělorusismů v ruské řeči vesničanů je závislá na úrovni vzdělání jednotlivého mluvčího (srov. obdobně Smolicz/Radzik 2004: 64). To je ovšem klasická situace při používání spisovného jazyka u nositelů nářečí. Mám za to, že tak je třeba vidět i „trasjanku“ z hlediska sociolinguistiky: ne tolik jako smíšenou řeč (kód, který se složil z běloruštiny a ruštiny, i když tomu ze systémového hlediska tak je) a už vůbec ne jako kreol nebo pidžin, jak se občas v literatuře uvádí, nýbrž jako neúplné ovládnutí prestižního spisovného jazyka (konkrétně spisovné ruštiny) mluvčím nářečí (konkrétně běloruského nářečí).³⁴ To odpovídá podle Smolicze/Radzika (2004: 64) obvykle i vlastnímu vnímání nositelů „trasjanky“: vidí svůj jazyk jako ruštinu (z druhé strany lze uvést poznámku Ioffe 2003: 1016, který říká, že “to the native Russian speaker, it [„trasjanka“, MG] sounds like a local Russian dialect”. Je třeba dodat, že v takovém smyslu – («[говорить] с сильным белорусским акцентом (а это

62n.), k „mowě prosté“ Wiemer (2003). Poznámku k používání jazyků v církví u různých konfesí má Smatryčenko (2005: 59)

³⁴ Lze zde uvést i jeden charakteristický citát, který se sice týká jazyka měst, ale dal by se – s nutným časovým a kvalitativním posunem – aplikovat i na jazykovou situaci Běloruska celkově: «...аналізуючы статус штодзённа-гутарковага маўлення ў розных славянскіх мовах, [У. Барнет] закранае і беларускую моўную сітуацыю. (...) ен падае беларускую моўную сітуацыю ў адным радзе са славацкай, сербскай, балгарскай, македонскай, дзе штодзённа-гутарковая мова фарміравалася як «сустрэчны працэс выраўноўвання вуснай літаратурнай мовы і дыялектаў». Бясспрэчна, такі працэс мае месца ў беларускай моўнай сітуацыі, але ен закранае маўленчыя паводзіны нязначнай часткі нацыянальна арыентаванай беларускай эліты, якая карыстаецца беларускай літаратурнай мовай. Адносна масавага штодзённа-гутарковага маўлення адукаванай часткі гарадскога насельніцтва ва ўмовах Беларусі можна гаварыць хутчэй аб **сустрэчных працэсах «выраўноўвання» не нацыянальнай, а рускай літаратурнай мовы і беларускіх дыялектаў**» (Лукашанец et al. 1998: 39; zvýraznění moje – MG).

и есть трасянка)», Мечковская 2002: 138, nebo „jde o interdi-alekt charakterizovaný běloruskou výslovností a většinou ruskou slovní zásobou“, Smatryčenko 2005: 54) – „trasjanky“ existují zřejmě leckde: ve velkých částech anglicky, německy nebo italsky mluvícího prostoru má hovorová řeč výrazně regionální charakter právě na základě převážně fonetických vlastností místních dialektů („přízvuk“), i když mluvčí dané dialekty mnohdy už neovládají.

Tím výrazně vystupuje skutečnost, že spisovná běloruština – podobně jako irština nebo jiné menšinové jazyky³⁵ – je velkou měrou nerodilým jazykem určitých sociálních sítí: «Для городской молодежи, говорящей и пишущей на литературном белорусском языке, он не был материнским языком (первым языком их жизни). Молодые люди в значительной мере из патриотических и профессиональных побуждений овладели белорусским языком и в той или иной мере используют его в общении между собой (нередко преимущественно в рамках профессии). В результате литературный язык становится все более профессиональным, книжным и интеллектуальным. Овладение им происходит все более искусственно: язык усваивают не от матери и даже не на школьных уроках белорусского языка, а путем самостоятельного и «клубного» изучения» (Мечковская 2006: 30). Bude třeba tuto skutečnost brát v rámci běloruského hnutí na vědomí a nevidět ji pouze jako nedostatek. Bude nutné tyto sítě spojovat, snažit se o jejich spojení s venkovem tam, kde se běloruština drží (ve smyslu, že tam jsou mluvčí, kteří se orientují na spisovnou běloruštinu, jsou ochotní

³⁵ Pro srovnání situace běloruštiny se zde také uvedenou lužickou srbštinou srov. Rzetelska-Feleszko (1997). Autorka tam konstatuje: „W obydwu wypadkach działania elity nastawione są zarówno „na zewnątrz“, jak i skierowane do własnego narodu. Elita ta, tak na Łużyczach, jak i na Białorusi, stanowi bardzo wąską grupę, często związaną zawodowo z narodową kulturą i językiem (np. pracownicy muzeów, teatrów, wydawnictw i prasy, instytutów naukowych, radia, telewizji, organizacji społecznych i narodowych, księży). Działalność i zabiegi elity napotykają na opór w mentalności własnych społeczeństw“ (c.d.: 195). Výrazný kvantitativní rozdíl v obou situacích se v některých pracích relativizuje: Ioffe (2003: 1018) cituje názor, že počet Bělorusů schopných a ochotných číst náročný literární text ve spisovné běloruštině je kolem 10 000. Uvádí však také tvrzení (c.d.: 1035), že zatímco na konci 80. let 20. stol. bylo možné každého obyvatele Minsku používajícího běloruštinu v každodenním životě znát osobně, pak dnes se jedná pry o deseti tisíce.

své děti posílat do běloruských škol atd.),³⁶ a snažit se o jejich rozšíření, o jejich životaschopnost a přitažlivost. Irská zkušenost zde může přinést cenné poznatky, zejména po případné změně politických poměrů a v případě opětovného zájmu státu o podporu běloruštiny: nákladná, ale značně byrokratizovaná desetiletá podpora irštiny přinesla poměrně malé výsledky a hlavně nebyla s to zastavit postupný přechod na angličtinu ve venkovských *Gaeltachtaí* (srov. Hindley 1991: 39 k “strength of external environmental pressures towards English”). Povinná výuka irštiny ve státních školách s angličtinou jako vyučovacím jazykem rovněž nevedla k rozšíření irštiny jako běžně mluveného jazyka. Vysoká prestiž irštiny v Irsku pro většinu lidí zůstává na symbolické rovině (Hindley 1991: 39n.), jak je tomu i v Bělorusku s běloruštinou. Představa o „panování“ běloruštiny v Bělorusku (srov. Гілевіч 1996: 363-367 a zejména <http://tbm.org.by/ns/no516/valijci.html>) určitě není přiměřeným východiskem a povede nejspíše k podobným konfliktům jako prosazování běloruštiny v první polovině 90. let³⁷ (k nim srov. Лукашанец et al. 1998: 44, Мечковская 2002: 130n., 2003: 21n., 37, 88, 136, 2006: 42n., Ioffe 2003: 1020, Smolicz/Radzik 2004: 58n.). Lepší ovoce proto slibuje program konkrétních „malých kroků“ (srov. Запрудскі 2001 s odvoláním na aktivity waleského jazykového hnutí) a státní podpora odpovídajících iniciativ „zdola“ tam, kde jsou («...нямагчыма законам увесці мову ў жыцце, затое можна законам увесці жыцце ў мову»),

³⁶ K problému (kulturní, ne jazykové!) komunikace mezi venkovskými mluvčími původních irských nářečí a nerodilými nositeli spisovné irštiny z města, srov. Hindley (1991: 41).

³⁷ Zejména to nejspíš platí pro případný opětovný pokus o rychlou bělorusizaci školství, srov. Запрудскі (2001). Autor zdůrazňuje, že budoucí strategie vývoje běloruštiny musejí vždy obsahovat i strategii dalšího vývoje ruštiny v Bělorusku. K tomu lze dodat, že by byla velmi důležitá důkladná sociolingvistická i sociologická analýza procesů, které vedou Bělorusy – zejména i nositele běloruských nářečí z venkova – už minimálně jedno století stále k ruštině. Hindley (1991: 41) zdůrazňuje, že pro venkovské irské obyvatelstvo byly v popředí ekonomické problémy, a jedním ze způsobů, jak je řešit, byl přechod na angličtinu. Johnson (1997: 174) uvádí kriticky, že z *Gaeltachtaí* se staly v názorech městských aktivistů “repositories of a primitive culture” a “while an urban-based intelligentsia may have nurtured an idealistic vision of the West of Ireland, the Gaeltacht inhabitants themselves frequently observed that – both structurally and culturally – they experienced a sense of peripherality” (c.d.: 182). Tato úskalí by měli aktivisté běloruštiny mít na paměti, kdyby se podařilo zase zavést státní podporu běloruštiny.

Запрудскі 2001). Není třeba zvláště zdůraznit, že předpokladem takového vývoje je občanská společnost se skutečně svobodnou volbou jazyka (srov. Smolicz/Radzik 2004: 71). Úlohu může pak hrát i ekonomický vývoj: ekonomický úspěch Irska v posledních letech (za který *notabene* vděčí v nemalé míře tomu, že se jedná o anglicky mluvící zemi) vedl k tomu, že se zájem o irštinu zvýšil, zřejmě v souvislosti s tím, že mnoho lidí získalo větší národní sebevědomí.

3. Diglosie a schizoglosie?

Někdy se klade otázka, zda lze v souvislosti s běloruskou jazykovou situací mluvit o diglosii (srov. Wexler 1992, Giger 2006: 115). Wexler (1992) nazývá jazykovou situaci v Bělorusku také schizoglosijní, přičemž schizoglosii již dříve definoval jako „diglosijní situaci s vícenásobným kódem H, aniž by dál existoval původní stimul pro vznik dvou kódů H“ (Wexler 1971: 341n.). Je bez pochyb, že v Bělorusku existují dva kódy H, tj. dva spisovné jazyky, a to v rámci stejného společenství mluvčích. Je však otázka, zda lze v této situaci identifikovat L. V úvahu přichází jen „trasjanka“; její postavení v Bělorusku a její funkce však sotva dovolují srovnávat ji s L-kódy, jako jsou egyptská arabština nebo švýcarská němčina. Jak bylo řečeno výše, její poměr ke spisovné ruštině připomíná spíše poměr interdialektu ke spisovnému jazyku, tedy situaci „standard s nářečím“; „trasjanka“ není mateřština všech Bělorusů a z kódů H především ruština rodilé mluvčí má a používá se v informální komunikaci. Co je zajímavé a pozoruhodné, je v Bělorusku poměr mezi oběma spisovnými jazyky. Zde jsou totiž aspekty prestiže a neprestiže u obou jazyků: ruština má prestiž jazyka „velkého“ a důležitého pro „praxi“, běloruština má prestiž „vlastního“ jazyka, symbolu samostatnosti běloruského národa (srov. poznámku citovanou u mě – Giger 2006: 115 – o tom, že umět spisovnou běloruštinu je asi tak prestižní jako být královnou krásy, oboje není dáno každému, nebo také citát u Mečkovské *«Вы так красіва размаўляеце. Па рабоце ілі как? – вось адна з реплік, якую носьбітам мовы часта даводзіцца чуць»*, Mečkovskaja 2006: 35). Vede to až k pocitům viny u etnických Bělorusů, kteří běloruštinu neovládají (Mečkovskaja 2003: 88). Nejdůležitější pro diglosijní aspekty běloruské jazykové situace je ovšem

postupná integrace běloruštiny a ruštiny ve sdělovacích prostředcích směrem k jednomu systému, jak o tom píše Mečkovskaja: oba spisovné jazyky začínají být používány jako jeden komunikativní systém, v němž vystupují jako dva funkční styly, které se vzájemně doplňují (Mečkovskaja 2002: 126, 2003: 41). To platí i pro H a L v diglosii. Nicméně se v běloruském případě jedná o dva spisovné jazyky, které navíc mají oba aspekty prestiže, oboje odporuje základnímu rysu diglosie. Co se týče základního definičního rysu Wexlerovy schizoglosie, dalo by se říci, že po vzniku nezávislého Běloruska už původní stimul pro používání dvou kódů H neexistuje. Používání vícenásobného kódu H ve stejné společnosti je jev, který jinak charakterizuje spíše předmoderní společnosti (srov. Giger v tisku). Přitom ve společnosti jsou neshody o tom, do jaké míry považovat poměr mezi běloruštinou a ruštinou za endoglosijní nebo exoglosijní. S těmito faktory souvisejí pocity, že jazyková situace v Bělorusku není „dořešena“, které lze sledovat u mnoha účastníků debat.

4. Závěry

Bělorusko je (podobně jako Irsko) společností, v níž jazykový (a pouze jazykový! – Mečkovskaja 2006: 29) program obrození ztroskotal; návrat k většinově bělorusky (a už vůbec ne irsky) mluvící společnosti se jeví jako prakticky nemožný (Mečkovskaja 2006: 43 mluví o „bezperspektivnosti boje za etnický jazyk“, srov. ovšem oproti tomu některé optimističtější citáty u Ioffe 2003: 1035n.). Lze konstatovat, že už nebylo možné vytvořit prestižní bělorusky, resp. irsky mluvící elity, jejichž jazykové chování by sloužilo jako vzor. Používání (spisovné) běloruštiny je do značné míry rituální, protože je vázáno na funkci běloruštiny jako symbolu etnicity Bělorusů.³⁸ Etnický jazyk státotvorného národa ve své spisovné

³⁸ Tím samozřejmě nemá být řečeno, že to platí stoprocentně. Míra používání běloruštiny a výběr komunikačních situací, v nichž se používá, jsou u konkrétního nositele individuální. Jestliže Mečkovskaja uvádí různé trpké zkušenosti lidí, kteří v každodenních situacích běloruštinu používají, nebo dokonce děti, které vyrostly v důsledně bělorusky mluvící rodině (srov. obdobně Ioffe 2003: 1035), pak to dokládá jak výskyt takových mluvčích, tak ovšem i jejich výjimečnost (jeden mluvčí si připadá jako živý exponát v zoologické zahradě, druhá se cítí morálně znásilněna, když soudce nerozuměl běloruskému názvu měsíce, v němž se narodila, nebo když spolucestující ve veřejné dopravě „kroutil své ruské nosy nad běloruskými otázkami či odpověďmi“; zvlášť

podobě je fakticky dnes jazykem menšiny, a to druhým, různými způsoby výuky získaným a individuálně zvoleným. I tzv. „trasjan-ka“ funguje spíše jako ruský než jako běloruský dialekt.

To ovšem také znamená, že model „malého Rakouska“ vedle „velkého Německa“ jako analogon k běloruské situaci („malé rusky mluvící Bělorusko“ vedle „velkého rusky mluvícího Ruska“), citované Mečkovskou (Мечковская 2003: 92, 2006: 30), nemůže fungovat: Bělorusko svůj národní jazyk má, Rakousko ho nemá a nemělo. Představa, že by běloruština zmizela beze stopy, je stejně nereálná jako představa, že by celý běloruský národ začal mluvit bělorusky.³⁹

Další jazyková politika státu (pokud bude někde zase chtít běloruštinu podpořit) a aktivity těch částí obyvatelstva, které chtějí situaci běloruštiny zlepšit, by měly tyto fakty zohlednit pro své další aktivity z nich vycházet. Je důležité si uvědomit, že současně „rusky mluvícího informačního prostoru“ (Ioffe 2003: 1040) může Bělorusko zůstat, i když bude víc bělorusky mluvící, než je dnes. Informační (či komunikační) prostory tohoto druhu mohou být bi- či multilingvální (srov. Giger 2006 k česko-slovenskému komunikativnímu prostoru).

drastický je případ dítěte z bělorusky mluvící rodiny, kterému psycholog v mateřské školce pro nedostatek slovní zásoby v ruštině a neznalost ruských pohádek vystavěl diagnózu „zpomalený psychický vývoj“, srov. Мечковская 2002: 134, 2006: 35). K otevřené diskriminaci běloruštiny v justici a jinde srov. Багданкевіч et al. (2000), Smolicz/Radzik (2004: 68), Smatryčienka (2005: 56).

³⁹ Je také důležité si uvědomit, že Rakousko má mnoho jiných možností pro utvrzení své národní identity (např. historickou státnost jako evropská velmoc, která silně formovala celý středoevropský prostor). Kromě toho i Rakousko se utvrzuje jazykově, protože má s Německem sice společný spisovný jazyk, pěstuje ho ovšem ve vlastní variantě, jejíž terminologii dala dokonce uznat Evropskou unií (srov. Muhr 1995). V této souvislosti je důležité upozornit na zcela různé tradice pěstování spisovného jazyka v rusky mluvícím a v německy mluvícím prostoru: regionální variabilita se v ruštině mnohem méně akceptuje, model jakési „běloruské varianty ruštiny“ (na rovině spisovného jazyka) je zatím stěží představitelný. Výrazná neprestížnost „trasjan-ky“ není srovnatelná s rakouskou variantou spisovné němčiny a ukazuje, že ona právě není (a výhledově ani nemůže být) «беларуская разнавіднасць рускага літаратурнага маўлення, ці *збеларушаны* варыянт рускай літаратурнай мовы», jak citují Лукашанец et al. (1998: 39) z jedné nepublikované disertace.

Язык как символ и ритуал: вопрос функциональных сфер белорусского языка

доктор *Маркус Гигер* (Карлов Университет, Прага)

При оценке языковой ситуации в Беларуси в литературе подчеркивается символическая функция белорусского языка как эмблемы своеобразия и самостоятельности этого государства. Коммуникационные же функции белорусского языка являются в значительной степени ограниченными. В докладе рассмотрена взаимосвязь символической функции языка с его ритуальным использованием, которое также свидетельствует о подчиненности коммуникационной функции. Приведены конкретные примеры, подтверждающие ритуальное использование белорусского языка.

Во второй части реферата языковая ситуация в Беларуси противопоставлена таковой в Ирландии, именно в этой стране она типологически наиболее близка в Европе ситуации белорусской, а действие государственного языка также ограничено его символической функцией (а возможно, и его ритуальным использованием). Тем не менее, наряду со сходством, имеют место и различия, связанные прежде всего с тем, что ирландский язык является по сравнению с английским „Abstand language“ по терминологии Клосса, в то время как белорусский язык по сравнению с русским – „Ausbau language“, из чего проистекает его принципиально больший коммуникационный потенциал по сравнению с ирландским языком, чье использование все еще является маргинальным.

BIBLIOGRAFIE:

J. BESTERS-DILGER, *Die Rezeption der russischen Sprachenpolitik in der Ukraine und Weißrußland*, in: Ohnheiser, I. (ed.): Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Akten der Tagung aus Anlaß des 25jährigen Bestehens des Instituts für Slawistik an der Universität Innsbruck. Innsbruck, 25.-27. Mai 1995, Innsbruck 1996, s.129-142

H. BIEDER, *Normprobleme der weißrussischen Standardsprache: Tendenzen der Russifizierung und Weißrussifizierung*, in: Ohnheiser, I. (ed.): Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Akten der Tagung aus Anlaß des 25jährigen Bestehens des Instituts für Slawistik an der Universität Innsbruck. Innsbruck, 25.-27. Mai 1995, Innsbruck 1996, s.115-128

K. H. BURKMAN, *The Arrival of Godot. Ritual Patterns in Modern Drama*, London-Toronto 1986

- S. J. CONNOLLY, *Culture, identity and tradition. Changing definitions of Irishness*, in: B. GRAHAM, (ed.): *In Search of Ireland*, London-New York 1997, s.43-63
- M. GIGER, *Die Sprachsituation der Slowakei: Diglossie in der Vergangenheit und ihre Spuren in der Gegenwart*, in: van Leeuwen-Turnovcová, J., Richter N. (Hrsg.): *Entwicklung slawischer Literatursprachen, Diglossie und Gender*, München 2006, s.91-125
- M. GIGER, v tisku. *Otázka aplikace termínu „diglosie“ na předmoderní jazykové situace*. Vyjde v: *Slavica Pragensia* (ed. H. Gladkova, V. Cvrček), -s.10
- G. IOFFE, *Understanding Belarus: Questions of Language*, in: *Europe-Asia Studies* 55, 2003, s.1009-1047
- H. KLOSS, „*Abstand Languages*“ and „*Ausbau Languages*“, in: *Anthropological Linguistics* 9, 1967, s.29-41
- D. MAC GIOLLA CHRÍOST, *The Irish Language in Ireland. From Góidél to globalisation*, London-New York 2005
- R. HINDLEY, *The death of the Irish language. A qualified obituary*, London-New York 1991
- N. C. JOHNSON, *Making space. Gaeltacht policy and the politics of identity*, in: Graham, B. (ed.): *In Search of Ireland*, London-New York 1997, s.174-191
- C. KLUCKHOHN, *Myths and rituals: A general theory*, in: Vickery, J. B. (ed.): *Myth and literature*, Lincoln [1942] 1969
- R. MUHR, (Hrsg.) *Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte*. Wien. (Materialien und Handbücher zum österreichischen Deutsch und zu Deutsch als Fremdsprache 2) 1995
- J. RUSNÁK, *O dramaturgii komunikačných rituálov – insígnie, dekorácie, rekvizity*, in: Nábělková, M., Králik, L. (eds.): *Varia VIII*, Bratislava 1999, s.199-203
- E. RZETELSKA-FELESZKO, *Zagrožone języki słowiańskie: tużycy i białoruski*, in: *Lětopis* 44, 1997, s.194-197
- R. D. SCHWARTZ, *Circle of Protest: Political Ritual in the Tibetan Uprising*, New York 1994
- S. SMATRYČENKA, *Jak se mluví v Bělorusku (stručný rozbor jazykové situace)*, in: *Čeština doma a ve světě* 13, č. 1-2, 2005, s.53-61
- J. J. SMOLICZ, R. RADZIK, *Belarusian as an endangered language: Can the mother tongue of an independent state be made to die?*, in: *Studia polityczne* 15, 2004, s.47-78
- E. SMUŁKOWA, *Język, tożsamość, narodowość w warunkach przemian politycznych i społecznych*, in: Jeleń, E. et al. (red.): *Zmiany i rozwój języka oraz tożsamości narodowej – trendy w procesie integracji europejskiej*, Kraków 2002, s.79-88

- L. ŠATAVA, *Národnostní menšiny v Evropě*, Praha 1994
- B. TÖRNQUIST PLEWA, *Språk och identitet i Vitryssland. En studie i den vitryska nationalismens historia*, Lund 1997
- P. WEXLER, *Diglossia, language standardization and purism. Parameters for a typology of literary languages*, in: *Lingua* 27, 1971, s.330-354
- P. WEXLER, *Purism and language. A study in Modern Ukrainian and Belorussian nationalism (1840-1967)*, Bloomington 1974
- P. WEXLER, *Belorussification, russification and polonization trends in the Belorussian language 1890-1982*, in: Kreindler, I. T. (ed.): *Sociolinguistic perspectives in Soviet national languages. Their past, present and future*, Berlin etc. 1985, s.37-56
- P. WEXLER, „*Diglossia et schizoglossia perpetua*“ – *the fate of the Belorussian language*, in: *Sociolinguistica* 6, 1992, s.42-51
- B. WIEMER, „*Mowa Prosta*“ – *Präliminaria zu einer strukturellen Beschreibung*, in: Blankenhorn, R., Błaszczak, J., Marzari, R. (Hrsg.): *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)* 6. München 2003, s.227-237
- V. M. АЛПАТОВ, *150 языков и политика 1917-2000. Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*, Москва 2000
- С. БАГДАНКЕВИЧ, et al. (ред.) *Аняменне. 3 хронікі зніччэння беларускай мовы*, Вільня 2000
- А. Н. БУЛЬКО, Л. П. КРЫСИН (ред.), *Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси*, Минск 1999
- М. И. ЕРМАКОВА, А. Ю. НЕДОЛУЖКО, *Серболужицкий язык*, in: Молдован, А.М. et al. (ред.): *Славянские языки*, Москва 2005, s.309-347
- Н. ГІЛЕВІЧ, *Любоў прасветлая. Роздумы ў вершах і прозе аб роднай мове. Лірыка-публіцыстычная хроніка 1947-1995*, Мінск 1996
- Я. ЗАПРУДНІК, *Гістарычныя і культурныя асновы беларускай нацыянальнай сьведамасці*, in: Kłoczowski, J. et al. (eds.): *Belarus – Lithuania – Poland – Ukraine. The foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. International Conference, Rome 28 April – 6 May 1990, Rome 1994*, s.43-53
- С. ЗАПРУДСКІ, *Да суадносінаў рацыянальнага і эмацыянальнага ў дзейнасці ТБМ*, in: *Наша слова* 8 (496), 2001
- В. КІПЕЛЬ, *Мінулае Беларусі і нацыянальна-палітычная сьведамасць беларусаў у цяперашнім часе*, in: Kłoczowski, J. et al. (eds.): *Belarus – Lithuania – Poland – Ukraine. The foundations of historical and cultural traditions in East Central Europe. International Conference, Rome 28 April – 6 May 1990, Rome 1994*, s.391-398

А. А. ЛУКАШАНЕЦ, М. Р. ПРЫГОДЗІЧ, Л. І. СЯМЕШКА, (рэд.),
Беларуская мова, Орле 1998

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ, *Язык в роли идеологи: национально-символические функции языка в белорусской языковой ситуации*, in: Gutschmidt, K. et al. (Hrsg.): *Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart. Beiträge der Konferenz der Internationalen Kommission für söavische Schriftsprachen*. Dresden, 25.-28. Oktober 2000, Dresden 2002, s.123-141

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ, *Белорусский язык. Социолингвистические очерки*, München 2003

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ, *Гендерный аспект этноязыковых коллизий: развитие языковой ситуации в Беларуси XX. в. и женская речь*, in: van Leeuwen-Turnovcová, J., Richter, N. (eds.): *Entwicklung slawischer Literatursprachen, Diglossie, Gender: Literalität von Frauen und Standardisierungsprozesse im slawischen Areal*, München 2006, s.9-46

С. СТАНКЕВІЧ, *Русіфікацыя беларускае мовы ў БССР і супраціў русіфікацыйнаму працэсу*, Мінск 1994

В. ТЭРНЕР, *Символ и ритуал*, Москва 1983

MATERIÁLŸ

Лариса Гениуш и идеалы независимости: «В Чехии я встретила свободу и демократию»

Михась Скобла

(Союз писателей Беларуси, Минск)

Водится в реках Африки и Евразии необыкновенное растение чилим. Белый цветок, узорчатые, словно вырезанные из жести, листья, гибкий стебель незаметно переходит в корень. Чилим необыкновенен тем, что он – плавун, плывет по реке, прибьется к берегу, облюбует местечко – и опускает якорь-корень, цепляется за дно. А надоеет на одном месте – подбирает корень и плывет дальше. Дно бывает и твердое, и каменистое, и илистое, да и сочные листья привлекательные для разной подводной живности. Но чилим не дрожит от страха, найдя укромный уголок где-нибудь под мостом, выживает, находит приемлимую для жизни отмель и дожидается поры цветения.

Жизнелюбивый, бесстрашный чилим вспоминается мне, когда думаю о судьбах белорусской эмиграции. Живет человек на земле, обрабатывает свою ниву, и вдруг – пронесется вихрь, разрушает его дом и гонит бездомником в незнакомый мир. И надо спасаться, надо не потеряться в реках людского отчаяния, надо, как тому чилиму, обживать чужие берега.

Эмиграция переводится с латинского языка безобидным словом «переселение». Скрыто слышится в нем даже благодарность (вспомним итальянское *grazia*) – за возможность переписать черновик жизни: а вдруг другая попытка окажется более удачной? Но изгнание за пределы родины – это трагедия. Трагедия для человека, для семьи, для страны. А для творца? Здесь однозначного ответа нет. Представьте себе обласканного публикой уважаемого поэта Данте, в садике под фонтанами пишущего «Божественную комедию»? А если бы в 1824 г. российские власти не выслали Адама Мицкевича

в отдаленные от Беларуси губернии, разве увидели бы свет знаменитые «Крымские сонеты»? Вряд ли появился бы во всемирной поэзии и шедевр «Мцыри», если бы Лермонтов не попал в изгнание на Кавказ, под пули свободолюбивых горцев... Есть какая-то таинственная связь между и изгнанием, и вдохновенным полетом души человеческой.

Лариса Гениуш (тогда еще Миклошевич) впервые попадает на чужбину в пятилетнем возрасте, в 1915 г., когда тысячи белорусских семей согнала с насиженных мест Первая мировая война. Беженцы с хутора Жлобовцы, что в Волковысском уезде, переждали военное лихолетье на станции Лозовая в Екатеринбургской губернии. Два года жизни вдали от родины не прошли бесследно, оставили в душе будущей поэтессы неизгладимые впечатления.

Другая эмиграция ждала Л. Гениуш уже в зрелом возрасте: двадцати семи лет, с маленьким сыном на руках, она выезжает из Зельвы в Прагу, где учился и работал ее муж Янка. Пражским студентом он стал еще в 1922 г., когда Чехословакия приняла у себя многих эмигрантов из Беларуси, России и Украины. Правительство Томаша Масарика из гуманных и политических побуждений помогало эмигрировавшей молодежи, давало стипендии, способствовало получению профессий. В 1922 году в Чехословакии насчитывалось более шести тысяч зарубежных студентов, среди них русских – 3 595, украинцев – 2 398, белорусов – 48.¹

Необходимо подчеркнуть, что в Прагу Л. Гениуш приехала из Западной Беларуси, которая в те времена находилась в составе Польского государства, где белорусы всячески притеснялись. Варшавские власти закрывали белорусские школы, польский клир преследовал белорусскоязычных ксендзов. Известно высказывание польского министра внутренних дел Леопольда Скульского, пообещавшего еще в 1921 г. посадить всех белорусов на одной скамье.² Вынужденный выезд Л. Гениуш в Чехословакию и был следствием этой антибелорусской политики, так как выпускник Пражского Карлова

¹ У. КАЛЕСНИК, *Пражскі эпістальярый*, in: *Польмя № 9, 1990, с.211*

² У. ЖЫЛКА, *Выбраныя творы*, Мінск 1998, с.178

университета медик Янка Гениюш не мог получить работы на родине – он был не поляком. Понятно, что выехавшую из «Кресов всходних» Л. Гениюш чехословацкая реальность приятно удивила. Позже она расскажет об этом в своих воспоминаниях: «В Чехии я встретила свободу и демократию и восхищалась ею».³ И еще: «В полную силу белорусской, равной со всеми и не униженной, я чувствовала себя только в Чехии».⁴

И поэтессой Лариса Гениюш ощутила себя тоже в Чехии. Ее литературный дебют состоялся 28 апреля 1940 г. на страницах газеты «Раница», издававшейся в Берлине. Откуда появилась белорусская газета в столице гитлеровской Германии? В отношении западных советских республик в случае их захвата немецкие власти до самого последнего момента имели разные планы. То декларировалось образование свободных от Сталина республик (*Stalinfreie Republiken*), то предлагалось присоединить занятые территории к Рейху, даже существовали планы оставить псевдогосударственные республики с социалистическим строем.

Поэтому в определенных белорусских кругах появилась надежда с помощью немцев совершить то, что не удалось сделать совместно с большевиками, – возродить Беларусь. С этой целью при немецком Министерстве внутренних дел в ноябре 1939 г. было образовано Белорусское представительство со своим печатным органом. Адресовалась «Раница» пленным белорусам, которых после захвата Польши насчитывалось около 70 000 человек. Тираж газеты не был стабильным и в лучшее время достигал 12 000 экземпляров. Всего с 1939 по 1945 г. вышло 233 номера.⁵ Понятно, что первые полосы «Раницы» отдавались под победные репортажи с восточного фронта. Но газета широко освещала и белорусскую жизнь в разных ее проявлениях, благодаря чему имела подписчиков не только в среде эмигрантов в Польше и Германии, но и в самой Беларуси.

³ Л. ГЕНИЮШ, *Каб вы ведалі: з эпістальнай спадчыны*, Мінск 2005, с.397

⁴ Там же, с.51

⁵ С. ЖУМАРЬ, *Оккупационная печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны*, Минск 2002, с.52

Первые же публикации Л. Гениюш на страницах «Раницы» засвидетельствовали, что в белорусской литературе появился поэтический талант необыкновенной силы. Обращаясь в своем творчестве в начале 40-х лет к запрещенным советской властью белорусским национальным символам – бело-красно-белому флагу и гербу «Погоня», поэтесса выступала хранительницей идеалов независимости, унаследованных ею от М. Богдановича. И как символический скипетр белорусской государственности находился в то время за границами Отчизны, так и дух национальной свободы, выветренный из Беларуси бурей с востока, конденсировался и сублимировался в поэзии «внучки Франциска Скорины» (так самоназвалась поэтесса в стихотворении «Прощай»⁶).

У М. Богдановича в сонете «В сухих песках Египетской земли...» на могиле всходят засохшие зерна – «Вот символ твой, забытый Край родимый!».⁷ У Л. Гениюш из могильной тьмы рвется к свету национальный флаг, что символизирует одним своим цветом бессмертную жизнь, а другим – независимость и свободу, обрести которые в военных межогневьях XX века Беларуси было не суждено.

*Калі Крывіцкая зямліца
Мне грудзі вольныя спаўе,
А вольны вецер расшуміцца –
На разьвітаньне запяе –
Няхай разгорне свае крыльце,
Як стораж вечнага жыцьця,
Хай зашуміць хоць на магіле
Мне бел-чырвона-белы сьцяг.⁸*

На эту «охранительную» роль литературы белорусской эмиграции обратил внимание доктор А. Кавка: «На фоне воцарения казенного оптимизма, национально-духовного расщепления белорусского этноса литературная эмиграция

⁶ Л. ГЕНИЮШ, *Невадам з Немана*, Мінск 1967, с.114

⁷ М. БАГДАНОВІЧ, *Інтымны дзеньнік*, Мінск 2006, с.98

⁸ Л. ГЕНИЮШ, *Ад родных ніў*, Прага 1942, с.136

чем-то напоминала острую, бескомпромиссную оппозицию, творческий смысл и пафос которой можно было бы выразить кратким, небезызвестным призывом: «Духа не угашайте!».⁹ Как раз «пламенение духа» в творчестве Л. Гениуш отмечали в один голос все рецензенты.

К слову сказать, образы белорусской национальной символики присутствуют в поэтическом творчестве Л. Гениуш всех периодов – и пражского, и интинского, и зельвенского. Понятно, что в советской Беларуси произведения опальной поэтессы подвергались тщательной цензуре. Любопытные факты обнаружены нами в личном архиве Л. Гениуш, который сохраняется в Центральной научной библиотеке Национальной академии наук Беларуси. В машинописи сборника «Невадам з Немана» затушеваны целые строфы. В общей сложности из авторской рукописи книги цензурой удалены 120 строк.

Причем купюры имеют явно идеологический характер – вымараны целые строфы, где упоминались герб «Погоня», 25. Марта, где встречалось слово «кривич» и производные от него, где автор осмеливалась напомнить о древних границах старобелорусского государства – Великого княжества Литовского.

Интересно, как цензор боролся со словом «кривицкий» – он его просто заменял первым попавшимся под руку прилагательным. Когда надоедало вписывать вместо недозволенного «кривицкий» нейтральные слова «тутэйшы», «бясстрашны», «магутны» или «стыхийны», бдительный товарищ снимал в стихотворении пару-тройку строф, мало заботясь о его композиции и смысловой завершенности. Так в девятистрофном стихотворении «Нішто так ня міла...» жертвой цензуры стали двадцать четыре (!) строки, в том числе и следующие: «*Нішто так ня міла, як родны наш сыцяг, // Як нашы дзядоўскія гоні; // Нішто так ня міла, як тое дзіця, // Што сэрцам вітае Пагоню!*».¹⁰ И, сокращенное на две трети, произведение вошло в книгу!

⁹ А. КАВКО, *От Скорины до Купалы*, Москва 2006, с.196

¹⁰ Центральная научная библиотека Национальной академии наук Республики Беларусь (ЦНБНАНРБ), ф.31, оп.1, ед.хр.1

Необходимо подчеркнуть, что, к сожалению, многие тексты Л. Гениуш до настоящего времени не реставрированы, им не возвращен первоначальный вид. С этой точки зрения творчество поэтессы напоминает палимпсест – древнюю икону, на которой поверх старого рисунка накладывалось новое изображение. Надо ли говорить, что первотекст в любом случае должен быть явлен читателю.

Однако возвратимся в военную Прагу. После выхода в 1942 году книги «Ад родных ніў» поэтессой заинтересовались немецкие оккупационные власти. Как так, вышла целая книга – а где восхваление победоносного похода *nach Osten*, почему нет произведений, посвященных фюреру? Забегая вперед, скажем, что схожие претензии позже предъявляли поэтессе и власти советские. Но ни ефрейтор с Железным крестом, ни генералиссимус со Звездой героя не удостоились и строчки Л. Гениуш.

Диктаторам всегда были нужны поэты. Укрепившись у власти, каждый властитель ставил при своем троне седалище и для придворного одописца. И седалище это обыкновенно не пустовало, разве что иной стихотворец предпочитал озвучивать свои оды стоя на коленях. Не были исключением и диктаторы середины прошедшего столетия. Например, на околотронном стуле при Муссолини сидел поэт Габриэле д'Анунцио. У Гитлера под рукой был стихотворец Фэспер. Норвежский батальон для фашистской армии своими урапатриотическими призывами помогал формировать Квислингу Кнут Гамсун, уже тогда Нобелевский лауреат. Сталинские баяны уместились бы разве что на длинной скамье – так много их было. Но кремлевскому вождю нужны были не баяны и джамбулы, а настоящие мастера. И он то с припрятанным кнудом, то с выставленным напоказ пряником подступался то к Владимиру Маяковскому, то к Борису Пастернаку, то к Осипу Мандельштаму.

(И тут уместно вспомнить вопрос Сталина, заданный по телефону Пастернаку, относительно арестованного Мандельштама: «Но он же мастер, мастер?»).¹¹ Положительный ответ

¹¹ Б. САРНОВ, *Заложник вечности: случай Мандельштама*, Москва 2006, с.61

Пастернака отсрочил расправу над Мандельштамом – вождь подождал, пока мастер напишет ему оду. Как только на листике со свеженаписанной одой высохли чернила, поэта загнали в такой медвежий угол в Уссурийской тайге, откуда живым он уже не вышел).

За десять лет жизни в Праге Лариса Гениуш душой поднялась с чехами, не отделяла своей жизни от судьбы народа, давшего многим белорусам пристанище на своей гостеприимной земле. Она в совершенстве овладела чешским языком, переводила стихи Станислава Костки Неймана (переводы, к сожалению, не сохранились). А профессор Франтишек Тихий переводил стихи белорусской поэтессы на чешский.

Когда немецкие войска заняли Судетскую область, готовясь к полному захвату Чехословакии, Янка и Лариса Гениуши были готовы плечом к плечу с чехами защищать страну. Доктор Янка (на то время проживший в Праге почти двадцать лет) был готов добровольцем идти на фронт, но всеобщая мобилизация так и не была объявлена. А «пани докторова» без раздумий взяла в руки лопату. «Вместе с чехами копаю окопы. Руки в мозолях»,¹² – лаконично вспоминала она позднее в одном из писем к Миколу Прашковичу.

В 1945 г., после капитуляции фашистской Германии, по всей Европе началась «охота на ведьм» – советские спецслужбы в принудительном порядке репатриировали на восток бывших граждан СССР, в силу разных причин оказавшихся на западе. 5 марта 1948 г. в чешском местечке Вимперк на улице Бенеша, 161 была арестована и супружеская чета Гениушей. 7 февраля 1949 г. они были осуждены Верховным судом БССР на 25 лет лишения свободы. Обвинение основывалось на ст. 66 Криминального кодекса БССР, предусматривавшего за «помощь международной буржуазии, которая стремиться к свержению коммунистической системы», лишение виновных... советского гражданства и изгнание их за пределы СССР.

Лариса и Янка Гениуш, никогда не состоявшие в советском гражданстве, тем не менее были осуждены. И совсем

¹² Л. ГЕНИУШ, *Каб вы ведалі*, с.246

нелепым выглядит тот факт, что после досрочного освобождения в 1956-м они так и не были реабилитированы. Не удалась и посмертная реабилитация, хотя дважды делались попытки. Попробуем разобраться, почему белорусская фемида столь сурово отнеслась к людям, никогда не находившимся в ее юрисдикции.

После общественного осмысления многих военных и послевоенных событий странно и необоснованно звучат упреки в том, что в Праге Гениуши «позволили втянуть себя в некоторые вражеские советскому строю и народу акции».¹³ Самой страшной «вражеской акцией» считается приветственная телеграмма Гитлеру от Белорусской колонии в Протекторате Чехии и Моравии, подписанная, как утверждает, пражскими белорусами, жившими на тот момент в Праге, в том числе и Л. Гениуш. Сама же поэтесса говорит о том, что никакой телеграммы она не подписывала, а подписи на документе были выведены под копирку. Есть в той телеграмме и такие слова: «Мы надеемся, что белорусский народ в новой Европе тоже займет свое почетное место в семье свободных народов». Публикатор этой телеграммы комментирует ее односторонне и безапелляционно: «Изменники белорусского народа по-лакейски кланялись Гитлеру».¹⁴ А два миллиона подписей под «Письмом великому Сталину»? Не слишком ли много лакеев даже для Беларуси? Разве Янка Купала, Якуб Колас, Максим Танк, Наталья Арсеньева, Дмитрий Шостакович, подписывавшие подобные письма, тоже лакеи? Вообще, к коллективным письмам, как к документам, следует относиться весьма осторожно. Борис Пастернак, например, выгнал из дома собирателя подписей за расстрел маршалов Тухачевского и Якира, а через некоторое время с ужасом обнаружил свое имя под соответствующим воззванием. Василь Быков не подписывал коллективного письма в «Правду», где осуждались А. Сахаров и А. Солженицын, а под публикацией в газете его фамилия напечатана.¹⁵

¹³ Б. САЧАНКА, *Прадмова*, in: Ларыса Гениуш. *Белы сон*, Мінск 1990, с.4

¹⁴ Б. САЧАНКА, *Сняцца сны аб Беларусі*, Мінск 1990, с.35

¹⁵ С. НАВУМЧЫК, *Пасьяслоўе*, in: *Быкаў на Свабодзе*, Мінск 2004, с.503

Л. Гениуш в своей книге «Сповідзь» недвусмысленно говорит о двух тираниях. Об отождествлении двух тиранов в сознании людей вспоминает и писатель Кастусь Акула: «В скором времени появилась возможность добровольцем пойти в Школу командиров Белорусской краевой обороны в Минске, которая, имелось в виду, даст повод отступить на Запад, чтобы вырваться из рук и «отца народов», и берлинского тирана. А для нас они были два сапога – пара».¹⁶

Если уж говорить о посланиях правителям, то не надо забывать один факт. Перед самой аннексией немцами Чехословакии в 1939 г., когда Пражский Град и страну покидал президент Эдуард Бенеш, Лариса Гениуш написала ему сочувственное и благодарное письмо. И оно дошло до своего адресата, о чем свидетельствует запись в регистрационной книге Президентской канцелярии.¹⁷ Так о каком письме Гитлеру может идти речь?

У человека, побывавшего в неволе, обостренное чувство свободы и независимости. Недаром еще Гораций писал: «*Post tenebras spero lucem* – надеюсь на свет после тьмы».¹⁸ Но не всегда тьма отступает перед светом, как это было в первые дни творения.

В 1968 г. руководство Советского Союза, опасаясь антисоветской революции в Чехии, ввело в братскую славянскую страну войска. Погибли мирные люди. Лариса Гениуш не могла молчать, когда по старым пражским мостовым залязгали гусеницами советские танки. Она посылает сочувственные письма в Прагу профессору Яромиру Вострому, в посланиях к друзьям восторгается мужеством чехов, осуждает оккупантов: «Если простилась суровость Петру Первому и Ивану Грозному в эпоху средневековья, то сегодня это никому не простится! Чехи, как болячку, как инородное тело из организма, отбросили несправедливость, насилие и суровость. Как это чудесно: люди хотят быть свободными и неза-

¹⁶ К. АКУЛА, *Ліст у рэдакцыю часопіса "Малодосць"*, in: Б. Сачанка, *Сняцця сны аб Беларусі*, с.74

¹⁷ Реяция Ф. СОКОЛОВОЙ автору от 25 января 2000 г.

¹⁸ Н. ГАНЧАРОВА і др., *Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў*, Мінск 1993, с.117

висимыми. Они возвращаются к дорогому, что имели в прошлом, – к гуманизму и свободе».¹⁹

Поэтесса знала, что ее письма перлюстрируются на Зельвенском почтовом узле. Из зарубежных радиоголосов (а Янка Гениуш был заядлым радиоманом) могла знать, что произошло с теми семью смельчаками, вышедшими в знак протеста на Красную площадь в Москве. И тем не менее не утаивала и не шифровала свои мысли в письмах к многочисленным корреспондентам. Более того, сравнивала белорусскую и чешскую ситуации, что уж точно могло иметь самые серьезные последствия для бывшей заключенной:

*На сэрцы ў нас рубцы і рубчыкі
Ад кіпцюроў, драпежных лап.
Каб беларускага мы мелі Дубчэка –
Інакшай гутарка была б!²⁰*

Но «белорусского Дубчека» в Беларуси того времени не было. Как не было и белорусского Яна Палаха.

Кто-то из советских идеологов сравнил писателей с пристяжными ремнями партии: движущая сила должна же чем-то передаваться в массы. И писатели-ремни долгие годы исправно работали. Не будем выяснять, что заставляло их к соглашательству и подчинению – слепая вера в светлые идеалы, конъюнктура или инстинкт самосохранения. Даже лучшие поэты готовы были выполнить любое предписание свыше. Владимир Маяковский как-то всерьез признался Николаю Асееву: «Если ЦК издаст предписание писать ямбом, я буду писать ямбом».²¹ Вряд ли «лучший поэт советской эпохи» верил в непогрешимость ЦК. Скорее имеет смысл говорить о стремлении человека на подсознательном уровне избегать свободы. Но это «бегство от свободы»²² (Эрих Фромм) нельзя приписать человеку как биологическому виду. Как и деструк-

¹⁹ Л. ГЕНИУШ, *Каб вы ведалі*, с. 205

²⁰ Там же, с.215

²¹ *Литературное наследие, т. 9, Из истории советской литературы 1920-1930 годов*, Москва 1983, с.488

²² Э. ФРОММ, *Анатомия человеческой деструктивности*, Москва 1994, с.94

тивную деятельность изученных Фроммом индивидуумов (Гитлера, Сталина, Эрнста фон Соломона) нельзя навязать всему человечеству.

Феномен свободы невозможно определить формулой. Свобода скорее – состояние духа. Писатель Варлам Шаламов признался, что нигде не чувствовал себя таким раскованным, как в заключении. Якуб Колас в тюремной камере сочинял свою «Новую землю» – одно из самых свободных произведений в белорусской литературе. Точно так же, как человек идет служить, например, в армию и тем самым ограничивает себя в свободе действий, так и человек творческий может ожидать «приказания писать ямбом».

А может поступить распоряжение писать сонеты по десять строк или триолеты белым стихом... Бессмыслицу потом можно списать на цензуру. И все же у поэта всегда есть необозримая территория свободы – его письменный стол, где свободно умещаются целые миры. Поэтому прав был критик Б.Сарнов: «Если свободы творчества в Советском Союзе не стало, то это произошло потому, что имел место факт самоубийства».²³

Во всем написанном Ларисой Гениуш нет ни одного упоминания о свободе творчества, она писала, как Бог на душу положит. Прекрасно зная, что на пути ее произведений к печатному станку могут возникнуть непреодолимые препятствия. Но внутреннего редактирования не допускала.

Ей не давала покоя политическая несвобода ее родной Беларуси, на что обратил внимание профессор А. Петкевич: «Л. Гениуш неустанно апеллирует к ценностям родины и свободы. Демонстрация собственной независимости – натуральное движение ее души, закаленной в горниле испытаний: *«Колькі дум маіх ні раскулачвалі, // І ў трывожна-сьмяротны час // Не назвала я мамы мацыхі // І душы не здала ў калгас!»*²⁴

Императив свободы неотделим от творчества Л.Гениуш. Неслучайно на обложке своего рукописного сборника стихов

она начертала эпитафию: *Spiritus flat ubi vult* (Дух витает, где захочет). Непростая судьба у этого сборника: он будет путешествовать по странам и континентам, пока не попадет в Белорусскую библиотеку имени Франциска Скорины в Лондоне, где будет издан только в 1992 году, полстолетия просуществовав в виде рукописи. За это время ее автор получит и потеряет гражданство чужой страны, в свою будет привезена под конвоем, пройдет адовыми кругами советских концлагерей, выйдет на свободу, вернется в родную Зельву, где и найдет последнее пристанище под восьмиконечным крестом святой Ефросиньи Полоцкой. Но всегда и везде поэтесса твердо знала: человеческую душу невозможно приковать, как раба на древнеримских галерах.

Творчество Ларисы Гениуш наравне с эстетической ценностью несет в себе могучий позыв к свободе и независимости, многовековая белорусская мечта о которой начала сбываться в конце прошлого тысячелетия. Прочтение и осмысление ее текстов поможет отечественной культуре духовно выпрямиться, в условиях глобализации отстоять свою аутентичность и гармонично сосуществовать на равных правах с другими национальными культурами в европейском контексте.

LARYSA HENIUŠOVÁ A IDEÁLY ČESKÉ NEZÁVISLOSTI: „V ČECHÁCH JSEM SE SETKALA SE SVOBODOU A DEMOKRACIÍ“

Michas Skobla (Svaz spisovatelů Běloruska)

Emigrace se z latinského jazyka překládá jako neškodné slovo „přesídlení“. Skrytě v tom slyšíme dokonce jistou vděčnost (připomeňme italské *grazia*) za možnost přepsat záznam života – co když bude druhý pokus zdařilejší? Ale vyhnanství za hranice vlasti je tragédií. Tragédií pro člověka, pro rodinu, pro stát. A pro člověka tvůrčího? Zde není odpověď jednoznačná. Představte si publikem hýčkaného básníka Danteho, jak na zahrádce pod fontánou píše „Božskou komedii“. A což kdyby roku 1824 nevyslala ruská vláda Adama Mickiewicze do gubernie daleké od Běloruska; spatřily by potom svět slavné „Krymské sonety“? Ve světové poezii by sotva vzniklo i veledílo „Mcyri“, pokud by se Lermontov neo-

²³ Б. САРНОВ, *Заложник вечности*, с.321

²⁴ А. ПЯТКЕВИЧ, *Старонкі спадчыны*, Мінск 2006, с.178

citl ve vyhnanství na Kavkaze pod kulkami svobodmilovných horalů... Existuje jakási tajemná souvislost mezi vyhnanstvím a inspirujícím letem lidské duše.

Emigrantkou se Larysa Henijušová stala v roce 1937, kdy přijela ze Zelvy do Prahy. Zde studoval a pracoval její manžel Janka. Pražským studentem se stal ještě v roce 1922, kdy Československo přijalo četné emigranty z Běloruska, Ruska a Ukrajiny. Vláda T. G. Masaryka pomáhala z politických a humánních pohnutek emigrantské mládeži, poskytovala stipendia a umožňovala získat profesní znalosti. V roce 1922 bylo v Československu možno napočítat více než šest tisíc zahraničních studentů, mezi nimi 3 595 Rusů, 2 398 Ukrajinců a 48 Bělorusů¹.

Nutno zdůraznit, že do Prahy přijela L. Henijušová ze Západního Běloruska, které v té době patřilo Polskému státu, kde byli Bělorusové všemožně utiskováni. Varšavské úřady zavíraly běloruské školy, polský klérus pronásledoval bělorusky mluvící kněze. Je znám výrok polského ministra vnitra Leopolda Skulského, který již v r. 1922 sliboval posadit všechny Bělorusy na jednu lavici obžalovaných². Nucený odjezd L. Henijušové z Běloruska byl důsledkem právě této protiběloruské politiky, protože absolvent Univerzity Karlovy v Praze lékař Janka Henijuš nemohl získat práci ve své vlasti, protože nebyl Polákem. Je nabíledni, že Henijušovou, která přijela z „Kresów Wschodnich“, československá realita příjemně překvapila, ba ohromila. Později o tom Henijušová napíše ve svých vzpomínkách: „V Čechách jsem setkala se svobodou a demokracií a obdivuji je“³. Nebo ještě: „Plnohodnotnou Běloruskou, rovnou se všemi a neponiženou, jsem se pocítila pouze v Čechách“⁴.

Básničkou se Larysa Henijušová stala také v Čechách. Její literární debut se odehrál 28. dubna r. 1940 na stránkách novin „Ranica“ vydaných v Berlíně. Již první publikace jejích veršů ukázaly, že v běloruské literatuře se objevil mimořádný poetický talent. Henijušová se ve své tvorbě na začátku 40. let obracela k sovětskou vládou zakázaným běloruským národním symbolům – bílo-červeno-bílé vlajce a erbů Pronásledování („Pahonja“) a vystupovala tak jako ochránkyně ideálů nezávislosti, vyslovených již Maksimem Bahdanovičem. Jako se symbolické žezlo běloruské státnosti nacházelo v té době mimo území vlasti, tak se i duch národní svobody, který opustil Bělorusko s bouří z Východu, soustředil a sublimoval v poezii „vnučky Františka Skaryny“ (tak se básnička sma nazvala v básni „Sbohem“)⁵.

¹ У. КАЛЕСНИК, *Пражскі эпістальрыі*, in: *Полымя*, № 9, 1990, с.211

² У. ЖЫЛКА, *Выбраныя творы*, Мінск 1998, с.178

³ Л. ГЕНІЮШ, *Каб вы ведалі: з эпістальрай спадчыны*, Мінск 2005, с.397

⁴ Тамтэж, с.51

⁵ Л. ГЕНІЮШ, *Невадам з Немана*, Мінск 1967, с.114

V sonetu M. Bahdanoviče „V suchém písku země Egyptské...“⁶ klíčí na mohyle uschlá zrna: Zde je tvůj symbol, zapomenutý kraji můj rodný!“ U Henijušové se ze tmy hrobu pozvedá ke světlu národní vlajka, která jednou barvou symbolizuje věčný život a druhou barvou nezávislost a svobodu, jež Bělorusku nebyla souzena⁷.

Na tuto „ochrannou“ roli literatury běloruské emigrace upozornil Dr. A. Kauko: „Na pozadí erárního optimismu a národního rozštěpení běloruského etnika se literární emigrace v něčem podobala ostré nekompromisní opozici, jejíž tvůrčí smysl a patos by bylo možné vyjádřit krátkou dobře známou výzvou: „Ducha nezhášejte!“⁸. Právě tento „plamen“ ducha zaznamenali v tvorbě Henijušové všichni recenzenti.

Po vydání knihy „Z rodných niv“ v roce 1942 se o básničku začaly zajímat německé okupační úřady. Jak se mohlo stát, že v celé knize není vychvalováno vítězné tažení nach Osten a proč tu nejsou básně věnované Vůdci? Předem poznamenáme, že podobné pretenze vznášeli k básniře později i sovětské úřady. Svobodník s železným křížem ani generalissimus s hvězdou hrdiny nebyli poctěni ani řádkem Henijušové.

V roce 1945 se po kapitulaci nacistického Německa po celé Evropě začal „hon na čarodějnice“ – sovětské zvláštní služby násilně repatriovaly k účelu exekuce na východ bývalé občany SSSR, kteří se v důsledku různých příčin ocitli na západě. Larysa i Janka Henijušovi, kteří nikdy neměli sovětské občanství, byli nicméně v SSSR, kam je vyvezli s ozbrojeným doprovodem, odsouzeni. Dostali osm let vězení.

V roce 1968 poslalo vedení Sovětského svazu, obávající se protisovětské revoluce, vojska do bratrské slovanské země. Zahynuli civilisté. Larysa Henijušová nemohla mlčet, když po pražské dlažbě duněly sovětské tanky. Posílá do Prahy účastné dopisy profesorovi Jaromíru Vostrému, v dopisech přátelům obdivuje mužnost Čechů a odsuzuje okupanty: „Pokud byla ukrutnost odpuštěna Petru Velikému a Ivanu Hroznému v období středověku, pak dnes to nebude nikomu! Češi odstranili z organismu jako bolák a cizorodé těleso nespravedlnost, násilí a ukrutnost. Jak je to báječné – lidé chtějí být svobodní a nezávislí. Vrací se k tomu cennému, jež měli v minulosti – k humanismu a svobodě“⁹.

Fenomén svobody nelze definovat nějakou formulí. Je to spíše stav ducha. Spisovatel Varlam Šalamov se přiznal, že nikde se necítil tak volně jako ve vězení. Jakub Kolás skládal ve vězení svou „Novou zemi“ – jedno z nejsvobodnějších děl v běloruské literatuře.

V ničem, co napsala Henijušová, není žádná zmínka o tvůrčí svobodě – psala bez jakýchkoliv omezení. Jasně si uvědomovala, že na cestě jejích básní k čtenáři mohou vzniknout nepřekonatelné překážky. Nikdy si ovšem nedovolovala vnitřní cenzuru.

⁶ М. БАГДАНОВІЧ, *Інтымны дзеньнік*, Мінск 2006, с.98

⁷ Л. ГЕНІЮШ, *Ад родных ніў*, Прага 1942, с.136

⁸ А. КАВКО, *От Скорины до Купалы*, Москва 2006, с.196

⁹ Л. ГЕНІЮШ, *Каб вы ведалі*, с.205

Nemohla se smířit s politickou nesvobodou svého rodného Běloruska, o čemž se zmínil profesor A. Pjatkevič: „L. Henijušová neustále apeluje na hodnoty vlasti a svobody. Demontrace vlastní nezávislosti je přirozené hnutí její duše, která byla zocelena řadou životních zkoušek.“¹⁰ Imperativ svobody je neoddělitelný od tvorby L. Henijušové. Není náhoda, že na obálce své rukopisné sbírky veršů načrtla básniřka epigraf Spiritus flat ubi vult (Duch se vznáší všude, kde chce). Vždy a všude věděla básniřka jistě, že lidskou duši nelze připoutat jako otroka na římských galejích.

Tvorba L. Henijušové nese v sobě spolu s estetickou hodnotou mohutné volání po nezávislosti a svobodě, staletý běloruský sen, který se začal uskutečňovat na konci minulého tisíciletí. Pročítání a promýšlení jejích textů pomáhá naší vlastní kultuře duchovně se napřímit. Ubránit svou autentičnost v podmínkách globalizace a harmonicky rovnoprávně koexistovat s jinými národními kulturami v evropském kontextu.

Беларусь и Словакия: формирование наций в тени могущественных соседей (попытка сравнительного исторического анализа)

кандидат исторических наук **Ярослав Шимов**
(Радио «Свободная Европа», Прага)

Рассуждая об особенностях формирования белорусской нации, ее нередко сопоставляют с ближайшими соседями – Польшей, Литвой, Украиной. Это логично, если вспомнить несколько веков совместного проживания в рамках Великого княжества Литовского (ВКЛ) / Речи Посполитой. Однако к тому времени, когда в нашем регионе начали складываться современные нации и появились националистические идеологии (середина и конец XIX в.), Речь Посполитая уже давно была достоянием истории, а ее народы жили под властью трех империй – Российской, Австро-Венгерской и Германской.

Стартовые условия для реализации национальных «проектов» в каждом случае были неодинаковыми. Белорусы попали, пожалуй, в наихудшую ситуацию. Как отмечает в известной работе *“The Reconstruction of Nations”* Тимоти Снайдер, к тому моменту, когда в Восточной Европе началось «пробуждение» наций (точнее, их создание), «были смелые белорусские активисты; были [белорусские] диалекты, которые могли стать литературным, письменным языком; были миллионы людей, способных научиться читать на этом языке. Но... практически не было тех, кто обучался бы грамоте только по-белорусски, не было возможностей для развития белорусских изданий, и не было рынка для белорусских книг».¹ Местная элита в XIX в. была в культурно-языковом отношении или полонизирована, или русифицирована. В результате сложилась ситуация, описанная Сергеем Дубавцом в статье «Праект Беларусь»: «...Гэта быў сымбіез польскамоўнага

¹⁰ А. ПЯТКЕВИЧ, *Старонкі спадчыны*, Мінск 2006, с.178

¹ T. SNYDER, *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*, New Haven & London 2003, s.43–44

краевага патрыятызму і расейскамоўнага «западнаруссизма», якія шукалі карані сваіх пачуццяў у беларускамоўнай сялянскай культуры і старажытных актах з гісторыі бацькаўшчыны. Яны не пачуваліся палякамі або расейцамі і ў сваім краі ня бачылі працягу Польшчы або Расеі, таму шукалі доказу самадастатковасці свайго краю і сябе саміх».² Імэнно тагды беларускі нацыяналізм стаў пераважна элітарна-інтэлігентскім. Беларуская інтэлігенцыя, першыя пакалення якой мелі шляхетскія корні, стварала свой «праект Беларусь», адлічаны ад літвінскага прошлага, так і ад рэальнасці тагдышняга «Северо-Западнага края».

Нацыяналізм у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе шёл у большасці выпадкаў імяна гэтым шляхам. Нацыі пачыналіся з стварэння нацыянальных міфалогій мясцовай інтэлігенцыяй. Беларуская спецыфіка ў тым, што мясцовы нацыяналізм у значнай ступені застаўся такім па сённяшні дзень, не став ідэалогіяй больш або менш абшчэнароднай, што і адлічае яго ад нацыяналізма польскага, літвінскага і (па крайняй меры, заападна-) украінскага. Імэнно па гэтым больш цікавым і прадуктыўным, магчыма, будзе сапаставленне асабнасцей фарміравання беларускай нацыі не з былымі саседзямі па ВКЛ і Рэчы Паспалітай, а з другім славянскім народам, чье прэвращэнне ў сучасную нацыю прайшло ў ўмовах, сыхожых па сваёй неапагапрытнасці з беларускімі. Гэты народ – словакі.

Землі нунешняй Славакіі з XI-XII вв. вхадзілі ў склад Венгерскага каралеўства. Прадкі словакаў, як і беларусаў, былі па пераважству крестыянскім народам, но па ступеню і ў «верхняй Венгрыі» (так называліся тагды словацкія землі) складалася сваё шляхетскае эліта. Падабна таму, як у Беларусі для шляхты быў характэрны надэтнічскі літвінскі патрыятызм, у Славакіі узнік дзяржаўна-політычскі венгерскі патрыятызм – но без прывязкі к венгерскай нацыянальнай культуры і мовы. (Там больш што да 40-х гадоў XIX в. афіцыйным мовы, на якому выдаваліся законы,

² С. ДУБАВЕЦ, *Праект Беларусь*, in: Arche, № 1, 2005 <http://arche.home.by/2005-1/dubaviec105.htm>

велькі дэбаты на сейме і т.д., у Венгерскаму каралеўству была латынь). Так же, як і ў ВКЛ ў XVI в., Рэформацыя ў Славакіі спосабствавала культурнаму павышэнню, хоць ў выніку панавальнай рэлігіяй там зноў стаў каталіцызм.

Што каасеця сітуацыі ў нацыянальна-політычскай сфэры, то яна напамінала працэсы, працякалыя ў тую жа історычэскую эпоху на беларускіх землях. Як адзначае сучасны беларускі історык Сяргей Токць, «важнай асабнасцю этнічскіх працэсаў на беларускіх землях ў імперскі перыяд яалялася большая роля дзяржаўных структураў і мясцовых шляхетскіх элітаў, якія ў ўмовах астраго польска-російскага пратывастояння старміліся прывіць крестыянскаму населенню сабственыя прадставленія аб ідэалогічэскім адечэстве і нацыянальным патрыятызме. Гэты ўсілыя элітаў, па суты, оперэжалы рэальны ўзровень уключэння беларускай дэрэвнн ў надлакальныя хазяйственыя і інфармацыйныя працэсы».³ Ёсці замяніць «беларускую дэрэвню» на словацкую, а «польска-російскае» пратывастоянне – на канфлікт венгерскай дварыанскай элітаў с імперскай адміністрацыяй Габусбургаў, мы атрымаем вполне адэкватнае апісанне сітуацыі ў Славакіі ў першай паловіне пазапрошлага сталятыя.

К сярэдзіне XIX в. этнаполітычэская сітуацыя ў Венгерскаму каралеўству змянілася. Па ступеню сфарміравалася мацны венгерскі (мадьярскі) нацыяналізм, джыжучымн сіламі якога былі шляхта і інтэлігенцыя. Праграма нацыяналістаў прадпаала культурна-мвзкувую мадьярызацыю многачысленных этнічскіх меншынстваў каралеўства, ў тым чысле словакаў. Между тэм у меншынстваў таже пачаўся працэс фарміравання нацыянальнага самасознанія, паяалялася сабствэнная інтэлігенцыя, возрос інтэрес к народнай культуры і мовы. (Першая словацкая грамаматыка, напрымер, была іздана – на латыні – Антоном Бернолаком ещэ ў 1790 г.). Нацыяналізм венграў (мадьяр) як найбольш

³ С. ТОКТЬ, *Російская імперія і ея політыка на беларускіх землях ў XIX – пачале XX вв. сучаснага беларускага історыаграфія*, in: Міхаіл Дабілаў, Аляксей Міллэр (ред.): *Западыя акраіны Російскага імперыі*, Москва 2006, с.525

культурно развитого и политически господствующего народа в королевстве вступил в конфликт с национальными движениями меньшинств. Именно поэтому в период венгерской революции 1848-1849 гг. последние выступили на стороне императора против будапештского революционного правительства во главе с Лайошем Кошутом.

В 1867 г. императорское правительство пошло на уступки мадьярам, преобразовав государство Габсбургов в «двуединую» Австро-Венгерскую монархию, в рамках которой Будапешт получил почти полную самостоятельность во внутренних делах. Годом позже парламент королевства одобрил «закон о национальностях», определявший принципы национальной политики. В нем говорилось о наличии в Венгрии «единственной политической нации – единой и неделимой венгерской нации, членами которой являются все граждане страны, к какой бы национальности они ни принадлежали». Однако, как отмечает венгерский историк Ласло Контлер, правительство «рассматривало равенство всех венгерских граждан в том смысле, что, помимо собственно мадьяр, равными правами пользуются также (и только) все ассимилированные немадьяры. Начиная с 80-х годов [XIX в.] мадьяризация не только поддерживалась всеми законными средствами, но и зачастую проводилась... в обход или с прямым нарушением закона 1868 года».⁴

Именно в Словакии, чья национальная элита была немногочисленной и слабой, а самоидентификация крестьянского большинства оставалась, как и в Беларуси, *тутэйшай*, локальной, политика мадьяризации имела наибольший успех. Многие образованные словаки становились *мадьяронами* – людьми, сознательно предпочитавшими собственному языку и культуре более «передовую» культуру венгерскую. Это давало им возможность сделать карьеру в армии, на госслужбе или в церкви. Дети мадьяронов, естественно, чувствовали себя уже стопроцентными венграми. По данным переписей населения, с 1880 по 1910 г. доля венгров на территории нынешней Словакии выросла с 22 до 30%, в то время как доля

словаков сократилась с 63 до 57%.⁵ Поскольку естественный прирост населения у словаков был выше, чем у венгров, эти изменения связаны именно с политикой мадьяризации.

Условия для развития словацкого национального движения были неблагоприятны. Как и в Беларуси, это движение существовало, но было ограничено рамками интеллигентских кружков и культурно-просветительских организаций вроде общества «Матица словенска». До Первой мировой войны словаки (как, впрочем, и большинство народов Австро-Венгрии) не помышляли о независимости, требуя исключительно культурной автономии. Так, в 1901 г. в предвыборной программе словацкой Национальной партии говорилось: «Мы за целостность, нераздельность и независимость нашей венгерской родины. Как словаки мы требуем признания и равноправия словацкого языка в школах, суде и административных органах...».⁶ Национальное движение к тому же не было единым – в нем были как умеренные, надеявшиеся найти *modus vivendi* с венграми, так и сторонники ориентации на чехов или поляков, и панслависты-русофилы.

В 1918 г. перспектива обретения независимости возникла перед активистами словацкого национального движения столь же неожиданно, как тогда же – перед основателями БНР или в 1991-м – перед руководителями БССР. Развал империи Габсбургов в результате военного поражения требовал от национального движения быстрых действий. Наиболее перспективным в тех условиях представлялся союз с этнически близкими чехами, пользовавшимися к тому же поддержкой Антанты. Поэтому в декларации, которую обнародовал спешно созданный Словацкий национальный совет, говорилось, что «словацкий народ с языковой и культурно-языковой точки зрения является частью единого чехословацкого народа».⁷ Далее выдвигалось требование отторжения словацких земель от Венгрии и присоединения их к новорожденной Чехосло-

⁵ Е. СЕРАПИОНОВА, *Словакия в составе Венгерского королевства в начале XX в.*, in: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории, т. 1, Москва 2005, с.34–35.

⁶ Там же, с.38

⁷ V. OLIVOVÁ, *Dějiny první republiky*, Praha 2000, s.69

вакии – что с благословения западных держав и произошло. При этом о тогдашнем состоянии массового сознания словаков говорит, например, докладная главы Словацкого агентства печати (1920): «В Словакии главная задача – *привести людей к пониманию того, что они – словаки (курсив наш – Я.Ш.)*, пробудить самосознание народа и искоренить внушающееся ему столетиями чувство неполноценности».⁸

Решение этой задачи было невозможно без воспитания национально ориентированной словацкой элиты. Характерно, что в период первой Чехословацкой республики (1918-1938) эта элита создавалась в основном усилиями чехов – учителей, чиновников, инженеров, врачей, офицеров, которых пражское правительство направляло в Словакию для подъема экономики и социальной сферы этой отсталой (по сравнению с чешскими землями) области и воспитания «национальных кадров». Однако по мере роста численности оных кадров между ними и чехами возникали трения – как из-за надменности, которую проявляли некоторые приезжие по отношению к местным, так и потому, что, делая карьеру в Словакии (где это получалось быстрее), чехи препятствовали подъему по социальной лестнице словаков, начавших карьерный рост позднее. Ситуация усугублялась и тем, что словацкие политики настаивали на большей административной автономии, Прага же проводила централистский курс. В результате к середине 30-х годов, когда республика попала в сложную внешнеполитическую ситуацию, она была ослаблена еще и внутренним кризисом.

Официальная доктрина *чехословакизма*, согласно которой чехи и словаки представляли собой две ветви одного народа, обанкротилась. Выяснилось, что, несмотря на языковую близость, исторически и культурно оба народа существенно отличаются – традициями, социальной структурой, образом мышления... В то же время чехословакизм (в отличие, скажем, от доктрины «западнорусизма» по отношению к белорусам и украинцам) предоставил словакам полную

⁸ H. MOMMSEN, D. KOVÁČ aj., *První světová válka a vztahy mezi Čechy, Slováky a Němci*, Brno 2000, s.90

культурную автономию. Словацкий язык был официальным (он считался одной из форм «чехословацкого» языка), и при Первой республике не существовало препятствий к его использованию и получению образования на нем. Этот период в истории Словакии можно в какой-то степени сопоставить с эпохой «белорусизации» 20-30-х годов в Беларуси, когда, несмотря на централизованный характер советского государства и господство коммунистической идеологии, жители БССР получили невиданные ранее возможности для национально-культурного развития.

Крах Чехословацкой республики в результате Мюнхенского соглашения (1938) означал поражение, прежде всего, пражской политической элиты. В марте 1939 г. «остаточная» постмюнхенская Чехословакия была окончательно уничтожена нацистами. При этом в качестве тарана Гитлер использовал словацких националистов, буквально заставив их лидера Й. Тисо провозгласить независимость. (Самых словацких политиков, кроме небольшой группы радикалов, вполне устраивали конфедеративные отношения с Прагой). Так впервые в истории на карте Европы появилась независимая Словакия (1939-1945), де-факто ставшая одной из марионеток Германии. В стране был установлен авторитарный националистический режим президента Тисо с сильными элементами клерикализма и (позднее) антисемитизма. Современная словацкая историография так оценивает вклад этого исторического эпизода в формирование национального самосознания: «Словацкое государство появилось по приказу и под давлением Гитлера без активных действий со стороны словаков. Возникший в то время мифологизированный взгляд на историю страны должен был, помимо прочего, заслонить это обстоятельство и представить словацкое государство в качестве результата тысячелетних усилий словаков. Именно в этом контексте возникло множество мадьярофобских и чехофобских концепций».⁹

Нетрудно заметить определенное сходство между доктринами идеологов тисовской Словакии и воззрениями тех белорусских националистов, которые пошли в годы Второй

⁹ D. KOVÁČ, *Dějiny Slovenska*, Praha 1998, s.9–10

мировой на сотрудничество с немецкой оккупационной администрацией. В первом случае можно говорить о некоей благодарности Гитлеру за предоставленную, пусть и формальную, независимость, во втором – о надеждах такую независимость получить. Логика этих людей излагает белорусский историк Ю. Туронко: «Гістарычныя вывады ці прапагандысцкія лозунгі тут рабіліся лішнімі – само жыццё наглядна паказвала, што не Расія ці Польшча, а Нямеччына спрыяла нацыянальным інтарэсам Беларусі. Пацвярджалі гэта захопніцкія памкненні абодвух суседзяў пад час вайны. Выпадала з рахунку і арыентацыя на Англію і ЗША, якія ігнаравалі Беларусь, а падтрымлівалі гэтых суседзяў. Заставалася адна Нямеччына, з якой звязваліся надзеі на станоўчае вырашэнне пытання беларускай дзяржаўнасці. Але для гэтага патрабавалася перамога, перш за ўсё – у вайне з СССР».¹⁰ В обоих случаях речь шла о стремлении найти свое место в иерархии создаваемой нацистами новой Европы. При этом и у словацких, и у белорусских националистов отсутствовало понимание природы гитлеровского режима, который нуждался в союзниках и сателлитах лишь до тех пор, пока вел войну. В случае победы в ней никаких побудительных мотивов к поощрению словацкого или белорусского национализма у него не осталось бы, скорее наоборот.

Для самого же национализма в обоих случаях сотрудничество с нацистами стало «поцелуем смерти»: в послевоенный период, после возвращения (или в случае со Словакией – прихода) к власти коммунистов, обвинение в «буржуазном» национализме было одним из самых тяжелых. В массовом сознании обоих народов появилась устойчивая ассоциация «национализм = фашизм», тем более что в Словакии, как и в Беларуси, после войны возник «контрмиф» о партизанском движении как символе героизма и антифашизма словацкого народа. Появился культ героев Словацкого национального восстания, разгромленного немцами осенью 1944 г. Впрочем, простора для национального развития у словаков и после 1948 г., уже в коммунистической Чехословакии, оставалось боль-

¹⁰ Ю. ТУРОНАК, *Саюз Беларускай Моладзі ў Нямеччыне*, in: «Беларускі гістарычны агляд», т.11, сш.1–2 (20–21), сьнежань 2004 <http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/bha/11-1-2/09.htm>

ше, чем у белорусов. Здесь исторические пути двух народов, поражающие очевидными параллелями, начинают расходиться. Экономическая политика правительства ЧССР по отношению к словацким землям напоминала советскую политику в Беларуси в 50-60-е годов. В обеих странах произошла ускоренная индустриализация и урбанизация. (При этом с социально-психологической точки зрения оба общества остались во многом традиционно-патриархальными, просто этот уклад был перенесен из сел в города). По части же политики культурно-языковой различия были налицо.

Чехословакия, в отличие от Советского Союза, не была огромной империей, и, несмотря на централизаторский курс 40-60-х годов, никто не подвергал сомнению право словаков на свободное развитие своей культуры и языка. Ничего аналогичного политике русификации системы образования, проводимой в Беларуси в 60-80-е годы, в Словакии не было. Более того, карьера президента ЧССР А. Новотного (1957-1968) скоропостижно закончилась во многом потому, что он не нашел общего языка со словацкой партийно-государственной элитой. Оба последних лидера чехословацкой компартии, А. Дубчек и Г. Гусак, были словаками, хотя первый стал вождем недолговечных реформ «пражской весны», а второй – их могильщиком. Кстати, пожалуй, единственным реформаторским деянием Гусака было преобразование ЧССР в федеративное государство (1969), хотя де-факто больших прав новообразованная Словацкая социалистическая республика не получила. Естественно, словацкие вожди ЧССР говорили и писали по большей части на родном языке, а не по-чешски, и это воспринималось обществом и в Чехии, и в Словакии как нечто естественное.

В период «нормализации» – торжества коммунистического консерватизма, последовавшего за разгромом «пражской весны», Словакия на какое-то время даже стала оазисом ограниченного либерализма. Многие диссидентствующие чешские интеллигенты, уволенные с научной или преподавательской работы в Праге или Брно, находили ее в Братиславе, Трнаве или Кошице. В Словакии выходили некоторые книги, которые не решались публиковать пражские издательства. При этом организованное диссидентское движение («Хартия-77», Комитет по защите несправедливо преследуемых) получило

большее развитие все же в Чехии, а не в Словакии. Фигур, подобных В. Гавелу или Л. Валенсе, словацкие диссидентские круги не выдвинули. Возможно, сказались крестьянская патриархальность и консерватизм словацкого общества, о которых упоминалось выше. Несмотря на поверхностный либерализм, политическая культура Словакии оставалась более традиционалистской и авторитарной, чем чешская.

Вероятно, поэтому после падения коммунистического режима (1989) ключевой фигурой на словацкой политической сцене стал Владимир Мечъяр. В 90-е годы он почти непрерывно возглавлял правительство республики. Этот политик, получивший прозвище «Лукашенко на Дунае», начал свою карьеру в рядах диссидентской организации «Общественность против насилия». Позднее он создал Движение за демократическую Словакию (ДЗДС), которое под национал-популистскими лозунгами несколько раз побеждало на парламентских выборах. Очень скоро Мечъяр проявил себя как авторитарный лидер, склонный к жестким, порой незаконным методам борьбы с политическими противниками. Всесильному премьеру не удалось избежать и коррупционных скандалов. В то же время популярность Мечъяра среди малообеспеченных и менее образованных слоев населения, в первую очередь сельского, оставалась высокой – и здесь опять-таки очевидны параллели с ситуацией в современной Беларуси.

Мечъяр вместе с тогдашним премьер-министром Чехии В. Клаусом был одним из инициаторов «бархатного развода» Чехии и Словакии (1992). Решение о роспуске федерации стало, как и в случае с распадом СССР, плодом кулуарных переговоров пражских и братиславских политиков. Референдум по этому вопросу не проводился. Самостоятельность Словакии была мечтой, которая «больше вдохновляла политиков, чем рядовых словаков. Как оказалось позже, для ряда первых из них она была сопряжена скорее с карьерными амбициями и стремлением заработать на этом политический капитал, чем с ответственностью за новое государство».¹¹ Тем

¹¹ Э. ЗАДОРЖНЮК, *Первое десятилетие политической истории Словацкой республики: 1993–2003 гг.*, in: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории, т.2, Москва 2005, с.383–384

не менее массовой «чехословацкой ностальгии» (в отличие от белорусской, да и не только, ностальгии по СССР) в обеих частях распавшейся федерации не возникло. Возможно, это было связано с тем, что за годы существования Чехословакии некоего «чехословацкого» сознания и самоидентификации – в отличие от самоидентификации советской – толком так и не появилось. Чехи и словаки 74 года жили бок о бок, но не утратили своего национального самосознания.

Падение режима Мечъяра произошло в 1998 г. мирным путем – в результате парламентских выборов, которые его ДЗДС выиграло, однако остальные партии сумели объединиться и создать новую правящую коалицию. Шесть лет спустя Мечъяр баллотировался в президенты страны, но во втором туре проиграл своему бывшему соратнику, а ныне непримиримому противнику И.Гашпаровичу. Судя по всему, политическая звезда «Лукашенко на Дунае» закатилась. При Мечъяре Словакия попала в полуизоляцию: переговоры о вступлении страны в НАТО и ЕС были приостановлены из-за обвинений в недемократичности, выдвинутых Западом против братиславского режима. Ухудшились отношения с ближайшими соседями – Венгрией и даже Чехией. Зато укреплялись связи с Россией – в частности, представители мечъяровских спецслужб регулярно ездили в Москву для «обмена опытом» с российскими коллегами.

После смены власти Словакия вернулась на «стандартный» для центрально-европейского региона путь развития. В 2004 г. страна вступила в НАТО и Евросоюз. В последние годы в Словакии наблюдается стабильный экономический рост, а по уровню прямых иностранных инвестиций на душу населения она является лидером среди новых членов ЕС. В то же время проблем в стране по-прежнему хватает: высока безработица (в некоторых регионах – до 25%), растет социальное расслоение, непросты отношения словацкого этнического большинства с меньшинствами, главным образом цыганским и венгерским. Тем не менее свой стратегический выбор Словакия, судя по всему, уже сделала, хоть и на несколько лет позднее, чем остальные страны Центральной Европы.

Подведем некоторые итоги.

1. Формирование словацкой и белорусской наций, вплоть до второй половины XX века сохранивших свой по преимуществу крестьянский характер и социально-психологический облик, проходило в условиях многовекового иноземного государственно-политического и культурного господства. Тем не менее в первой половине прошлого столетия оба народа смогли добиться хотя бы относительной национально-культурной и административной автономии в рамках соответственно первой Чехословацкой республики и Советского Союза (период «белорусизации»).

2. В послевоенную эпоху, однако, словакам удалось в гораздо большей, чем белорусам, степени закрепить достигнутое ранее и обеспечить себе пространство для национального развития, пусть и ограниченного идеологией и централизаторским курсом коммунистического режима. В Словакии, по сути дела, несмотря на преследования «буржуазных» националистов, восторжествовал *национал-коммунизм*, в то время как в Беларуси победил коммунизм «просто», в результате чего в национальной идентичности белорусского большинства стала доминировать специфическая советская составляющая.

3. Словакам больше, чем белорусам, повезло с доминантными соседями. Венгерское влияние в Словакии после 1918 г. было практически сведено к нулю (если не считать присутствия мадьярского этнического меньшинства), влияние же чешское проводилось в жизнь в куда менее жесткой форме, чем российское/русское влияние в Беларуси, особенно в сфере образования и культуры.

4. Опыт пребывания в составе как Австро-Венгрии, так и первой Чехословацкой республики, привил словакам основы демократической политической культуры – хотя в 90-е годы, при В.Мечьяре, в этом отношении Словакия одно время была ближе к странам СНГ, чем к своим центрально-европейским соседям. Тем не менее в конечном счете словаки «вернулись» в центрально-европейский геополитический регион и стали частью европейского интеграционного проекта (ЕС).

5. Несмотря на сходство исторического развития словаков и белорусов, сохраняется несколько факторов, затрудняющих возможность «словацкого пути» для Беларуси. Во-пер-

вых, словаки ушли дальше, чем белорусы, по традиционному для Центральной и Восточной Европы этнокультурному пути формирования нации. Во-вторых, авторитаризм пустил в Беларуси куда более глубокие корни, чем в Словакии, и вряд ли можно представить себе в ближайшем будущем радикальную смену власти в Минске, осуществленную путем демократических выборов, как в Братиславе в 1998 г. В-третьих, под влиянием европейской интеграции и возобладавшей ориентации на Запад словацкий национализм в последние годы уже не принимал столь радикальных форм, как, скажем, при режиме Тисо. В результате в Словакии возник *гражданский* национализм, базирующийся на принципе лояльности государству, родине, а не этносу, на принципе общей судьбы, а не «крови и почвы». В Беларуси же продолжается противостояние официального, окрашенного в советские тона, но приобретшего сугубо белорусскую специфику патриотизма – и национализма этнокультурного («свьядомага»), который, однако, находится в поддерживаемой властями политической изоляции.

В 90-е годы словаки сумели избежать катастрофического раскола общества, переведя конфликт мировоззрений («западники – восточники», «демократы – мечьяровцы») в русло стандартной политической борьбы. Независимость, единство и конституционные основы государства, а значит, и возможности для дальнейшего нормального развития, были при этом сохранены. Пока сложно сказать, удастся ли нечто подобное белорусам.

БĚЛОРУСКО A SLOVENSKO: FORMOVÁNÍ NÁRODŮ VE STÍNU MOCNÝCH SOUSEDŮ (pokus komparativní historické analýzy)

Jaroslav Shimov, CSc. (Rádio Svobodná Evropa, Praha)

Zvláštnosti formování běloruského národa často vybízejí k jeho komparaci s nejbližšími sousedy – Polskem, Ukrajinou a Litvou. To je vzhledem k několika stoletím jejich společné existence v rámci Velkoknížectví Litevského / Rzeczypospolité logické. Ovšem v té době, kdy se v našem

regionu začaly formovat moderní národy a vznikly nacionalistické ideologie (polovina a konec 19. stol.) patřila už dáno Rzeczpospolita minulosti a její národy se nacházely pod nadvládou tří mocností – Ruska, Rakouska a Německa.

Ve většině případů začínala v regionu střední a východní Evropy cesta k formování moderních národů od vytvoření národních mytologií místní inteligencí. Běloruská specifičnost spočívá v tom, že místní nacionalismus zůstal do značné míry stejný až dodnes a nestal se víceméně národní ideologií, což ho odlišuje od nacionalismu polského, litevského a (přinejmenším západo-) ukrajinského. Právě proto bude možná zajímavější a plodnější porovnání zvláštností formování běloruského národa ne s bývalými sousedy ve Velkoknížectví Litevském a Rzeczypospolite, nýbrž s jinými slovanským národem, jehož proměna v moderní národ probíhala za podmínek svou nepříznivostí podobných běloruským. Tímto národem jsou Slováci, jejichž formování probíhalo stejně jako u Bělorusů za podmínek státně politické, hospodářské a kulturní nadvlády sousedních národů. V případě Bělorusů vystupovali v úloze takových sousedů Poláci a Rusové a v případě Slováků to byli nejprve (v období kdy patřila slovenská území Uherskému království) Maďari a posléze (po vzniku v roce 1918 Československa) Češi.

Nicméně v první polovině minulého století se oběma národům podařilo dosáhnout alespoň relativní národně kulturní a správní samostatnosti v rámci první Československé republiky a Sovětského svazu (období „bělorusizace“). Ovšem v poválečném období se Slovákům v mnohem větší míře podařilo upevnit dřívější zisky a zajistit prostor pro národní rozvoj, i když byl tento prostor omezen ideologií a centralizátorským působením komunistického režimu. Nehledě na pronásledování „buržoazních“ a „klerikálně fašistických“ nacionalistů vládou zvítězil na Slovensku v podstatě nacionální komunismus, zatímco v Bělorusku zvítězil „pouze“ komunismus, v jehož důsledku v národní identitě běloruské většiny začala dominovat specifická sovětská složka. Pro region střední a východní Evropy příznačný etnokulturní nacionalismus utřžil v Bělorusku mnohem větší porážku než na Slovensku.

Slováci měli s dominantními sousedy v jistém smyslu větší štěstí, než Bělorusové. Maďarský vliv byl na Slovensku po roce 1918 eliminován (pokud nepočítáme přítomnost maďarské národnostní menšiny). Český vliv však byl prosazován v mnohem mírnější podobě, než vliv ruský v Bělorusku – zvláště v oblasti vzdělání a kultury. Československo nebylo na rozdíl od Sovětského svazu obrovským impériem a nehledě na centralizátorský směr komunistických vůdců 40.–60. let nikdo nezpochybňoval právo Slováků na svobodný rozvoj své kultury a jazyka. Nic analogického politice rusifikace uskutečňované v Bělorusku během 60.–80. let v systému vzdělání na Slovensku nebylo. Slováci byli adekvátně zastoupeni mezi politickými elitami československého státu – Slováci byli jak lídr „pražského jara“ A. Dubček, tak i jeho nástupce ve funkci

předsedy KSČ G. Husák, jehož jméno je spojováno s demontáží reformátorského směru roku 1968.

Zkušenost života jak v Rakousku-Uhersku, tak i v první Československé republice vstúpila Slovákům základy demokratické politické kultury. Během existence pronacistického režimu J. Tisa (1939–1944) a čtyřicetileté vlády komunistů (1948–1989) byla tato zkušenost do jisté míry zapomenuta, ovšem nikoli ztracena definitivně. Nehledě na to, že za autoritativního režimu předsedy vlády V. Mečiara bylo v tomto ohledu Slovensko jednu dobu blíž státům Sdružení nezávislých států, než svým středoevropským sousedům, po roce 1998, kdy byl Mečiar právoplatně a demokraticky odvolán, „vrátili“ se Slováci do středoevropského geopolitického regionu a stali se součástí evropského integračního projektu (ES). Současné dějiny Běloruska představují zatím opačný proces – neúspěch pokusů o vytvoření demokratické národní státnosti z let 1991–1994, nástup A. Lukašenka k moci a v důsledku toho faktická izolovanost státu, jehož nynější vláda se jednostranně orientuje výhradně na spojení s Ruskem.

Nehledě na značnou podobnost některých etap historického vývoje Slováků a Bělorusů momentálně setrvává několik faktorů znesnadňujících možnost „slovenské cesty“ pro Bělorusko. Existuje několik příčin takové situace. Za prvé postoupili Slováci na cestě etnokulturního formování národa, charakteristické a tradiční pro střední a východní Evropu, dále než Bělorusové. Za druhé se autoritarismus zakořenil v Bělorusku v mnohem větší míře, než na Slovensku a jen stěží si lze v nejbližším budoucnu představit radikální změnu vlády v Minsku, která by byla uskutečněna cestou demokratických voleb tak, jak tomu bylo v Bratislavě v roce 1998. Za třetí pod vlivem evropské integrace a dominantní orientace na Západ již nenabývá slovenský nacionalismus během posledních let tak radikálních podob, jako řekneme za Tisova režimu. V důsledku toho vznikl na Slovensku občanský nacionalismus, který se zakládá na principu loajálnosti vůči státu a vlasti a ne na principu loajálnosti vůči etniku, tj. na principu obecného osudu a ne na principu „krve a půdy“. V Bělorusku však pokračuje rozpor mezi oficiálním, do sovětských tónů zabarveným patriotismem, který nabyl ryze běloruskou specifičností, a etnokulturním nacionalismem, který se ovšem nachází ve vládou preferovaném a utvářeném stavu izolace.

Během 90. let se Slovákům podařilo vyhnout katastrofickému rozkolu společnosti přesměrováním konfliktu světových názorů („západníci – východníci“, „demokrati – mečiarovci“) do standardního politického zápasu. Nezávislost, jednota a ústavní základy státu, tedy možnosti pro další stabilní rozvoj byly přitom zachovány. Zatím je obtížné říci, jestli se Bělorusům podaří něco podobného.

«Чехи – народ светлый, народ сознательный...»:

Вацлав Ластовский и возрождение чешского народа

кандидат филологических наук **Язэп Янушкевич**
(Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, Минск)

В самом начале XX столетия на белорусском общественно-культурном и литературном горизонте, ярко освещенном первыми отечественными периодическими изданиями – «Нашей долей» (01.09. – 01.12.1906, просуществовав три месяца, запрещена российской оккупационной властью) и «Нашей нивой» (1906-1915), издававшимися в Вильно (древней столице Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского), возшла новая яркая звезда – Власт-Ластовский.

Тогда, на рассвете истории отечественной художественной письменности XX в., молодая критика в лице Сергея Полуяна и Максима Богдановича предсказала ее необыкновенность в созвездии вновь возрождающейся Беларуси. Они не ошиблись. Свет этот оставался маняще-притягательным и не погас после преждевременно оборванного жизненного пути художника слова (расстрелян в 1938 г. в Саратове)¹, когда на целых полстолетия имя Вацлава Ластовского было брошено в беспмятство.

И только ли Ластовского прятали от потомков? Десятки, сотни имен, священных для нас, чужих и враждебных для пришлого сброда, методически порочились и оплевывались. Ибо так пугала оккупантов значимость (вес) созданного нашими рачительными предшественниками, что здешние идеологические приспешники засунули «опасные» книги в преднамеренно созданные «спецхраны». Книжные тюрьмы. Приснопамятная, горькая действительность моего поколения. С помощью псевдонаучных контор под разными названиями-

вывесками (начиная от солидных академических институтов и заканчивая библиотечными комнатенками-«кэзгэбэшками») достигалась и проводилась в жизнь одна из несомненных аксиом тоталитаризма: кто контролирует прошлое – контролирует будущее...

Соратник Янки Купалы и Максима Богдановича, посвятивших ему свои произведения, Вацлав Ластовский, этот исполин духа, по праву стоял в самом центре белорусского национального движения, рожденного на революционном подъеме 1905-1907 гг. Почти четверть века имя **Власта** (*один из псевдонимов В.Ластовского – прим. редактора*) не сходило со страниц печати (не говоря о «Нашей ниве», где с 1909 г. он работал ответственным секретарем). В тех более чем 300 публикаций деятель белорусского национально-освободительного движения/возрождения, один из идеологов создания независимой Беларуси в ее этнографических границах, проявился как блестящий писатель, критик, публицист-оратор, историк, языковед. Позже Ластовский раскроет себя как поэт, филолог, этнограф, издатель, переводчик, библиограф.

В белорусской истории Вацлав Ластовский остался и как активный общественный и государственный деятель. Он являлся премьер-министром (1919-1923) провозглашенной в 1918 г. Белорусской Народной Республики, был одним из первых директоров Белорусского государственного музея, действительный членом Института белорусской культуры (1927) а также одним из первых академиков Белорусской академии наук (1928), работал там непременно секретарем (1928-1929). Согласно собственному утверждению, избирался также членом-корреспондентом Украинской академии обществоведения в Праге (избран в 1926 г.)²

В своем самом первом известном печатном выступлении, подписанном литературным псевдонимом «Власт»³,

² Архив Национальной академии наук Республики Беларусь (АНАНБ), ф.67, оп.1, ед.хр.28, л.164

³ Весьма вероятно, что это не первое печатное выступление В.Ластовского. Готовя данный доклад, я обратил внимание на анонимную публикацию «Когда печаталась первая белорусская Библия?» – о публикации книг «Триод Цветная» (1483), «Октоих» (1491) и Священного писания (1517-1525) в Кракове и Праге. Скорее всего, это авторство Ластовского, что неудивительно для человека,

¹ На последнем жизненном факте мы еще остановимся подробнее.

В. Ластовский обратился к недавнему жизненному факту: *В прошлом месяце сентябре бургомистр столичного чешского города Праги издал воззвание к чешскому гражданству, в котором объявил, что в течение этого месяца на чешские национальные школы надо пожертвовать/сложить полмиллиона рублей. И... чехи складут!*⁴

Статья (небольшая размером, оперируя современными компьютерными подсчетами, около 1 150 печатных знаков – десятая часть данного доклада) основана на сравнении текущей политической, гражданской, культурной жизни белорусов и состоянием дел в Чехии. Говоря об историческом прошлом белорусского народа, из которого многовековое угнетение российским самодержавием вылепило подневольного раба, автор с гордостью (и горечью) констатирует: сознательность чешского народа несравнимо выше, и поэтому следует брать с последних пример: *Чехи – народ светлый, народ сознательный, который понимает, что общественный долг, национальное дело — это также долг и каждого гражданина, каждого чеха в отдельности. А у нас? У нас долгая подневольная жизнь ослепила народ, отняла у него характер, твердость, национальную гордость, сделала его слугой и невольником, искалечила его душу и довела народ до того, что он языка своего родного, – того языка, который песней колыбельной лился над ним из материнских грудей, начал стыдиться... До того уже дошло у нас, что сын, повидав мир, бросает язык родителей своих легко и быстро, словно докуренную папиросу, ни на йоту не подумав о том, что, возвратившись в родительский дом, станет чужаком...*

Автор призывает уважая чужое, дорожить своим, не гнаться за «барским/господским языком», а любить и развивать свой, лелеять и сеять в своей среде зерна национальной сознательности: *Пусть же каждый, в ком дух народа*

уже полгода работавшего ответственным секретарем «Нашей нивы». Тем паче, что фрагменты данной заметки целиком войдут в первую книгу В.Ластовского «Краткая история Беларуси». См.: «Калі друкавалася першая беларуская Біблія?», in: Наша ніва, 24.09/07.10, № 39, 190, с.562-563. Ср.: ВЛАСТ. Кароткая гісторыя Беларусі Вільня: Друкарня Марціна Кухты, 1910, с.48, 50.

⁴ Власт. [З нашаго жыцця] in: Наша ніва, 8/21 октября, № 41, 1909.

не погас, чья душа порвала ржавые невольничьи кандалы/цепи, кто перестал чувствовать себя продажным товаром, и чувствует в себе дух человека – пусть словом и делом свидетельствует темным братьям своим, что и они такие же люди, как и другие; пусть несет свой отеческий язык в жизнь, в мир, учит считать национальное дело своим долгом. Пусть в каждом уголке Беларуси и на чужбине выйдут лучшие сыновья Отчества нашего – выйдут, словно трудолюбивые ратаи, на ниву народную, пусть проложат не начатую борозду и сеют зерно национальной сознательности. Чтобы тогда, когда и от нас пожелают жертвования на народное дело, люди о белорусах могли бы так сказать, как мы теперь говорим о чехах: – И они сложат!

К сожалению, мною не установлено, где В. Ластовский прочитал данное объявление, и кто был тем «пражским бургомистром», издавшим такой, апеллирующий к гражданскому долгу каждого чеха указ. Скорее всего, любознательный и жаждущий знаний, но так и не сумевший получить аттестат даже о среднем школьном образовании⁵, Ластовский прочитал об этом в колонке иностранных новостей, вроде той «Обо всем понемногу», которую вела «Наша нива», и где в сентябре 1909 г., скажем, была опубликована заметка *Проект нового закона в Финляндии* о снижении в стране Суоми рабочей нормы до 57 часов в неделю.⁶ Симптоматично и то, что в сентябрьских номерах белорусского еженедельника была помещена статья с такой раритетной проблематикой как *национальное возрождение чувашей*.⁷

Из всего этого отчетливо следует: редакция первой национальной газеты белорусов пристально следила за возрожденческим движением других народов, радуясь достижением

⁵ В «Списке штатного личного состава Института белорусской культуры» по состоянию на 20 января 1928 г. без пяти минут академик Вацлав Ластовский, несколько не стесняясь, в графе «Образование» поставит непривычное: «Домашнее». (С домашним образованием в ИБК считались еще раз же что писатель Змитрок Бядуля да институтский кучер Прога Ёхиль Генделев).

⁶ *Праект новага закона у Фінляндыі*, in: Наша ніва, № 38 за 17(30) сентября, 1909

⁷ С. ЯСЕНОВІЧ (псевд. Сергея Полуяна), *Національнае адраджэнне чувашоў*, in: Наша ніва, № 39, 1909, с.555-556

даже таких далеких и малочисленных национальностей как чуваша (*с мильен наберется этого народа [...] без никакой культуры, без истории, век хранив молчание, так искренне берется за налаживание своей национальной жизни*) и сокращаясь собственным положением дел: *Что же тогда делать нам, белорусам, великому 10-миллионному народу? Не должно ли наше дело быть во много раз лучше поставленным? Так, должно, и может когда-нибудь да будет... А пока мы так хорошо умеем спать, да время от времени спросонья поглядывать за достижениями соседей.*⁸

От приведенного выше единственного известного сравнительного примера национального состояния дел у белорусов и чехов в начале XX в. пройдет более десятилетия, прежде чем в своих выступлениях и высказываниях Вацлав Ластовский снова обратится к опыту чешского национально-строительства.

Возможно, это случилось и раньше, чем в 20-е годы прошлого столетия. К сожалению, жизненный и творческий путь В. Ластовского в Беларуси до недавнего времени почти не исследовался, чему виной идеологическое «табу», наложенное на его имя и огромное творческое наследие (реабилитирован только в 1988 г.). Впрочем, как и на всю литературу о «нашенивском» движении. Поэтому не удивительно, что только теперь исследователи начинают по-настоящему открывать белорусское национальное возрождение начала XX в.

Касательно же нашей темы отметим следующее.

В Рукописном фонде **F 21** научной библиотеки Академии наук Летувы, в материалах бывшего «Виленского белорусского музея им. Ивана/Яна Луцкевича» сохранились черновики

⁸ Там же, с.556. Примечательно, что только за 1909 г. (год начала работы В.Ластовского ответственным секретарем в «Нашей ниве»), по национальному вопросу белорусов и других народов были напечатаны специальные материалы (иногда как редакционные, без подписи): Д. ДАРАШЭНКА, *Беларусы і іх нацыянальнае адраджэньне*, № 4; «Сэрбія і Аўстрыя», № 11; «Славянскі зьезд у Пецербурзе», № 21; «Зьезд Западно-Рускіх людзей у Кіеві», № 42; С. ЯСЕ-НОВІЧ, «Якуцкі нацыянальны рух», № 43; «Народныя універсітэты ў Швэцыі» № 44; «Аб беларускім нацыянальным адраджэньні», № 46; «Культурнае значэньне малых нацый», № 47 и др., что в несколько раз больше, чем за все предыдущие годы издания (1906-1908) нашей первой национальной газеты.

редакционных (скорее всего) материалов еженедельника «Наша нива» под названиями *Народное образование в Чехии*⁹ и *Возрождение чешского народа*¹⁰.

Аналогично первому материалу «Наша нива» опубликовала статью «*Народное просвещение в Расае*».¹¹ В ней на основе разных статистических данных показывалась значимость развитой системы образования – от деревенских церковно-приходских школ и до столичных институтов и университетов. Статья же о чешских школах носит скорее обзорный характер с немалой долей экскурса в историю чешского народа.

«Известное дело, какое огромное значение имеет просвещение и национальная школа в жизни каждого народа. Пропнувшееся самосознание народного духа ищет просвещение, ищет способы применения своих продуктивных сил. Мы найдем немало интересного, если присмотримся, как другие народы стремились к национальному просвещению, не жалея труда, и как достигали, несмотря на мучения и жертвы». Предлагая обратить взор на то, как обстоит дело с образованием у «наших братьев чехов», автор отмечает, что «Чехия в XVI столетии занимала руководящее положение в европейской культуре, но после Белогорской битвы чехи утратили независимость, и немцы, завладев их краем, начали душить все чешское...»

Второй архивный документ представляет собой в некотором роде конспект первого с фиксацией основных исторических фактов и главных событий из прошлого Чехии, поэтому его с натяжкой можно назвать полноценной статьей. Это черновик выступления, состоявшегося, вероятнее всего, как это можно понять из вступления и вычитать между строк, в самом начале 1920-х годов.

⁹ Центральная научная библиотека Академии наук Летувы (ЦНБ АНЛ). F 21963. *Неизвестные авторы. Стихотворения, статьи «З будняга жыцця»*, in: Nacionalnaje praswiašćenie u Čechii.

¹⁰ Там же. F 21986, «*Адраджэньне чэшскага народа*»

¹¹ «*Народная асьвета ў Расае*» на *Озераву*, in: *Наша нива*, №№ 47-48, 1909. Примечательно, что в обоих номерах есть публикации «образков» (небольших прозаических рассказов) В.Ластовского «Нарадзіны» і «Зайчык».

«Возможно, большинству из вас покажется удивительным, именно сейчас, во время нашей скорби, выбор данной лекции. Однако это сделано сознательно. Общественная жизнь всех народов подчинена какому-то единому закону и, вглядываясь хотя бы в возрождение отдельных народов, мы заметим, что идут они по определенному, почти одинаковому пути... Мы смотрим теперь на самостоятельное существование чешского государства как на что-то самой собой разумеющееся, само собой понятное; Но подумал ли кто о том, сколько мучений перенес чешский народ, сколько лет он боролся за эту самостоятельность, сколько горя и унижений, препятствий и разочарований пронес он по пути к этой независимости».

Как можно понять, автор знакомился с историей Чехии не только по книгам и другим печатным изданиям, но и сам слушал выступления чешских профессоров: «Помнится мне, один чешский профессор на лекции сказал – *Do války české obrození dosáhlo mrtvého bodu*¹² – Этому нельзя не поверить!» (Л. 4.)¹³

Возможно, на тех лекциях и были законспектированы основные, весьма примечательные своей фактологией данные о состоянии дел в Чехии накануне Первой мировой войны. «Остановимся на минутку взглядом на том, что имел уже чешский народ перед окончательным завоеванием своей независимости.

Полная автономия (1913 г.)
 315 ежедневных газет;
 9 206 обществ и объединений;
 3 313 чешских школ и 2 000 двуязычных;
 377 высших начальных и 238 двуязычных;
 39 гимназий и 33 немецко-двуязычных;
 28 реальных школ и 17 немецких...;
 67 частных средних школ;
 Университет, техника¹⁴;
 [...]

¹² Здесь и далее подчеркнуто как в рукописи.

¹³ Здесь и далее ссылки будут даны на документы согласно архивной пагинации.

¹⁴ Так в рукописи.

Надписи на улицах;
 Роскошный Нац[иональный] музей и театр».¹⁵

Насколько правдивы эти данные и найдут ли они подтверждение в энциклопедических статьях и других научных публикациях? Но видно одно: автор довольно глубоко и основательно углубился в чешскую проблематику. И искал, искал параллели и ответы на злободневные вопросы белорусской действительности начала XX в. в чешской истории XIX столетия: «...простой деревенский люд разговаривал по-своему только между собой. Если же видел кого-то в пуговицах – вынужден был кривляться, мол, и он тоже понимает по-господски... Период упадка чешского национального бытия приблизительно сходится с нашим упадком. Настал он в XVII в. после 1620 года, после так называемой «Белогорской битвы». 4/5 чешского народа вынуждены были эмигрировать с родной земли. Между ними называются настоящие всемирные светила такие как Ян Амос Каменский...»

Показательна авторская реминисценция, последовавшая за упоминанием об Я. Коменском, жаль, что безымянная: *Много их было и на наших землях*. В самой же Чехии «край был заполнен чужаками... Вера и язык были запрещены... Иезуиты искореняли/уничтожали все чешское». Называется, что один из черносутанников сжег «аж 30 000 чешских книг». Вдобавок «XVIII век завершил падение чешского сознательного существования». Таковое падение автор замечает связывает с «прагматичной санкцией короля VI» и «реформами Марии-Терезии да Иосифа I». И дальше проводится параллель с литовско-белорусской магнатерией: «Оставшаяся чешская шляхта, как и наша, не имела нужды в собственном национальном бытии». Мол, применявшие и вводимые Габсбургами законы не затрагивали ее привилегий, и она постепенно становилась немецким дворянством. Для чешского возрождения не просматривалось подходящих условий. Последние настали как естественный итог преобразований, начатых реформами королевы Марии-Терезии и др. Укрепившееся чешское «г.тв.

¹⁵ Там же.

бюргерство» (Л. 8) подсознательно продолжало чувствовать себя чем-то инородным по отношению к правящей немецкой аристократии. Авторский взгляд на события в Чехия конца XVIII – начала XIX вв. своеобразен. «Никто б не поверил, следя за развитием событий, что чешское возрождение начнется как возрождение буржуазное». Почему? Потому что чешская интеллигенция горячилась, поднималась и разочаровывалась, а местные бюргеры весьма медленно и тугодумно приходили к ним на помощь. «Только значительно позже, когда возрождение затронуло их насущные интересы – бюргерство его поддержало» (Л. 9).

Автор конспекта делит чешское «духовное возрождение» на следующие этапы.

I. Локальный/местный патриотизм (Добровский и Добнер?)

II. Национальный патриотизм (Юнгманн)

III. Панславизм (Челаковский, Колар и Шафарик)

IV. 1848 год

V. Парламентская борьба до 1867 г.

VI. Последние годы (имеется ввиду первое десятилетие XX в.). (Л. 9).

Интересны некоторые заметки и записи. Так, в разделе о *Локальном патриотизме* помечено:

1784 – Královská společnost nauk;

1796 – Umělecká Akademie;

1798 – Pražské divadlo;

1802 – Vysoká škola technická;

1810 – Pražská konservatoř hudby. (Л. 10)

Раздел **Dobrovský** проиллюстрирован высказываниями: *Nechte mrtvých v pokoji»; jsme straceni, když nam nepomůže Bůh* (Л. 10). В разделе **Šafařík** появляется четверостишие на украинском языке из стихотворения бессмертного Кобзаря – Тараса Шевченко:

Слава тобі Шафаріку

Во віки і віки

Що звів єси в одно море

Словянськя ріки. (Л. 12)

А в разделе «1848 год. Немцы и чехи» в оригинале аннотировано следующее:

Kdyby nebylo Rakouska, museli bychom ho vytvořit

Byli jsme za Rakouska. Budeme i po něm.

Последнее звучит афористично и сродни белорусским (польским) пословицам, записанных еще Михаилом Федоровским: *Не было нас – быў ляс, і не будзе нас – будзе ляс; Не было нас, быў квас, і не будзе нас, будзе квас.* Но у чехов персонифицированная пословица лишней раз подчеркивает насколько их национальная история была драматична.

Несомненно, к данным материалам в будущем обратятся исследователи белорусско-чешских взаимоотношений.¹⁶

Став в декабре 1919 г. премьер-министром Белорусской Народной Республики, Вацлав Ластовский буквально на следующий день был арестован в Минске польскими оккупационными властями и брошен в тюрьму. Поэтому вначале вновь выбранный премьер не мог и мечтать о Праге, где обжились президент БНР Пятро Кречевский и др. Да и вообще, отношение Ластовского к Праге как месту дислокации/нахождения заграничных структур БНР менялось на диаметрально противоположное. Так, летом 1920 г., находясь в Ковно, Ластовский в письме к Евгению Ладнову, занимавшему с декабря 1919 г. в правительстве БНР пост министра иностранных дел¹⁷, писал: *Пока не переберемся в Прагу, мы не сорганизуемся. Имейте это в виду*¹⁸. Через несколько лет на заседании белорусского правительства, 10 марта 1922 г., будет запротоколировано следующее: «Слушали. 1. Доклад Председателя Рады Народных Министров В. Ластовского о том, что, несмотря на очень полезную работу в Праге Председателя Рады Республики П.Кречевского, его все же надо оттуда отозвать по причине весьма низкого курса немецкой марки и высоко-

¹⁶ Возможно, рассмотренные рукописи и были опубликованы, но повторяю, пока неизвестны ни чешским, ни отечественным историкам.

¹⁷ У. МИХНЮК, *Ладноў Яўген Міхайлавіч*, in: Энциклапедыя гісторыі Беларусі, т. 4, Минск 1997, с.329

¹⁸ В оригинале *«Пакуль не перабярэмся у Прагу, мы не зарганізуемся. Гэта мейце на відку»* – Государственный архив Летувы (ГАЛ), ф.582, оп.1, ед.хр.45, л.59

го курса чешской кроны... Постановили: Доклад признать справедливым и просить Председателя Рады Республики выбрать для своего пребывания страну, где проживание стоит не больше, чем в Германии или в Литве».¹⁹

Но связи, политические, культурные, литературные и чисто личностные у В.Ластовского с Чехией оставались крепки. Поэтому еще в 1990-е годы меня насторожило, что в библиографическом обзоре капитального словаря *Белорусские писатели* (1992-1995; Т. 1-6) среди статей на английском, литовском, польском, русском, «на языках Югославии» и понятно, белорусском языках²⁰, нет ни одного упоминания исследования или статьи о В.Ластовском, опубликованной в Чехословакии. Это однозначно свидетельствует о недостаточном исследовании данного вопроса белорусскими и чешскими историками-литературоведами. Следует предпринять поиски в данном направлении, ибо все собранные факты обещают результативность научных изысканий.

Так, в папках фонда архива БНР, сбереженных в Государственном архиве Летувы в Вильно (ДАЛ)²¹, есть многочисленные следы переписки между Вацлавом Ластовским и Прагой. Особенно богат на такие взаимоотношения год 1925. (Возможно, благодаря более полному сохранению архивных документов именно за данный период). Начался он для Ластовского январским письмом из канцелярии самого Президента Чехословацкой Республики Томаша Масарика:

70/25

V Praze dne 21. ledna 1925.

Redakci časopisu «Kryvič»

Vytauto²² prosp. N. 30. Kaunas Lietuva

(gosp. A.V. Lastowski)

¹⁹ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі, сост. С. Шуца, т. 1, кн. 2, Вільня-Нью-Ёрк-Менск-Прага 1998, с.1296

²⁰ *Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік*. У 6 т., т. 4, Мінск 1994, с.17-20

²¹ ГА Летувы, ф.582, оп.1-2

²² ГА Летувы, ф.582, оп.1, ед.хр. 48, л. 256. Здесь и еще в нескольких местах в переписке встречается ошибочное название улицы: «*Vytanto*».

Vážený pane,

pan prezident Československé republiky přijal s upřímným zájmem Váš rusko-běloruský slovník, který jste mu laskavě zaslal a zařadil jej do své soukromé knihovny. Jeho jménem vyslovuji za Vaši milou pozornost díky. *S projevem dokonalé úcty V. K. Škrach*

Soukromý archiv a knihovna prezidenta republiky.

Благодарность касалась авторского словаря, изданного в Ковно в 1924 г. В марте 1925 г. Ластовский там же в Ковно получил извещение из редакции «Славянского обозрения» с предложением взаимного обмена «Крывіча» и вновь возобновленного пражского издания.

Slovanský přehled

redaktor Adolf Černý,

Praha Vořechovka, 461

Redakci *Kryvicha*

Redakce měsíčníku «Slovanský Přehled», který počne od 15. dubna t. r. znova vycházeti, má čest nabídnouti Vám vzájemnou **výměnu**. První sešit XYII (?) ročníku bude Vám poslán, jakmile vyjde, – ~~posíláme~~ **Vám současně**. Souhlasiteli s výměnou, račte hned zaříditi pravidelné zaslání svého časopisu ~~na adresu~~. Budeme Vám povděční, zašleteli nám také dosavadní čísla běžného ročníku.

V Praze, 13. III. 1925.

Редакция сдержала свое слово: как только вышел первый номер возобновленного славянского ревью, администрация типографии «Нárodní Освобоzení», издательства «Orbis» выслало один экземпляр Ластовскому: «Slovutný pane, podepsané nakladatelství ORBIS dovoluje si věnovati Vám jako významnému pracovníku na slovenské ideji jeden výtisk Slovanského Přehledu 1914/1924, který současně zasílá».

Сама редакция же предложила В. Ластовскому подписку научного реферативного журнала, как «выдающемуся специалисту по славянским проблемам»:

V. Lastovskij – redaktor mesač. Krivič.

V Praze, v květnu 1925.

Vážený pane,
vydavatelství *Slovanského Přehledu*, znajíc Vás jako významného pracovníka v otázkách slovanských, dovoluje si Vám sdělit, že po jedenáctileté přestávce počalo za redakce pána Adolfa Černého znovu vydávat revui *Slovanský Přehled*, která před válkou tolik přispěla k vzájemnému poznání a navázání kulturních styků slovanských národů. Abyste byl o nových poválečných poměrech ve Slovanstvu všestranně informován, dovoli si Vám podepsané vydavatelství *Slovanský Přehled* prvního roku zdarma a prosí, abyste mu věnoval svou vzácnou pozornost.

S veškerou úctou
Slovanský Přehled.²³

И наконец, письмо к В.Ластовскому написал сам редактор *Slovanského Přehledu* Адольф Черны. Письмо примечательно тем, что содержит прямую ссылку о статье на страницах «Славянского обозрения», посвященного трудам В. Ластовского.

Slovanský přehled
redaktor Adolf Černý,
Praha *HOpatovická 9*,
Vořechovka, 461
27. IV. 1925

Vážený páne,
srdečně Vám děkuji za *Kryvič* (1924 č. 1.2.) i za *Расійска-крыўскі (Беларускі) слоўнік* s laskavým věnováním. Doufám, že zatím jste již také dostal č. 1. *Slovanského Přehledu*, v němž najdete referát o svém sborníku. Je to velká práce. Také *Kryvič* se mi líbí, mohu z něho čerpat poučení o současném běloruském životě. Překvapilo mne, že Váš slovník byl vydán Ministerstvem běloruských věcí na Litvě – nemohl byste mi poslati nějaký [???]... a podrobněji o činnosti tohoto ministerstva? Kdo jest nyní [?] ministrem běloruských věcí?... Vůbec budu Vám byl povděčný za všechny prameny k poznání života Bělorusů na Litvě. Děkuji Vám ještě jednou za knihu i *časopis*, *těším se na nové číslo Kryvič a trvám s veškerou úctou Adolf Černý*.²⁴

²³ Там же, л.160

²⁴ Там же, л.178

Об еще одной публикации, посвященной капитальной «Истории белорусской книги» на страницах „*Slovanského Přehledu*“, говорит в своем письме к Ластовскому профессор-славист Евгений Ляцкий.

Прага, 19 июня 1926 г.

Многоуважаемый Вацлав Устинович,
сердечно благодарю Вас за присылку Вашего прекрасного труда о старой белорусской письменности. Искренне тронут Вашим вниманием и спешу ответить на него весьма сочувственной рецензией, которая появится в течение лета в *Слованском тижелде* (по-чешски). Показываю Вашу книгу всем скептикам, чтобы убедить их в богатстве истории белорусской культуры.²⁵

В августе 1925 г. Ластовский благодарил Ляцкого за книгообмен, налаженный между Славянским институтом в Праге и Ковно: «Очень признателен за любезную память. Обращение Комиссии по обмену библиотеки Славянского Института в Праге получил, но книги еще не прибыли. Ковенские издания на днях вышло. Загрустил я, узнав, что в Институте Славянской Культуры белорусская секция состоит из людей, которые не могут из себя ничего выдать... [...] если возможно, чтобы Вы своим авторитетом повлияли на смену или пополнение секции, хотя бы молодыми, но живыми силами. Иначе получается, что все славяне имеют интеллект, кроме белоруса? А это больно, ибо и так нам все и везде кивают на нашу отсталость. Из молодых можно было бы взять Гриба²⁶ или Станкевича».²⁷

Известно, что и сам Ластовский думал о переезде в Чехию, прежде чем принял решение о переезде в Советскую Беларусь. Во всяком случае, еще 11 февраля 1927 г., как можно понять из содержания письма к тому же Е. Ляцкому, Ластов-

²⁵ С. МИХАЛЬЧЕНКО, *Евгений Ляцкий: Материалы к биографии*, Брянск 2000, с.30

²⁶ Гриб Томаш (1895-1938) – белорусский политический деятель и филолог, доктор философии Карлова университета в Праге.

²⁷ Станкевич Ян (1891-1976) – белорусский филолог и историк, доктор Карлова университета в Праге, организатор студенческих белорусских организаций.

ский еще не представлял, куда ему податься, хотя уже твердо знал, что Ковно он вынужден оставить: «В будущем месяце я хочу выехать из Литвы. Куда? Еще и сам не знаю, но одно ясно, что вынужден позбыться тяжелого багажа, каким у меня являются книжные собрания. Может Вы сочтете нужным, господин Профессор, приобрести от меня для Славянского Института собрания белорусских изданий? Книг, брошюр и брошюрок наберется более 500 номеров, годовых подшивок газет и журналов до 100, воззваний, открыток, фотографий, афиш – около 1 000. Среди книги и брошюр есть раритеты. За все это я хотел бы получить чистыми (включая упаковку и пересылку на счет покупателя), 100 долларов...»

Попал ли личный книголюб В.Ластовского в Чехословакию и как вообще сложилась его судьба, и сегодня неизвестно. Зато известно, что именно в то самое время в Советской Беларуси Центральный Комитет коммунистической партии с подачи чекистских органов, стремившихся завербовать бывшего премьер-министра БНР в свои агенты, на своем закрытом заседании бюро ЦК КПБ 28 февраля, постановляет: *1. Считать целесообразным остаться Ластовскому еще на некоторое время за границей; 2. Использовать Ластовского для проведения работы по нашим заданиям в Чехо-Словакии, Латвии (предрешив возможность использования его с этой же целью в Америке).*²⁸

Чехии также мы обязаны единственным основательным *Curriculum vitae* В. Ластовского (1925), написанном им по предложению Украинского института обществоведения в Праге, архив которого ныне хранится в Киеве.²⁹ К сожалению, публикация этого уникального документа не выдерживает никакой критики, ибо в нем допущено свыше 200 (двухсот!) археографических и фактологических неточностей.³⁰ К удивлению, сам Ластовский также сопричастен к этому. Так,

²⁸ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф.4, оп.3, ед.хр.18, л.117

²⁹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в г. Киеве (ЦГАВО Украины), ф. 3793, оп. 1, ед.хр. 275 лл. 1-6

³⁰ В. Зубко. «CURRICULUM VITAE» Вацлава Ластоўскага і Тамаша Грыба, in: «Беларускі гістарычны часопіс», № 3, 2003, с.63-66

до последнего времени все отечественные и заграничные энциклопедические справочники датой рождения Ластовского называли 20 декабря (1 ноября) 1883 г. согласно выявленной крестной метрике это другая дата – 27.10/08.11. 1883 г. А в «пражском» *Curriculum vitae* Ластовский собственноручно указал совершенно другую дату – 24 декабря 1884 г.

С Чехословакией связана и ошибочная дата смерти Вацлава Ластовского. Следует предпринять поиски публикаций о В. Ластовском в чешской периодической печати середины 1930-х гг., так как именно с ее подачи в Вильно был опубликован некролог (прижизненный!) о Ластовском – *Дополнительные сведения к белорусскому мартирологу в СССР:*

«В последнее время получили мы из Чехословакии весть о расстреле в Одессе известного в Вильно белоруса Вацлава Ластовского вместе с женой (в первом замужестве primo voto Корфова). (...) В 1929 г. по служебным делам он выезжает в Москву и больше из той «командировки» не возвращается. Долго не было известно, что с им, пока через несколько месяцев не разнеслась между его друзей весть, пересказываемая шепотом из уст в уста, что Ластовского арестовали. В тюрьме под влиянием моральных надругательств, полученных во время следствия от гебистов, у Ластовского наступил душевный надлом, и он сделал признания, которых от него добивались [...] Как по меркам советских реалий, приговор для Ластовского вынесли не очень суровый: его депортировали на «вольное поселение» в Саратов. Однако здесь он вместе с женой предстал перед ликом голодной смерти [...] Наконец это чудовищное вегетарианство сделалось невозможным. Вместе с несколькими ссыльными из Украины, находившимися в Саратове, Ластовский планирует побе г. Двинулись на юг, в сторону Одессы... Большую часть дороги прошли пешком. Наконец они оказались вблизи Одессы, в километрах 50–60, где одна женщина, не выдержав невзгод побега, голода и нервного напряжения, не в состоянии была продолжать путешествие... Крестьяне, боясь репрессий или также в надежде на вознаграждение, донесли на подозрительных пилигримов. Являются агенты ГПУ. Однако многие из беглецов счастливо спасаются бегством. Ластовс-

кого с женой схватили. Расстреляли их в Одессе. Произошло это около двух лет назад»³¹.

Значит, согласно некрологу, Ластовских расстреляли в 1933-1934 гг. Но сохранились письма В. Ластовского к Адаму Богдановичу, отцу поэта Максима Богдановича.³² И доподлинно известно, что вторая жена Ластовского³³, «гражданка Ластовская Станислава Петровна, 1889 г. рожд., проживающая в г. Саратове, ул. Воловая, д. № 42 кв. 10», еще 18 сентября 1958 г. обращалась в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР с просьбой о посмертной реабилитации мужа.

Так что, к сожалению, чешский некролог (или устные пересказывания, перелетевшие из Чехословакии в Польшу), оказались преждевременными только на два года.

Подводя итог всему изложенному, без труда можно заметить, сколько еще в биографии Власта-Ластовского, в том числе и касающихся его «чехословацких» взаимоотношений, остается неизвестного.

Таким образом, связи Вацлава Ластовского с чешским народом действительно ждут своего благодарного исследователя.

³¹ (f.) *Przyczynek do martyrologji białoruskiej w Z.S.R.R.*, in: Kurjer Wileński, N 5 (3608), 1936, s.2, Wilno, Poniedziałek 6 Stycznia 1936

³² Я. ЯНУШКЕВИЧ, «Моя Родина во мне...»: Письма Вацлава Ластовского Адаму Богдановичу, in: Неман, № 12, 1993, с.111-116

³³ Первая жена В. Ластовского – Мария Ивановская-Иванаскайте, больше известная под псевдонимом Лаздину Пеледа (Lazdynu Peleda, 1872-1957), луганская писательница.

„ČEŠI NÁROD UŠLECHTILÝ, NÁROD S HISTORICKÝM VĚDOMÍM...“.

Václav Lastouski a obrození českého národa

Yazep Yanushkevich, CSc.

(Běloruský výzkumný ústav dokumentů a archivnictví, Minsk)

Počátkem 20. stol. se na běloruském literárním a kulturním obzoru, ozářeném prvními běloruskými periodickými tisky „Naša Dolja“ (od 1. září do 1. prosince r. 1906, po třech měsících existence zakázané ruskými okupačními úřady) a „Naša Niva“ (1906-1915, byla vydávána ve Vilniusu, bývalém starobylém hlavním městě Velkoknížectví Litevského), objevila nová zářivá hvězda – „Vlast“ (Vaclav Lastouski). Tehdy – v období nové běloruské renesance začátku 20. stol. – ji předvídavě uvítala mladá běloruská kritika ústy Sergeje Palujana a Maksima Bahdanoviče jako neobyčejný zjev na běloruském nebi. Nemýlili se. Světlo této hvězdy vábilo, přitahovalo a nezhaslo ani po předčasné smrti umělce (byl popraven v r. 1938 v Saratově). Potom na celé půlstoletí upadlo jméno Vaclava Lastouského v zapomnění. Byl snad Lastouski jediný, koho skrývali před potomky? Desítky, stovky jmen pro nás posvátných, ale cizích a nepřátelských pro příchozí zběr byly cílevědomě hanobeny. Význam a váha toho, co naši pracovití předchůdci vytvořili, okupanty tolik strašila, že naši ideologičtí přísluhovači umístili „nebezpečné“ knihy do nově vytvořených „speciálních depozitářů“, vězení pro knihy.

Vaclav Lastouski, současník Janky Kupaly a Maksima Bahdanoviče, kteří tomuto básníku věnovali svá díla, zaujímal právem ústřední místo v běloruském národním hnutí, které se zrodilo na vzestupu revoluce z let 1905–1907. Téměř celé čtvrtstoletí se jméno **Vlast (Vaclav Lastouski)** objevovalo na stánkách tisku (nemluvě o „Naší Nivě“, kde od r. 1909 pracoval jako sekretář). Ve více než třech stech publikacích se činitel běloruského národního hnutí / obrození a jeden z ideologů vytvoření nezávislého Běloruska v jeho etnických hranicích projevil jako vynikající spisovatel, kritik, publicista, řečník, historik a jazykovědec. Posléze se Lastouski ukáže jako básník, filolog, etnograf, editor, překladatel a bibliograf.

V běloruských dějinách zůstal Lastouski také aktivním společenským a státnickým činitelem. V letech 1919–1923 byl předsedou vlády Běloruské lidové republiky vyhlášené r. 1918 a jedním z prvních ředitelů Běloruského státního muzea, činným členem Institutu běloruské kultury (1927) a také jedním z prvních akademiků Běloruské Akademie věd (1928–1929). Byl také dopisujícím členem Ukrajinské Akademie společenských věd v Praze (zvolen v r. 1926).

Ve svém prvním tištěném projevu, který byl podepsán literárním pseudonymem „Vlast“ („Naša Niva“ 1909, č. 41, rubrika „Z našeho života“), se Lastouski vyjádřil k nedávné události: V září minulého roku

vydal starosta českého hlavního města Prahy svolání k českým občanům, v němž prohlásil, že během tohoto měsíce je nutné přispět částkou půlmilionu rublů na české národní školy; A... Češi přispějí!. Článek se zakládá na porovnání historické minulosti běloruského národa, který staletý útlak ruské nadvlády učinil otrokem a české skutečnosti. Autor hrdě (a trpce) poznamenává, že vědomí českého národa je nesrovnatelně vyšší a proto je nutné si z toho brát příklad, aby bylo v budoucnu o Bělorusech stejně jako teď o Čechách možné říci: „A Bělorusové přispějí“.

Od tohoto jediného porovnání Bělorusů a Čechů uplyne více než desetiletí, než se ve svých projevech a výrociích Lastouski znovu obrátí ke zkušenostem českého národního budování. Bohužel životní a tvůrčí cesta Lastouského nebyla donedávna téměř vůbec zkoumána, protože zde účinkovalo tabu spojené s jménem Lastouského (byl rehabilitován až v r. 1988). Je příznačné, že v bibliografickém přehledu nejvýznamnějšího slovníku „Běloruští spisovatelé“ (1992–1995, díl 1-6) mezi články v anglickém, litevském, polském, ruském jazyce, „v jazycích Jugoslávie“ a samozřejmě v jazyku běloruském¹⁾ není žádná zmínka nebo článek o V. Lastouském v češtině, což jednoznačně svědčí o nedostatečném výzkumu dané otázky běloruskými a českými historiky a literárními vědci. Je zapotřebí podniknout výzkum v mnoha různých směrech, protože fakta svědčí o existenci takových článků. Zachovala se korespondence mezi Lastouským a redakcí časopisu „Slovanský přehled“ s návrhem spolupráce pro Lastouského. Existuje také děkovný dopis za zaslání jeho rusko-běloruského slovníku V. Lastouským do Čech (21. 1. 1925 podepsaný ředitelem V. K. Škrachem, Soukromý archiv a knihovna presidenta republiky).

Čechům jsme vděční také za jediné důkladné curriculum vitae V. Lastouského (1925), napsané pro Ukrajinskou vysokou školu společenských věd v Praze, jejíž archiv se nyní nachází v Kyjevě. Bohužel publikace tohoto unikátního dokumentu („Běloruský historický časopis“ r. 2003, č. 3) nemůže obstát před žádnou kritikou, neboť obsahuje více než 200 (dvěstě!) archeografických a věcných nepřesností.

Je nezbytné zároveň začít s hledáním publikací věnovaných V. Lastouskému v českém tisku poloviny 30. let 20. stol., protože právě z podnětu českého tisku byl v periodiku „Kurjer Wileński“ (1936, č. 5) otištěn nekrolog Lastouského, který se ukázal jako předčasný. Bohužel předčasný pouze o dva roky.

Vztahy V. Lastouského k českému národu tedy čekají naléhavě na svého badatele.

¹⁾ Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік / У 6 тамах, т. 4, Мінск, 1994, с. 17-20

OPATRNE PŘEŠLAPOVÁNÍ: PRVNÍ KONTAKTY ČESKOSLOVENSKÉ A BĚLORUSKÉ VLÁDY 1918-1925

Michal Plavec

Doba Jagellonců, kdy prvně byl život Čechů a Bělorusů spojen, nenávratně odezněla. S koncem 1. světové války, nebo chcete-li, Velké války, se začala rodit nová Evropa. Evropa, většinu jejíchž dosud utlačovaných národů poprvé hrálo slovo svoboda. Osudem či nešťastnou souhrou okolností se stalo, že ze dvou národů bažících po samostatnosti se jeden samostatným stal a druhý musel na nezávislost počkat ještě dlouhých sedmdesát let, aby se po několika letech znovu vrhal pod knutou despoty Lukašenka do náruče bývalého otrokáře.

V následujících řádcích se zhruba pokusíme načrtnout obraz vztahů československé vlády a Rady BNR mezi lety 1918 až 1925. Tato přednáška představuje stručný a tematicky okleštěný výtah z výstupů výzkumného úkolu ministerstva zahraničí České republiky „Běloruský exil v demokratickém Československu a České republice“, který v prosinci 2005 dokončili Dana Kolenovská, Ilia Hlybouski, Luboš Veselý a autor tohoto příspěvku. Výzkum byl založen především na důkladném rozboru dvaasedmdesáti dosud neznámých dokumentů z českých archivů.

Nedá se říci, že by československé politiky otázka Běloruska nějak zvlášť zajímala, přestože Bělorusové k nově vzniklé Republice československé vzhlíželi se sympatiemi i nadějí. Tomáš Garrigue Masaryk se okrajově zabýval Bílou Rusí při jednáních s Poláky v USA v roce 1916. Ještě během války se ale nesetkal s žádným představitelem myšlenky běloruské nezávislosti. Na rozdíl třeba od Ukrajinců. Také poměr československého prvoválečného exilu k myšlence ukrajinské samostatnosti a jejímu uznání byl odlišný: s Ukrajinou Československo sousedilo a – především – po Brestském míru v roce 1918 se na území Ukrajiny ocitly československé jednotky. Masaryk, který zastával jednoznačně protirakousko-uherské a protiněmecké postoje, těžko chápal ještě během války,

proč Poláci, Ukrajinci i Bělorusové vystupují ostře protirusky. Považoval za lepší jednotu všech států proti Trojspolku, než snahu o využívání okupace polského a běloruského území k prosazení národních zájmů. Nedokázal se smířit se skutečností, že to, co pro něj znamenali Němci a stoupenci myšlenky rakousko-uherského mocnářství, znamenají pro Ukrajince, Bělorusy a Poláky Rusové. To také později ovlivňovalo jeho pohled na otázku běloruské nezávislosti.¹

Lev Trockij ve své Historii ruské revoluce poukazuje na několik okolností, které podle jeho názoru přispěly k možnosti vytvoření Běloruské sovětské socialistické republiky. V předrevolučním Rusku žilo asi 4 ½ % Bělorusů, ovšem skoro všichni vlastníci půdy, kapitalisté, právníci či novináři patřili (či se hlásili) k Velkorusům, Polákům, Židům nebo cizincům. To podle něj vytvořilo vhodné podhoubí pro vznik socialistického Běloruska. Ještě ve volbách do konstitučního shromáždění hlasovala většina Bělorusů pro bolševiky, ale všeobecně se stávali stále více nepřátelštější Petrohradu. Trockij z toho vyvozuje, že jedinou možností, jak udržet Bělorusko v soustavě vznikajícího Sovětského Ruska, představovalo udělení formální nezávislosti a federativní uspořádání.² Ostatně, historie ukázala, že slabá BNR, vzniklá 25. března 1918, nemohla vydržet pod tlakem Poláků i Sovětů. V době, kdy bolševici nechali víceméně na papíře vzniknout BSSR, neměla naneštěstí BNR žádnou faktickou moc ani na jedné z částí rozštěpeného Běloruska. Pozdější nucená emigrace vlády BNR do sousedních zemí také bolševikům usnadnila formální vyhlášení Běloruské sovětské socialistické republiky 1. ledna 1919. V Masarykově osobním archivu se nachází dokument, v němž premiér a ministr zahraničí BNR Anton Luckevič vysvětluje a zdůvodňuje právní postavení Rady BNR a BSSR. Zároveň také naléhá na urychlené projednání běloruské otázky během pařížské mírové konference. Přestože dokument není adresován přímo Masarykovi, svědčí o jistém stupni zájmu prvního československého prezidenta o budoucí uspořádání Evropy.³

¹ Srov. T. G. MASARYK: *Světová revoluce za války a ve válce 1914-1918*, Čin a Orbis Praha 1925, s. 297, 488.

² L. TROTSKY: *The History of the Russian Revolution*, Vol. III., s. 26, 31 a 35.

³ Archiv TGM Archivu Akademie věd ČR, fond TGM-R, kar. 526, složka 27, Rusové 1918, 1919.

Masarykův odmítavý vztah k vytvoření nezávislého Běloruska jasně dokládá úryvek z dopisu československému ministru zahraničí Edvardu Benešovi ze 30. dubna 1919: *Byl u mne včera ministerský předseda Běloruské republiky. Ucházejí se o naši mravní a pokud možno i politickou pomoc. Přijdou k Vám, vyloží Vám věc a dají memoranda. Ta Běloruská republika je ovocem ruského rozkladu: měli by zůstat Rusy a basta! Jak Ukrajinci; ale Rusko se rozpadlo, a proto na čas organisace těchto krajin je lepší, než rozklad pod moskevským umělým centralismem! Proto my, nepouštějice se do filologie a vniterní administrace, akceptujeme status quo. S toho hlediska jsem je ubezpečil, že rádi s nimi budeme obchodovati atd. Pozor ovšem na Poláky, kteří v naší neutralitě uvidí proti-polskost, neboť se chtějí zmocnit běloruského území. Pozor dále na dra Kramáře, jehož rusofilství by mohlo odstrašit i Bělorusy i Ukrajince...* Jak je tedy vidět, Masarykovy osobní dojmy ze setkání s Luckevičem nebyly tak ideální, jak je samotný Luckevič vyjádřil ve svých pamětech.⁴

Mezi českými historiky, zvláště mezi řešiteli zmiňovaného výzkumného úkolu, panuje v současnosti diskuze, zda Československo skutečně uznalo Radu BNR jako legitimní vládu či nikoliv. Jakkoliv se někteří běloruští historici snaží vidět v jednáních mezi Masarykem a Luckevičem faktické uznání legitimacy Rady BNR, dochované dokumenty tomu nenasvědčují. S pravděpodobností hraničící s jistotou můžeme konstatovat, že k uznání de iure skutečně nedošlo. Zda došlo alespoň k uznání Rady BNR de facto, nepanuje shoda. Tato otázka možná není ani tak pro historiky, jako pro diplomaty a specialisty na mezinárodní právo. Každopádně postoj prvního československého prezidenta, zřejmý z dosud neznámých dokumentů, optimismu běloruské strany nenasvědčuje.

V červnu a červenci 1919 se Luckevič znovu obrátil na Masaryka, tentokrát s prosbou o pomoc při budování běloruské armády v Československu ze zajatců běloruského původu. Rada BNR si uvědomila, že jediná cesta zpět do vlasti je aktivním bojem proti bolševikům. Navrhla proto vytvořit jednotnou protibolševickou frontu od Baltu až po Kubáň, jejíž součástí měly být také bělorus-

⁴ Archiv TGM Archivu Akademie věd ČR, fond TGM-R, kar. 526, složka 27, Rusové 1918, 1919.

ké jednotky. Plán vypracoval velitel běloruského vojska generál Kipryjan Antonavič Kandratovič. Z korespondence se zdá, že se Masarykovi plán zamlouval a dokonce ho předal ke schválení Radě ministrů, ovšem z plánu nakonec sešlo. Těžko se můžeme dohadovat proč, neboť se dokumenty k této otázce nedochovaly. Jedním z vysvětlení by mohlo být to, že se československá diplomacie obávala zhoršení vztahů s Polskem, které nebyly nijak růžové a které po celý rok 1919 provázely územní spory o Těšínsko a Spiš, okoreněné malou válkou o Těšínsko v lednu a únoru. Svědčit by pro toto vysvětlení mohla žádost Antona Luckeviče adresovaná Edvardu Benešovi o zprostředkování styku s polským premiérem Ignacy Paderevským z konce srpna 1919, neboť se Luckevič s plukovníkem Ladnovem (někdy označovaným jako ministr zahraničí BNR) nedokázali dostavit z technických důvodů na schůzku s ním.⁵

Masaryk se s Benešem při pohledu na běloruskou otázku v lednem rozcházel. Důležitý je zejména Benešův projev jako ministra zahraničních věcí v Národním shromáždění Republiky československé ze začátku října 1919: *Náš poměr k Rusku jest stejně vážným naším vitálním problémem. Poměry v Rusku nebudou ještě dlouho definitivně upraveny. Nejen, že nelze jasně předvídati brzký konec výpravy Kolčaka a Denikina, kteří v celku jsou dnes málo sice, ale přece jen dost význačně podporováni od Dohody, ale nedá se také pevně stanovit, kdy a za jakých okolností nastane dohoda mezi jednotlivými místními vládami, de facto vzniklými na území starého Ruska, s Ukrajinci, Bělorusy a národy baltskými, kavkazskými atd. Dá se však s největší pravděpodobností předvídati, že otázky vnitřního uspořádání Ruska těžce budou rozdrásávat celý ruský národ a že tudíž s jeho zakročováním v zahraniční světovou politiku nelze ještě dlouho počítati; za těchto okolností také v tomto smyslu jest třeba zachovávat jistou rezervu, poněvadž také náš vztah k Rusku jest jedním z vitálních problémů naší existence, a politik, vědomý si své zodpovědnosti, nemůže bráti tyto otázky na lehkou váhu; nemůže a nesmí je bráti jen s hlediska jednotlivých stran politických nebo s hlediska svých osobních sympatií k tomu nebo onomu směru (Výborně!), nýbrž musí viděti vývoj, ku kterému celý tento stát jako*

⁵ Archiv Ministerstva zahraničních věcí, Pařížský archiv, kar. 49, 4931, 4933, 4934, 4935 a dopisy z 21. a 27. června 1919.

celek spěje, a představiti si, v jakém vztahu v krátké budoucnosti bude naše politika jako celek státi k tomuto novému státnímu útvaru jako k celku. (Výborně! Potlesk.) Všecky naše zahraniční vztahy musí býti diktovány touto rezervou a tímto pohledem do brzké budoucnosti. Také poměry v Rusku jsou neujasněné a, nechceme-li se my, jako stát, vměšovati do ruských vnitřních poměrů, jest povinností naší, abychom se chovali k událostem uvnitř Ruska s rezervou a zároveň s loajálností na jedné i na druhé straně. (Výborně!) Celý svět ví, že máme Rusko rádi, celý svět ví, že přejeme si rychlou rekonstrukci ruského národa a státu, že chceme spolupracovati k rychlému vybudování velikého, demokratického, konfederovaného Ruska (Výborně! Hlučný potlesk.), vedoucího s námi přátelskou a slovan-skou demokratickou politiku. Dostali jsme se do boje s vládou bolševickou, ale proti naší vůli, neboť naší politikou bylo, nevměšovati se do vnitřních bojů Ruska. Chtěli jsme naši armádu co nejdříve dostat do Francie, aby mohla bojovat proti společnému nepříteli na západě. Poměry se změnily, ale naše politika se nezměnila: I dnes usilujeme o to, aby naši hoši po hrozných pěti letech konečně přišli domů. (Výborně! Potlesk.) V tom úsilí vymohli jsme před svým odchodem od spojenců cennou pomoc, aby naše ruská armáda se mohla vrátiti. (Hlučný souhlas a pochvala.)⁶

Vyhrocené československo-polské vztahy trvaly v podstatě celé meziválečné období. Není proto divu, že smířlivá politika československých vlád byla trnem v oku některým opozičním poslancům či senátorům, především komunistickým a sudetoněmeckým. Obě strany se tímto způsobem snažily přetrhnout komplikované a chatrné československo-polské spojenectví z nouze. Komunisty dráždila především otevřená polská antikomunističnost, zatímco sudetským Němcům vadil vztah Poláků k německé menšině a k Východnímu Prusku. Již v říjnu 1919 reagoval člen strany československých socialistů a pozdější komunista dr. Bohumil Vrbenský na uveřejněné výňatky z Benešova projevu: *Připouštím-li, že Poláci mají určitý interes na svých národních věcech na Těšínsku, pak my tentýž interes máme, ale neskonale ještě větší interesy hospodářské, které však s otázkou lidu našeho a státu našeho absolut-*

⁶ Parlamentní knihovna České republiky, fond Národní shromáždění československé 1918-1920, Stenoprotokoly, 77. schůze, úterý 30. září 1919.

ně těsně souvisí. Nám jest zřejmo, že Poláci i v této době vůči čtyřdohodě zahájili politiku slibů, aby zmocniti se mohli našeho Těšínska. A my to tady musíme jasně konstatovati. Byli to Poláci, kteří právě v této době přechodné, když čtyřdohoda domnívala se, že rozřeší problém ruský, problém ruského bolševictví, byli to Poláci, kteří svou armádu zdánlivě nabídli čtyřdohodě, spojencům, aby tím způsobem pro sebe vymohli požadavky hospodářského a politického rázu. A my dnes můžeme konstatovati před světem, že Poláci v této věci mohli jen slibovati, ale to, co činí, to není boj proti bolševismu, to jest obsazování násilně různých krajů jiných národů, Ukrajinců, Litevců, Bělorusů atd., to jest obnovování polské říše v starých hranicích proti všem principům sebeurčovacího práva národů a není to žádná pomoc, jak se Polsko před světem snaží dokazovati. My slibovati ničeho nemůžeme a nebudeme, my slibovati ani dobře nedovedeme. My jsme svou povinnost bez slibů konali poctivě po celou dobu světové války, naše legie prolévaly krev na všech bojištích světa, v Rusku, Francii, v Itálii i v Srbsku a doma úmorně jsme vynakládali všechny síly na rozvrácení Rakouska. Ani naše legie ruské nemůžeme nikomu nabízet, protože vláda naše vyhovuje ráda volání jejich po návratu a zachovává neutralitu slovanskou k problému ruského národa v nynějším jeho stadiu a za nynější světové situace.⁷

Významný sudetoněmecký senátor Franz Jesser později využil polskou politiku vůči národnostním menšinám ke snaze o zdiskreditování takzvané Malé Dohody. Ve čtvrtek 1. června 1922 doslova prohlásil v Senátu: *V službách této francouzské myšlenky stojí státy Malé Dohody, které mají především, jak to stálo přec i v novoročním poselství, Německo přidržeti, pak ale mají tvořiti most k Rusku, ovšem k povolnému Rusku. Hlavní oporou v této budově je Polsko, o němž Nitti, italský ministerský předseda, mluví jako o nepleše. Tomuto státu, který mezi svými 31 miliony obyvatel čítá jen 18 mil. Poláků, podařilo se velké umění učiniti si nepřátele nejen z Němců, ale i slovanských sousedů. Kdokoliv bude panovati v Rusku, ať bolševici nebo menševici nebo snad car, bude vždy považovati a pocítovati Polsko jako nepřátelskou přehradu, kterou třeba strhnouti buď dobrovolným vřazením Polska do nového systému, nebo případně násil-*

⁷ Parlamentní knihovna České republiky, fond Národní shromáždění československé 1918-1920, Stenoprotokoly, 79. schůze, čtvrtek 2. října 1919.

lím. Každý spolek s dnešním Polskem je zároveň nepřátelstvím proti Litevcům, Bělorusům, Ukrajincům a Velkorusům, je akcí nepřátelskou Slovanům. Může to srovnati český národ se svým slovanským svědomím, aby tomuto Polsku zaručoval ony hranice, jež obdrželo v mírové smlouvě, která vykrojuje ohromné kusy z těl jiných slovanských národů? Co potom, když padne tato polská přehrada? Kdyby se výstraha Lloyd George před Rusy a Němci dohnanými k zoufalství měla státí pravdou? Pak je i pro Československo otázkou, jaké pak zaujme stanovisko. Neboť padne-li hlavní opora z versailleské mírové smlouvy, samostatné Polsko, pak je samozřejmě také pro Československo dána jiná situace.⁸

Podobných projevů můžeme najít v parlamentní knihovně ještě několik, ale všechny se nesou v podobném duchu a nic převratného nepřinášejí. Zajímavější je ale otázka vztahu československé a běloruské exilové vlády. Již někdy před 1. světovou válkou se v Praze usídlil Mikuláš Veršinin (Veramej), který se po roce 1918 stal vyslancem BNR v Československu. Sice neuznaným de iure, ale de facto byl přijímán poměrně často na československém ministerstvu zahraničí a jako vyslanec byl označován i v úřední korespondenci. V červnu 1919 se sice objevuje kusá zmínka, že vyslancem v ČSR byl v té době pozdější premiér BNR Aljaksandar Cvikevič, ale další dokumenty tomu nenasvědčují.⁹

Právě Mikuláš Veršinin byl mozkiem skoro všech běloruských aktivit v Československu. Jeho zásluhou zřejmě již v roce 1919 začali do Prahy a dalších československých měst směřovat běloruští studenti, kterým polské úřady znemožnily studium na polských vysokých školách a univerzitách. Vincent Žuk-Hryškevič, pozdější prezident BNR, tvrdí, že tomu bylo již v roce 1919 a není důvod mu nevěřit, třebaže první dohledané zmínky o běloruských studentech v českých archívech pocházejí až z roku 1921. Dáno to zřejmě bude tím, že zpočátku přijížděli běloruští studenti studovat do Československa jako soukromé osoby a na svůj účet. Veršinin měl později lví podíl na tom, že na náklady československé vlády mohlo každoročně studovat několik desítek Bělorusů. To je ale již otázka, kterou se budeme zabývat až v následující kapitole.

⁸ Parlamentní knihovna České republiky, fond Národní shromáždění Republiky československé 1920-1925, Stenoprotokoly, 119. schůze, čtvrtek 1. června 1922.

⁹ Archiv ministerstva zahraničí, Pařížský archiv, kar. 49, dopis ze dne 27. června 1919.

Rada BNR v té době sídlila ještě v litevském Kaunasu (Kovně). Bělorusy i Litevce spojovala snaha o dosažení uznání. Když se ovšem Rada BNR zamýšlela nad tím, kde uspořádat první Všeběloruskou konferenci, její zrak padl na Prahu. Přes zjevné rozpačky československého ministerstva zahraničí nakonec Bělorusové dostali možnost své setkání uspořádat právě ve stověžaté matičce. Důvodem tohoto setkání zřejmě bylo uzavření řížského míru mezi Sověty a Polskem 18. března 1921, která fakticky Bělorusko rozdělila mezi Polsko a Sovětské Rusko.

Ze zachované zprávy českého policejního agenta z prvních dvou dnů konference, která se konala 26. až 28. září 1921 v reprezentativních prostorách pražského Obecního domu, popravdě čtenář příliš moudrý není, neboť se mu podařilo zkomolit většinu běloruských jmen a nepřináší ani zásadnější informace k běloruské problematice. Bezpochyby víme, že těchto dvou dnů se zúčastnilo 28 delegátů ze všech koutů Evropy. Pozdravy se do Prahy donesly až z Jugoslávie či Turecka.

Vaclav Lastouski, přední běloruský filozof a historik, vystoupil s kritikou řížského míru. Tento příspěvek zároveň shrnuje pocity všech účastníků konference. Podle policejního agenta: *Delegát Lavstovski předčítá resoluci, která byla přijata zástupci republiky běloruské při uzavření řížského míru mezi Poláky a bolševiky, ve které protestuje proti nespravedlivému rozdělení Běloruska mezi výše uvedené státy a apeluje na Svaz národů, by křivda spáchaná na Běloruské republice byla odčiněna. Zmiňuje se o represáliích proti národu běloruskému jak ze strany Poláků, tak i bolševiků, kteří se všemožně snaží potlačit národní uvědomění Bělorusů zavíráním jejich škol, kostelů a předních jejich pracovníků do žalářů.*¹⁰

Běloruskou konferencí v Praze symbolicky skončila první etapa kontaktů československé a běloruské exilové vlády. BNR v té době ještě sídlila v litevském Kaunasu (Kovně), ale její dny v Pobaltí byly již více méně sečteny. Přestože zpočátku diplomacii litevskou i diplomacii BNR spojovaly podobné cíle, situace se velmi změnila v roce 1923, kdy mocnosti definitivně uznaly hranice Litvy. Rada BNR pochopitelně nemohla souhlasit s výsledky těchto jednání, nesouhlasila ani s brest-litevským mírem, ani řížským

a neuznávala Versaillskou dohodu, která potvrzovala nově vzniklé státy, ovšem s výjimkou Běloruska. Bělorusové se tak dostali do slepé uličky, neboť jejich popírání platnosti všech těchto mezistátních smluv a dohod nebylo v souladu se zájmy nově vzniklých států, třebaže to ze strany BNR byl jediný možný krok. Olej do ohně ve vztahu s Litvou přilila také otázka Vilna (Vilnius), které Bělorusové považovali (a považují) za svoje území. Ostatně, spor o Vilno se přetřásal zásluhou Mikuláše Veršinina i v československém tisku.¹¹ Neshody vyvrcholily silicím tlakem Litevců na běloruské organizace v Litvě, zejména na Radu BNR, jejíž činnost se nakonec musela přesunout z Kovna do Prahy.

Ještě předtím se ovšem představitelé BNR snažili zaujmout pro myšlenku nezávislého Běloruska znovu československé diplomaty. Využili k tomu roztržku mezi státy Malé Dohody, která dočasně vyloučila Polsko z jednání signatářů tohoto paktu. Československý diplomat ze zastupitelského úřadu v Kovně, jehož jméno se nepodařilo dešifrovat, odeslal do Černínského paláce začátkem srpna 1923 následující zprávu: *Dle zpráv denního tisku místního a zahraničního nebylo Polsko připuštěno ke konferencím Malé Dohody v Sinaji a dokonce bývalý vyslanec Polska v Praze p. E. Pilz byl prý pozván teprve dva dni po skončení konference k vzájemné výměně názorů. Opíraje se o tyto novinářské zprávy, dostavil se dnes ke zdejšímu úřadu diplomatický zástupce Bělorusů pan Zacharko a v debatě prohlásil, že výše uvedený postup Malé Dohody – inspirovaný jistě ministerstvem zahraničních věcí Československé Republiky, zvláště pak článek Českého Slova o eventuelní nutnosti revise východních hranic Polska morálně posiluje osvobozovací akci Bělorusů Polskem utlačovaných a dává jich národnostnímu hnutí obrozeneckému naději, že přece spravedlnost světská – která zde promluví ústy Československa – vrátí jim ztracenou svobodu. Vzhledem k tomu, že od nedávného konfliktu Bělorusů s Litvou pro difference v otázce vilenské jeví se Československo jediným útočištěm Bělorusů – pociťuje celý Běloruský národ, rozdělený dosud pod nadvládu Polska a Sovětského Ruska tím více vděčnosti a oddanosti k osobě ministra Dra. Beneše a prosí, aby zdejší úřad prostřednic-*

¹⁰ Národní archiv Praha, fond 207, kart. 406, sign. 207-406-16/1-5.

¹¹ M. VERŠININ: *Bílá Rus – Polsko – Litva. Ke sporu o město Vilno*. Národní listy 23. 10. 1923

*tím svého ministerstva tlumočil panu ministrovi dík Běloruského národa za tuto morální, nečekanou pomoc a posilu v dalším boji se svým odvěkým nepřitelem – Polskem.*¹²

Bohužel neznáme reakci československé diplomacie, ale každopádně již v listopadu 1923 se skutečně Rada BNR přesunula z Kovna do Prahy a ještě v lednu 1925 se zástupci BNR v Litvě snažili přesvědčit československé ministerstvo zahraničí, aby převzalo do úschovy archiv BNR, neboť činnost běloruského diplomatického zastoupení byla ze strany litevských orgánů ukončena. Čechoslováci ovšem běloruský archiv nepřevzali, neboť je litevské ministerstvo zahraničí ujistilo, že archiv bude řádně zabezpečen a uložen v prostorách Litevského národního archivu a Bělorusové si ho budou moci kdykoliv, jakmile najdou vhodné prostory, opět převzít. Dopis má kuriózní dovětek, neboť tehdejší chargé d'affaires Běloruska v Litvě (alespoň se tak podepisoval) Valkovič žádal československou vládu, zda by nepřevzala právní ochranu dvou tisíc běloruských občanů v Litvě. Ministerstvo zahraničních věcí, respektive kovenské zastoupení, se zabývalo otázkou archivu, ovšem o ochraně běloruských občanů se zmínilo ve smyslu, že *ostatní body žádosti... úřad pokládá za bezpředmětné.*¹³

Československá vláda sice pomáhala alespoň částečně běloruskému exilu, ovšem Rada BNR nesměla de iure vykonávat politickou činnost, neboť se činnost veškerých běloruských organizací v Praze musela řídit spolkovým zákonem. Pokus o založení první běloruské organizace po světové válce v Praze, Běloruské hromady, skončil v podstatě ani ne měsíc od její první valné hromady v červnu 1922 pro neshody mezi exilovými politiky a studenty studujícími v Československu. Až založením Běloruské rady v březnu 1924 se situace zlepšila. Vznik Běloruské rady byl spojený s nuceným odchodem Rady BNR z Kovna v listopadu 1923 do Prahy a Běloruská rada v podstatě zajišťovala organizační servis pro Radu BNR, což odporovalo spolkovému zákonu.¹⁴

¹² Archiv ministerstva zahraničních věcí, PZ Kaunas 1923, depeše z 10. srpna 1923.

¹³ Archiv ministerstva zahraničních věcí, Pařížský archiv, kart. 41 ze dne 27. ledna 1925.

¹⁴ Archiv hlavního města Prahy, fond Spolkový katastr, sign. SK XXII/1030, dopisy ze 29. prosince 1921, 27. února 1922 a 9. června 1922, sign. SK XXII/1166, dopisy z 26. listopadu 1923, 27. prosince 1923, 8. ledna 1924 a 10. března 1924. Archiv ministerstva zahraničních věcí, fond 2. sekce politická 1918-1939, 241, č. 98564.

Ve skutečnosti ovšem československé úřady nad politickými aktivitami Rady BNR přivíraly oči. Většinový proud československé politiky ale nepodporoval separatistické tendence. Nechtěl bolševické Rusko, ale zároveň nechtěl ani Rusko slabé a rozdrobené (alespoň z českého pohledu). Tato opatrná politika Beneše i Masaryka se projevila při jednání na konferenci v Janově v roce 1922 a později velmi rozezlila Lloyda George, třebaže dílem neoprávněně. Ovšem opatrná byla jen částečně – Masarykovo memorandum nazvané *Pomoc Rusku z Evropy a USA*, které Beneš předal na začátku janovské konference, se stavělo mimo jiné proti uznání Sovětů de iure a navrhovalo vytvořit z ČSR středisko ruské emigrace. Masarykovo chápání Ruska ovšem bylo v hranicích carské říše, dokonce ani neřešilo otázku konfederace nebo federace národů, jak to učinili pod tlakem okolností bolševici v případě Běloruska, Ukrajiny a jiných republik.¹⁵

Первые контакты чехословацкого и белорусского правительств (1918-1925 гг.)

Михал Плавец

Т. Г. Масарик и «белорусский вопрос». Несмотря на то, что некоторые исследователи до сих пор утверждают, что Масарик проявлял благосклонность к идее белорусской независимости, сохранившиеся документы (отзыв Т. Г. Масарика о встрече с Антоном Луцкевичем в апреле 1919 г.) свидетельствуют об обратном.

Вопрос о признании Рады Белорусской Народной Республики (БНР) со стороны чехословацкого правительства. Несомненным является тот факт, что Чехословакия де-юре не признала Раду БНР после ее провозглашения. По крайней мере, пока что не найдено никаких документов, подтверждающих обратное. Историки спорят, произошло ли признание Рады БНР де-факто, и каким образом это проявилось во взаимоотношениях между Чехословацкой республикой и Радой БНР. Однако по этому вопросу мнения историков расходятся, и он, скорее, находится в компетенции дипломатов или специалистов по международному праву.

Проект создания белорусского посольства на территории Чехословакии. В июле 1919 г. Антон Луцкевич и генерал Киприан Кондратович начали переговоры по вопросам формирования на

территории Чехословакии белорусской армии и создания единого антибольшевистского фронта от Балтийского моря до Кубани. Но, несмотря на положительную оценку данного проекта Масариком, чехословацкие дипломаты выступили против этого, опасаясь негативной реакции со стороны Польши.

Неожиданная поддержка белорусского стремления к независимости. Социалистические, коммунистические и судетонемецкие депутаты и сенаторы чехословацкого парламента поддерживали белорусское стремление к независимости с периода начала обострения чехословацко-польских взаимоотношений в 1919 г. и вплоть до 1938 г. Однако эта поддержка не была бескорыстной: социалисты и коммунисты негативно воспринимали открытую антикоммунистическую ориентацию Польши, в то время как судетские немцы добивались отмены оборонного союза Малой Антанты.

Рижское мирное соглашение и Пражское всебелорусское собрание. Сдержанность чехословацких властей по белорусскому вопросу проявилась, прежде всего, во время Всебелорусского собрания в Праге 26-28 сентября 1921 г. Рада БНР не смогла признать Версальский договор и Рижский мир, из-за которых был созван Пражский съезд. МИД Чехословакии дал разрешение на проведение съезда, но никакие официальные представители МИД участия в нем не принимало. После окончательного признания в 1923 г. границ Литвы Рада БНР де-факто перестала быть партнером для чехословацких и литовских дипломатов.

Белорусская эмиграция в первые послевоенные годы и ее отношения с чехословацким правительством. Первым эмиссаром, а также главным организатором белорусской деятельности в Чехословакии был Николай Вершинин (Веремей), занимающий должность своего рода представителя Рады БНР в Чехословакии. Именно благодаря ему МИД Чехословакии начал содействовать учебе в ЧССР белорусов, отчисленных или же лишенных возможности обучения в польских университетах. Н.Вершинин принимал участие в учреждении в феврале 1922 г. Белорусской Громады – организации, которая должна была объединять эмигрантских политиков и студентов. Однако сразу же после ее возникновения внутри Громады произошли конфликты, приведшие к тому, что деятельность организации стала фактически невозможной. Сразу же после первого общего собрания деятельность организации была прекращена. В ноябре 1923 г. Вершинин подал заявление об учреждении новой организации – Белорусской Рады, взявшей на себя в марте 1924 г. фактически всю деятельность Рады БНР, переехавшей из Ковно в Прагу. Эта организация по существующему законодательству не могла осуществлять политическую деятельность; правда же состояла как раз в обратном, и чехословацкие власти закрывали на этот факт глаза.

Идея независимости Беларуси в политической мысли Томаша Гриба

профессор *Николай Иванов*

(*Опольский университет, Ополе*)

История обошлась с Томашем (Фомой) Грибом, мягко говоря, несправедливо, а может, и жестоко. Он не погиб в огне сталинского террора, не поддавался на щедрые посулы коммунистов, не вернулся на Родину, чтобы сложить там голову. Он выбрал эмиграцию, тихую, наверное, спокойную жизнь в благополучной Праге. Тут он, в отличие от других эмигрантов, даже имел престижную, неплохо оплачиваемую работу в стенах Карлова университета. Но ему суждено было пережить другую трагедию, трагедию забвения. Наверное, это и свело его в могилу в январе 1938 г.

Любовь к батьковщине (родине), борьба за ее независимость у Томаша Гриба принимала форму экзальтации. В письме к своему близкому другу Вацлаву Ластовскому (июнь 1925 г.) он признавался, что отсутствие перспектив для независимости Беларуси чуть было не привело его к самоубийству. «Ни война, ни революция, – писал он, – не произвели на меня такого влияния, как все то, что произошло тут, за границей, в относительно мирных условиях. ... Я пережил глубокую внутреннюю революцию. В тихом Радотине (*район Праги – Н.И.*) над рекой Бероункой я более почувствовал и передумал, чем за всю мою предыдущую жизнь. И не один раз у меня появлялась мысль о самоубийстве».¹

Парадоксально, но забытый почти всеми, Томаш Гриб после тяжелой болезни покинул этот мир в тот самый год, когда на Родине, от пуль ГПУ-шной расстрельной команды погибали почти все его соратники по возрожденческому делу. Палута Бадунова, его самая близкая соратница, с которой они

¹ *Архівы Беларускай народнай Рэспублікі*, т. 1, кн. 2, Вільня, Нью-Ёрк, Менск, Прага 1998, с.1603

вместе создавали партию Белорусских социалистов-революционеров, погибла в застенках ГПУ в тот самый год и пережила его совсем ненадолго. Язэп Мамонька, другой близкий друг Томаша Гриба, также сложил свою голову в застенках ГПУ в том страшном 1938 г.

А ведь когда Палута в Праге в 1925 г. приняла решение возвратиться, как же он убеждал ее не делать этого. Не послушалась. Погибла, обвиненная в попытке создать в БССР объединенное антисоветское подполье с целью оторвать Беларусь от Советского Союза. Мамонька же вообще выехал в СССР тайком, зная, что Томаш Гриб никогда не одобрит подобного решения.

В биографии Томаша Гриба есть одно обстоятельство, которое придает его жизни элемент загадочности. Последние четыре года своей жизни Томаш Гриб возглавлял Белорусский зарубежный архив, уникальное богатейшее хранилище документов белорусского национального движения. В основном там хранились документы Белорусской Центральной Рады, но не только. Это было самое богатое хранилище белорусских документов за границами СССР. В связи со смертью Томаша Гриба архив пришел в запустенье, а после войны вообще пропал. Следы его ведут в СССР. По-видимому, с согласия чехословацких властей после войны КГБ вывез его в Москву. А там он как в воду канул. Иногда всплывают то тут, то там некоторые документы, предположительно из архива. Но где само собрание? До сих пор, несмотря на усилия исследователей, не знает никто.

Томаш Гриб в политической палитре белорусского возрождения фигура уникальная. Он, пожалуй, единственный представитель левого крыла лагеря белорусских независимцев, кому удалось избежать, вернее, воспротивиться влиянию коммунистов. Практически весь лагерь белорусских независимцев, даже значительная часть его правой части, переболели так называемым «сменовеховством», т.е. приняли весьма щедрые заверения лидеров СССР в их приверженности левым социал-демократическим идеалам за чистую монету.

Свой протест против узурпации коммунистами права творить белорусскую независимость Томаш Гриб почти всег-

да облакал в весьма резкие яркие выражения. «Что касается Советской Белоруссии, или, иначе говоря, московско-коммунистическо-комиссарской агрессии», – писал он в 1921 г., – то мы высказываемся однозначно против любого гнета и закабаления, мы высказываемся против искусственно созданного по приказу Москвы, правительства Советской Белоруссии. Мы стоим за полное высвобождение воли народа, за суверенитет белорусской социалистической революции».²

Чтобы высказываться в подобном тоне в то время, когда, казалось, идеи союза белорусских независимцев и национал-коммунистов триумфально шествовали по всем центрам белорусской эмиграции, необходимо было настоящее мужество. Это мужество не изменило ему, когда в апреле 1922 г. он выступил с речью, разоблачающей коммунистов, на совместном заседании в Берлине исполкомов Второго (социалистического) и Третьего (коммунистического) интернационалов.³ И подобного мужества Томашу Грибу хватило практически на всю жизнь. До самой своей смерти он так никогда и не принял идей «сменовеховства» и не смягчил свою позицию по отношению к коммунистам и их временным попутчикам из числа его бывших друзей.

В белорусской эмиграции болезнь «сменовеховства» в 20-е годы XX в. приняла характер тотальной эпидемии. Почти весь состав эмиграционного, изначально антисоветского, правительства воспринял «белорусизацию» в качестве истинной политики компартии, направленной на реальное возрождение белорусского народа. Правительство самораспустилось, передало свои мандаты правительству БССР и почти в полном составе направилось в Минск с целью помочь в проведении «белорусизации». Вацлав Ластовский, Антон Луцкевич, Язэп Лесик, Радослав Островский, Константин Езовитов, Бронислав Тарашкевич, Лявон Заяц, Владимир Пракулевич, Алесь Цвикевич – вот далеко не полный список тех выдающихся лидеров белорусского народа, которые не смогли разгадать истинные намерения коммунистов и пошли на сотрудничест-

² *Архівы Беларускай народнай Рэспублікі*, т. 1, кн. 2, Вільня, Нью-Ёрк, Менск, Прага 1998, с.1108

³ Там же, с.1316

во с ними. Одни – лишь на короткое время, другие – навсегда. И почти все они за свою легковёрность заплатили своей жизнью.

Как же мало мы знаем о Томаше Грибе! Его родина – Островецчина. Когда началась Первая мировая война, ему было всего 19 лет, и его первые активные контакты с белорусским возрожденческим движением можно отнести к тому периоду, когда после февральской революции в 1917 г. в армии стали создаваться национальные части, в том числе и белорусские. Именно как представитель белорусских «вайскоўцаў» Томаш Гриб и попал на Всебелорусский Конгресс в декабре 1917 г. Тут его избирают в состав руководящих органов съезда, а затем и в состав Рады Белорусской Народной Республики. После провозглашения 25 марта 1918 г. Независимости Беларуси 23-летний Томаш Гриб входит в состав первого правительства республики и занимает в нем один из самых важных постов – министра, вернее, «народного секретаря» земледелия.⁴

В этот период более 90% белорусов были заняты в сельском хозяйстве, поэтому этот пост в правительстве БНР имел ключевое значение. Затем на протяжении 1919 г. Томаш Гриб еще дважды входил в состав правительства БНР. И оба раза в кабинетах под руководством сначала Антона Луцкевича, а затем Вацлава Ластовского он занимал ключевые посты министра внутренних дел.⁵

После окончания Первой мировой войны Томаш Гриб, пожалуй, наиболее последовательный и твердый сторонник белорусской независимости. Его неоднократно арестовывают польские власти. В конце концов, после очередного ареста, его интернируют в центральной Польше в лагере Домба.⁶ Но вскоре он бежит оттуда и вновь вливается в ряды борцов за независимость.

Отметим, что именно Томаш Гриб стоял у истоков создания белорусской национальной армии. В 1918 г. Гриб входит

⁴ *Архівы Беларускай народнай Рэспублікі*, т. 1, кн. 2, Вільня, Нью-Ёрк, Менск, Прага 1998, с.1083

⁵ Я. НАЙДЗЮК, І. КАСЯК, *Беларусь учора і сёння*, Минск 1993, с.164, 169

⁶ *Архівы Беларускай народнай Рэспублікі*, т. 1, кн. 1, Вільня, Нью-Ёрк, Менск, Прага 1998, с.779

в состав Центральной Белорусской Войсковой Рады. Здесь он пытается отстаивать свою оригинальную точку зрения, которая расходилась со взглядами большинства лидеров-независимцев. Основой белорусской национальной армии, по его мнению, должны стать так называемые «крестьянские дружины». Его план предусматривал создание истинно народной массовой армии, которая должна защищать каждый белорусский дом, каждую белорусскую деревню, каждый город.⁷

В 1920 г. после подписания Рижского мирного договора Томаш Гриб направляется в Литву, где входит в Белорусский повстанческий комитет. Именно здесь в Каунасе на страницах газеты «Наша доля» он начинает активно выступать в качестве теоретика идеи независимости Беларуси. Его статьи появляются в основном на страницах газеты «Сялянская доля».

В отличие от большинства эсеровских лидеров, Тамаш Гриб последовательно выступает как против какого-либо союза с поляками, так и против союза с большевиками. Его главная идея – опора на собственные силы белорусского народа. Он формулирует теорию так называемой «третьей силы», которая в борьбе на два фронта (против поляков и большевиков) должна отстаивать белорусскую независимость. Идея эта находит выражение и в официальных документах партии белорусских эсеров.

Казалось бы, Томаш Гриб по своим взглядам и убеждениям наиболее близок коммунистам, и именно он мог бы стать лидером белорусского «сменовеховства». Все же произошло совершенно иначе.

Гриб был последовательным марксистом, выступал за строгий классовый подход к проблеме самоопределения наций. Но именно он явился инициатором решения Центрального Комитета партии белорусских эсеров о непризнании провозглашенной большевиками БССР в качестве независимого белорусского государства. Эсеры резко выступили и против большевистской инициативы создания Литовско-Белорусской ССР со столицей в Вильно. Гриб и его соратники расценили

⁷ Т. ГРЫБ, *Нашы задачы*, Прага 1924, с.12

этот шаг большевиков как еще одну попытку навязать белорусам иноземную власть.

Томаш Гриб, оставаясь убежденным марксистом, революционером-народником, на сотрудничество с коммунистами не пошел. С самого начала он разоблачал политику «белорусизации» и другие коммунистические эксперименты, полагая их хитрой уловкой большевиков.

В 1922 г. Томаш Гриб, как и многие другие белорусы, получает стипендию чехословацкого правительства для учебы в Карловом университете. Осенью он перебирается в Прагу – предполагалось, только на годы учебы, но оказалось – навсегда.

Здесь, в Праге, в начале 20-х годов практически находилось руководство главной белорусской оппозиционной партии – эсеров. Оба выдающихся лидера партии Томаш Гриб и Палута Бадунова пытались из Праги осуществлять руководство борьбой – как против поляков, так и против большевиков. Но превратить Прагу в центр белорусской политической жизни не удалось. Связано это было, прежде всего, с тем, что движение белорусских независимцев стало жертвой уникальной, утонченной манипуляции со стороны коммунистического режима Советского Союза.

Гриб был одним из немногих, кто этой манипуляции не поддавался. По-видимому, он понимал, что все, кто пойдет на сотрудничество с большевиками, будет играть роль их марионеток. Гриб же был человеком необузданной энергии, одержимый идеей подлинной, а не суррогатной независимости для Беларуси. При этом он неоднократно своей бескомпромиссностью в вопросе независимости вынужден был противопоставлять себя большинству. Известна история, когда на заседании Центрального Бюро партии эсеров в пылу спора об отношении к коммунистам Гриб не выдержал и ударил одного из лидеров белорусских «сменовеховцев» Лявона Зайца.⁸

Томаш Гриб тяжело переживал, когда летом 1924 г. под нажимом большевиков состоялся так называемый последний съезд партии белорусских эсеров, на котором было принято

⁸ *Архівы БНР*, т. 1, кн. 2, с.1329

решение о самороспуске, а все члены партии, где бы они ни находились, призывались принять активное участие в социалистическом строительстве в БССР.⁹

Несмотря на выдающиеся интеллектуальные способности, повышенная эмоциональность Гриба не позволяла ему выдвинуться на первые роли в Пражской белорусской диаспоре. Его обостренная чувствительность в вопросе белорусской независимости не прибавила в Праге ему друзей. Известны его сложные отношения с Янкой Станкевичем, который в Праге издавал журнал «Белорусский студент». Именно вокруг Янки, а не Томаша, и объединилось большинство белорусских студентов в межвоенной Чехословакии. Среди примерно 350 белорусских студентов, которые в 1925 г. учились в Праге, в своей политической ориентации признавались лишь не более 80 человек. Немногим более 30 считали себя приверженцами белорусских эсеров, от 30 до 40 были сторонниками у Янки Станкевича и его партии «Белорусский Крестьянский Союз» и 14 открыто заявляли о своих коммунистических симпатиях. Основная же масса была аполитична.¹⁰

Столь значительное количество белорусских студентов в Чехословакии и в Праге позволило Томашу Грибу выступить с идеей создания в чешской столице Белорусского Учительского института, который бы готовил преподавателей для белорусских школ в Польше и Латвии. В качестве преподавательского состава предполагалось привлечь многих белорусских политических лидеров: Вацлава Ластовского, Антона Луцкевича, Радаслава Астровского и др. Это бы позволило превратить Прагу в реальный центр борьбы за независимость Беларуси. Однако и эта инициатива Томаша Гриба так и осталась только инициативой. Правительство Чехословакии на меморандум в этом вопросе ответило отказом, хотя в Праге и существовал прецедент в виде Украинского института.¹¹

⁹ Н. СТАШКЕВИЧ, *Приговор революции*, Минск 1985, с.290

¹⁰ Там же, с.1545

¹¹ Там же, с.1390

Томаш Гриб был убежденным социалистом. Свою концепцию независимости белорусской нации он всегда пытался основывать на классовом подходе. Порой читая работы Томаша Гриба, просто поражаешься, как ему удается находить выход из трудных ситуаций, примирять марксизм с демократией и идеями национального освобождения. Гриб всегда отстаивал коренное отличие своих социал-революционных (народнических) идей от коммунистического подхода к вопросу о праве наций на самоопределение. Вместе с тем определенная взаимосвязь тут проявляется вполне отчетливо.

Свое политическое кредо Томаш Гриб сформулировал в 150-страничном документе, датированном 1924 годом под названием «Наши задачи». Это весьма интересный документ, характеризующий эволюцию политических взглядов Томаша Гриба. В нем нет подчеркнуто выраженного упоминания о диктатуре какой-либо группы белорусского общества, характерного для большинства эсеровских документов периода гражданской войны.

Томаш Гриб резко выступает против основы основ коммунистического мировоззрения против диктатуры пролетариата. Он пишет, что в условиях Беларуси подобный лозунг превращается в призыв к диктатуре небелорусского меньшинства над громадным большинством народа.

И действительно, какой характер может иметь диктатура пролетариата в условиях Беларуси, когда тут практически отсутствовал собственно пролетариат. Число белорусов среди рабочих Беларуси, по подсчетам Михаила Бича, не превышало 12%. В пролетарской среде доминировали евреи (58%), 20% рабочих были русскими, а 10% принадлежали к польской национальности.¹²

Томаш Гриб был идеалистом, идеалистом-народником. Порой казалось, что время для него остановилось, и он навсегда остался духовно среди первых белорусских возрожденцев, многие из которых идеализировали белорусскую нацию.

¹² М. О. БИЧ, *Рабочее движение в Белоруссии в 1861-1904 гг.*, Минск 1983, с.30

«Все возрожденческое движение белорусского народа, – писал Томаш Гриб, – осуществляется под знаменем народничества. На этом знамени написано: каждый народ имеет право сам распоряжаться своей судьбой, передача всей земли крестьянству, нет шляхты, все равны, не забывайте родного языка, что б не умереть...».¹³ По Томашу Грибу, белорусские эсеры имеют весьма мало общего с эсерами российскими, которых он характеризует как приверженцев радикальной социальной революции. Основа же идеологии белорусских эсеров зиждется на полностью народнических идеалах, вытекающих из теории о бесклассовости белорусской нации.

Именно бесклассовость белорусского общества, его социальная однородность представлялась основой для достижения независимости Беларуси. Будучи одновременно убежденным интернационалистом (sic!!!), Томаш Гриб выдвигал идею о крестьянстве в качестве революционного авангарда, который способен подтолкнуть многочисленный пролетариат развитых капиталистических стран Запада к революционным выступлениям.¹⁴

Томаш Гриб считал, что независимое белорусское государство может строиться только на социалистических основах. Это было начало XX века, и казалось, что идеи капитализма себя окончательно скомпрометировали. Левая идеология почти тотально доминировала в интеллектуальной среде того времени. Отстаивать правые взгляды было чем-то совершенно неприемлемым, признаком дурного тона. Напомним, что даже сионистская идея, предусматривающая создание национального очага для еврейского народа, жиджилась на социалистических принципах. А отец сионизма Теодор Герцль был убежденным социалистом.

«Борясь за социально-политическое и национальное укрепление белорусского народа, – писал в работе «Наши задачи» Томаш Гриб, – за государственную независимость Белоруссии, мы ни на один момент не забываем о главных задачах всех наших усилий – свобода и равноправие всех лю-

¹³ Центральный Государственный Архив литературы и искусства Республики Беларусь (ЦГАМЛИРБ), ф.3, оп.1, с.36

¹⁴ ЦГАМЛИ, ф.3, оп.1, д.122, с.12–17

дей и народов. Мы боремся за всемирную федерацию национальных социалистических республик».¹⁵

В наследии Томаша Гриба подобная концепция – это скорее дань времени, попытка идти в ногу с мировым социалистическим движением. Ленин, как известно, написал в 1915 г. статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой обосновывал идею создания мировой социалистической республики.

Для Томаша Гриба же подобный подход означал, прежде всего, путь к белорусской независимости, обретение которой он связывал с помощью со стороны мирового социалистического движения. Кстати, в 1922 г. он озвучил эти идеи на совместном заседании в Берлине исполкомов Второго (социалистического) и Третьего (коммунистического) интернационалов.¹⁶ Но его призыв о помощи белорусам с целью обретения независимости прозвучал практически без эха.

Непримиримость и своеобразная экзальтированность Томаша Гриба в вопросах, связанных с белорусской независимостью, привели к тому, что в среде белорусской политической эмиграции он приобрел репутацию вечного оппозиционера, человека, не способного здраво оценивать события, политика-изгоя, идущего против общепризнанного благоприятного для белорусов течения, – репутацию несправедливую.

История, однако, убедительно опровергла эти популярные в 20-е и 30-е годы тенденции. Томаш Гриб оказался провидцем. Он был, пожалуй, единственным среди белорусских возрожденцев, кто по достоинству оценил белорусскую политику большевиков, кто, несмотря на огромные трудности (от него отвернулись даже его близкие друзья), развивал идею белорусской независимости вне коммунистической идеологии. «Российские коммунисты спекулируют идеями коммунизма, – писал он, – спекулируют социалистическим сознанием. В этой спекуляции они достигли виртуозности... Беларусь провозглашена Независимой Советской Республи-

¹⁵ Там же, д.121, с.47

¹⁶ Архивы БНР, т. 1, кн. 2, с.1316

кой. Они уже третий раз провозглашают эту независимость, но реальной независимости как не было, так и нет».¹⁷

Томаш Гриб зарекомендовал себя в качестве последовательного и стойкого противника всех форм диктатуры. Он – единственный из лидеров белорусских возрожденцев, кто всегда отстаивал идеалы народничества и социал-демократизма, пытался доказывать их коренное отличие от сталинской формы тоталитарного общества.

IDEA NEZÁVISLOSTI BĚLORUSKA V PRACÍCH TAMAŠE HRYBA

Prof. Nikolaj Iwanow, PhD. (Opolská univerzita, Opole)

Tamaš Hryb je unikátní postava ve spektru běloruského národního obrození. Je jediným představitelem levého křídla seskupení běloruských „nezávislých“, kterému se podařilo vyhnout nebo spíše vzepřít komunistice. Fakticky celý tábor běloruských „nezávislých“, a to také značná část jeho pravého křídla, přetrpěl „nemoci změny směru“ a přijal hojná ujištění sovětských vůdců o jejich oddanosti levým sociáldemokratickým ideálům za bernou minci.

V prostředí běloruské emigrace na sebe tato „nemoc“ vzala podobu opravdové epidemie. Téměř celá exilová, původně protisovětská vláda chápala proces „bělorusizace“ jako skutečnou politiku komunistické strany, mající za cíl skutečné obrození běloruského národa. Vláda rezignovala, předala svou plnou moc vládě BSSR a téměř v plném složení se odebrala do Minska, aby mohla pomoci v uskutečnění procesu „bělorusizace“. Vaclav Lastouski, Anton Luckevič, Jazep Ljosik, Radoslav Astrouski, Kanstancin Jezovitav, Branislav Taraškevič a jiní byli těmi významnými vůdci běloruského národa, kteří neodhadli skutečné záměry komunistů a odhodlali se ke spolupráci s nimi – ať už jen dočasně nebo natrvalo. Téměř všichni zaplatili za svou důvěřivost životem.

Tamaš Hryb zůstal přesvědčeným marxistou a revolucionářem národním a odmítl spolupráci s komunisty. Hned od počátku odhalil opravdovou tvář politiky „bělorusizace“ i jiných bolševických experimentů.

¹⁷ Там же, с.1022

Tento postoj způsobil, že v prostředí běloruské politické emigrace získal Hryb pověst věčného opozičníka a politika-vyhnance, který jde proti obecnému, Bělorusům příznivému směru.

Dějiny ovšem přesvědčivě vyvrátily tyto v 20. a 30. letech populární tendence. Tamaš Hryb se stal prorokem; byl mezi činiteli běloruského obrození snad jediný, kdo podal správné zhodnocení běloruské politiky bolševiků a kdo nehledě na obrovské těžkosti (dokonce se od něho odvrátili i nejbližší přátelé) rozvíjel ideu běloruské nezávislosti mimo rámec komunistické ideologie.

V příspěvku je předložen krátký přehled politického dědictví Tomáše Hryba a pojednány následující otázky:

- přínos Tamaše Hryba k teorii vývoje běloruského národa;
- vliv komunistické ideologie na procesy formování běloruského národa;
- tradice běloruské „změny směru“ a „bělorusizace“;
- stalinská kolektivizace a její vliv na procesy formování běloruského národa;
- industrializace v SSSR a její vliv na národní vědomí Bělorusů;
- idea běloruské nezávislosti za podmínek stalinské diktatury;
- sociáldemokratismus a komunismus. Jejich vliv na cesty rozvoje běloruské národní ideje;
- budování socialistické společnosti a Bělorusové.

Tamaš Hryb se ukázal jako důsledný a pevný odpůrce všech forem diktatury. Byl jediný z vůdců běloruského obrození, který vždy hájil ideály sociáldemokratismu a snažil se poukazovat na jejich zásadní rozdíl oproti stalinské formě totalitární společnosti.

PODMÍNKY VÝVOJE BĚLORUSKÉHO A ČESKÉHO NÁRODNÍHO HNUTÍ NA POČÁTKU 20. STOLETÍ

*Prof. Eugeniusz Mironowicz, PhD.
(Univerzita v Białystoku, Białystok)*

Češi a Bělorusové jsou malými evropskými národy žijícími ve stínu mnohem silnějších sousedů. Podle sčítání lidu carského Ruska z roku 1897 v běloruských guberniích, grodenské, vilenské, minské, vitebské a mohylevské, žilo 5,5 milionu Bělorusů,¹ kteří tvořili 63,5 % obyvatel země. Podle rakouského sčítání lidu z roku 1910 žilo v Čechách 6,5 milionu Čechů.² Počet českého obyvatelstva Čech a Moravy byl tedy téměř identický s počtem Bělorusů v Bělorusku. Společenská struktura obou národů ale byla zcela odlišná. Bělorusové byli téměř výlučně rolníky. Vesničané, kteří se věnovali zemědělské produkci, tvořili více než 90 % běloruské populace, měšťané sotva 6 % a 2 % byli šlechtici.³ Počet analfabetů dosahoval na přelomu 19. a 20. století 85 %.⁴ V případě Čech se zemědělstvím živilo v roce 1910 38,5 % všeho obyvatelstva a stejně tolik procent bylo zaměstnáno v průmyslu nebo se živilo řemeslem. Více než 11 % Čechů pracovalo ve veřejných službách a 13 % se živilo obchodem a dopravou. Počet analfabetů zde byl nejnižší v Evropě a nedosahoval ani 7 %.⁵

Dne 17. října roku 1905 byly carem Mikulášem II. zrušeny všechny restrikce, které bránily rozvoji národních jazyků v ruském impériu. Pro organizované politické struktury v Bělorusku se otvíraly větší možnosti propagovat vlastní ideje mezi lidem. Dne

¹ E. MIRONOWICZ, S. TOKĆ, R. RADZIK, *Zmiana struktury narodowościowej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku*, Białystok 2005, s. 11.

² H. WERESZYCKI, *Historia Austrii*, Wrocław 1986, s. 176.

³ E. MIRONOWICZ, S. TOKĆ, R. RADZIK, *Zmiana struktury narodowościowej*, s. 13.

⁴ Tamtéž, s. 14.

⁵ M. WALDENBERG, *Narody zależne i mniejszości narodowe w Europie Środkowo-Wschodniej. Dzieje Konfliktów i idei*, Warszawa 2000, s. 49-50, 60.

1. září 1906 vyšly první legální běloruské noviny *Naša Dolja* (*Náš osud*). Byly vydány v nákladu deset tisíc exemplářů, přičemž šest tisíc exemplářů bylo tištěno cyrilicí pro pravoslavné a čtyři tisíce latinkou pro katolíky. Během dvou dní bylo ve Vilně prodáno tři tisíce exemplářů, pět tisíc exemplářů bylo posláno do provincií a zbytek zkonfiskovala policie. Další čísla již byla zkonfiskována celá. Pouze dvě ze šesti čísel se dostaly k čtenářům.⁶ Předvídajíc konec novin založili bratři Ivan a Anton Luckevičové, Franuk Umjastovski, Kazimir Kastravicki a Alojza Paškevič nový legální běloruský týdeník *Naša Niva*, který se mnohem více soustředil na propagování kulturních hodnot a osvětových idejí (*praca organiczna*) než na pěstování protivládní propagandy. *Naša Niva* se stala centrem utváření společenských idejí, znamenala počátek autentické renesance intelektuálního života v Bělorusku a inspirovala činnost celé plejády spisovatelů běloruského obrození. Tento týdeník byl v letech 1906–1915 nejdůležitějším centrem běloruského národního života. V jeho redakci pracovali nejvýznamnější běloruští literáti, publicisté i politici. Jejich tvůrčí síla se dostávala do všech zákoutí Běloruska a dokonce i do prostředí běloruských emigrantů v Americe. Běloruské ideje se díky *Naší Nivě* dostaly i k rusifikované inteligenci, přestaly být elitární záležitostí a získávaly mnohem obecnější charakter. Když si uvědomíme, že průměrný náklad časopisu se ustálil na počtu čtyř tisíc exemplářů, pak můžeme říci, že jeden výtisk připadal na 1 200 Bělorusů. Ve srovnání s Čechy, kteří měli přístup k tisku v národním jazyce, to ale bylo několikanásobně méně.

Po roce 1910 začaly vznikat další běloruské časopisy, především satirické povahy (*Pjalun* a *Krapiva*), popřípadě adresované výlučně venkovskému prostředí, jako například časopis *Chatka*, který vydával Alexandr Vlasov. Jejich náklad nepřekračoval několik set exemplářů. Ideologickou konkurencí socializující se *Naší Nivě* se pokoušel být v roce 1913 založený katolický týdeník *Bėlarus*, který byl finančně podporován kněžnou Magdalenou Radziwillovou. *Bėlarus* znamená počátek budování základů běloruského konzervativního myšlení. Před první světovou válkou existovalo

⁶ J. TRACZUK, *Prasa białoruska w II Rzeczypospolitej (1918-1939)*. Bibliografia, in: *Studia polono-slawica-orientalia*. Acta literaria XIII, Warszawa 1992, s. 196.

několik titulů běloruského tisku, avšak při formování konkrétních názorů hrály významnou roli pouze dva z nich, *Naša Niva* a *Bėlarus*.

Ve srovnání s tím byl český tisk gigantem. Na konci 19. století existovalo 450 různých titulů časopisů a novin, v roce 1906, kdy se objevily první běloruské noviny, bylo v Čechách vydáváno již 750 titulů.⁷ V každém okresním městě existovaly místní noviny. „To všechno,“ píše znalec této problematiky Marek Waldenberg, „bylo příznivě nakloněno rozvoji národní kultury, oživení národního vědomí i propagandě národních aspirací.“⁸

Bělorusové i Češi byli na počátku 20. století zbaveni vlastního státu a měli za sebou zkušenost několikasetleté cizí vlády. Germanizace českých zemí trvala mnohem déle než rusifikace Běloruska. Započala ve 13. století v souvislosti s přílivem německých osadníků. Panování lucemburské dynastie tyto tendence ještě posílilo. V 17. století se stále více stávala správním a soudním jazykem němčina. V průběhu 18. století byl český jazyk zcela vypuzen ze správy. Germanizovalo se měšťanstvo i aristokracie.

V případě Běloruska stará běloruština, která převládala ve správě Velkoknížectví Litevského, byla po vzniku společného státu s Poláky v roce 1569 (*Rzeczpospolita*) v průběhu následujících dvou století vytěsňena polštinou, což vedlo k polonizaci šlechty, aristokracie i části měšťanstva. V polovině 19. století, několik desetiletí po zániku *Rzeczypospolité*, kdy bylo Bělorusko součástí Ruska, začal proces rusifikace země. Stalo se tak v době, kdy se Češi pokoušeli obrodit svůj vlastní jazyk i národní kulturu. Společným znakem obou národů bylo, že národní jazyky ve druhé polovině 19. století užívali především rolníci a chudší vrstvy měšťanstva.

Česká otázka byla nejdůležitějším národnostním problémem v Rakousku, a to nikoli pouze proto, že Češi byli po Němcích největším národním společenstvím. České národní aspirace byly Němci traktovány jako reálné ohrožení jejich politických a hospodářských zájmů.⁹ V mnoha průmyslových oblastech měl podíl českých zemích v rámci celé produkce rakouského státu dominantní

⁷ M. WALDENBERG, *Narody zalezne i mniejszości narodowe*, s. 60.

⁸ Tamtéž, s. 60.

⁹ Tamtéž, s. 55-56.

postavení. Z Čech pocházelo v roce 1910 kolem 85 % produkce černého a hnědého uhlí a kolem 75 % chemických a hutních průmyslových výrobků. Téměř 95 % produkce rakouského cukru bylo vyráběno v Čechách.¹⁰ S ekonomickým rozvojem českých zemí se pojila i kumulace kapitálu v rukou českých podnikatelů. Mezi léty 1900-1913 počet českých bank stoupl ze čtyř na třináct a jejich kapitál v této době vzrostl šestinásobně a byl vyšší než kapitál německých bank na území Čech. Češi profitovali z velkého ekonomického prostoru, jaký představovala rozlehlá habsburská monarchie, protože investovali ve všech zemích, které do ní příslušely.

Naopak v Rusku do první světové války žádný běloruský problém neexistoval. Bělorusové byli považováni za část ruského národa. Politickou elitu v Bělorusku tvořili Rusové, společenskou a ekonomickou elitu Poláci. Bělorusko bylo prostředím polsko-ruského soupeření a Bělorusové jeho předmětem. Běloruské národní hnutí nepodporoval žádný domácí kapitál, protože nic takového neexistovalo. Bělorusko bylo jednou z nejhudších provincií carského Ruska, v níž neexistoval žádný průmysl a hospodářská struktura se zde nacházela na vývojově velmi nízké úrovni. V letech 1908-1913 došlo k velkému oživení nezemědělské hospodářské produkce, jež se týkala zpracování hlavních místních surovin, dřeva a lnu.¹¹ V této době rovněž vzrostl počet obyvatel měst, přičemž většinu nových měšťanů tvořili Bělorusové. V běloruských městech však nadále početně převažovali Židé, kteří představovali více než polovinu, někdy až 90 % měšťanů. Druhou nejsilnější skupinu tvořili Poláci a po nich Rusové. Z tohoto důvodu se města nemohla stát centry běloruského národního hnutí.

České národní hnutí mělo na počátku 20. století za sebou nejméně stoletou tradici hledání cest národní existence. Přinejmenším od poloviny 19. století se čeští národní aktivisté, František Palacký, František Ladislav Rieger a Karel Havlíček, vyslovovali pro habsburskou, federativně uspořádanou monarchii a usilovali o to, aby se čeština dostala mezi státní jazyky.¹² Palacký, ačkoliv uznával přirozené právo každého národa na svobodnou existenci,

¹⁰ Tamtéž, s. 61.

¹¹ Z. SZYBIEKA, *Narys historii Bielarusi 1795-2002*, Minsk 2003, s. 154-155.

¹² M. DUCREUX, *Czechy i Węgry w monarchii habsburskiej XVIII-XIX wieku*, in: *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, t. 1, red. J. Kłoczowski, Lublin 2000, s. 400.

byl rozhodným stoupencem zachování Čech v rámci habsburské monarchie, tzn. ve státě, jenž byl dle jeho názoru nejlépe předurčen k ochraně malých národů.¹³ České elity se obávaly, že by Čechy mohly být v případě rozpadu habsburské monarchie ovládnuty Němci. Německé etnikum v zemích Svatováclavské koruny – v Čechách, na Moravě a ve Slezsku – tvořilo asi 30-40 % veškerého obyvatelstva. Nebezpečí německé převahy bylo více než reálné. Stejně jako mnohem vlivnější Němci mohli i čeští politici ve druhé polovině 19. století působit v legálních stranách, reprezentovat národ na říšské radě, v zemské vládě i na českém sněmu. Měli velké možnosti podílet se na osudech národa parlamentní cestou. Po uzavření rakousko-uherského vyrovnání v roce 1867 čeští poslanci dokonce mohli demonstrativně opustit říšskou radu na znamení protestu proti neuzavření stejné dohody s Čechy.¹⁴ Český národ na konci 19. století reagoval na výzvy politických lídrů, účastnil se demonstrací, politických shromáždění či spektakulárních akcí, jako byla sbírka na Národní divadlo. Českou národní politickou elitu reprezentovala inteligence plebejského původu, což usnadňovalo šíření národních idejí do širších společenských vrstev.

V Rusku do roku 1906 parlament vůbec neexistoval a politické strany zde nehrály žádnou roli. Organizace, které v Bělorusku působily, mohly provozovat svoji činnost pouze konspirativním způsobem. Na konci 19. století byla budoucnost národa nejčastěji spatřována v běloruském státě, jenž by byl součástí demokratického a federativního Ruska. Mezi běloruskými elitami byla víra v možnost vzniku demokratického Ruska, jež by tolerovalo běloruskou národní svébytnost, neobyčejně silně zakořeněna.

Běloruská literatura byla ještě v polovině 19. století psána převážně katolickou šlechtou. Tento směr navazoval na polskou tradici zápasu s Ruskem, idealizoval starou Rzeczpospolitą a propagoval společenství politických zájmů Polska a Běloruska jako ruských provincií.¹⁵

Druhým ideovým zdrojem, populárním především mezi pravoslavnou inteligencí, byl *západorismus*. Tato idea byla velmi blízká carské doktríně ruského národa, podle níž ho tvořily Velko-

¹³ H. WERESZYCKI, *Pod berłem Habsburgów*, Kraków 1975, s. 115.

¹⁴ M. DUCREUX, *Czechy i Węgry w monarchii habsburskiej*, s. 412.

¹⁵ J. TURONEK, *Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi*, Warszawa 1992, s. 21.

rusové (Rusové), Malorusové (Ukrajinci) a Západorusové (Bělorusové). Hlavní ideolog tohoto hnutí – Michail Kojalovič – usiloval o provedení radikální rolnické reformy, jež měla vést k rozdělení velkých vlastnictví půdy a k jejímu předání rolníkům. Kojalovičův program nebyl ovlivněn jeho společenským radikalismem, nýbrž byl důsledkem uvažování Západorusů ohledně národnostních otázek.¹⁶ Západorusové totiž vycházeli z představy, že se velké majetkové pozemky v Bělorusku nacházejí především v rukou Poláků, které považovali za cizince, nepříznivě nakloněné vůči Bělorusům. Poláky byli podle soudu Západorusů všichni katolíci žijící v Bělorusku. Západorusové totiž nepřipouštěli, že by mohla existovat taková národní kategorie jako Bělorusové katolického vyznání. Katolíky považovali za zrádce, kteří přijali katolicismus, sami se odřekli vlastní národnosti a stali se Poláky. Hnutí *Západorusů*, které vystupovalo jménem více než 70 % pravoslavných obyvatel Běloruska, měla zásadní vliv na proces utváření běloruské národní ideologie na konci 19. století, jejímž základem bylo trvalé spojení s Ruskem. Odlišnost Běloruska měla být zachována pouze na základě ochrany etnografických elementů.

Na počátku 20. století byly struktury českého politického hnutí už vytvořeny, existovala zde silná rolnická strana Antonína Švehly, mladočeská (národní) strana Karla Kramáře a socialistická strana Václava Klofáče. Ani jedna z těchto stran, jež měly vlastní vizi budoucnosti českého národa, neměla v programu definitivní odtržení od habsburské monarchie. Všechny se totiž obávaly, že by se v případě rozpadu habsburské monarchie Čechy mohly stát německým protektorátem. Karel Kramář přinejmenším do rozpoutání první světové války věřil v možnost přestavby monarchie a v posílení role slovanských prvků v jejím rámci. Rakousko-slovanský stát podle Kramáře poskytoval možnosti uskutečňovat české národní aspirace. Teprve těsně před válkou ale změnil svůj vztah k Rakousku a uvažoval o možnosti vzniku slovanského císařství pod vedením Ruska, vytvořeného na federativních zásadách, v němž by jedním ze států byly Čechy.¹⁷ Tak či onak uvažoval o možnosti uchýlit se pod ochranu jiné mocnosti.

¹⁶ A. ĆWIKIEWICZ, *Zapadno-rusizm. Narysy z historyi hramadzkej myśli na Bielarusi u XIX i paczatu XX w.*, Minsk 1993, s. 166-169.

¹⁷ P. WANDYCZ, *Wiek XX*, in: *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, t. 1, s. 433.

Vize Čech jako části federativního státu, především v rámci habsburské monarchie, měla dlouhou tradici. Obdobná myšlenková schémata jsou patrná i mezi běloruskými elitami. Polonizovaná šlechta uvažovala do 60. let 19. století o vytvoření federativní Rzeczypospolité a o společném státu s Poláky. Teprve v 80. letech 19. století Bělorusové bydlící v Petrohradu přišli s radikální změnou koncepce vývoje budoucí národní existence. Vytvořili zde několik skupin, které měly především socialistický a revoluční charakter. V roce 1884 v časopisu *Homan* vyhlásili svůj politický a národní program. Budoucnost Běloruska spatřovali v demokratickém Rusku, jež se mělo stát mnohonárodnostní federací. Bělorusové tvořící jeden z prvků tohoto svazku národů měli mít vlastní ústavodárné orgány v podobě zemského sněmu, zemské správy a osvěty v národním jazyce. Jako hlavní město autonomního Běloruska bylo vybráno Vilno, město bližší Petrohradu, jež bylo největším centrem běloruského hnutí. Postulát autonomie pro Bělorusko v rámci ruského státu byl rozhodným způsobem odmítnut ruskými socialisty, kteří tento úmysl považovali za pokus uměle vytvořit nový, běloruský národ. V ruských politických kruzích, vládnoucích i opozičních, totiž nebyl pojem běloruského národa uznáván.

První běloruská strana vznikla v roce 1902 z iniciativy Václava Ivanovského a vycházela ze šlechtického prostředí. Byla to Běloruská revoluční strana. Z proklamace této strany, adresované inteligenci a vydané polsky na podzim roku 1902, je zřejmé, že strana nechtěla mít nic společného s revolučními aktivitami. Jejím základem byla *praca organiczna*, práce mezi běloruským lidem. Výraz „revoluční“ v jejím názvu spíše odrážel módu panující v tehdejších studentských kruzích a v prostředí inteligence. Strana nemínala provést žádný převrat. Za nejdůležitější úkol považovala osvětovou činnost v rodném jazyce a obecné rozšíření povědomí o minulosti vlastního národa. Základním cílem tedy bylo vytvoření národa.

V roce 1903 noví vůdci, reprezentující především inteligenci, změnilí název strany na Běloruskou revoluční hromadu. První sjezd strany, který se konal ve Vilnu v prosinci 1903, přijal program, v němž na první místě stál postulát rozdělení země, jež byla v rukou velkostatkářů, rolníkům. Strana příznačně prosazovala svobodu pro všechny národy Ruska, mezi nimi rovněž pro Bělorusy, ačkoli podoba této svobody nebyla nijak definována. Požadavek

běloruské autonomie se objevil teprve v roce 1905. Ačkoli stranu tvořili především lidé pocházející z katolického prostředí, její program v otázce národa a státu přejímal část idejí *západorusismu*. Autonomie měla být v budoucnosti vytvořena v rámci federativního Ruska. Na počátku 20. století tak v běloruském hnutí začala hrát rozhodující úlohu proruská orientace.

Do první světové války ani Češi, ani Bělorusové neprojevili separatistické tendence. Před válkou byl požadavek nezávislosti Čech hlásán pouze vůdcem nevelké Pokrokové strany, intelektuálem T. G. Masarykem. Masaryk sám sebe definoval jako realistu a nevěřil, že budoucnost národa je možné formovat v podmínkách mocenské převahy národa jiného. Masaryk zdůrazňoval nepřetržitost existence českého státu v podobě právního statusu českého království. Podle Masaryka český národ vytvořil trvalé univerzální a humanistické hodnoty, obsažené v husitství. Němci a Habsburkové se je pokoušeli zničit. V bojích na obranu těchto hodnot, především jazyka a víry, se utvářela samostatnost Čechů. Masaryk tvrdil, že smysl dějin českého národa spočívá v úsilí o vytvoření demokratického a na morálních hodnotách založeného politického uspořádání. Jako první rovněž přišel s myšlenkou vytvořit společný stát se Slováky jako s kulturně a jazykově blízkým slovanským národem.¹⁸ Před první světovou válkou ale většina politiků považovala vymanění Slováků z uherské nadvlády za velmi málo reálné.

Mezi běloruskými politiky neexistoval vizionář Masarykova formátu a s autoritou, jíž se Masaryk těšil. V tehdejší běloruské situaci ale takový vůdce ani existovat nemohl. Nejpalcivějším problémem v Bělorusku nebyla národnostní otázka, nýbrž otázka agrární. Polovina půdy v Bělorusku patřila polské nebo ruské aristokracii. Vůdci Běloruské revoluční hromady viděli jedinou tvůrčí sílu, která mohla změnit situaci v Bělorusku a realizovat národní ideje, v rolnickém prostředí. Z tohoto důvodu stavěli na první místo svého programu vymanění vsi z analfabetismu a řešení otázky vlastnictví půdy. Tím se lišili od polských a ruských socialistů, kteří byli v Bělorusku velmi aktivní. Polští socialisté, vědomi si toho, že značná část půdy patří v Bělorusku Polákům, tento

¹⁸ Tamtéž, s. 434; J. TOMASZEWSKI, *Historia państw świata XX wieku. Czechosłowacja*, Warszawa 1997, s. 14-15.

problém nezdůrazňovali. Rozdělení půdy mezi rolníky navrhovali řešit až za příznivějších politických okolností. Ruští socialisté se stejně jako v případě celého Ruska stavěli za předání půdy rolnickým družstvům, kdežto aktivisté Běloruské revoluční hromady byli stoupenci předání půdy do užívání jednotlivým rolníkům, a to především proto, aby se zlepšilo jejich materiální postavení.

První volby do ruského parlamentu v roce 1907 byly měřítkem vlivu a popularity různých skupin činných v Bělorusku. Porážku utrpěly všechny socialistické strany. Vítězství naopak získala proruská uskupení, jež byla pod vlivem církve nebo se odvolávala na myšlenky *západorusismu*. Tato uskupení získala více než 80 % mandátů. Porážka ve volbách vedla k zastavení činnosti Běloruské revoluční hromady vedené inteligencí. Rolníci, mezi nimiž hledali podporu i běloruští socialisté, většinou hlasovali pro západoruská uskupení. Běloruskou revoluční hromadu tvořili především lidé pocházející ze šlechtických center, popřípadě z úřednického prostředí, kterým se nepodařilo proniknout do myšlení venkovské společnosti, jež byla pod vlivem pravoslavné církve a státní propagandy.

V letech 1906-1914 byly v soukromých běloruských vydavatelstvích v Petrohradě a ve Vilně vydány první učebnice běloruštiny. V roce 1907 vznikly první soukromé školy, v nichž se vyučovalo bělorusky. Na podzim roku 1907 se uskutečnil sjezd učitelů těchto škol, na němž byl založeno ilegální Sdružení učitelů běloruštiny.

V Petrohradě, Vilně a Minsku vznikla celá řada nových organizací – literárních, kulturních, osvětových či vydavatelských. V letech 1907-1912 redakce *Naší Nivy* vydala jedenatřicet knížek v běloruštině. Několik desítek knižních titulů vydala i tři jiná běloruská nakladatelství. Vedle krásné literatury, historických spisů a učebnic začala být připravována k vydání i náboženská literatura a překlad Písma svatého v běloruštině.¹⁹

Ve srovnání s Čechami, kde bylo každý rok vydáno několik set knižních titulů, představovalo vydávání jen několika desítek titulů v běloruštině civilizační rozdíl, jenž odděloval na počátku 20. století oba národy a jednoznačně určoval možnosti vývoje jejich národních hnutí.

¹⁹ E. MIRONOWICZ, *Historia państw świata XX wieku. Białoruś*, Warszawa 1999, s. 20.

Od roku 1897 byla v Čechách a na Moravě čeština společně s němčinou druhým úředním jazykem. Úředníci museli znát oba jazyky, což vyvolávalo odpor Němců. Expanze Čechů do prostředí, dříve ovládaného Němci, vedla k pozvolné změně národnostní skladby ve prospěch Čechů. Němci vystoupili s požadavkem administrativního rozdělení zemí Svatováclavské koruny na české a německé oblasti se svébytným pojmáním národnostních a jazykových otázek. Česko-německý spor se týkal všech sfér veřejného života – politiky, hospodářství, kultury i osvěty.

V případě Běloruska konkuroval ruskému jazyku na úřadech v první polovině 19. století pouze jazyk polský. Na konci tohoto století se ruština stala jediným obecně administrativním, soudním a pro všeobecné školství platným jazykem. Reálným ohrožením procesu rusifikace mohlo být pouze to, kdyby se jazyk rolníků stal jazykem literárním a jazykem vyučování. Z tohoto důvodu aktivity nepřilíš početné běloruské inteligence iritovaly ruská politická uskupení a úřední místa. Ruské noviny vydávané v Minsku a ve Vilně neustále vedly systematickou propagandistickou válku s *Naší Nivou*. Ruské noviny v Bělorusku nezpochybňovaly existenci běloruské národnosti, avšak své čtenáře přesvědčovaly, že literárním a kulturním jazykem Bělorusů má být jazyk Gogola a Puškina. Tištění knížek a časopisů v běloruském jazyce označovaly za polsko-katolické intriky a za kladení překážek ruské kultuře.

Běloruské národní aspirace byly nepřátelsky vnímány rovněž většinou polských center. Polské noviny mnohokrát tvrdily, že se vydávání *Naší Nivy* a knížek v běloruštině děje za peníze ruské vlády a že konečným cílem této snahy je odstranění běloruských mas od polské kultury.²⁰ Běloruský jazyk byl v polském vilenském tisku velmi často označován za „neotesané nářečí“. Polští publicisté a intelektuálové, kteří byli povětšinou katolíky, Bělorusy zahrnovali do polského národa a běloruské aktivisty katolického vyznání označovali za odrodilce. Obecně se přitom obávaly, že rozvoj běloruského hnutí – se zřetelem k stále silnějšímu požadavku rozdělení zemědělské půdy – může ohrozit polské pozemkové vlastnictví v Bělorusku.

Spojenci běloruské inteligence rovněž nebyli rolníci, jejichž jménem inteligence formulovala své postuláty. Analfabetismus způsobil, že se tištěné slovo dostávalo na venkov jen s velkými obtížemi. Názory rolníků nadále formovaly především církev – pravoslavná ruská a katolická polská. Žádný z náboženských proudů se neodvolával na běloruské národní hodnoty. V důsledku slabosti ekonomicky privilegovaných běloruských vrstev – měšťanstva, zemanstva či intelektuálních elit – se běloruské hnutí opíralo pouze o entusiasmus nepřilíš početné inteligence. Plebejský charakter běloruské společnosti vedl k tomu, že pro inteligenci bylo velmi obtíženo odpoutat většinu národa od sociálních problémů a od boje o holé přežití. Pro běloruský lid zůstávaly národní a kulturní otázky nadále excentrickými požadavky inteligence.

Na počátku 20. století byla reálná situace českého a běloruského národního hnutí zcela odlišná. Osudy českého a běloruského národa si v mnohém byly velmi podobné. Přestože reprezentanti obou národů byli ve svém snažení vedeni jiným typem národního vědomí a jinými motivacemi, vůdčí elity v obou zemích reagovaly na danou situaci obdobným způsobem: usilovaly o nalezení pevného místa vlastní země pod ochranou pro ně přijatelné multikulturní a demokratické mocnosti.

Условия развития белорусского и чешского национальных движений в начале XX столетия

профессор Евгений Миронович

(Белостоцкий Университет, Белосток)

Белорусы и чехи – это малые народы Европы, которые жили в тени гораздо более могущественных соседей. На переломе XIX и XX вв. в белорусских губерниях Российской империи проживало 5,5 миллиона белорусов, что составляло 63,5% всего населения страны. В это же время на территории Чехии и Моравии проживало 6,5 миллионов чехов. Их доля в общем количестве населения была примерно такой же, как и у белорусов в Беларуси. Тем не менее гражданская структура обоих народов значительно различалась: среди белорусов преобладали жители сельской местности (более 90% нации). Они жили за счет результатов своего труда в сельском хозяйстве. Доля неграмотных в общей численности населения составляла 85%. У чехов же доля насе-

²⁰ W. CZECZOT, *Okolo kwestii białoruskiej*, Litwa i Ruś 1913

ления, жившего за счет своего труда в сельском хозяйстве, составляла лишь 38,5% нации в начале XX в. Почти все оставшееся население работало в промышленности или занималось ремеслом. Более 11% чехов работало в административных органах либо занималось свободными профессиями. Доля неграмотных среди чешского населения была одной из самых низких в Европе и составляла менее 7%.

В сентябре 1906 г. начала издаваться первая легальная белорусская газета «Наша нива». Большая часть номеров этой газеты была конфискована полицией. До начала Первой мировой войны увидели свет еще несколько изданий белорусской прессы, но самой влиятельной среди них оставалась «Наша нива», издававшаяся тиражом 4 000 экземпляров. При пересчете на общее количество населения одна газета приходилась на 1 200 человек.

На таком фоне белорусских изданий чешская пресса казалась гигантом. Когда только начала издаваться первая белорусская газета чешская пресса насчитывала уже 750 наименований. В каждом местечке издавалась своя газета.

Белорусы и чехи в начале XX в. были лишены своего государства и пережили сотни лет чужого господства. Германизация чехов продолжалась намного дольше, чем русификация белорусов. Общей чертой, однако, являлось то, что родным языком пользовались преимущественно крестьяне и жители малых городов.

Чешская проблема являлась одной из самых важных национальных проблем в Австрии. Проблемы же белорусов до Первой мировой войны фактически не существовало.

Доля чешских земель в общем производстве австрийской империи была доминирующей во многих отраслях промышленности. В Чехии в 1910 г. было произведено примерно 85% угля, 75% продуктов химической и металлургической промышленности, почти 95% австрийского сахара. На экономическое развитие страны оказывало благоприятное воздействие аккумуляция капитала в руках чешских предпринимателей.

Беларусь, не имевшая своей промышленности и экономической инфраструктуры, являлась одной из самых бедных провинций Российской империи. Политическую элиту в Беларуси представляли русские, а общественную и экономическую – поляки. Белорусское национальное движение не поддерживал отечественный белорусский капитал, поскольку его не существовало.

Чешское национальное движение в начале XX в. уже располагало столетней традицией поисков путей национального бытия. Чешские деятели высказывались за федеративную монархию Габсбургов и требовали получения статуса государственного для чешского языка. В конце XIX в. чешский народ откликнулся на призывы своих политических лидеров и принимал участие в демонстрациях, политических съездах или таких мероприятиях, как сбор пожертвований на Национальный театр.

Белорусские деятели в начале XIX – конце XX вв. представляли будущее своей страны в составе демократичной России, которая должна была стать, по их расчетам, федерацией разных народов. Ранее рассматривались проекты общего государства с поляками.

Первая демократическая партия (Белорусская революционная Громада) возникла в 1902 г. Своей главной целью деятели Громады считали формирование нации. Наиболее подходящим путем для достижения такой цели должно было стать, по их мнению, создание образовательной системы на родном языке и расширение познаний о прошлом своей земли и народа. Требование политической автономии появилось в программе партии в 1905 г.

До Первой мировой войны ни чехи, ни белорусы не выдвигали требований по отделению от империй, в состав которых они входили.

Для белорусов основной проблемой этого периода была не национальная, а аграрная проблема. Половина всех земель находилась в руках польской и российской аристократии. В связи с этим белорусские деятели выдвигали в качестве приоритета решение проблем земли и неграмотности в целях улучшения жизненных условий основной части населения, т.е. крестьянства.

До начала Первой мировой войны каждый год издавалось лишь несколько книжек на белорусском языке, в то время как в Чехии каждый год выходило более чем полусотни подобных изданий.

Начиная с 1897 г. чешский язык, наряду с немецким, являлся языком административных органов, и чиновники должны были владеть обоими языками. В случае Беларуси конкуренцию для русского в первой половине XIX в. составлял польский язык. В конце XIX в. русский язык стал единственным государственным языком административных органов и официальной системы образования.

Главными факторами формирования общественной мысли в Беларуси были русская по своему культурному содержанию православная церковь и польский католический костел. Ни одна из религий не способствовала укреплению белорусских национальных ценностей.

В начале XX в. реалии развития белорусского и чешского национальных движений не были схожими. Проявлялась, тем не менее, определенная схожесть исторических судеб чехов и белорусов. Подобными были и действия политических элит в поисках путей позиционирования своей страны в мультикультурной, мультинациональной, федеративной и демократической могущественной державе. Для белорусов таким государством должна была быть Россия, для чехов – Австро-Венгрия.

Белорусский национал-коммунизм

доктор исторических наук, профессор

Захар Шибeko

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Национал-коммунизм стал итогом симбиоза национальных и социальных устремлений людей индустриальной эпохи и был характерен преимущественно для Восточной Европы. Особое место он занимает в истории Беларуси. До сих пор, правда, этот феномен специально не изучался. Возможно, потому, что коммунизм настолько глубоко внедрен в жизнь и сознание белорусов, что они пока не в состоянии посмотреть на него со стороны и сделать выводы о совместимости его с белорусскими национальными интересами. Однако материалы накапливаются. Много сделал для их выявления известный историк, архивист и литератор Виталий Сколобан.¹

Настало время переходить хотя бы к некоторым осмыслениям. Попробуем сделать некоторые замечания и обобщения на основе преимущественно того опыта, который получен автором при написании новой и новейшей истории Беларуси.² Понятно, что эти первоначальные рассуждения будут иметь гипотетический характер.

В ходе изучения проблемы выявилось несколько важных обстоятельств. Первое. В советской историографии принято считать, что коммунизм представляет собой интернациональное учение. На самом деле это не так. Коммунизм возник в первой половине XIX в. и представлял собой реакцию низов на распространение национализма элитами общества

¹ В. СКОЛОБАН, *Издательская деятельность Белорусского национального комиссариата (1918-1920)*, in: История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии, Минск 1986; В. СКАЛАБАН, *Документальная спадчына Усебеларускага з'езда 1917 г.: праблема збору, захавання і выдання*, in: Архівы і справаводства, № 1, 2000; В. СКАЛАБАН, *Беларусь і Украіна: разам на незалежансцi*, in: Спадчына, № 1, 1998,

² З. ШЫБЕКА, *Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002*, Мінск 2003

сверху. Коммунизм можно назвать плебейским или социальным национализмом, возникшем в Европе как противовес национализму аристократическому (элитному) или культурно-духовному. Требование прежде всего хлеба, а уже потом – просвещения. Социальные идеалы в сравнении с национальными были первичными. Не случайно коммунизм легко превращался в ведущую идеологию плебейских (крестьянских) наций с узкой буржуазной прослойкой. Каждая аграрная нация стремилась использовать коммунизм в собственных целях. Так, русских привлекал пролетарский интернационализм, позволявший использовать трудовые ресурсы разных народов для сохранения империи, белорусов – принципы социальной справедливости, евреев – дух мессианства и т.д. Любая теория, если она приобретает широкое распространение в той или иной стране, становится национальной.

Второе обстоятельство. Русский национализм в значительной мере проявлялся в форме большевизма и был характерен только для русского национализма. Это – исключительно русское явление. Белорусы в условиях господства большевистской идеологии в советской империи, становясь большевиками, теряли свою национальную идентичность. Поэтому термин «большевизм» во всех его вариантах не приемлем для характеристики белорусского национализма. В отношении Беларуси можно говорить только о белорусском национал-коммунизме. Отличительной чертой белорусских национал-коммунистов было их понимание несоответствия национальных интересов Беларуси с национальными интересами России или же других стран.

Обстоятельство третье. Европейская модель национализма предусматривала компромисс между национализмом плебейским и аристократическим, что придавало ей гармонию и устойчивость. В Беларуси же сложилась иная, своеобразная ситуация. Исторические обстоятельства сталкивали белорусов в период их самоутверждения (XIX в.) на путь плебейского, крестьянского или социального национализма. Для аристократического не было оснований, так как сформировавшиеся национальные элиты отсутствовали. Они колонизировались, позже русифицировались (в том числе и по своей воле), а то

и просто периодически истреблялись: во время антицарских восстаний 1830-1831 и 1863 гг., революции 1905 г. Поэтому проект аристократического национализма хотя и был – его предлагал знаменитый поэт Адам Мицкевич (1798-1855), – но этим проектом, из-за отсутствия национально ориентированных верхов белорусского общества, воспользовались поляки. В начале XX в. аристократический национализм находился в зародыше. Он презентовался отдельными аграриями (Магдалина Радзивил, Роман Скимунт, Эдвард Вайнилович, Александр Ельский). Национализм местных элит мог быть усилен белорусской буржуазией, но и ее в достаточном количестве не существовало. Поэтому белорусы в основной своей массе были лишены аристократического национализма. Они приняли, согласно версии известного белорусского философа Валентина Акудовича, крестьянский проект, предложенный известным поэтом Францишком Богушевичем (1840-1900).³

Четвертое обстоятельство. Плебейский, крестьянский или социальный национализм белорусов идейно сформировался в 1862-1917 гг., в период политической переориентации с Польши на Россию, когда российское общество находилось под сильным влиянием идей коммунизма. Кстати, все политические объединения леворадикального толка придерживались тогда в царской России прокоммунистической ориентации. Западнорусизм, а потом русский большевизм противопоставлялся польским политикам с их претензиями на белорусские земли. Чехи, кстати, также, по словам Милана Кундеры, не избежали в XIX в. увлечения российской идеологией (панславизмом), который рассматривался в качестве противоядия немецкой агрессивности.⁴ Но все это осталось на уровне проектов. Для Беларуси же, включенной в состав царской России, увлечение коммунизмом таило в себе опасность духовного порабощения русским национализмом.

Пятое обстоятельство связано с генезисом и трансформацией белорусского национал-коммунизма. Так, истоки соци-

ального национализма белорусов идут, пожалуй, от одного из руководителей восстания 1863 г. и первого национально-героя Кастуся Калиновского, демонстрировавшего временами свою непримиримость к помещикам. И уже со всей очевидностью влияние коммунистической идеологии на белорусский национализм проявилось в документах белорусской народнической организации «Гоман» (1884), а потом и в деятельности первой национальной политической партии Белорусская Социалистическая Грамада (1904-1918), активно призывавшей в революционном 1905 году белорусское крестьянство к аграрному террору.⁵ За годы советской власти белорусская элита, естественно, не смогла создать национализма европейского образца, иначе говоря, создать духовно-культурный национализм и уравновесить его социальным, как это было в Европе. После установления власти большевиков белорусский национализм и начал официально проявлять себя как раз в форме национал-коммунизма, который, как уже сказано, можно рассматривать в качестве разновидности плебейского или социального национализма. Однако и он, не имея широкой национально-духовной опоры, а также под давлением с востока, вырождался и трансформировался в русский национал-большевизм. Вырождение сопровождалось целенаправленным истреблением большевиками белорусской культуры. В связи с этим на протяжении большевистского господства белорусская элита проделала путь от коллаборации до манкурства, от компромисса до измены интересам собственного народа.

В этом процессе, на взгляд автора, можно выделить семь этапов.

Этап первый. В 1917-1920 гг. среди народов бывшей Российской империи наблюдалась широкая демонстрация национализма. Вот тогда формой русского агрессивного национализма и стал большевизм. Как свидетельствуют дневники русского литератора Дмитрия Мережковского, ленинские

³ В. АКУДОВІЧ, *Разбурыць Парыж*, Мінск 2004, с.159

⁴ М. КУНДЭРА, *Трагедыя Цэнтральнай Эўропы*, in: *Фрагменты*, № 1, 1996, с.9.

⁵ Z. SZYBIEKA, *Właściciele ziemscy i chłopci Białorusi. Niezrealizowana myśl konsolidacji narodu w latach 1790-1918*, in: *Przegląd Wschodni*, t. VIII, z.3 (31), s.665-666

идеи получали поддержку даже в кругах русских эмигрантов.⁶ Этим, кстати, объясняется живучесть большевистской власти, так как борьба против нее в годы заграничной интервенции так и не приобрела решительного и консолидированного характера. Большевистский национализм, в отличие от белогвардейского, выявлял большую гибкость. В отношениях с интервентами Владимир Ленин не гнушался торговаться, уступая и немцам, и полякам белорусские и украинские земли. Это, собственно, и позволило ему сохранить бывшую Российскую империю от полного распада. Большевистского вождя можно считать великим националистом России.

Белорусский плебейский национализм в условиях российской «смуты» приобретал черты национал-коммунизма. Организационно он оформился в советской России на основе белорусского беженства. А позже, в январе 1920 г., утвердился и на территории Беларуси, захваченной поляками, в рядах антипольского подполья. Однако национал-коммунизм считался русскими большевиками проявлением оппортунизма, ревизионизма. Поэтому и коммунистические секции РКП(б) – Российской коммунистической партии (большевиков) в России, и подпольная БКО – Белорусская коммунистическая организация во главе со Всеволодом Игнатовским в подчиненной Польше Беларуси стали эпизодическими явлениями. Белорусский национал-коммунизм не успел укрепиться. В жесткой схватке с русским национализмом (большевизмом), а также с националистами других соседних народов белорусы все же добились провозглашения собственных государств: БНР – Белорусской Народной Республики (25 марта 1918 г. под покровительством немцев) и БССР – Белорусской Советской Социалистической Республики – (1 января 1919 г. под покровительством русских большевиков). Создав БССР, белорусские национал-коммунисты смогли реально осуществить часть своих идеалов. Но уже в первом советском правительстве БССР во главе с легендарным национал-коммунистом Дмитрием Жилуновичем (он же поэт Тишка Гартны) работа

⁶ В. СКОЛОБАН, «И круг вбивается в круг...» Зинаида Гуппиус и Дмитрий Мережковский в Минске, in: Неман, № 10, 1997, с.95-108

не спорилась, так как ее фактически блокировали российские большевики во главе с Александром Мясниковым.⁷

Национальных сил среди коммунистов не хватало не только в правительстве, но и во всем белорусском крае. Белорусская интеллигенция оставалась малочисленной. Многие устранялись от сотрудничества с большевиками, хотя и находились под сильным влиянием коммунистической доктрины. Показательно, что обе белорусские державы декларировались как социалистические. В ходе борьбы большевиков за укрепление своей власти в Беларуси эти государства были разрушены, а значительная часть белорусских земель в 1919 г. включалась в состав РСФСР. Задекларированное в первой советской конституции право ВКЛ (Великого княжества Литовского), Латвии и Эстонии на независимость оказалось фиктивным. Среди тех, кто симпатизировал коммунистической России, наступило разочарование. По белорусским землям прокатилась волна антисоветских восстаний, крупнейшим среди которых было Слуцкое (конец 1920 г.). Так что национал-коммунизм в Беларуси в 1917-1920 гг. не утвердился, но чтобы удержать здесь власть, большевики вынуждены были повернуться к нему лицом.

Этап второй. В 1920-1924 гг. белорусский национализм в БССР стремительно, хотя и не всегда искренне, перекрашивался в белорусский национал-коммунизм. Это направление становилось в национальном движении доминирующим. Первый опыт безрезультатного сотрудничества с большевистской Россией ничему не научил. Сказывались нажим Москвы, а также политическая неопытность, недалекость, беспомощность и коммунистический романтизм вышедшего из крестьянства белорусского политического руководства. Большевистским иллюзиям содействовали вторичное провозглашение советской Беларуси (30 июля 1920 г.) и надежда на воссоединение с помощью большевистской державы белорусских земель после расчленения их между Польшей и Россией в 1921 г. На

⁷ См.: 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. Документы и материалы, сост. В. В. СКОЛОБАН и др., Минск 2005

фоне достаточно интенсивных антисоветских вооруженных выступлений на территории БССР белорусские деятели имели возможность действовать более-менее независимо от московского руководства, по крайней мере, в области культуры. Патриотические силы концентрировались вокруг Института белорусской культуры (1922-1929). До июня 1924 г. легально действовала белорусская партия эсеров, которая вчетверо превышала количественный состав республиканской организации большевиков.⁸ Признание руководящей роли большевистского центра и советской власти было в значительной мере формальным. Между местными национал-коммунистами и русским большевизмом установилось определенное равновесие или перемирие. Хотя не исключено, что в ряды белорусских национал-коммунистов внедрялись преданные Москве люди. В Западной Беларуси, находившейся в составе польского государства, белорусский национализм не испытывал со стороны коммунистических деятелей сильного влияния.

Этап третий. В 1924-1927 гг. русский большевизм в БССР смог поставить белорусский национал-коммунизм под свой контроль. Пробольшевистские национальные элиты вынуждены были пойти на тесное сотрудничество с советской властью. Придавленное антисоветское движение уже не представляло собой грозной силы. Период равновесия и относительной самостоятельности оказался для белорусских национал-коммунистов весьма коротким. Он сменился периодом компромиссов. Интересы белорусских патриотов, а также белорусского народа в известной мере совпадали с интересами большевистского руководства. Так, начавшаяся с 1924 г. белорусизация создавала определенные условия для развития профессиональной белорусской культуры, а для большевистской власти приверженность белорусскому языку служила средством советизации белорусской деревни, а также для выявления белорусских талантов, чтобы потом их выкосить и расчистить почву для русификации.

Безысходность положения, невозможность организации белорусской жизни в условиях тогдашней Польши толкали

⁸ М. КАСЦЮК, *Большавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*, Мінск 2000, с.66

к сотрудничеству с русским большевизмом и белорусских националистов в составе польского государства. Под контролем Минска и Москвы действовали Коммунистическая Партия Западной Беларуси (1923-1938) и общенациональная организация Белорусская Крестьянско-Рабочая Грамада (1925-1927). Их члены служили большевистской России в надежде на помощь с востока в деле возрождении единой Беларуси. Белорусских националистов, свободных от коммунистических иллюзий, оставалось мало.

Этап четвертый. В 1927-1939 гг. в БССР происходило подавление и истребление белорусских национал-коммунистов («нацдемов»). Сотрудничество русских большевиков с белорусскими патриотами было прервано. Период компромиссов окончился. Перемены вели к размежеванию местного коммунистического движения на русский национал-большевизм и белорусский национал-коммунизм, загнанный в подполье. Новобранцы КПБ(б) – Коммунистической Партии Беларуси (большевиков) характеризовались национальным безразличием, необразованностью и неосведомленностью о традициях белорусского народа, что содействовало превращению их в послушных исполнителей воли большевистской власти. По существу, они становились русскими большевиками белорусского происхождения. Происходило формирование из состава белорусского населения советских манкуртов, ставленников Москвы. А уцелевшие белорусские национал-коммунисты постепенно теряли или надежно прятали свой крестьянский национализм. КПБ(б) действовала исключительно в интересах русского большевизма, хотя нелегальные националисты сохранялись в рядах партии вплоть до распада СССР. Одновременно создавались предпосылки для нового подъема национально-освободительной, антисоветской борьбы вне коммунистического движения. Белорусский аутентичный национализм выявлялся в форме духовного сопротивления большевизму, но концентрировался преимущественно за пределами БССР.

Последние публикации дают основание для некоторых сравнений белорусского национал-коммунизма с еврейским,

который особенно ярко проявился в довоенной БССР. Большевицкая система власти в советской Беларуси формировалась в значительной мере посредством привлечения в ряды большевицкой партии местных евреев. Еврейская интеллигенция была наиболее многочисленной и образованной. Ею пополнялись и высшие эшелоны руководства. Она особенно сильно надеялась устранить с помощью большевицкой власти вековой национальный гнет своего народа. Она поверила в реальность идишизации.⁹ Поляки, сотрудничавшие с большевиками, часто принимали идею белорусизации.¹⁰ Очень сдержанно к такому сотрудничеству относились и немцы.¹¹

Сталинские репрессии показали тщетность расчетов белорусских национал-коммунистов сохранить в Беларуси национальную жизнь с помощью советской России. Более того, они вскрыли массовую аморальность белорусских национал-коммунистов, которые на первое место ставили не национальные дела, а карьеру, прислужничество русскому начальству. Не оправдались и расчеты еврейских национал-коммунистов. Большевицизм разрушал религиозные и семейные традиции евреев. Большевицкое руководство не удержалось от физического и духовного геноцида еврейского общества. Этническим чисткам подверглись поляки. Репрессии охватили представителей всех наций.

Этап пятый. В годы Второй мировой войны 1939-1945 гг. большевики белорусского происхождения демонстрировали безусловную преданность Москве и И. Сталину. Руководство страны для консолидации советского общества частично использовало национальные настроения народов СССР. В оккупационной Беларуси, к примеру, действовал

⁹ В. ГЕРШАНОК, В. РАЙСКИЙ, *Евреи Гомеля в период НЭПа*, in: Беларусь у XX стагоддзі, вып. 3, Мінск 2004, с.57-85

¹⁰ В. ЖУК, *Участие поляков в общественно-политической жизни советской Белоруссии в 1921-1929 гг.*, in: Беларусь у XX стагоддзі, вып. 3, Мінск 2004, с.100

¹¹ В. ПИЧУКОВ, *От крестьянки-колонистки до спецпереселенки: трагический путь немецкой женщины Советской Беларуси в межвоенный период*, in: Беларусь у XX стагоддзі, вып. 3, Мінск 2004, с.170-183

партизанский отряд, носивший имя национального белорусского героя Кастуся Калиновского. Возвращение Западной Беларуси (1939), война с нацизмом, принятие БССР полноправным членом ООН (1945) содействовали росту национализма в среде местных большевиков. Правда, это не поколебало их веры в то, что, подчиняясь Москве, они действуют в соответствии с интересами своего народа. И действительно, национальные интересы белорусского и русского народов в деле спасения от нацизма совпадали. В конечном итоге возрождения национал-коммунизма образца 1920-х годов в рядах большевицкой партии не произошло. Затаившиеся национал-коммунисты БССР оказались в числе коллабарантов, но преимущественно сохраняли верность Москве. В то же время под нацистской оккупацией достаточно активно проявлял себя аутентичный белорусский национализм. По мнению белорусских националистов-эмигрантов, в деле разгрома большевицизма национальные интересы Беларуси невероятным образом совпадали с интересами нацистской Германии. Хотя и на службу к гитлеровцам шли не всегда лучшие люди.

Этап шестой. В 1945-1991 гг. белорусские националисты некоммунистических взглядов оказались в эмиграции. Поколение, принимавшее участие в борьбе за белорусскую государственность, частично вымерло, частично было истреблено. А в послевоенной БССР шел процесс усиления власти и влияния русского большевицизма, опиравшегося на раблепную поддержку большевиков белорусского происхождения, преимущественно бывших партизан. В 1960-х годах всевластие и бесконтрольность большевицского аппарата управления в БССР еще более усилились. Наследники Сталина спланировались в единую корпоративную структуру, чтобы удержать власть. Разговоры о либерализации или «хрущевской оттепели» оказались очередным большевицким мифом. Местное руководство, выделяясь среди элит других советских республик своей большевицизацией, в высшей степени стремилось к реализации всех деклариру-

ванных целей и задач Москвы.¹² В деле денационализации собственного народа оно часто превосходило приезжих русских. Характерным примером тому служил курс первого секретаря КПБ – Коммунистической Партии Беларуси – Петра Машерова на закрытие белорусских школ, хотя некоторые патриоты до сих пор видят в нем чуть ли не национального героя. На Украине и в республиках Прибалтики национальное сознание среди коммунистов было более сильным. Там сохранялся национал-коммунизм. Порой он был только прикрытием аутентичного национализма. Там между ним и русским большевизмом существовал известный компромисс вплоть до распада Советского Союза.¹³ Еще в большей степени это было характерно для включенных в советский блок европейских стран, которые практически не знали национал-большевизма или манкурства. Там большевизм не сумел довести общество до такого разложения и деморализации, как это имело место в БССР.

Правда, национальные традиции Западной Беларуси, опыт минувшей войны создавали почву для существования очагового национал-коммунизма с тенденцией к нарастанию и в БССР. Однако воспрянувшие за войну национальные силы были придавлены, а потом оказались настолько слабыми, что Москва могла с ними не считаться. Белорусский аутентичный национализм упорно сохраняла только белорусская эмиграция. Распространение национализма среди большевиков Беларуси, или возрождение белорусского национал-коммунизма, началось в годы «перестройки». Но и тогда национальные настроения затрагивали преимущественно рядовых большевиков и партийцев творческих профессий. Примитивный марксизм российского образца уже не мог удовлетворять местных интеллектуалов. Связь его с имперскими интересами советской России была очевидна. Но страх и прагматизм брали верх и парализовывали общество. Большевицкое руководство десятилетиями укрепляло среди белорусов иллюзорную надежду достижения социального ра-

¹² J. WASZKEWICZ, *Metamorfozy sowieckości*, in: *Czasopis*, № 6, 2006, s.12

¹³ І. ЛИСЯК-РУДНИЦЬКІЮ *Радянська Україна з історичної перспективи*, in: *Історичні есе*, т. 2, Київ 1994, с.458, 463–466

венства и благополучия только с помощью советской России. И в это верили.

Этап седьмой. После распада СССР соседние независимые страны переживали процесс национального возрождения. В коммунизированной Беларуси он подменялся в 1991-1994 гг. возрождением белорусского национал-коммунизма, а в 1994-2006 гг. – существенно торпедировался возрастающим влиянием русского большевизма, в том числе белорусского происхождения. Отражением этих процессов стал раскол бывшей КПБ на две партии. Одна из них КПБ – Коммунистическая Партия Беларуси – сохраняет верность русскому национал-большевизму, другая ПКБ – Партия Коммунистов Беларуси – частично перешла на позиции национал-коммунизма. Подтверждением усилившегося распространения в Беларуси русского большевизма был митинг 9 октября 2005 года, устроенный в Минске совершенно легально членами незарегистрированной национал-большевицкой партии (иначе – общественным объединением «За Союз и коммунистическую партию Союза») вместе с представителями других подобных группировок. Собравшиеся протестовали против процессов капитализации в Беларуси. Над ними веяли флаги российских национал-большевиков, СССР и Республики Беларусь.¹⁴ 10 июня 2006 г. та же организация устроила пикет в поддержку народов Абхазии, Молдовы, Приднестровской Молдавской Республики, Южной Осетии и Грузии, а по существу публично выступила за возрождение СССР.¹⁵ В белорусское общество снова внедряется сталинизм. В юбилейные годы освобождения Беларуси и победы над нацистской Германией к западу от Минска открылась мифическая «Линия обороны Сталина». Его имя восстановлено на фасадах Минского суворовского училища. 16 июня 2006 г. во время открытия нового здания Национальной библиотеки руководитель государства назвал Ленина и Сталина «символами нашего народа».¹⁶

¹⁴ *Советская Белоруссия*, 11 октября, 2005

¹⁵ Сообщение Бел ПАН

¹⁶ Белорусская радиостанция «Свобода», 16 июня 2006, 17:38.

Так что Беларусь в полной мере познала все «прелести» большевизма. Если в суверенных европейских странах принятие коммунистических идеалов осуществлялось на добровольной основе, то в Беларуси – преимущественно под давлением со стороны российской державы. Если в западноевропейских странах коммунистические идеи не выходили из пределов убеждений отдельных лиц и программ отдельных партий, то в условиях Беларуси нация тотально коммунизировалась. Если в западноевропейских странах процессы национальной и социальной гармонизации шли преимущественно отдельными путями, то в Беларуси, как правило, взаимонакладывались в связи с задержкой формирования нации и остротой социальных проблем. Достижение социальной справедливости выдвигалось на первый план, связывалось с коммунистической идеей. Национальные интересы приносились в жертву социальным. Большевизм и его система власти превращали белорусов в советских людей. Только некоторая часть белорусского общества сохраняла белорусские традиции и трезвость мышления. Она жила как бы по-за большевистской системой. В итоге становится очевидным, что именно большевизм является главной причиной запредельной денационализации белорусского общества. Сильнейшая большевизация соответствовала сильнейшей денационализации. А поэтому просто феноменально, что духовное сопротивление большевизму в Беларуси никогда не прекращалось.

В конце концов, нужно признать исключительно большую роль коммунистической идеологии в формировании белорусской нации и государства. Они – прокоммунистические. Русские коммунисты, хотя и не создавали белорусской нации, но сделали много для ее становления как нации пророссийской, коллаборантской. Такого классического примера зависимой нации, кажется, не знает мир. Коммунистическое, пророссийское происхождение современной белорусской нации создает ряд проблем для ее интеграции в европейское сообщество. Понятно, что это не лучшее произведение, но с этим нужно считаться.

В современных условиях для возрождения бывшего плебейского или крестьянского национализма уже не су-

ществует социальной почвы. Белорусское крестьянство и его идеологи истреблены. Но современная люмпенизированная деревня Беларуси по-прежнему остается социальной базой для национал-большевизма. Известный белорусский литератор и мыслитель Сократ Янович не без основания делает современникам такой упрек: «Почему-то не думаем о том, что гнездом коммунизма и фашизма является деревня как раз; временами местечко, но никогда большой город. Сталинисты – это колхозники; гитлеровцы – это люмпены (шеф гестапо Гимлер раньше растил кур). В советском бюро гнездились удовлетворенные салом и водкой бывшие холопы».¹⁷ Вот почему основные нациосозидательные силы концентрируются сейчас в крупных городах и, прежде, всего, в столице.

Пессимисты, убеждающие в нереальности белорусского национального проекта, не дают себе отчета, что процесс формирования современной белорусской нации еще не завершился, что по промежуточным неудачным этапам белорусского самоутверждения нельзя судить о конечном результате. В современных международных условиях тормозящий эффект большевизма, как ни парадоксально, дал белорусам даже некоторое преимущество над уже сформированными нациями. Когда последние могут только заботиться о реставрации и сохранении своего национального дома, то белорусская нация вынуждена активно искать средства для достройки своего дома. Эта – фаза развития и подъема. Она требует мобилизации всех сил, выявления всех способностей и талантов.

Совершенно очевидно, что для создания современного национализма, тождественного демократии, потребуются годы. Победить русский большевизм, с его абсурдом и насилием, и белорусский национал-коммунизм, с его плебейской психологией, в Беларуси сможет только широкое национальное движение во главе с интеллигенцией. Освобождение белорусского национализма от коммунистического угара идет с 1990 г., когда БНФ – Белорусский Народный Фронт – окончательно отмежевался от коммунистической партии.

Для Беларуси этот процесс – долгий и трудный. Подняться от плебейского, социального до современного духовного национализма не так просто. Наследия БССР или БНР для успеха не достаточно. Здесь никак не обойтись без аристократического наследия ВКЛ – Великого княжества Литовского. Необходимо выходить на новый, более разнообразный уровень мировосприятия. Коммунизм должен уступить, а социал-демократия существенно подвинуться для освобождения духовного пространства консерватизму, либерализму, христианской демократии, другим общественным учениям, которые питают силы нации. Преодоление плебейского национализма требует длинного пути элитаризации и просветительства. Процесс уже начался. Он иницируется новыми белорусами – богатыми и небогатыми, но образованными, талантливыми и духовно свободными.

БЭЛОРУСКЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМУНИЗМ

Prof. Zakhar Shibeko, DrSc.

(Белоруская стáтний экономическая универзита, Минск)

Bez věnování příslušné pozornosti běloruskému nacionálnímu komunismu zůstane pro současné Bělorusy starší generace s její komunistickou minulostí záhadná a dokonce nepřátelská. Proto se pokusím o některé poznámky a zobecnění na základě především té zkušenosti, kterou jsem získal během psaní novodobých dějin Běloruska.¹⁸ Je zřejmě, že první závěry budou mít hypotetickou povahu.

Jak se obecně předpokládá, komunismus je internacionální učení. Ovšem je to spíše plebejský čili sociální nacionalismus, který vznikl v první polovině 19. stol. jako k protiklad aristokratickému (elitnímu) neboli kulturně duchovnímu nacionalismu v Evropě. Není náhoda, že komunismus se snadno proměňoval ve vedoucí ideologii plebejských (rolnických) národů s nepatrnou vrstvou buržoazie. Každý agrární národ se snažil použít komunismus pro své vlastní cíle. Pro Rusy byl proto atraktivní proletářský internacionalismus, který umožňoval získat pracovní zdroje různých národů pro zachování říše, Bělorusy přitahoval princip sociální rovnosti, Židy duch mesiášství atd. Ruský naciona-

lismus se projevil v podobě bolševismu, běloruský pak v podobě nacionálního komunismu. Bolševismus je výlučně ruský jev. Když přecházeli k bolševismu, ztráceli Bělorusové nacionální identitu.

Evropský model nacionalismu předpokládal rovnováhu plebejského a aristokratického nacionalismu, což mu dodávalo harmonii a stabilitu. Projekt aristokratického nacionalismu pro Bělorusko navrhoval Adam Mickiewicz (1798-1855), ale pro nepřítomnost místní nacionálně orientované elity, která se polonizovala, rusifikovala nebo byla pravidelně likvidována, využili tento projekt nakonec Poláci. Bělorusové se však spokojili s rolnickým projektem, který byl navržen Františkem Bahuševičem (1840-1900). Plebejský rolnický čili sociální nacionalismus Bělorusů se ideově zformoval přibližně v průběhu let 1862-1917 a byl výsledkem silného vlivu komunistické doktríny na běloruské hnutí.

Během sovětského období se běloruské elitě nepodařilo vytvořit nacionalismus evropského vzoru, tj. vytvořit duchovně kulturní nacionalismus a vyvážit ho nacionalismem plebejským, jako tomu bylo v Evropě. Po ustálení bolševické vlády se běloruský nacionalismus projevil především v podobě nacionálního komunismu. Neměl ovšem dostatečnou nacionálně duchovní podporu a pod nátlakem z východu degeneroval a transformoval se do ruského nacionálního bolševismu. Jinými slovy během bolševické nadvlády absolvovala běloruská elita cestu od kolaborace do zapomenutí, od kompromisu ke zradě zájmů vlastního národa.

V tomto procesu lze zaznamenat několik období.

V letech 1917-1920 bylo mezi národy bývalého Ruského impéria možné pozorovat rozsáhlou demonstraci nacionalismů. Formou ruského agresivního nacionalismu se stal bolševismus. Běloruský plebejský nacionalismus nabýval za podmínek ruského „nepokoje“ rysy nacionálního komunismu. V tvrdém zápase s ruským nacionalismem a s nacionalismy jiných sousedních národů docílili Bělorusové vyhlášení Běloruské lidové republiky (25. března 1918 pod patronátem Němců) a Běloruské sovětské socialistické republiky (1. ledna 1919 pod patronátem Rusů). S vytvořením BSSR dosáhli běloruští nacionální komunisté reálného uskutečnění části svých ideálů. Pod vlivem komunistické ideologie se nacházelo také levé křídlo činitelů Běloruské lidové republiky. Je příznačné, že oba běloruské státy byly deklarovány jako socialistické. Nicméně během zápasu bolševiků za upevnění své vlády v Bělorusku byly tyto státy zničeny a značná část běloruského území v r. 1919 připojena k Rusku, což vyvolalo vlnu protisovětských povstání, z nichž největší bylo Slucké (konec r. 1920).

Během let 1920-1924 se běloruský nacionalismus v BSSR prudce změnil v běloruský nacionální komunismus, což bylo způsobeno druhým vyhlášením sovětského Běloruska (30. července 1920) a rozdělením běloruských území mezi Polsko a Rusko v r. 1921. Na pozadí relativně intenzivního protisovětského hnutí měli běloruští činitelé možnost jednat více nebo méně nezávisle na Moskvě. Uznání vedoucí úlohy bolše-

¹⁸ З. ШЫБЕКА, *Нарыс гісторыі Беларусі 1795-2002*, Мінск, 2003

vického centra a sovětské vlády bylo ve značné míře formalitou. Byla nastolena svérázná rovnováha. V Západním Bělorusku, které bylo součástí polského státu, nebyl běloruský nacionalismus nijak zvlášť ovlivněn komunistickými vůdci.

V letech 1924-1927 se ruskému bolševismu v BSSR podařilo dostat běloruský nacionální komunismus pod svou kontrolu. Místní elity byly přinuceny k těsné spolupráci se sovětskou vládou. Potlačené protisovětské hnutí již nepředstavovalo hrozbu. Běloruská inteligence zůstávala nepočtená. Období relativní samostatnosti se pro běloruské nacionální komunisty změnilo v období kompromisů. Zájmy běloruských vlastenců ve značné míře odpovídaly zájmům bolševického vedení. Například bělorusizace, která byla zahájena v r. 1924, přispívala rozvoji běloruské kultury a pro bolševickou vládu sloužila jako prostředek sovětizace běloruské vesnice. Zoufalá situace a nemožnost organizace běloruského života v Polsku té doby měla za následek spolupráci běloruských nacionalistů Západního Běloruska s ruským bolševismem. Komunistická strana a Běloruské rolnicko-dělnické shromáždění jednalo pod kontrolou Minsku a Moskvy. Běloruští nacionalisté sloužili bolševickému Rusku, protože doufali v jeho pomoc při obrození sjednoceného Běloruska.

Během let 1927-1939 probíhalo v BSSR potlačování a ničení běloruských nacionálních komunistů („nacdemů“). Spolupráce ruských bolševiků s běloruskými vlastenci skončila. Změny vedly k rozdělení místního komunistického hnutí na ruský nacionální bolševismus a běloruský nacionální komunismus. Noví příslušníci Komunistické strany Běloruska (bolševiků) (KSB(b)) se vyznačovali nacionální lhostejností, nevzdělaností a neznalostí tradic běloruského národa, což způsobilo jejich proměnu v poslušné vykonavatele vůle bolševické vlády. Stávali se v podstatě ruskými bolševiky běloruské národnosti. Zbylí běloruští nacionální komunisté postupně ztráceli nebo v rámci svých možností skrývali svůj plebejský nacionalismus. KSB(b) jednala výlučně v zájmech ruského bolševismu, ačkoliv nelegální nacionalisté existovali ve straně až do rozpadu SSSR. Zároveň byly vytvořeny předpoklady pro nový vzestup nacionálně osvobozenického, protisovětského zápasu mimo komunistické hnutí. Běloruský nacionalismus se projevoval v podobě duchovního odporu k bolševismu, ale soustřeďoval se převážně mimo území BSSR.

Během II. světové války (1939-1945) demonstrovali bolševici běloruského původu bezvýhradnou oddanost Stalinovi. Národní zájmy Běloruska a Ruska se ve značné míře znovu shodovaly. Návrat Západního Běloruska, válka s nacismem, přijetí BSSR do OSN způsobily nacionalizaci místních bolševiků, ovšem neotřásly jejich víru v to, že službou Moskvě jednájí v zájmech svého národa. Proto k obrození nacionálního komunismu po vzoru 20. let mezi příslušníky bolševické strany nedošlo. Skrytí nacionální komunisté BSSR se ocitli mezi kolaboranty, ovšem ve své převážné většině zachovávali věrnost Moskvě. Zároveň se v období nacistické okupace objevil běloruský nacionalismus. Podle názoru bělo-

ruských nacionalistů – emigrantů se ve věci zničení bolševismu národní zájmy Běloruska vlastně shodovaly se zájmy nacistického Německa.

V letech 1945-1991 se běloruští nacionalisté ocitli v emigraci. V poválečné BSSR však probíhal proces posílení vlády a vlivu ruského bolševismu, který se opíral o servilní podporu bolševiků běloruského původu. Při denacionalizaci vlastního národa místní stranické vedení často předstihovalo úředníky přijíždějící z Ruska. Zájmy Ruska stavělo stranické vedení nad zájmy Běloruska. Na Ukrajině a v republikách Pobaltí bylo nacionální vědomí mezi komunisty výraznější. Tam se zachoval nacionální komunismus. Někdy se pod touto rouškou skrýval autentický nacionalismus. Mezi nacionálním komunismem a ruským bolševismem zde existovala rovnováha a kompromis až do rozpadu SSSR.¹ Samozřejmě, že „ohniskový“ nacionální komunismus existoval i v poválečném Bělorusku. Moskva s ním ovšem nemohla nepočítat. Šíření nacionalismu mezi bolševiky Běloruska nebo obrození běloruského nacionálního komunismu začalo v období „perestrojky“. Nacionální nálady však tehdy oslovovaly převážně řadové bolševiky a bolševiky tvůrčích oborů.

Po rozpadu SSSR prožívaly sousední nezávislé státy proces národního obrození. V Bělorusku plném komunistických atavismů v letech 1991-1994 byl tento proces nahrazován obrozením běloruského nacionálního komunismu a v letech 1994-2006 návratem ruského bolševismu včetně bolševismu běloruského původu. V současné době se vrací stalinismus. Pro obrození bývalého plebejského nebo rolnického nacionalismu neexistovaly podmínky. Běloruské rolnictvo bylo zničeno. Zároveň chyběly příznivé podmínky pro soudobý moderní nacionalismus.

Je nutné uznat, že komunistická ideologie sehrála v procesu formování běloruského národa a státu výjimečně velkou roli. Ruští bolševici, ačkoliv nevytvořili běloruský národ, ve velké míře přispěli k jeho formování jako národa proruského a kolaborantského. Takový příklad plebejského národa je evidentně výjimečný. Komunistický, proruský původ současného běloruského národa vytváří řadu problémů pro jeho integraci do evropské společnosti a s tím je nutné počítat. Překonání plebejského nacionalismu bude vyžadovat dlouhou cestu elitarizace a vzdělávání. Komunismus musí odstoupit a sociální demokracie uvolnit duchovní prostor pro konzervatismus, liberalismus, křesťanskou demokracii a jiná společenská učení, která posilují životní síly národa. Tento proces již byl zahájen a je iniciován novými Bělorusy, kteří jsou bohatí a vzdělání, nadaní a duchovně svobodní.

¹ І. ЛИСЯК-РУДНИЦЬКИ, *Радянська Україна з історичної перспективи* - Історичні есе, т.2. Київ 1994. с.458, 463-466

**CESTY K NÁRODNÍMU OBROZENÍ:
BĚLORUSKÝ A ČESKÝ MODEL**

*Sborník příspěvků z konference
konané 4. – 6. 7. 2006 v Praze*

Editoři: Alena Ivanova, Jan Tuček

Lektorovali: prof. PhDr. Miroslav Hroch, DrSc.,
prof. Alexandr Smolianchuk, DrSc.

Překlad čeština, ruština: Alena Ivanova

Překlad polština: Martin Nodl

Odpovědný redaktor: Jan Kašpar

Grafická úprava a sazba: Robert Konopásek

Tisk: ERMAT Praha

ISBN 80-239-8444-6

© UK FHS 2006